

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Е. И. ДРУЖИНИНА

КЮЧУК-
КАЙНАРДЖИЙСКИЙ МИР
1774 года

(ЕГО ПОДГОТОВКА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1955

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук
Б. Б. КАФЕНГАУЗ

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории внешней политики России—и, в частности, русско-турецких отношений второй половины XVIII в., — является одной из задач советской исторической науки. Некоторые актуальные вопросы современности—о режиме черноморских проливов, о судоходстве по Дунаю, о взаимоотношениях советского народа с народами стран Юго-Восточной Европы—уходят своими корнями в далекое прошлое и, при всей их принципиально новой постановке, не могут быть поняты вне связи с историческим процессом.

С другой стороны, знание истории внешней политики необходимо для понимания хода исторических событий в целом. Без знания русско-турецких отношений второй половины XVIII в. нельзя правильно понять нашу отечественную историю в этот период, следовательно, нельзя дать цельное, обобщающее освещение исторического развития нашей Родины.

В истории русско-турецких отношений видное место занимает Кючук-Кайнарджийский мир¹, который коренным образом изменил соотношение сил России и Турции на Черном море.

Договор 1774 г. привел к укреплению южнорусских границ. Он повлек за собой присоединение Крыма к России и таким образом выбил из рук Оттоманской империи важнейший стратегический плацдарм на подступах к Российскому государству.

Кючук-Кайнарджийский мир открыл Черное море для русской внешней торговли. Он способствовал хозяйственному освоению южнорусских земель. Это означало, с одной стороны,

¹ Турецкое название Кіџік Каунарса (kişık — малый, каунарса — горячий источник) точнее всего передается по-русски как Кючук-Кайнарджа. Этого написания, встречающегося во многих документах XVIII в., мы и придерживаемся вместо распространенного и искаженного «Кучук-Кайнарджи».

распространение феодализма вширь и известное укрепление позиций военно-феодальной верхушки; с другой стороны, те же самые процессы объективно способствовали развитию буржуазных отношений в России и более быстрому разложению феодально-крепостнического строя.

Необходимо остановиться еще на одной чрезвычайно важной стороне изучаемой темы. Русско-турецкие войны XVIII в., расшатывая военное могущество Османской империи, создавали благоприятные условия для освободительной борьбы балканских, кавказских и других народов против деспотического турецкого владычества.

Турецкое государство стояло далеко позади других стран в хозяйственном, политическом и культурном отношении. В отличие от России Турция не имела ни крупной промышленности, ни развитой внутренней торговли. В ней сохранялось ленное землевладение спахивев.

Отсталой экономике соответствовали и отсталые формы политической жизни. Турция не была централизованным государством, подобно России. Она состояла из отдельных провинций, находившихся под управлением полузависимых пашей, стремившихся отложиться от Константинополя. Угнетение подвластных народов приобретало в Турции самые жестокие, грабительские, хищнические формы. При этом к социальному гнету присоединялся тягчайший национальный и религиозный гнет. «Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации... персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации...», — указывал И. В. Сталин¹.

Освобождение славян, греков, румын, молдаван и других народов Балканского полуострова из-под власти турецких захватчиков было задачей прогрессивной по своему значению. Несмотря на то, что царизм отнюдь не ставил себе освободительных целей, Кючук-Кайнарджийский мир объективно явился крупным этапом в истории освобождения этих народов.

Проблема Кавказа и населяющих его народов также непосредственным образом связана с Кючук-Кайнарджийским миром. Победа России в войне 1768 — 1774 гг. вдохновила на борьбу против турецкого и персидского гнета грузин, армян, азербайджанцев и другие народы Кавказа. В результате успешной войны русское правительство смогло юридически закрепить задолго до того совершившееся присоединение Кабарды к России, а также включить в пределы государства Осетию, готовящую к русскому народу.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347 — 348.

Наконец, договор 1774 г., явившийся результатом блестящей победы русских войск, служит показателем высокого уровня русского военного искусства, которое во второй половине XVIII в. играло ведущую роль в военном искусстве Европы.

Ни один исследователь, работавший над историей СССР, историей Турции, а также над историей международных отношений второй половины XVIII в., не мог пройти мимо Кючук-Кайнарджийского мира. Тем не менее не существует ни одной специальной монографии по этому вопросу. В 60-х годах прошлого века историк международного права И. И. Шаховской готовил магистерскую диссертацию на тему «Кючук-Кайнарджийский трактат 10 июля 1774 г.». Задачу своей работы он видел в том, чтобы извлечь из прошлого уроки в связи с назревающим в то время балканским кризисом. Но Шаховской не довел своей работы до конца, сославшись на сложность темы, и ограничился публикацией в 1879 г. сделанных им архивных выписок, снабдив их небольшим предисловием¹. Эти выписки относились исключительно к области дипломатии и охватывали период непосредственно перед заключением мира (с января 1774 г.).

Кроме этой единичной неудавшейся попытки, дореволюционная историческая наука не дала ни одной работы по интересующему нас вопросу. И это, конечно, не случайно. Для буржуазной историографии тема «Кючук-Кайнарджийский мир» не могла стать полноценной темой исторического исследования: ограниченный буржуазный метод не в состоянии был вскрыть взаимную связь экономических, социальных, политических, военных и дипломатических явлений. Монография о Кючук-Кайнарджийском мире, написанная без попытки осветить это событие диалектически, во всех опосредствованиях, неизбежно превратилась бы в художочное изложение дипломатических демаршей вне связи с более глубокими — социально-экономическими — процессами.

При изучении внешней политики Российского государства в XVIII в. необходимо прежде всего выяснить интересы господствующего класса, скрытые за ширмой официальных деклараций. Однако было бы ошибкой, если бы за деятельностью дворянской дипломатии мы не увидели объективного значения внешнеполитических событий в общем ходе закономерного исторического процесса. Ограниченные кругозором своего времени и своего класса, дворянские дипломаты часто не предвидели и не осознавали объективных последствий собственных действий. Поэтому, изучая внешнеполитическую программу господствующего класса в любой эксплуататорской формации, необходимо различать:

¹ См. «Русский архив», 1879, кн. III, вып. 10, стр. 137 — 169.

а) подлинные руководящие мотивы господствующего класса, лежащие в основе его внешней политики;

б) официальные заявления правительства о целях внешней политики, которые только отчасти выражают ее подлинные цели;

в) объективное значение внешнеполитической программы господствующего класса в смысле развития производительных сил и новых производственных отношений в стране.

Внешнеполитическая программа господствующего класса может выполняться как мирными средствами, так и при помощи войн. Последние, с точки зрения марксизма, «есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет»¹.

Маркс и Энгельс оставили многочисленные высказывания о русско-турецких отношениях, которые облегчают разработку выдвинутой проблемы. В статьях и корреспонденциях Маркса и Энгельса за 1852 — 1856 гг., написанных в связи с Крымской войной, дается глубокая характеристика Турции, которая и в XIX в. продолжала отставать от России и других европейских государств в экономическом, политическом и культурном отношении. Особенное внимание Маркс и Энгельс уделяли положению в Турции славян, греков, румын и других угнетенных национальностей. Освобождение этих народов от гнета Оттоманской империи представлялось Марксу и Энгельсу задачей большого исторического значения. Именно поэтому они с негодованием выступали против теории сохранения status quo на Балканах.

«В чем состоит этот status quo? Для христианских подданных Порты он обозначает лишь увековечение их угнетения Турцией»².

Рассматривая политику России в отношении Турции и турецких христиан, Маркс и Энгельс неизменно различали своекорыстные цели царизма и объективные результаты его внешней политики, создававшей более благоприятные условия для борьбы угнетенных нетурецких народов за свое освобождение.

Эту последнюю сторону дела Маркс и Энгельс показывали на примере освобождения Сербии из-под турецкого ига. «Когда в 1804 году разразилась сербская революция, Россия тотчас взяла под свою защиту восставших «райя» и, поддержав их при помощи двух войн, закрепила в двух договорах внутреннюю независимость Сербии», — писали Маркс и Энгельс³.

У Маркса и Энгельса имеются труды и высказывания, относящиеся непосредственно к внешней политике России в XVIII в.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 131.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 393.

³ Там же, стр. 394.

К. Маркс в «Тайной дипломатической истории XVIII столетия» обосновывает необходимость для Русского государства иметь выходы к морям. Он показывает, что внешняя политика России в отношении Турции и Крыма имела глубокие исторические корни.

Перу Ф. Энгельса принадлежит специальная статья о русской внешней политике¹. Эту статью в 1934 г. подверг глубокой критике И. В. Сталин. Несмотря на серьезные недостатки статьи Энгельса (о которых будет сказано ниже), в ней имеются важные и ценные мысли о международном положении России в XVIII в. Впрочем, общая оценка этого положения, как необычайно благоприятного для русской внешней политики, требует существенных оговорок в свете многочисленных документов, которые не были известны Энгельсу.

Следует отметить указания Энгельса по вопросу о связи внешней политики России с внутренним положением страны. Энгельс обратил внимание на то, что *по сравнению* с раздираемой противоречиями Западной Европой Россия выступала относительно единой и прочной. Относительность этого единства бесспорна: известно, как потрясло страну пугачевское восстание. Но если мы представим себе Западную Европу XVIII в., переживавшую глубочайший кризис феодального строя и раздираемую борьбой между дворянством и буржуазией, то в высказываниях Энгельса ясно выступит специфика русской истории.

Большое методологическое значение для нашей темы, относящейся к периоду разложения феодально-крепостнической формации, имеет классический труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Чтобы оценить объективное значение Кючук-Кайнарджийского мира, необходимо рассматривать его под углом зрения генезиса капиталистических отношений. В своем труде В. И. Ленин касается значения внешней торговли и хозяйственного освоения окраин для капиталистической эволюции России.

В других работах В. И. Ленина мы находим важные положения о диалектическом взаимодействии политики, дипломатии и войны, о сущности мирных договоров и т. д. В связи с анализом первой мировой империалистической войны В. И. Ленин писал: «Как всякая война есть лишь продолжение, средствами насилия, той политики, которую вели воюющие государства и господствующие классы в них долгие годы, иногда десятилетия, до войны, так и мир, заканчивающий любую войну, может быть лишь учетом и записью действительных изменений в силе, достигнутых в ходе и в результате данной войны»². В другом месте

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 5.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 157.

В. И. Ленин подчеркивал: «Мир есть продолжение той же политики, с записью тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями»¹.

Для изучения внешней политики России в XVIII в. большое значение имеет опубликованное в 1941 г. письмо И. В. Сталина к членам Политбюро ЦК «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». И. В. Сталин указал на то, что Энгельс рассматривал стремление русского царизма к Константинополю в конце XIX в. как определяющий фактор надвигающейся мировой войны. Это было неверно и вытекало из того, что Энгельсу были еще неясны законы империализма. Ставя своей целью дискредитировать перед мировой общественностью внешнюю политику царизма, Энгельс односторонне объяснял международные отношения. Останавливаясь на внешней политике царской России XVIII в., Энгельс как будто забывал, что «завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей», но была присуща «не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы»².

И. В. Сталин указал также на то, что Энгельс ошибочно оставил в стороне хорошо известный ему факт наличия объективных предпосылок всякой внешней политики: «Характеризуя завоевательную политику русского царизма и воздавая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет ее не столько «потребностью» военно-феодально-купеческой верхушки России в выходах к морям, в морских портах, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла якобы всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой везло почему-то везде и во всем, которой удивительным образом удавалось преодолевать все и всякие препятствия на пути к своей авантюристской цели, которая удивительно ловко надувала всех европейских правителей и добилась, наконец, того, что сделала Россию самым могучим в военном отношении государством»³.

В этом отрывке наряду с критической частью содержится ценное высказывание И. В. Сталина по существу интересующего нас вопроса: о классовом содержании внешней политики России и об основных ее целях — завоевании выходов к морям, расширении внешней торговли, овладении стратегическими пунктами.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 152.

² И. Сталин. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». — «Большевик», 1941, № 9, стр. 3.

³ Там же, стр. 2.

* * *

Марксистский метод дает возможность критически использовать те работы дореволюционных авторов, которые содержат материал для освещения русско-турецких отношений второй половины XVIII в.

Упомянутое предисловие И. И. Шаховского к опубликованным им архивным выпискам о Кючук-Кайнарджийском мире содержит ряд особенностей, характерных для дворянско-буржуазных исторических концепций; оно полно восхвалений по адресу императрицы Екатерины II, которой автор незаслуженно приписывает все достижения русской армии и дипломатии того времени.

В связи с обострением положения на Балканах в 60 — 70-х годах XIX в. Шаховской обращал внимание на особенности турецкой внешней политики и дипломатии, проявившиеся как в период Кючук-Кайнарджийского мира, так и в позднейшие времена: на несамостоятельную политику Турции, ее надежды на помощь иностранных держав и связанные с этим затяжки и проволочки во время мирных переговоров.

Из буржуазных историков русско-турецким отношениям уделил особенно пристальное внимание С. М. Соловьев. Его интерес к этой теме тоже был вызван балканским кризисом. В период 1867—1876 гг. он написал специальное исследование «Восточный вопрос». В вышедшей несколько ранее «Истории падения Польши» немало места было отведено турецкому вопросу, который тесно переплетался с польским. Наконец, в «Истории России с древнейших времен» два последних тома (28 и 29) в основном посвящены русско-турецкой войне 1768 — 1774 гг.

Историческая концепция Соловьева целиком идеалистична: столкновение России с Турцией в XVIII в. он рассматривает как проявление исконной борьбы между «европейским и азиатским духом»¹.

Русские цари изображаются Соловьевым как носители прогресса, причем их официальные заявления о целях войн с Турцией выставляются в качестве подлинных освободительных целей этих войн.

Мы напрасно стали бы искать у Соловьева характеристики социально-экономических предпосылок русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг.: все его внимание сосредоточивается на политических явлениях, причем рассматривается только внешняя политика. Так, например, о крестьянской войне под предводительством Пугачева Соловьев упоминает лишь вскользь, тогда как

¹ С. М. Соловьев. Восточный вопрос. Собр. соч., СПб. стр. 903.

она оказала самое непосредственное влияние и на ход военных действий и на мирные переговоры.

В области внешней политики России в интересующий нас период Соловьев собрал огромный фактический материал, который сам по себе и сейчас сохраняет большую познавательную ценность, несмотря на ошибочные методологические позиции автора.

Уделяя недостаточно внимания внутренней политике, Соловьев, естественно, преувеличивал значение дипломатических интриг иностранных государств, в частности Пруссии.

К работам Соловьева близко примыкает исследование Н. Д. Чечулина «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762 — 1774». Несмотря на справедливую критику, данную труду Соловьева в вопросе о влиянии Пруссии на русскую внешнюю политику, и новую разработку вопроса о роли Н. И. Панина как дипломата, Чечулин повторил те же методологические ошибки, какие характерны для работ Соловьева. Внешняя политика представляется Чечулиным как нечто само-двоящее — в полном отрыве от политики внутренней (Чечулин даже сознательно отвлекается от последней)¹.

К задаче показать взаимоотношения России с другими государствами Чечулин подошел с предвзятой политической точки зрения: он представил в смягченном виде противоречия России и Франции в XVIII в., модернизируя прошлое в угоду франко-русскому сближению конца XIX в.² Между тем противоречия с Францией явились важнейшим моментом в развитии внешней политики России накануне русско-турецкой войны. Недооценка Чечулиным этих противоречий привела к неверному освещению международной обстановки 1768 — 1774 гг.

Уже представителями буржуазной историографии был указан один из важнейших недостатков исторического метода Соловьева и Чечулина: рассмотрение политики в отрыве от экономики и полное игнорирование последней. Критические замечания в этом смысле были сделаны В. А. Уляницким в его магистерской диссертации «Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке»³. В этом исследовании Уляницкий представляет политику России на Востоке как следствие ее экономической заинтересованности в черноморском и средиземноморском судоходстве. В подтверждение выдвигаемого положения автор приводит впервые публикуемые ценнейшие архивные материалы. Попытка Уляницкого

¹ Н. Д. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762—1774, СПб., 1896, стр. 320.

² Там же, стр. 187—188.

³ В. А. Уляницкий. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. — «Сборник Моск. гл. архива Министерства иностранных дел». Выпуск 3 и 4. М., 1883.

вскрыть экономические корни русской внешней политики в отношении Турции и Крыма (правда, без всякого учета их связи с социальными отношениями в стране) была положительным моментом в изучении этого вопроса. Но анализ хозяйственных предпосылок, произведенный Уляницким, нельзя признать всесторонним, так как экономические интересы России XVIII в. не могут быть сведены исключительно к торговле и судоходству.

Справедливо указывая на ошибку Соловьева и других историков, представлявших политические мотивы войны как бескорыстное стремление русских царей освободить христианские народы, Уляницкий впадал в противоположную крайность: он отрицал наличие каких бы то ни было политических целей в отношениях России с Турцией.

Уляницкий писал, что действительные задачи, преследовавшиеся русским правительством в войнах с Турцией (подразумевались торговля и судоходство), не соответствовали официально провозглашавшейся задаче защиты турецких христиан. Значит христиан имела, по мнению Уляницкого, подчиненное значение в области русской внешней политики XVIII в.: она была только одним из средств к достижению цели. По поводу Архипелагской экспедиции русского флота 1770-х годов Уляницкий писал, что Екатерина II «смотрела на нее, прежде всего, с практической точки зрения — как на военную диверсию. Она главным образом воспользовалась возможностью нанести удар Турции посредством ее собственных подданных»¹. Достоинство работы Уляницкого состоит в том, что он пытался подойти критически к официальным декларациям русского правительства о целях войны и отличал их от подлинных целей внешнеполитической борьбы.

Усиление интереса к экономическим проблемам в русской буржуазной историографии 80—90-х годов XIX в. отразилось и на «Курсе русской истории» В. О. Ключевского.

По мнению Ключевского, турецкий вопрос «был в сущности экономическим»² и сводился к задаче освоения южнорусских земель. «Крымские татары, — писал он, — сами не пользуясь плодородной почвой южной России, не позволяли пользоваться ею и русскому населению, вырывали эти обширные и плодородные степи из европейского хозяйственного оборота. Надо было оторвать у них и оградить от них эти степи. Но крымские татары находили себе поддержку в Константинополе; хозяйственное приобретение южнорусских степей могло быть достигнуто только борьбой с Турцией. Вот в чем состоял турецкий

¹ В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 106, 124—125.

² В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. V, М., 1937, стр. 27.

вопрос для правительств XVIII в. и тогда он не состоял ни в чем более»¹.

Таким образом, Ключевский обратил внимание на другую экономическую задачу русской политики на Востоке, а именно на задачу хозяйственного освоения Северного Причерноморья. В то же время политические и стратегические интересы России, побуждавшие ее бороться за выход к Черному морю, остались вне поля зрения Ключевского.

Преуменьшение задач, поставленных историей перед Россией в области внешней политики, обусловило неправильную оценку Ключевским Кючук-Кайнарджийского мира. «Турция, — писал он, — очень мало потерпела неудачи: она только отказалась от власти над Крымом, объявленным свободным, да России уступлены были крепости Азов и Керчь с Еникале на восточном берегу Крыма»². В другом месте он писал: «Из-за Крыма, который не стоил и одной войны, воевали два раза»³.

Дипломатия и война занимали самое незначительное место в работах Ключевского. Даже в статье «Императрица Екатерина II»⁴, посвященной периоду крупнейших событий в области русской внешней политики, они упомянуты вскользь и не стали предметом подробного изложения и анализа.

М. Н. Покровский, работа которого протекала в значительной части в досоветский период, испытал на себе сильное влияние буржуазной историографии.

Восточной политике России Покровский посвятил специальную статью «Константинополь», написанную в период первой мировой войны, когда буржуазия практически поставила вопрос о борьбе за проливы.

В отличие от Ключевского и других буржуазных историков Покровский пытался вскрыть *классовые корни* русской внешней политики, и это явилось его заслугой. В качестве предпосылок русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Покровский выдвинул стремление дворянства овладеть южнорусскими землями, а также открыть Черное море для сбыта продуктов дворянского хозяйства. Однако, стоя на позиции «экономического материализма», Покровский впадал в серьезные ошибки. Сосредоточивая свое внимание только на одном последствии русско-турецких войн второй половины XVIII в. — на распространении крепостничества в южной России, он делал неправильный вывод об отрицательном значении русских побед над Турцией в истории нашей страны. Он писал: «Объективно же и турецкие войны, и крестьянские

¹ В. О. Ключевский. Указ. соч., т. V, стр. 25—26.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Там же, стр. 357—423 (приложение).

переселения служили одной цели: поддержанию устаревшего типа народного хозяйства. И те, и другие служили орудием экономического, а с ним и всяческого другого застоя»¹.

Покровский не принимал во внимание конкретных особенностей международной обстановки русско-турецких войн. Отрицая всякую возможность прогрессивных моментов во внешней политике царской России, он становился на примитивную точку зрения, далекую от раскрытия закономерностей истории. При этом Покровский забывал, что противником России была в то время султанская Турция с несравненно более отсталым хозяйством и политическим строем. По мнению Покровского, «борьбу за свободу и цивилизацию временами вели и турки»²; имелось в виду объявление Турцией войны России под предлогом помощи польским конфедератам, хотя эта официальная турецкая версия не имела ничего общего с подлинными мотивами Порты.

В статье «Константинополь», так же как и в других работах Покровского, сказался его ошибочный методологический принцип: «история—это политика, опрокинутая в прошлое». Борясь с империалистической политикой царизма, Покровский вместе с тем не в состоянии был объективно подойти к анализу русско-турецких отношений.

Частные вопросы изучаемой темы затрагивались в различных специальных монографиях. Так, например, в исследованиях А. Скальковского³ и Д. И. Эварницкого⁴ о запорожском казачестве содержится большой материал по истории южной России. Из дореволюционных монографий по военной истории особенное значение имеет пятитомный труд А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами»⁵, основанный на большом архивном материале и включающий в себя ценные данные не только по военной, но и по дипломатической истории.

О последнем периоде русско-турецкой войны (с 1773 г.), а также о событиях в Крыму, развернувшихся после заключения Кючук-Кайнарджийского мира и связанных с деятельностью Суворова, подробные фактические сведения даны в работах А. Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов»⁶

¹ М. Н. Покровский. Константинополь. Сб. статей «Внешняя политика» (1914—1917 гг.), М., 1919, стр. 25.

² Там же, стр. 17.

³ А. Скальковский. История Новой Сечи, или последнего коша запорожского, чч. 1—3, Одесса, 1846.

⁴ Д. И. Эварницкий. История запорожских казаков, тт. I—III, СПб., 1892.

⁵ А. Петров. Война России с Турцией и польскими конфедератами, тт. I—V, СПб., 1866—1874.

⁶ А. Петрушевский. Генералиссимус князь Суворов, т. I, СПб., 1884.

и П. М. Саковича «Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка, с 1775 по 1780 г.»¹

Поскольку Кючук-Кайнарджийский договор— акт двусторонний, необходимо уяснить себе состояние Турции и ее вассала— Крымского ханства. До революции разработка истории Турции велась преимущественно тюркологами-лингвистами, которые сосредоточивали свое внимание на узко специальных вопросах, относившихся к отдаленным векам. Более общий характер носили работы, посвященные подвластным Турции народам, как, например, книга Л. Доброва «Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове»², а также работы, посвященные истории Крымского ханства. Книга В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты» (в двух томах)³ содержит большой фактический материал по этому вопросу и, несмотря на неправильную методологию, дает серьезную точку опоры при разработке темы «Кючук-Кайнарджийский мир». Дополнительные сведения по истории Крымского ханства дает Ф. Харташ в работе «Историческая судьба крымских татар»⁴.

* * *

Особенностью иностранной буржуазной литературы, посвященной русско-турецким отношениям, является предвзятое отношение к внешней политике России, преувеличение ее агрессивности и изображение Турции в качестве жертвы русской агрессии. Это явление не случайно. Оно объясняется всей историей взаимоотношений между Турцией и западноевропейскими державами, которые обычно в собственных интересах поддерживали Турцию против России.

Из работ, вышедших в XIX в., следует назвать монографию французского историка А. Сореля «Восточный вопрос в XVIII веке; раздел Польши и Кайнарджийский договор»⁵. Автор привлек большое количество документов (преимущественно из русских публикаций). Однако предвзятое отношение к русской

¹ См. «Русскую беседу» за 1858 г., тт. II, III, IV.

² Л. Добров. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове, СПб., 1879.

³ См. В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в., СПб., 1887, и его же: Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии, Одесса, 1889.

⁴ См. «Вестник Европы», СПб., июнь 1866 и июнь 1867 гг.

⁵ A. Sorel. La question d'Orient au XVIII siècle; le partage de la Pologne et le traité de Kainardji, Париж, 1889.

политике проявилось в этой работе вполне определенно. Сорель модернизирует обстановку 60-х годов XVIII в.: насылая факты, он представляет пресловутый «греческий проект» 80-х годов XVIII в. в качестве причины войны 1768—1774 гг. «С греческим крестом в руках», — пишет Сорель, — Екатерина II приняла «завоевание дверей в Черное море, открывавшее этой империи дорогу в Византию, восстановление которой народное суеверие и политические теории считали делом святой Руси».

Оценивая Кючук-Кайнарджийский договор, Сорель приходит к выводу, что главное в нем— статьи о религии и защите христианских подданных Турции. При этом Сорель исходит из позднейшего расширительного толкования этих статей, закрывая глаза на исторические условия XVIII в. В свое время В. А. Уляницкий подверг критике это ошибочное положение Сореля.

Из иностранных сочинений по истории Турции следует прежде всего отметить многотомную работу Гаммера «История Османской империи»¹, основанную на первоисточниках, преимущественно турецкого происхождения. Работа эта нашла высокую оценку у Карла Маркса². Для всякого изучающего внутреннюю обстановку в Турции с древних времен до второй половины XVIII в. работа Гаммера остается до настоящего времени наиболее полным пособием. Одним из достоинств этого труда является самая постановка темы: военные поражения Турции рассматриваются автором не как случайность, а как закономерный результат всего предшествующего развития страны. Гаммер завершает свой труд заключением Кючук-Кайнарджийского мира, рассматривая его как переломный момент в истории Турции.

Однако по основному вопросу,— продолжением какой политики явилась война 1768—1774 гг. и в какой мере она решила поставленные задачи, — Гаммер стоит целиком на идеалистических позициях. О польских событиях он говорит как о причине войны, хотя сам же, в конце своей книги, обращает внимание на то, что «о Польше, главной причине войны,— нет ни слова в мирном договоре»³.

Если француз Сорель не был склонен показывать отрицательные стороны французской дипломатии, то у Гаммера, напротив, мы найдем подробное описание французских происков в Константинополе. Так предвзятые мнения буржуазных историков дипломатии в пользу собственной страны нейтрализуются

¹ J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. I—X, Пешт, 1827—1835.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 387, и т. X, стр. 61.

³ J. Hammer. Указ. соч., т. VIII, стр. 444.

при сравнительном изучении работ, принадлежащих авторам разных национальностей.

Немецкий историк Цинкейзен в работе «История Османской империи» дополнительно использовал многочисленные западноевропейские источники¹. Его работа, подобно многим другим работам буржуазных ученых, является сводкой многочисленных фактов при отсутствии широких обобщений.

Новейшая литература по общим и частным вопросам русской истории, выходящая в капиталистических странах, носит по преимуществу компилятивный характер, не опирается на самостоятельное исследование фактов и документов. Обычно в ней отсутствуют ссылки на источники, в лучшем случае дается общий список использованной литературы. Это—одно из многих проявлений упадка буржуазной историографии, которая не заинтересована в правдивом отображении исторического процесса и потому не ставит своей целью углубленного изучения событий.

В 1953 г. в Нью-Йорке вышла книга М. Т. Флоринского «Россия. История и ее интерпретация»², написанная по заказу издательства Макмиллан К^о. Прежде всего читателя поражает отсталость автора в области историографии: последним словом исторической мысли для Флоринского являются книги В. О. Ключевского и П. Н. Милокова, с которыми автор солидаризируется по всем основным вопросам. Советскую литературу и многочисленные советские публикации автор обходит молчанием. Такая же реакционность и косность характеризуют и методологию Флоринского. Достаточно сказать, что в основу периодизации исторического процесса России положено перемещение столицы страны.

Флоринский открыто объявляет себя врагом учения об объективных закономерностях общественного развития. Его особенно раздражает применение этого учения к истории отдельных наций и стран. Русская историография, пишет Флоринский, подобно всякой иной, «зачастую вдохновлялась такими туманными и мистическими понятиями, как национальный интерес, историческое предопределение и объективные задачи, которые страна должна выполнить, чтобы полностью проявить свои потенции»³.

Политический смысл этих рассуждений выступает вполне определенно в той части, где автор рассматривает конкретные события. Войны Петра, пишет он, «часто представляются как более или менее необходимые и, в конечном счете, благотвор-

¹ J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, т. V—VI, Гота, 1857—1859.

² М. Т. Florinsky. Russia. A history and an interpretation, Нью-Йорк, 1953.

³ Там же, стр. 429—430.

ные ступени неумолимого исторического процесса, который в конце концов привел к созданию объединенной империи с выходами к Балтийскому и Черному морям»¹. Представитель этой точки зрения автор именуется «апологетами Петра I». Возражая последним, он заявляет, что Россия вполне могла обойтись без выходов к морям, в частности к Балтийскому, поскольку «Россия не была огорожена китайской стеной, и инфильтрация западных идей началась задолго до того, как Петр вступил на престол»².

Если культурные связи России с Западной Европой через Балтийское море (понимаемые односторонне как иностранное влияние на Россию) еще имели в глазах Флоринского какое-то значение и были, по его словам, руководящим мотивом Северной войны, то черноморская проблема изображается им как следствие простого тщеславия и честолюбия Екатерины II. Автор усиленно внушает читателю, будто бы русские люди отличались «прирожденным отвращением к морю» и борьба за морские берега якобы противоречила вековым традициям страны³. Таким образом, лишая эту борьбу каких бы то ни было объективных предпосылок, Флоринский пытается принизить великое прошлое нашей страны.

В качестве другого примера можно привести книгу Джона Стьюэрса «Путь в Византию, или возникновение и причины русско-турецкого конфликта из-за Дарданелл», вышедшую в 1950 г.⁴ Не затрудняя себя изучением исторических фактов, автор воспроизводит давно разоблаченную фальшивку—пресловутое «завещание» Петра I, стараясь уверить читателя в извечном стремлении России к мировому господству. В кривом зеркале историков типа Стьюэрса национально-освободительная борьба балканских народов изображается как результат происков России. В английской буржуазной историографии проблема Кючук-Кайнарджийского мира обычно рассматривается с точки зрения англо-русских противоречий на Востоке, причем в ней особенно резко проявляется одностороннее изображение агрессивных тенденций России. Укажем, в частности, на авторов «Кембриджской истории»⁵.

С голоса американско-английских буржуазных авторов пишется подавляющая часть исторических книг, издаваемых в Турции.

¹ М. Т. Florinsky. Указ. соч., стр. 335.

² Там же, стр. 431.

³ Там же, стр. 393.

⁴ John de Stuers. La route de Byzance ou les origines et les causes des conflits de la Russie et la Turquie pour la possession des Dardanelles, Женева, 1950.

На долю турецких реакционных историков следует отнести только воинствующий пантюркизм и панисламизм, который пронизывает, например, четырехтомную коллективную работу «Tarih» («История»), положенную в основу преподавания во всех турецких учебных заведениях. Для характеристики этой книги достаточно сказать, что «Tarih» провозглашает турок создателями большей части государств, известных человечеству (начиная с Сумерийского), и объявляет государственный строй Турции самым совершенным в мире¹.

Однако даже проповедники турецкой исключительности не смогли утаить состояние упадка и разложения, которое переживала Османская империя в XVIII в.: «Tarih» содержит некоторый фактический материал по этому вопросу.

* * *

Историки и экономисты СССР проделали большую работу в области изучения социально-экономических процессов в России второй половины XVIII в. При этом особое внимание уделялось проблеме формирования капиталистических отношений². Разработка этой проблемы позволяет сделать вывод, что в последней трети XVIII в. в России уже наметилось несоответствие феодальных производственных отношений уровню развившихся производительных сил.

Возросший интерес советской общественности к истории международных отношений вызвал появление «Истории дипломатии»³, «Дипломатического словаря»⁴, а также ряда монографий по истории внешней политики. В соответствующих разделах этих трудов дается марксистско-ленинская характеристика внешней политики России 60—70-х годов XVIII в.

В годы Великой Отечественной войны усилился интерес советских историков к военным проблемам. Появились работы, связанные с деятельностью русских полководцев и флотоводцев, участвовавших в войне 1768—1774 гг., — Румянцева,

¹ «Tarih». Работа Общества изучения турецкой истории, Стамбул, 1934, стр. 1 и 188.

² П. И. Лященко. История народного хозяйства, т. I, Госполитиздат, 1952; его же: Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. — «Исторические записки», № 15, 1945; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I, М. — Л., 1949; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века, М. — Л., 1950; Н. Л. Рубинштейн. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. — «Ученые записки Московского государственного университета». История СССР. Вып. 87, М., 1946; В. В. Данилевский. Русская техника, Л., 1948.

³ «История дипломатии», т. I, М., 1941.

⁴ «Дипломатический словарь», т. I, М., 1948, и т. II, М., 1950.

Суворова, Спиридова и др. Эти работы существенно помогают понять условия заключения Кючук-Кайнарджийского мира, поскольку разработка данного вопроса ведется на основе марксистско-ленинского положения о соотношении войны и дипломатии. Особое внимание советских историков привлекла блестящая экспедиция русского флота в Архипелаг, которой посвящены работа Е. В. Тарле¹ и многочисленные брошюры других авторов. Ценность работы Е. В. Тарле заключается в том, что, помимо военных действий, в ней освещаются также дипломатические отношения России в период русско-турецкой войны. При описании морских сражений автор не ограничивается характеристикой русского флота, но останавливается также на флоте противника — на качестве турецких кораблей, их вооружении, на боеспособности рядового и командного состава.

В монографии Ю. Р. Клокмана о полководческой деятельности П. А. Румянцева в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг.² подробно описываются военные действия на дунайском театре, анализируется военное искусство полководца-новатора П. А. Румянцева. Эти вопросы рассматриваются на фоне внутренней и международной обстановки, для освещения которой автор использует выводы ранее написанной работы³. Деятельность П. А. Румянцева нашла отражение также в работах Н. М. Коробкова⁴.

Внутренние отношения Турции во второй половине XVIII в. освещены в монографии А. Ф. Миллера «Мустафа паша Байрактар»⁵. Автор рисует картину упадка и разложения Османской империи во второй половине XVIII в. и делает попытку объяснить причины указанного явления, однако этот большой и сложный вопрос в настоящее время еще не разрешен⁶.

Советская историография дала также ряд работ по внутренней истории Крыма. Следует отметить, в частности, книгу П. Надинского «Суворов в Крыму»⁷. В этой работе, наряду

¹ Академик Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг, М. — Л., 1945.

² Ю. Р. Клокман. Фельдмаршал Румянецв в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг., М., 1952.

³ В период подготовки книги Ю. Р. Клокмана в его распоряжение мною была предоставлена моя кандидатская диссертация «Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г.», защищенная в 1950 г.

⁴ Н. М. Коробков. Фельдмаршал Румянецв-Задубайский, М., 1944; «Роль П. А. Румянцева в развитии русского военного искусства» — «Большевик», 1945, № 6, и другие работы.

⁵ А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар, М. — Л., 1947.

⁶ См. рецензию В. Б. Луцкого на указанную книгу А. Ф. Миллера. — «Вопросы истории», 1948, № 2.

⁷ П. Надинский. Суворов в Крыму, Симферополь, 1950.

с показом военной и дипломатической деятельности Суворова, большое внимание уделено внутренним отношениям в Крымском ханстве.

Пониманию русско-турецких отношений XVIII в. помогают исследования, посвященные предшествующему периоду и проливающие свет на развитие более поздних событий. В частности монография Н. А. Смирнова¹ раскрывает значение Крыма как стратегического плацдарма Турции в ее наступательном продвижении на Восток. Крупное исследование А. А. Новосельского² показывает связь золотоордынских традиций с постоянной агрессивностью крымских татар в отношении южной России. Работы советских ученых по истории Украины позволяют полнее и глубже осветить черноморскую проблему и русско-турецкую войну 1768—1774 гг. Можно указать на соответствующие главы «Истории Украинской ССР»³, а также на исследования В. А. Голобуцкого⁴, Е. М. Апанович⁵ и др.

На ход войны 1768—1774 гг. большое влияние оказала позиция различных народов, подвластных Османской империи. Положение этих народов — грузин, кабардинцев, балканских славян и других — явилось предметом обсуждения во время русско-турецких мирных переговоров. Поэтому история Грузин, Кабарды, Молдавии, Румынии и Болгарии вплетается в качестве составной части в тему «Кючук-Кайнарджийский мир». Советская историография обогатилась исследованиями и в этих областях. В особенности полно разработана история народов, вошедших в состав СССР. В этом проявляется одна из закономерностей развития советской культуры: все эти исследования стали возможны благодаря расцвету братских республик в составе СССР, когда при поддержке и содействии со стороны представителей русской науки к научному творчеству приобщились местные национальные силы.

Грузинские историки уделили особенное внимание событиям второй половины XVIII в., ибо именно в этот период создавались предпосылки присоединения Грузии к России. Участие Грузии в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. и оценка Кючук-Кайнарджийского договора с точки зрения истории грузинского

¹ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I—II, М., 1946.

² А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, М.—Л., 1948.

³ «История Украинской ССР», т. I, Киев, 1953.

⁴ В. А. Голобуцкий. К вопросу о социально-экономических отношениях на Запорожье во второй половине XVIII в. — «Исторические записки», 1953, т. 44.

⁵ Е. М. Апанович. Запорожское войско, его устройство и боевые действия в составе русской армии во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., Киев, 1949. Автореферат кандидатской диссертации.

народа нашли свое отражение, в частности, в монографии Г. Кикодзе «Ираклий II»¹.

Проблемы, связанные с историей Дунайских княжеств, разработаны коллективом молдавских историков, которые в творческом содружестве с русскими историками выпустили «Историю Молдавии»².

Нельзя не отметить рождения новой — марксистской и демократической — историографии в странах народной демократии, которая развивается в тесной связи с советской исторической наукой.

Русско-турецкие войны, происходившие на территории нынешней Румынии и частично Болгарии, естественно, должны были привлечь к себе пристальное внимание прогрессивных историков этих стран. Молодой румынский ученый С. Виану написал монографию на тему «Россия и румынские княжества в конце XVIII века». На основании большого документального материала он пришел к выводам, что война 1768—1774 гг. дала сильный толчок для пробуждения и развития самосознания румынского народа; что «Россия своими войсками и оружием спасла княжество от полного опустошения, а румынский народ — от ассимиляции и истребления»; наконец, что выход России на Черное море и усилившиеся экономические связи между нею и Дунайскими княжествами способствовали консолидации румынской буржуазной нации и успеху ее в борьбе за полное и окончательное освобождение от турецкого господства³.

В многочисленных трудах болгарских ученых, посвященных истории Болгарии, а также восточному вопросу, неизменно подчеркиваются глубокие исторические корни русско-болгарской дружбы и отмечается благотворное влияние Кючук-Кайнарджийского мира на дальнейшие судьбы страны⁴.

В заключение отметим, что в работах польских историков выход России на Черное море и начавшаяся в связи с этим торговля Польши через Херсон рассматриваются как явления, способствовавшие экономическому развитию юго-восточных земель Речи Посполитой⁵.

Существующая историческая литература не дает полного освещения изучаемой нами темы. В тех случаях, когда буржуазные авторы рассматривали отдельные стороны вопроса,

¹ Г. Кикодзе. Ираклий II, Тбилиси, 1948.

² «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951.

³ С. Виану. Россия и румынские княжества в конце XVIII века. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1953.

⁴ См., в частности, следующие работы: Д. Косев. Новая история Болгарии, М., 1952; История на България, т. I, София, 1953 (Макет); Жак Натан. Болгарское возрождение, М., 1949.

⁵ Я. Рутковский. Экономическая история Польши, М., 1953, стр. 355—356.

они мобилизовали большой документальный материал, но не были в состоянии методологически правильно подойти к изучаемым событиям. Советская историческая литература дала принципиально новую постановку проблемы, но ограничилась исследованием ее отдельных, частных сторон.

Таким образом, вопрос о Кючук-Кайнарджийском мире, его подготовке и историческом значении продолжает оставаться актуальной темой для советской исторической науки.

* * *

Источники, которыми можно воспользоваться при изучении выдвинутой проблемы, следует разделить на три основные категории.

Первую категорию составляют официальные документы, непосредственно вводящие в русско-турецкие переговоры и в содержание заключаемого трактата. Наибольшее значение имеет самый текст мирного договора, заключенного в турецкой деревне Кючук-Кайнарджа 10 июля 1774 г. Текст этого договора, опубликованный в «Полном собрании законов Российской империи» и в других документальных сборниках¹, не является полным и точным. В нем отсутствуют две секретные статьи, подписанные в Кючук-Кайнардже, хотя содержание этих статей давно уже перестало быть секретом и нередко излагается в литературе. Полный текст Кючук-Кайнарджийского договора использован нами в современной копии, хранящейся в Центральном Государственном военно-историческом архиве в Москве (ЦГВИА)².

В 1869 г. были изданы протоколы «Совета при высочайшем дворе», учрежденного в связи с русско-турецкой войной 1768—1774 гг. для обсуждения военных мероприятий и мирных предложений³. Значение этого источника трудно переоценить. По его сжатым записям прослеживается вся история мирных переговоров между Россией и Турцией. Русские государственные деятели обсуждают мирные проекты в своей среде и потому высказываются вполне откровенно (заметим, что на Совете читались перлюстрированные депеши, обсуждались дипломатические методы и т. д.).

Мирные предложения, которые ставились на обсуждение Совета, постепенно сводились воедино и приобретали вид оформленных проектов договора. Такие сводные проекты являются,

¹ См., например, Т. Юзефович. Договоры России с Востоком, СПб., 1869.

² Центральный Государственный военно-исторический архив (в дальнейшем: ЦГВИА), ф. ВУА, д. № 133.

³ «Архив Государственного Совета» (в дальнейшем: АГС), т. I, СПб., 1869.

наряду с текстом Кючук-Кайнарджийского договора, основным источником при изучении темы.

Первый сводный проект мирного договора (так называемый «Примирительный план») был составлен в конце 1770 г. для сообщения Фридриху II в связи с решением русского правительства принять «добрые услуги» («bons offices») Пруссии. Этот документ, оставшийся неизвестным Соловьеву, Уляницкому и другим исследователям и не вошедший в «Сборник Русского исторического общества» (хотя в томе XX этого сборника опубликовано сопроводительное письмо Екатерины II к «Примирительному плану»), напечатан в публикации Гёрца «Подлинные памятные записки и акты, относящиеся к переговорам, предшествовавшим разделу Польши»¹. Составитель этого издания Ж. Е. Гёрц был в 1783 г. прусским послом в Петербурге и имел возможность воспользоваться подлинным документом, находившимся в распоряжении прусских дипломатов. Тесное переплетение польского и турецкого вопросов объясняет нам наличие в этом издании ряда ценных документов, относящихся к нашей теме.

Второй сводный проект мирного договора, отразивший некоторые изменения, внесенные в первоначальные предложения, относится к 22 марта 1771 г.² Это — инструкция А. Г. Орлову, данная ему на случай, если, командуя русским флотом, блокирующим Дарданеллы, он получит возможность вступить в переговоры с турками.

Алексею Орлову не удалось открыть переговоры. Через год была составлена новая инструкция — Григорию Орлову и А. М. Обрескову, отправлявшимся для ведения мирных переговоров в Фокшаны. Ценность этой последней инструкции заключается в том, что она явилась практическим руководством русским послам во время мирных переговоров в Фокшанах в 1772 г. Подлинный экземпляр этого документа хранится в Архиве внешней политики России³, а черновик — в Отделе древних рукописей и актов при Институте истории Академии Наук СССР, в Ленинграде⁴. Отдельные выдержки опубликованы С. М. Соловьевым⁵.

¹ [J. E. Goertz]. Mémoires et actes authentiques relatifs aux négociations qui ont précédées le partage de la Pologne. Tirés du portefeuille d'un ancien ministre du XVIII siècle, 1810.

² См. «Сборник Русского исторического общества» (в дальнейшем: Сб. РИО), т. 97, стр. 246—256.

³ Архив внешней политики России (в дальнейшем: АВПР), ф. Сношения с Турцией, д. 1671, 1772 г. «Инструкция в связи с назначением полномочными послами на Фокшанский конгресс генерал-фельдцеймейстера графа Г. Г. Орлова и тайного советника А. М. Обрескова» (21 апреля 1772 г.).

⁴ Отдел древних рукописей и актов Института истории Академии Наук СССР (Ленинград), ф. Воронцовых, д. 1131/194, лл. 255—279.

⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VI, т. 28, стр. 832—833.

Третий (бухарестский) проект мирного договора был оформлен уже не в Петербурге, а в Бухаресте. Русский посол А. М. Обресков не только учел прежние правительственные предписания, но также развил и уточнил положения инструкций 1771 — 1772 гг. Он представил туркам новый проект мирного договора и послал сформулированные им статьи в Петербург на утверждение русского правительства. Подлинный текст реляций Обрескова, содержащих новые статьи, хранится в Архиве внешней политики России¹.

С последним этапом в истории заключения Кючук-Кайнарджийского мира связан другой источник первостепенного значения — «Архив Военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского»². Этот документальный фонд представляет собой переписку полководца П. А. Румянцева с Екатериной II, Н. И. Паниным, А. М. Обресковым и другими лицами. В нем имеются важнейшие данные об обстоятельствах заключения мира и указания на последний предел уступок со стороны России. Переписка Румянцева с Петерсоном, отправившимся в Константинополь тотчас по подписании мира, дает представление о борьбе России за ратификацию мирного договора и о противодействии Турции.

Некоторые документы из переписки Румянцева, относящиеся к заключению мира, не вошли в «Архив Военно-походной канцелярии» и рассеяны в «Русском архиве», «Северном архиве», в приложениях к книге Петрова «Война России с Турцией...», а также собраны в отдельном издании «Переписка императрицы Екатерины II с графом Румянцевым-Задунайским» (М., 1805 г.). Подлинники этих документов хранятся в ЦГВИА, а также (в меньшем количестве) в Архиве внешней политики России и других архивах. Значительную часть этих документов, а также много новых, публикуемых впервые, содержит вышедший в 1953 г. документальный сборник «П. А. Румянцева», т. II³.

Следующее место по своему значению занимают протоколы русско-турецких мирных переговоров, происходивших в Фокшанах и Бухаресте в 1772 — 1773 гг. В отличие от протоколов Совета, подлинные мотивы той и другой стороны в этих протоколах остаются скрытыми. Указанная особенность, однако, не мешает им быть чрезвычайно ценным источником для изучения Кючук-Кайнарджийского мира, помогая установить

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, дд. 1754 и 1762, 1772—1773 гг.

² «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (в дальнейшем: Чтения ОИДР), кн. 2 за 1865 г. и кн. 1 за 1866 г.

³ Сб. «П. А. Румянцева», под ред. П. К. Фортунатова, т. II, 1768 — 1775, М., 1953.

этапы борьбы за реализацию требований, выдвинутых русским правительством. На основании изучения протоколов можно судить о том, какие пункты явились предметом особенно ожесточенной борьбы, в какой мере успеху этой борьбы способствовало искусство дипломатов и т. д. Комментарии А. М. Обрескова, которыми он сопровождал протоколы, посылаемые им в Петербург, облегчают анализ этого документа и являются сами по себе ценнейшим историческим источником.

В свое время В. А. Уляницкий опубликовал часть материалов Фокшанского и Бухарестского конгрессов, в том числе и протоколы мирных переговоров¹. Однако, исходя из своей ошибочной концепции черноморской проблемы, он опустил все то, что касалось положения подвластных Турции народов (за исключением отдельных отрывков). Изучение подлинных протоколов, хранящихся в Архиве внешней политики России, позволяет восполнить этот крупный пробел публикации.

Для понимания Кючук-Кайнарджийского договора очень важно изучение ряда юридических документов, которые предшествовали заключению мира 1774 г. и повлияли на его содержание или явились его развитием и конкретизацией. Из документов первой группы следует здесь отметить договор России с Крымским ханством, заключенный в ноябре 1772 г.; Белградский договор 1739 г.; договоры о капитуляциях, заключенные Турцией с Францией, Англией и другими иностранными державами. Из документов, последовавших за Кючук-Кайнарджийским договором и являвшихся его развитием, следует отметить султанские хатти-шерифы, изданные в декабре 1774 г. для населения Молдавии и Валахии. Нельзя пройти и мимо такого документа, как Айналы-Кавакская конвенция 1779 г., которая была призвана уточнить некоторые статьи Кючук-Кайнарджийского договора. Наконец, торговое соглашение 1783 г., являвшееся конкретизацией статей Кючук-Кайнарджийского договора, посвященных торговле и мореплаванию, помогает понять и оценить значение этого договора с указанной точки зрения.

Вторую категорию источников составляют официальные документы, не имеющие прямого отношения к русско-турецким мирным переговорам, однако проливающие свет на обстоятельства его заключения. Документы этой категории чрезвычайно многочисленны и разнообразны: конвенция о разделе Польши 1773 г., подписанная Россией, Пруссией и Австрией, содержащая специальное обязательство о поддержке мирных условий России; «тугутовский» договор 1771 г., заключенный между Турцией и

¹ В. А. Уляницкий. Указ. соч. Приложения № 46 и 47. Большие выдержки из документов приводятся также в тексте книги на стр. 392 — 460.

Австрией, по которому Австрия обязывалась обеспечить Турции выгодный мир с Россией, и т. д. Значительная часть юридических документов указанной группы имеется в многотомном труде Ф. Ф. Мартенса «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Богатейшее собрание официальных документов — рескрипты русским дипломатам, их донесения и т. д. — сосредоточено в Сборниках Русского исторического общества. В этом издании широко представлена также дипломатическая переписка иностранных представителей, находившихся в Петербурге, со своими дворами. Эти документы помогают изучить международную обстановку, в которой происходила борьба между Россией и Турцией.

Некоторые официальные документы данной категории были опубликованы в «Русском архиве», «Русской старине», «Архиве князя Воронцова», «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» и в других изданиях. Источники, относящиеся к истории ратификации Кючук-Кайнарджийского договора и борьбе России за его реализацию, напечатаны в сборнике «Присоединение Крыма к России» под ред. Н. Дубровина¹. Однако многие документы, относящиеся ко второй категории, до настоящего времени не опубликованы и хранятся в архивных и библиотечных фондах. Отметим, как наиболее важные, фонды Архива внешней политики России, Центрального Государственного военно-исторического архива, Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Большое количество официальных документов, освещающих международную обстановку изучаемого периода, хранится в заграничных архивах. Знакомство с этими материалами облегчается благодаря наличию ряда иностранных публикаций. Материалы венского и берлинского архивов опубликованы в специальном томе, приложенном к книге Беера «Первый раздел Польши»². Указанная выше публикация Гёрца также содержит ряд источников, относящихся ко второй категории. Большой интерес представляют изданные Альфредом Рамбо инструкции французским дипломатическим представителям за границей (в особенности в России)³. Наконец, в книге Ф. Раумера «Европа с конца семилетней до конца американской войны (1763—1783)»⁴ обильно цити-

¹ Н. Дубровин (ред.). Присоединение Крыма к России, тт. I—III, СПб, 1885—1887.

² А. Беер. Die erste Theilung Polens, тт. I, II и документы, Вена, 1873.

³ «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France...», т. 9 (Russie), Париж, 1890.

⁴ F. Raumer. Europa vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges (1763—1783). Nach den Quellen in britischen und französischen Reichsarchiven, Лейпциг, 1839.

руются документы английских и французских государственных архивов.

Большое значение для нашей темы имеют документы, вышедшие из-под пера турецких дипломатов. Из них ко второй категории следует отнести турецкую летопись Васыфа эфенди. Васыф был официальным историографом царствования Мустафы III, а также привлекался к выполнению дипломатических поручений. Им была написана история Турции за период 1752—1775 гг., в которой он частично использовал записи своих предшественников, дополнив их личными наблюдениями. Сюда относятся материалы о русско-турецкой войне, в которой Васыф лично участвовал, работая по секретарской части. Он присутствовал на мирных конгрессах, а после Фокшанского конгресса, не закончившегося заключением мира, был послан великим визирем к Румянцеву с ходатайством о продлении перемирия.

Описание русско-турецкой войны, составленное Васыфом, было переведено в извлечениях на французский язык и издано в виде отдельной книги¹. В этой книге от лица Васыфа описывается ход военных действий, даются характеристики турецких дипломатов и полководцев. Книга содержит ряд ценных сведений о состоянии Турции во время войны. Отдельные разделы летописи Васыфа были переведены на русский язык, в частности отчет о турецком посольстве в Пруссию в 1763—1764 гг., принадлежащий Ресми-Ахмеду (впоследствии уполномоченному по подписанию Кючук-Кайнарджийского договора)², и рассказ о сожжении турецкого флота при Чесме, составленный, очевидно, самим Васыфом³.

Третью категорию источников составляют неофициальные документы — письма, мемуары, публицистика, фольклор.

В Сборниках Русского исторического общества напечатано большое количество писем Екатерины II к Панину и другим русским дипломатам, а также к Фридриху II, Вольтеру, Гримму и другим иностранным деятелям. В Архиве внешней политики России также встречаются личные письма, которыми обменивались между собой Панин, Обресков и Румянцев. Все эти документы имеют большое значение для раскрытия подлинных мотивов русской дипломатии, а также для изучения разногласий, имевших место в правительственных кругах в связи с подготовкой мирного договора.

¹ «Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes, depuis l'année 1769 jusqu'à l'année 1774, tiré des annales de l'historien turc Vassif-éféndi», Париж, 1822.

² «Записка турецкого посланника Сами Эль-Хадж Ахмед-эфенди о посольстве его в Пруссию в 1763—64 году». — «Москвитянин», 1855, т. V (№ 17—18).

³ «О сожжении турецкого флота при Чесме». — «Труды и летописи Общества истории и древностей российских», ч. VII, М., 1837.

Опубликованная Арнетом переписка Иосифа II с Марией Терезией и братом Леопольдом¹ позволяет изучить закулисную сторону австрийской дипломатии. Переписка Фридриха II с принцем Генрихом дает возможность проникнуть в скрытые мотивы прусской политики.

Для данной темы известное значение имеют мемуары дипломатов второй половины XVIII в., например записки Екатерины II, воспоминания Фридриха II, «Поденные записи Левашова» (русского поверенного в делах в Константинополе) и др. Большой интерес представляют также мемуары современников недипломатов. Воспоминания Болотова — неоценимый источник для изучения социально-экономических отношений в России. Записки французов Тотта, Пейсонеля, а также австрийского купца Клеемана важны для характеристики внутреннего состояния Турции и Крыма.

Для освещения внутренних процессов в России и Турции немалое значение имеют публицистика и фольклор XVIII в. Так, при изучении русской экономики нельзя обойти «Труды Вольного экономического общества», сочинения М. Д. Чулкова, М. М. Щербатова, В. Х. Фрибе. Из турецких публицистических сочинений много дает политический памфлет Ресми-Ахмеда эфенди «Сок достопримечательного² в сущности, начале и важнейших событиях войны, происходившей между высокою Портою и Россиею...», переведенный на русский язык О. И. Сенковским³. Он был известен также В. Д. Смирнову и немецкому дипломату Г. Ф. Дицу, который продолжительное время находился в Константинополе. Диц имел собственный список этого документа, сделанный для него одним турецким ученым в 1787 г.⁴ Ресми-Ахмед не предназначал своего рассказа для широкого читателя. Его памфлет обращен к узкому кругу друзей. Отсюда большая прямота и откровенность в изображении слабых сторон турецкого военного командования и критическое отношение к турецкой политике.

Этот краткий обзор, разумеется, отнюдь не охватывает всех существующих источников многогранной и широкой темы о Кючук-Кайнарджийском мире.

¹ A. Arneth. Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz sammt Briefen Joseph's an seinen Bruder Leopold, т. 1, Вена 1867.

² Перевод турецкого выражения «hulâse-i itibar».

³ Этот документ дважды печатался в «Библиотеке для чтения» (в 1842 и 1854 гг.) и вошел в «Собрание сочинений» Сенковского, см. т. VI, СПб., 1859.

⁴ Г. Ф. Диц перевел «Hulâse-i itibar» на немецкий язык и издал под следующим заголовком: «Wesentliche Betrachtungen oder Geschichte des Krieges zwischen den Osmanen und Russen in den Jahren 1768 bis 1774 von Resmi-Achmed Efendi», Галле и Берлин, 1813.

Глава I

ЧЕРНОМОРСКАЯ ПРОБЛЕМА

в 60-е годы XVIII века

Для уяснения сущности черноморской проблемы в 60-е годы XVIII века необходимо вспомнить политическую обстановку, которая вследствие определенных исторических причин сложилась в Северном Причерноморье.

В далеком прошлом народы нашей страны под напором воинственных степных кочевников оказались отрезанными от Черного моря. В XV в. султанская Турция подчинила себе Крымский улус распавшейся Золотой Орды. Морские связи Руси на юге надолго прекратились. Турки и их данники — крымские татары — подвергали разорительным набегам русские земли, используя Крымский полуостров в качестве стратегического плацдарма.

Потребности самообороны ускорили формирование русского централизованного государства, которое отстояло свою самостоятельность и постепенно стало возвращаться на свои исконные рубежи. К концу XVII в., с образованием всероссийского рынка и усилением национальной консолидации русского народа, открытие выходов к морям сделалось насущной задачей русской внешней политики.

«Указывают, — писал Маркс, — что ни одна великая нация никогда не существовала в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; что ни одна нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья рек были от нее оторваны; что Россия не могла оставлять устье Невы, этого естественного выхода для продукции Северной России, в руках шведов, так же как устья Дона и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойников...»¹

После взятия Азова русскими войсками в 1696 г. правительство Петра I потребовало открыть Черное море для русского флота,

¹ К. Маркс. Тайная дипломатическая история XVIII столетия.

к строительству которого было приступлено в том же году. Следует отметить, что уже во время русско-турецких мирных переговоров 1696—1700 гг. русские дипломаты Е. Украинцев и И. Чередеев поставили вопрос о праве России проводить свои суда через проливы и посылать их «в Смирну, и в Египет, и в иные места»¹.

Русские предложения натолкнулись на решительное противодействие Порты. Уступая Азов, турки рассчитывали запереть флот своего соседа в Азовском море. Русским купцам предлагалось вести торговлю с Левантом сухим путем или объезжать всю Европу, попадая в Средиземное море через Архангельск.

Турки заявляли, что в праве на черноморское судоходство они уже отказали Франции, Англии, Голландии и Венеции. В ответ на этот довод русской стороной была высказана очень важная и вполне справедливая мысль о различии прав держав в зависимости от их положения на Черном море: «И те государства его царского величества подданным торговым людем не пример, для того, что из тех государств торговым людем на кораблях своих на то Черное море приходит далеко и неспособно, и для того они вместо того Черного моря торги свои и всякие промыслы имеют и отправляют больша на Белом (т. е. Средиземном. — Е. Д.) море и в Царьграде, а царского величества торговым людем по тому Черному морю от Азова в Трапезонт, и в Синоп, и в Царьград ходить способно и сручно». В России, говорили русские дипломаты, «состроен морской великой караван... не для того, чтоб ему в одном месте стоять и по морю хождения не иметь, и никогда де такие морские суды на одном месте стоять без прибыли не обykle и не ведетца»².

Но Турция, захватившая все черноморское побережье, считала себя вправе односторонне распоряжаться не только проливами, но и вообще судоходством по Черному морю. Константинопольский договор 1700 г. признал за Россией право проводить свой флот только от Азова до Керчи, где русские товары должны были перегружаться на турецкие суда.

Большие трудности, стоявшие на пути разрешения черноморской проблемы, побудили русское правительство временно ее оставить и обратиться на север. Уже в 1703—1704 гг. была завоевана часть Балтийского побережья. Тем самым был открыт выход к Балтийскому морю. К. Маркс писал, что Петр «захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны»³.

¹ Центральный Государственный архив древних актов (в дальнейшем: ЦГАДА), ф. Дела турецкого двора, 1699—1700 гг., № 27, л. 783.

² Там же, лл. 783—784. Курсив мой. — Е. Д.

³ К. Маркс. Тайная дипломатическая история XVIII столетия.

События на севере и на юге нашей страны обычно тесно переплетались между собой. Немецкие «псы-рыцари» (выражение К. Маркса) бросились на русскую землю именно тогда, когда она истекала кровью в неравной борьбе против монголо-татарских захватчиков. Во время Ливонской войны татары вторглись глубоко внутрь русских земель и сожгли Москву. В годы Северной войны Карл XII и турецкий султан действовали в прямом контакте друг с другом. В результате войны, объявленной султаном, Россия потеряла Азов, уступленный Турции по Прутскому миру 1711 г.

Агрессивные действия крымских татар в Причерноморье и турок на Кавказе вызвали русско-турецкую войну 1735—1739 годов. Белградский мирный договор не внес ничего существенно нового в состояние черноморской проблемы: территориальные приобретения России не открыли ей выхода на Черное море. В устье Днепра и в Керченском проливе попрежнему господствовали турки. Азов, завоеванный русскими войсками, вместе с прилегающей к нему областью был объявлен барьером между русскими и турецкими владениями. Россия обязалась срыть Азовское укрепление. Стороны взаимно разрешили друг другу вести торговлю в своих владениях «со всякою свободностию... на таком основании, как других держав подданным позволено, и с платежом таких пошлин, как оные платят...» (статья 9). Но России запрещалось пользоваться в торговых целях своими собственными судами. «Что же касается до российской коммерции по Черному морю, — говорилось в договоре 1739 г., — и сия отправлена быть имеет на судах, турецким подданным [при] надлежащих».

Отказ Турции допустить русский флот в Азовское и Черное моря нашел свое отражение также в статье 3, которая требовала, «чтоб Российская держава ни на Азовском море, ни на Черном море никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла»¹.

Таким образом, Белградский договор не разрешил черноморской проблемы, и до 60-х годов XVIII в. она оставалась открытой.

Составляя основное содержание русско-турецких противоречий, черноморская проблема переплеталась с рядом других вопросов, имевших самостоятельное значение. Необходимо отметить в первую очередь кабардинский вопрос.

Крымские ханы с давних пор стремились к расширению своих владений в направлении Северного Кавказа. Им удалось подчинить себе ногаев, кочевавших между Азовским морем и Кубанью. Турки и татары совершали набеги на земли западных черкесов

¹ Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем: ПСЗ), т. X, № 7900, стр. 900 и 902.

и все упорнее наступали на Кабарду. Турецкий султан рассматривал Кабарду как точку опоры для завоевания остального Кавказа.

Под влиянием турецко-татарской агрессии кабардинцы, так же как и западные черкесы, еще в XVI в. установили дружеские отношения с Русским государством, у которого они искали защиты¹. При Иване IV Кабарда официально вступила в русское подданство. Для России дружба с Кабардой имела большое значение, способствуя укреплению ее южных рубежей.

Турция не желала считаться с русским подданством Кабарды. Огнем и мечом султан вместе с крымским ханом насаждал мусульманство среди черкесских племен, рассчитывая таким путем утвердить свое влияние на Северном Кавказе. По Белградскому договору Большая и Малая Кабарда были объявлены независимыми. Это ухудшило положение кабардинского народа, сделав его более уязвимым для турецко-татарской агрессии. Объявление Кабарды независимой было в глазах турок первым шагом на пути к ее полному подчинению.

Россия не могла без борьбы отказаться от своих исторически сложившихся связей с Кабардой. Было ясно, что вместе с черноморской проблемой борющимся сторонам предстояло решить и судьбу Кабарды, которая неизбежно должна была закрепить свое давнее присоединение к России.

Тяжесть гнета султанской Турции испытывали на себе и другие народы Кавказа. В Имеретии турки захватили ряд крепостей и, укрепившись в этих пунктах, стремились стать хозяевами всей Западной Грузии. Но грузины не признавали себя турецкими подданными и мужественно боролись за изгнание захватчиков из своей земли. Освободительная борьба грузинского народа вспыхивала с особой силой во время русско-турецких войн. В совместной борьбе против общего врага росла и крепла дружба грузинского и русского народов, имевшая за собой многовековые традиции. Постепенно создавались предпосылки для политического объединения этих народов в составе России.

Народы Балканского полуострова не меньше, чем народы Кавказа, страдали от гнета турецких ассимиляторов. По мере усиления Русского государства они все чаще стали обращать свои взоры на Восток, видя в русском народе ту силу, которая поможет им освободиться от турецкого ига. Так создавались крепкие дружественные связи между русским народом и балканскими славянами, молдаванами, румынами и греками. Этой дружбе способствовала общность религии, которая в феодальную эпоху играла крупную роль в политической жизни народов. Молдавия и Валахия неоднократно обращались к русскому правительству с просьбой принять их в русское подданство. Во время

¹ См. Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.—«Исторические записки», т. 34, М., 1950.

Прутского похода Петра I население этих княжеств активно боролось на стороне России.

Начиная с XVIII в. нижнее течение Дуная сделалось основным театром русско-турецких войн, поэтому поддержка России со стороны Дунайских княжеств приобретала огромное значение с точки зрения борьбы за разрешение черноморской проблемы.

Нам предстоит ознакомиться с содержанием этой проблемы накануне русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

* * *

Русско-турецкая граница кануна войны определялась Белградским договором 1739 г. и пограничными соглашениями 40-х годов XVIII в. Отделяясь от Южного Буга при впадении в него р. Ташлыка, она шла по открытой степи на юго-восток к низовьям Днепра и примыкала к нему при устье р. Каменки (т. е. на значительном расстоянии от моря). Затем она поднималась вверх по Днепру, переходила на реки Конские Воды и Берда и следовала далее на восток вдоль Таганрогского залива в направлении дельты Дона¹. Право России на прибрежную полосу между Бердой и Доном было неполным. Белградский договор содержал прямое запрещение восстанавливать крепость Таганрог, разрушенную после Прутского мира. Этот запрет распространялся и на участок побережья, тянувшийся к западу от р. Миуса до самого устья Берды и называвшийся «барьерной землей»². Впрочем, известные права России на эту область признавались Портой. Здесь находились рыбные ловли запорожских и донских казаков. С разрешения казаков — «за известную пошлину, взимаемую овцами», — крымские татары пасли свои стада между Калмиусом и Самбеком³.

¹ См. ПСЗ, т. X, № 7900 и 7915; т. XI, №№ 8276, 8464, 8628. Ю. Р. Клокман в своей книге «Фельдмаршал Румянцев» неправильно ведет границу 1760-х годов от р. Синюхи на восток, в направлении Мишурина-шанца (расположенного к югу от г. Кременчуга), затем вниз по Днепру, далее по р. Конские Воды, откуда снова на север, в сторону Бахмута. Потом автор направляет ее на юго-восток и доводит до крепости св. Дмитрия, исключая из русских пределов все Азовское побережье с нейтральным (у Ю. Р. Клокмана: «принадлежавшим туркам») Азовом (см. указ. соч., стр. 57). Неправильно также утверждение (на стр. 62), будто бы укрепленная Украинская линия являлась в то время «пограничной». Впрочем, и об этой линии в книге не дано четкого представления, поскольку к ней ошибочно отнесена крепость св. Елизаветы (стр. 57).

² Юридическое положение этой «барьерной земли» выясняется из документов сб. РИО, т. 48, стр. 381, 385, 386, а также из договора между Россией и Крымским ханством от 1772 г. См. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VII, Одесса, 1768, стр. 208.

³ Свидетельство И. А. Гильденштедта. См. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XI, стр. 222.

К югу от дельты Дона шла область, прилегавшая к завоеванной русскими войсками, но разрушенной по требованию Порты крепости Азову. «Земля той крепости, — гласил Белградский договор, — по учрежденным границам 1700 года трактата, имеет остаться пустая, и между двумя империями барьером служить будет»¹. Ссылка на Константинопольский договор 1700 г. означала, что границы так называемого «Азовского уезда» сохраняются в том виде, как они были после Азовских походов Петра I. Пограничное соглашение 1704 г., заключенное на основании общих принципов Константинопольского договора, устанавливало южную границу Азовского уезда в 1660 сажнях к югу от р. Еи².

Признание почти всей приморской полосы между устьями Берды и Еи «барьером», т. е. демилитаризованной территорией, не позволяло России использовать азовский берег в качестве естественной границы. Таким образом, защита южных рубежей страны представляла большие трудности. П. А. Румянцев так писал об этом перед началом русско-турецкой войны 1768—1774 гг.: «В ровной и открытой степи, где ничего того нет, что по искусству военному в укрепление себе употребить бы можно, не только частица войска, но и нарочитой корпус не может противостоять силам многочисленным...»³

Между тем население страны постепенно продвигалось на юг и ко второй половине XVIII в. оказалось в непосредственном соседстве с Крымским ханством, а со стороны Кавказа пришло в соприкосновение с кабардинскими землями. Заселение юга шло за счет беглых крестьян, ландмилиции, а также иностранных колонистов, которых русское правительство усиленно привлекало в целях защиты южных границ и хозяйственного освоения степных просторов. В 1734 г. в русское подданство вернулись запорожские казаки после временного пребывания под властью турецкого султана. Казаки основали Новую Сечь на рукаве Днепра — реке Подпольной.

В ряду оборонительных мероприятий русского правительства значительное место занимало строительство укрепленных линий. Еще в 30-х годах XVIII в. началось сооружение кордонных укреплений на Тереке. В Терскую область переводились казаки с Дона. Позднее на Кавказе были построены крепости Кизляр (заложена в 1736 г.), Моздок (в 1763 г.) и др. В 40-х годах XVIII в. была построена Украинская линия укреплений, тянувшаяся к востоку от Днепра, начиная от впадения в него

р. Орели, и доходившая до Изюма. Однако русские поселения очень скоро вышли за эту линию.

Порта препятствовала укреплению русских границ не только в пределах «барьерной земли». Так, например, большие осложнения вызвало строительство крепости св. Дмитрия Ростовского¹ в устье р. Темерника — «в собственных своих границах, на востоке от линии, барьер знаменующей»². Когда правительство Елизаветы Петровны в целях прикрытия Новой Сербии стало строить крепость св. Елизаветы в верховьях р. Ингула, т. е. очень далеко от турецких границ, Порта потребовала это строительство прекратить. В связи с Семилетней войной русскому правительству пришлось пойти на уступки и оставить недостроенное укрепление³.

В силу этого становится понятным полувоенный характер Новороссии, образованной в 1764 г. из Новой Сербии, Славяно-сербии и других земель к северу от «запорожских вольностей». Что касается Запорожья, то хотя официально оно и входило в состав России, фактически, однако, продолжало оставаться в известном смысле «заграницей». До 1756 г. Запорожье даже состояло в ведении иностранной коллегии. Земли донского казачества также представляли собой военизированные окраины страны.

Нуждаясь в пограничном запорожском войске, русское правительство предоставило ему ряд прав и привилегий. Характерно, что политическая автономия Запорожья сохранялась после того, как она была ликвидирована на остальной Украине. Казацкая старшина широко использовала свои привилегии: владея обширными землями с их природными богатствами, она завела на них большие табуны лошадей, многочисленные стада скота. Постепенно развивалось и земледелие, носившее резко выраженный экстенсивный характер. Защита южных рубежей ложилась главным образом на плечи бедноты (сиромы), искавшей в Запорожской Сечи прибежища от помещичьего гнета и попадавшей в кабалу к владельцам богатых зимовников⁴.

Запорожские казаки, так же как и соседи их — донские, приспособились ко всем трудностям степной войны. Имея превосходных коней, они оказывали противодействие татарской кавалерии. В то же время они славились искусством мореходства — умели, если нужно, незаметно проплыть между турецкими крепостями или кораблями. Черное море, которое турки

¹ ПСЗ, т. X, № 7900, стр. 900.

² ЦГАДА, ф. Турецкие дела, № 89, д. 11, 1704 г., л. 3.

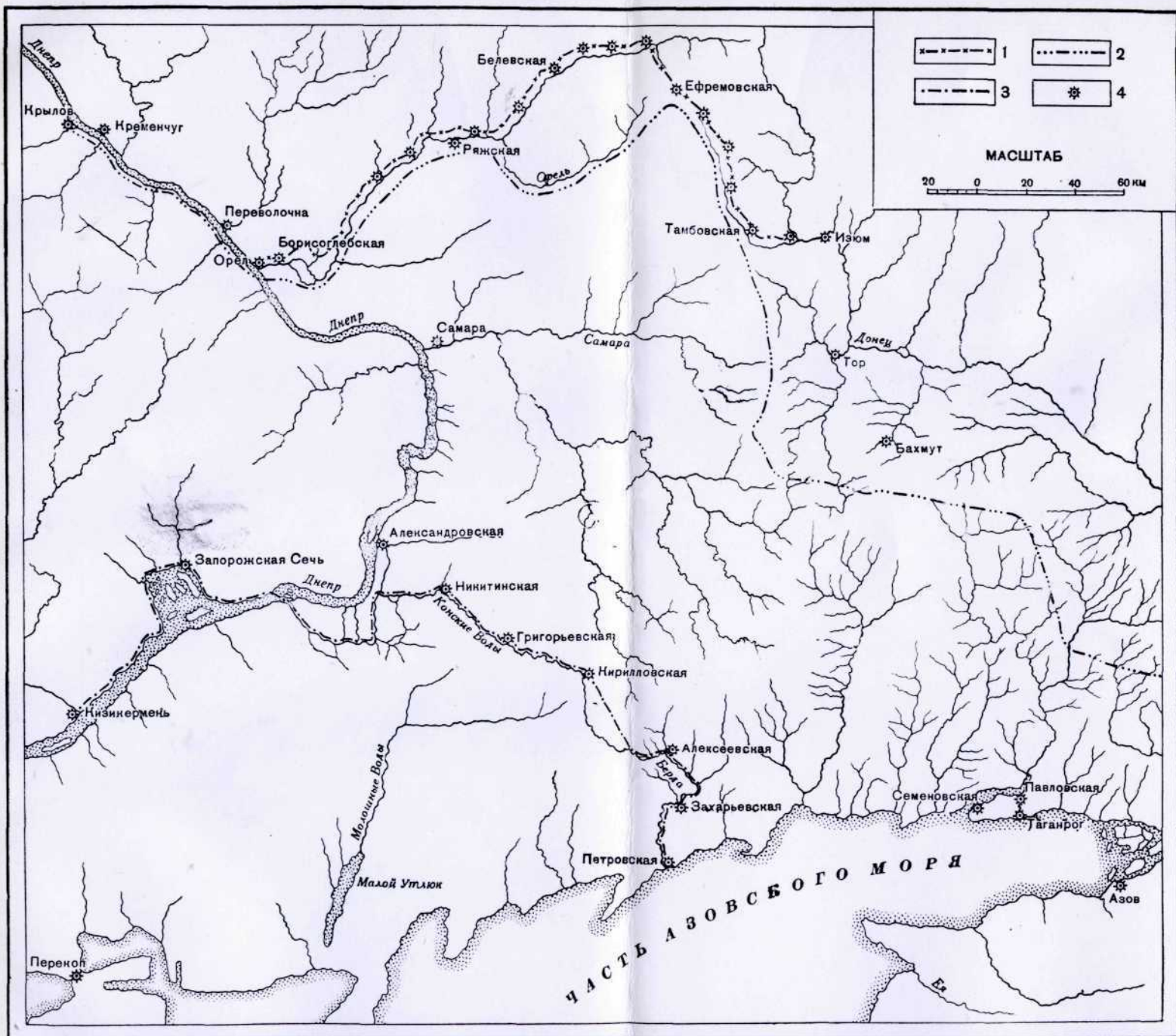
³ Сборник документов «П. А. Румянцев», т. II, под ред. П. К. Фортунатова, М., 1953.

¹ Крепость эта находилась на месте современного Ростова-на-Дону.

² Из рескрипта А. М. Обрескову от 2 августа 1762 г. Сб. РИО, т. 48, стр. 39. О спорах из-за строительства крепости св. Дмитрия см. также стр. 380—388, 426 и др.

³ «Архив кн. Воронцова», кн. XXV, стр. 304.

⁴ В. А. Голубуцкий. Указ. соч.

Русско-турецкая граница по рекам Берде и Конским Водам с укреплениями 1770-х годов.

Чертеж, выполненный по рукописной карте XVIII в. (Центральный Государственный военно-исторический архив).

Условные обозначения: 1 — Украинская линия укреплений. 2 — «Прежде бывшая граница 1714 году». 3 — «Прежде бывшая граница 1741 и 1742 годов» (совпадает с Днепровской линией укреплений). 4 — крепленные пункты.

упорно называли своим внутренним морем, было для запорожцев родной стихией.

Хиба ж мы не запорожци,
Хиба ж мы не черноморци,
Хиба ж батьки не вчили нас бытсья? ¹

—пели в своих песнях запорожцы.

Это любовное отношение к Черному морю тем более понятно, что русский элемент в Причерноморье не исчезал никогда, несмотря на монгольское нашествие XIII в. и турецкое конца XV в. Бежавшие с русской и польской Украины крестьяне вливались в ряды древних насельников этих мест, для которых Черное море было родным и близким ².

Из числа запорожских казаков русскому правительству легко было набрать переводчиков для переговоров с татарами и турками, разведчиков и т. д. Проникая под разными предложениями в Крым, запорожцы узнавали о военных приготовлениях турок и татар, об их военном искусстве, о внутреннем положении государства. Весь этот разведывательный материал систематически поступал в Петербург под названием «секретов коша запорожского» ³.

Пользуясь правом запорожцев самостоятельно вступать в сношения с иностранными государствами, Оттоманская империя, Крым и Польша старались подчинить их своему влиянию ⁴. Это заставляло русское правительство относиться к запорожцам очень осторожно, по возможности удовлетворять претензии старшины и смотреть сквозь пальцы на свободолюбивые тенденции сиромы. Желая продемонстрировать свое уважение к запорожцам, крупные вельможи — П. И. Панин, Г. А. Потемкин, А. А. Прозоровский и многие другие, в том числе почти все администраторы Новороссии и Украины, торжественно вступали в казацьи курени и благодарили за оказанную им честь ⁵.

Господствующий класс сознавал необходимость укрепления южной границы и дорожил боевыми качествами запорожского войска.

Так в положении южных окраин и в особенности Запорожской Сечи — в ее быте, ее отношениях с русским правительством, наконец, в самом факте ее существования — отразилось

¹ Цит. по книге: А. Скальковский. История Новой Сечи, или последнего коша запорожского, ч. I, Одесса, 1846, стр. 350.

² О «бродниках», живших в придонских степях и смешивавшихся с донскими казаками, см. Н. А. Смирнов. Указ. соч., т. I, стр. 77.

³ В настоящее время этот материал хранится в Центральном Государственном историческом архиве УССР (г. Киев).

⁴ См., например, о мероприятиях Крым-Гирея в отношении запорожцев накануне русско-турецкой войны 1768—1774 гг. А. Скальковский. Указ. соч., ч. 3, Одесса, 1846, стр. 8, 12, 14.

⁵ Там же, ч. I, стр. 126—128.

Запорожский казак.

Из рукописной книги А. И. Ригельмана «История Малороссии», 1778 г.
Литография (Государственный Исторический музей)

положение на юге России: постоянная опасность, грозившая со стороны Турции и Крыма. Защищая южнорусские рубежи, запорожские казаки — эти представители украинского народа, а также донские казаки совершали большое общегосударственное дело.

* * *

Причины неизменной агрессивности крымских татар в отношении России крылись в отсталости их способа производства и характере вассальных отношений Крымского ханства к Османской империи.

Военное значение Крыма турки вполне оценили уже в период установления своей власти над полуостровом. В XVI в., после первой неудачной осады Вены, турки начали постепенно изменять пути своей экспансии. Основное направление своего военного удара они перенесли на Русское государство, Закавказье и Иран¹.

Крым был важной стратегической позицией для этих предприятий. В ряде пунктов, особенно на южном побережье Крыма, турки разместили свои гарнизоны, которые обеспечивали послушание крымцев и в то же время являлись форпостами Османской империи, выдвинутыми далеко за пределы ее основной территории. Турецкие гарнизоны, по данным различных источников, находились в следующих крепостях: Кафа (Феодосия), Гёзлев (Евпатория), Судак, Мангуп, Акмечеть (Симферополь), Инкерман, Балаклава, Еникале, Керчь, Тамань, Арабат, Ор-Капы (Перекоп), Кинбурн, Очаков².

Султан обязал крымское ханство поставлять войска для Османской империи. Каждый подданный крымского хана (кроме христиан) обязан был по первому требованию хана идти на войну. Ханский совет устанавливал норму, в соответствии с которой население должно было поставлять воинов. Часть жителей оставлялась для присмотра за имуществом ушедших в поход. Эти же люди должны были содержать и вооружать воинов, за что получали часть военной добычи. Постоянные военные походы вели к непроизводительной трате большого количества трудовой энергии татарского населения, что способствовало еще большему застою экономики Крымского ханства. Этот застой выразился, в частности, в длительном сохранении рабства и работорговли в Крыму. Захват рабов был одной из главных целей татарских набегов на русские земли и Северный Кавказ. Описания сцен работорговли у крымских

¹ Н. А. Смирнов. Указ. соч., т. I, стр. 6.

² Крепости Очаков, Кинбурн, Тамань, Кафа, Арабат, Еникале считались турецкими. В других находились турецкие гарнизоны или турецкие коменданты.

татар чрезвычайно часты в мемуарах современников и показывают, что в этом отношении в течение ряда веков ничего не менялось. То, что наблюдал Михаил Литвин во времена Иоанна Грозного¹, описывал и Клееман, посетивший Крым в 1768—1769 гг. «...Невольники, подле моего покоя живущие, — писал

Донской казак.

Из рукописной книги А. И. Ригельмана «История или повествование о донских казаках», 1778 г. Литография. (Государственный Исторический музей)

Клееман о своем пребывании в Карасу, — много меня беспокоивали... Будучи в оковах, [они] делали оными во всю ночь страшный шум»².

Клееман, прикинувшись покупателем, узнал и описал, как татары продавали девушек, вывезенных с Кавказа. Сначала из дому вывели черкешенку. «Она была собою весьма статная, лицо ее, по обыкновению восточному, было закрыто, и, поцеловав

¹ См. «Мемуары, относящиеся к истории южной России», вып. I, Киев, 1890, стр. 18—23.

² «Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, таж в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым... в 1768, 1769 и 1770 годах», СПб., 1783, стр. 132—133.

мою руку, по приказанию своего господина прохаживалась взад и вперед, дабы мне возможно было приметить ее тонкий и складный стан». Потом женщина открыла покрывало. «Она утирала свое лицо белою салфеткою, доказывая чрез то, что она не белилась, а после того показала мне свои зубы, которые были белые и хорошо расположенные». Две другие рабыни проделали то же, что и первая¹.

Трудовым населением в Крыму были преимущественно армяне, грузины, греки, евреи. Они занимались ремеслами, торговлей, садоводством; крымские ханы бывали очень изобретательны в вымогательстве денег у этих трудолюбивых жителей. Основным занятием татар было примитивное пастбищное скотоводство.

Недостаточный уровень развития производительных сил в Крымском ханстве приводил к тому, что грабительские набеги на соседей становились для татар своего рода промыслом. Они нападали на Россию и Польшу даже тогда, когда Порты по дипломатическим соображениям считала это нежелательным. Один турецкий современник по этому поводу писал:

«А ведь вот есть больше ста тысяч татар, не имеющих ни земли, ни торговли: если им не делать набегов, то чем же они жить станут?»².

Любопытно, что в 1755 г. французский консул в Крыму Пейсонель обращал внимание крымского хана Арслан-Гирея на «бесконечное число здоровых и праздных подданных, которые влачат бесполезное и жалкое существование в свите мельчайших мурз; они не имеют никакого другого занятия кроме того, что составляют кортеж этих мурз, и не получают взамен никакой выгоды кроме животной жизни». По мнению Пейсонеля, «следовало бы заставить дворян ограничиться определенным числом дворовых, которых им надлежит иметь, а затем раздать пустующие земли не имеющим занятия подданным...» (Имелась в виду, конечно, раздача наделов на основе взимания феодальной ренты.) А чтобы у крестьян был свой инвентарь, Пейсонель рекомендовал «дать им аванс, состоящий из небольшого капитала, который необходим для покупки волов и соответствующих орудий для расчистки и обработки земли, которая производила бы зерно и даже хлопок — растение, не нуждающееся в орошении...» Во влажных и болотистых местах Пейсонель советовал разводить рис, по берегам рек сажать шелковицу. Он указал, что шелк мог бы стать важным предметом торговли³.

Утопичность подобных проектов была особенно разитель-

¹ «Клеemannово путешествие...», стр. 141 — 143.

² Цит. по В. Д. Смирнову. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века, стр. 541.

³ Peyssonel. Traité sur le commerce de la mer Noire, т. I, Париж, 1787, стр. 7—9.

ной в условиях Крымского ханства, где ханы не имели абсолютно никаких стимулов к преобразованиям. Турецкий султан еще в XV в. присвоил себе право инвеституры крымских ханов и не мог назначать и смещать их по своему произволу. Назначение каждого хана сопровождалось присылкой из Константинополя соответствующих атрибутов ханской власти, среди которых была сабля, имевшая символическое значение: она напоминала об основной — военной — функции вассального Крыма.

Правившая в Крыму династия, из состава которой только и мог быть избран хан (с последующим утверждением его Портой), выводила свое происхождение от Чингис-хана. К своему имени крымские чингисиды прибавляли династическое прозвище «Гирей». Все «Гирей» — принцы крови — назывались султанами и могли претендовать на ханское звание. К изучаемому нами времени число султанов чрезвычайно размножилось (чему способствовало, помимо частой смены ханов, также многоженство), и ханское звание доставалось в борьбе с многочисленными претендентами.

При таких обстоятельствах инвеститура крымских ханов делалась важным рычагом политического воздействия Порты на Крым. Не случайно все попытки отдельных ханов установить наследственное правление наталкивались на противодействие Порты. Беспереывная смена ханов была одной из характерных особенностей политической жизни Крымского ханства.

Другим средством, применяемым Портой в целях ослабления власти хана, было усиление веса и значения крымского дворянства. Пейсонель полагал, что если бы ханы попытались высвободиться из-под власти Порты, «они встретили бы бесконечные трудности: Порты приняла достаточно хорошие меры предосторожности, чтобы лишить их средств к осуществлению этой цели, и прежде всего она лишила их возможности опереться на дворянство»¹.

Чувствуя себя временным гостем на престоле, каждый хан окружал себя роскошью и думал только об одном — извлечь как можно больше выгод из своего кратковременного пребывания у власти. Весьма показателен ответ Арслан-Гирея на предложенную Пейсонелем программу преобразований. Арслан-Гирей заявил, что «дворянство слишком сильно в Крыму, а монарх не настолько абсолютен, чтобы отважиться на подобные нововведения; что продолжительность правления хана всецело зависит от воли и каприза турецкого властителя; государь не был уверен в том, что он продержится на троне достаточно долго, чтобы провести в жизнь свои проекты...»²

¹ Peyssonel. Указ. соч., т. II, стр. 234.

² Там же, т. I, стр. 10.

Агрессивность крымских татар в отношении России подогревалась золотоордынскими традициями¹. Эти традиции проявлялись в требованиях крымскими ханами ежегодных «поминок» и «казны» от Русского государства вплоть до начала XVIII в. Эти традиции выражались также в претензиях на «возвращение» крымскому хану Казани и Астрахани.

Вслед за Крымом золотоордынские традиции восприняла и Османская империя. Даже много позже, когда Крымское ханство перестало существовать, она при каждом конфликте с Россией вспоминала о своих «правах» не только на Крым, но также и на Казань².

Агрессивным традициям Турции и ее вассала — Крымского ханства — противостояли традиции борьбы русского народа против монголо-татарского ига. Покоряя Казань и Астрахань, Иван Грозный задумывался также о походе на Крым, в котором видел осколок Золотой Орды. Азовские походы Петра Великого Карл Маркс назвал «продолжением традиционной борьбы с татарами»³. Это была борьба за исконно русские земли, отторгнутые во время монгольского завоевания, за восстановление древних связей по Черному морю.

При сравнении тех и других традиций несправедливый характер внешнеполитических целей крымских татар выступает особенно рельефно.

Особое положение в Крымском ханстве занимали ногаи, кочевавшие к северу от Перекопа на огромной территории от Дуная до Кубани. Этнически этот народ не имел ничего общего с крымскими татарами, отличаясь от них своим внешним видом, своей историей и своим бытом. Как известно, в свое время они составляли большое самостоятельное государство, с разложением которого значительная часть ногаев вступила в русское подданство. Будучи кочевым народом и населяя пограничные районы, ногаи многократно меняли свое подданство, пока, наконец, не вошли в состав Крымского ханства.

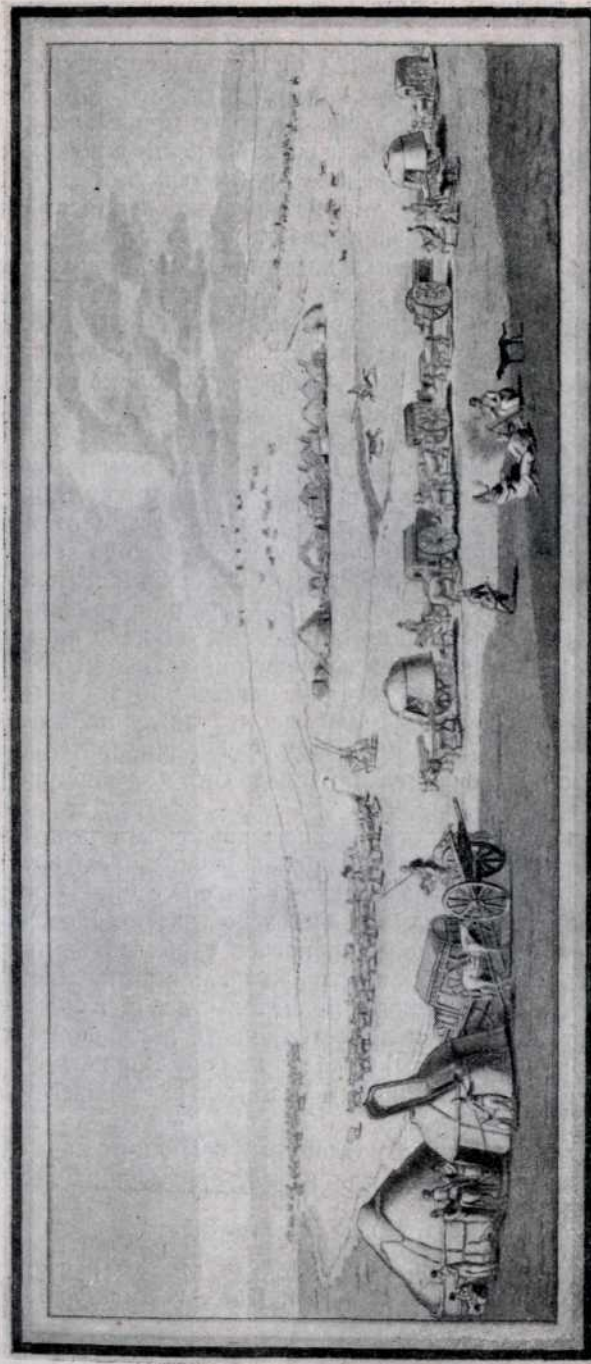
По уровню социально-экономических отношений ногаи сильно отставали от оседлого в своей массе населения собственно Крыма. Современники отмечали, например, неразвитость их торговли, носившей в значительной мере характер прямого продуктообмена⁴. В религиозном отношении ногаи в то время сохраняли шаманизм — религию весьма примитивной стадии общественного

¹ Это отмечается в исследовании А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века».

² См., например, обращение турецкого дивана к мусульманам в октябре 1822 г. — «Русский архив», 1886, кн. II, вып. 6, стр. 171.

³ К. Маркс. Тайная дипломатическая история XVIII столетия.

⁴ АВПр, ф. Едисанские дела, б/н, 1757—1758 гг., лл. 44—45; «Кле-
еманово путешествие...», стр. 243.

Ногаи.
Гравюра XVIII в. (Государственный Исторический музей)

развития, — тогда как у крымских татар давно утвердилось мусульманство.

Крымские татары подчинили себе ногаев и сильно их эксплуатировали. Ногаи должны были поставлять хлеб для Константинополя, причем сборщики хлеба зачастую прибегали к насильственным методам¹. Ногаи были обязаны нести военную службу и подчиняться татарским сераскерам (командующим войсками). На Северном Кавказе (у так называемых кубанских ногаев) был особый сераскер, имевший резиденцию в Копыле. Ему принадлежала и юрисдикция над ногаями. В его пользу население уплачивало десятую долю урожая зерна и одного барана с кибитки. При назначении сераскера с ногаев взималось 800 быков². Ногаи сопротивлялись угнетению, и крымским ханам приходилось их постоянно усмирять. Характерно, что каждый оппозиционный султан в Крыму, начинавший борьбу против правящей группировки, обычно старался опереться на ногаев.

Клееман, проезжавший в 1768 г. через земли буджакских ногаев, отметил, что эти подданные турецкого султана питают «тайную ненависть к туркам». Буджакские богачи отказывались уступать дорогу туркам, причем дело доходило до вооруженных столкновений. Ногайские женщины боялись турок и прятались от них. Застигнутый в Крыму русско-турецкой войной, Клееман больше всего опасался нападения ногаев, «ибо сии предупредили в 1737 году российскую армию нашествием своим в Крым...»³

С начала XVIII в. восстания ногаев против Крыма стали хроническим явлением. Имели место также попытки ногаев переселиться в русские пределы. Русское правительство разрешало это только обществам, «наперед сего в здешнем подданстве бывшим»⁴.

Несмотря на свои противоречия с крымскими татарами (а зачастую именно вследствие этих противоречий), ногаи были крайне беспокойным и опасным элементом на юге России. Их постоянные передвижения усиливали и без того хаотическое состояние южнорусских границ; попытки ногаев скрыться на территории России от тягот, которые возлагали на них татарские феодалы, порождали трения русского правительства с Крымским ханством и Портой. Наконец, известная часть ногайской эксплуататорской верхушки (мурзы) была вполне предана крымским ханам и, подобно им, предпринимала грабительские набеги на земли казаков.

Помимо татар и ногаев, подданными крымского хана считались также западные черкесы, или адыге, занимавшие левобережье

р. Кубани. Однако зависимость последних от Крыма была чисто номинальной. «...По крепости тех гор, в которых они живут,—говорилось в одном современном документе,—слушают их (ханов.—Е. Д.), в чем сами хотят»¹. Господствующая верхушка Крыма прилагала огромные усилия, чтобы завоевать адыгейские племена. Походы татар на Кавказ сопровождалась уводом пленных, захватом добычи и ничем не отличались от набегов на южнорусские земли.

Не один раз адыгейские племена заявляли о своем желании перейти в русское подданство. Так, в 60-х годах XVIII в. «темиргойцы через одного кабардинского владельца просили о принятии своем в подданство ее имп. в-ва, но на то им никакого ответа не учинено, не будучи возможно того им дозволять без явного с Портою Оттоманскою нарушения дружбы»².

Далее на восток шли земли восточной ветви адыге — кабардинцев. Стратегическое значение этих земель было исключительно велико: через Кабарду и примыкавшую к ней с юга Северную Осетию проходил путь в Закавказье.

Задолго до описываемых событий кабардинские феодалы вытеснили из предгорных равнин осетин и обложили их данью. Они подчинили себе и некоторые другие горские народы. Крымские ханы учитывали это обстоятельство. В одной из русских правительственных инструкций по этому поводу говорилось: «...Если бы удалось которому из ханов крымских привести кабардинцев в свое послушание, мог бы он старание свое распространить о приобретении уже в свое подданство и других горских народов, а тем сделать себя сильным и во всех горах»³. Вопреки Белградскому договору, провозгласившему независимость Кабарды, крымские ханы вмешивались во внутренние дела Кабарды, требовали (и иногда добивались) от нее присылки дани людьми⁴ и стремились завязать более тесные связи с отдельными группами кабардинских феодалов.

К 60-м годам XVIII в. феодальные отношения в Кабарде достигли сравнительно высокой ступени развития. Народные массы страдали здесь не только от турецко-крымских набегов, но и от жестокой эксплуатации со стороны своих феодалов. Это побуждало их покидать родные места и селиться на русской укрепленной линии — сначала в крепости Кизляр, а после построения в 1763 г. Моздока — преимущественно в этой новой крепости. Там они принимали христианство, что освобождало их от феодальной зависимости.

Русское правительство охотно принимало беглецов и для

¹ Peyssonel. Указ. соч., т. II, стр. 345.

² Там же, стр. 258.

³ «Клееманово путешествие ...», стр. 43, 57 — 58, 122, 215.

⁴ АВПР, ф. Едисанские дела, б/н, 1757 — 1758 гг., л. 13.

¹ Сб. РИО, т. 48, стр. 517.

² Там же, стр. 518.

³ Там же, стр. 514.

⁴ Peyssonel. Указ. соч., т. II, стр. 310.

привлечения к себе кабардинцев даже предоставляло им некоторые материальные блага (землю, ссуду в виде хлеба и семян, торговые льготы и т. д.)¹.

Естественно, что кабардинская верхушка заняла резко враждебную позицию по отношению к России. Действуя совместно с Портой и крымским ханом, кабардинские феодалы стали требовать упразднения Моздока, устраивать нападения на русские крепости. В 1767 г. часть из них даже переселилась на р. Куму, послав коменданту Кизляра письмо, в котором говорилось: «...Перейдем туда, чтоб бежавшим от нас холопьям нашим за дальностью места о побеге их было им неспособно и невозможно, хотя они учинят побег, то было способно нам за ними учинить погонь»².

Таким образом, народные массы Кабарды сохраняли и расширяли свои связи с Россией, в то время как господствующая верхушка занимала антирусскую позицию. Эта двойственность отразилась и на отношении кабардинцев к насаждавшемуся Турцией мусульманству: только среди господствующего класса эта религия встречала сочувственный прием.

На русскую линию в большом количестве переселялись также осетины. Отрезанные землями Кабарды от русских границ, они испытывали большие затруднения, так как с давних пор вели торговлю с Россией, выменивая у русских соль, хлеб, текстильные и металлургические изделия.

Осетины надеялись с помощью России освободиться от вассальной зависимости по отношению к Кабарде. В 40—60-х годах XVIII в. осетинские старшины неоднократно обращались к правительству Елизаветы Петровны с просьбой принять их вместе с рядом «фамилий из их народа» в русское подданство. Они видели в этом спасение не только от гнета кабардинских феодалов, но и «от нападения крымских и кубанских войск»³.

Сближение с Осетией представлялось русскому правительству очень желательным по стратегическим соображениям. Кроме того, в середине XVIII в. на территории Осетии были найдены залежи свинцовых и серебряных руд, разработка которых позволила бы уменьшить ввоз серебра из-за границы. Но зависимость Осетии от Кабарды заставляла действовать очень осторожно: хотя эта зависимость юридически оформлена не была, однако она была фактом, и Турция могла обвинить Россию в нарушении Белградского договора. Поэтому Сенат отложил

¹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, с 1772 по 1803 год, ч. II, СПб., 1869, стр. 1—6.

² Б. В. Скитский. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739—1779), Владикавказ, 1930, стр. 25.

³ «Материалы по истории осетинского народа», т. II, Орджоникидзе, 1942, стр. 55.

до более благоприятного времени принятие осетин в русское подданство. Решено было ограничиться подготовительными мероприятиями, в частности, продолжать христианизацию осетин.

Земли Северного Дагестана между Сулаком и Тереком, населенные кумыками, со времени персидского похода Петра принадлежали России. Они примыкали к предгорным владениям шамхальства Тарковского (тоже населенного кумыками). Шамхал официально считался подвластным Ирану. Но вследствие развала иранского государства он стал фактически самостоятельным правителем и в своей внешней политике ориентировался на Россию.

В течение XVIII в. неуклонно развивались торговые связи кумыков и других народов Дагестана с Россией, что было очень важно для восстановления их экономики, сильно пострадавшей от неоднократных нашествий иранцев, турок, татар. Через кумыкскую низменность велась также транзитная торговля России с Закавказьем и Ираном.

Отсутствие непосредственного соседства Дагестана и Турции отнюдь не означало, что в этой части Кавказа не было турецкой опасности. Иран слабел, и Турция стремилась захватить его владения на Кавказе, а заодно и принадлежавшие России земли кумыков. В 1762 г. государственный канцлер М. И. Воронцов указывал на намерение турок «учинить приобретения над Персиею, и особливо близ Каспийского моря». Если это случится, писал Воронцов, «то не трудно им (туркам. — Е. Д.) будет не токмо заведенной на том море российской торг испровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы российские»¹.

Как видим, в середине XVIII в. южные границы России не могли считаться прочными и надежными: они находились под постоянной угрозой со стороны Турции, которая обладала таким важным стратегическим плацдармом, как Крымский полуостров. В то же время она располагала военными силами татар и ногаев. На Кавказе турки развивали большую военную активность. Ближайшей целью их агрессивных планов была Кабарда, которая могла служить опорным пунктом для дальнейшей экспансии.

Хотя в XVIII в. могущество Турции клонилось к упадку, она не переставала быть опасной для России. Она все более превращалась в орудие западноевропейских держав, действовавших за ее спиной против России.

* * *

Чтобы понять, почему стратегическая задача обеспечения безопасности южнорусских границ приобрела особую остроту

¹ «Архив кн. Воронцова», кн. XXV, стр. 301.

во второй половине XVIII в., необходимо обратиться к внутреннему положению России, к состоянию ее производительных сил и производственных отношений.

В течение первой половины XVIII в. производительные силы России значительно подвинулись вперед в своем развитии. Хотя Россия оставалась аграрной страной с господством феодально-крепостнических отношений, однако отделение промышленности от земледелия наблюдалось не только в центре страны, но и на ее окраинах. Прежде всего необходимо указать на повсеместное развитие крестьянских промыслов. Указанное явление было тесно связано с существенным изменением производственных отношений, а именно с распространением оброчной системы. Эта форма денежной ренты, сама являясь следствием общественного разделения труда и вызванного им подъема производительных сил, в XVIII в. начала оказывать все более заметное *обратное воздействие* на производительные силы страны¹. Крестьянин, получивший возможность хотя бы частично реализовать продукт своего избыточного труда в свою пользу, был заинтересован в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов, а также изделий своей домашней промышленности. Последняя переросла в ремесло и мелкотоварную промышленность. К 60-м годам XVIII в. определились многочисленные центры крестьянских промыслов (к ранее существовавшим добавились новые) — текстильных, кожевенных, солеваренных, железодельных и т. д. В Московской губернии получила особенно заметное развитие текстильная промышленность крестьян². А. Т. Болотов во время своих поездок по центральной России очень часто обнаруживал места, в которых все население поголовно занималось тем или другим промыслом. В Туле он встретил множество «кузнецов, шлёсарей и ружейных мастеров»; село Лопасня «славилось деланием и продажей колес», город Кашин «славился... во всей России белилами, с отменным искусством тут делаемыми», и т. д.³

Ярким свидетельством высокого развития крестьянской промышленности в 60-х годах XVIII в. являются жалобы купечества на крестьянскую конкуренцию в екатерининской комиссии 1767 г. Помещики отстаивали право крестьян заниматься неземледельческими промыслами, потому что это давало им возможность выжать больше доходов из своих крепостных в виде оброка. Но,

¹ О последствиях замены натуральной ренты отработочной и денежной см. К. Маркс. Капитал, т. III, 1953, стр. 807—815.

² См. И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века.

³ «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738—1793», т. II, СПб., 1871, стр. 976, 1015, и т. III, СПб., 1872, стр. 68.

несмотря на то что помещик старался оставить крестьянину только необходимый продукт для поддержания его существования, с развитием крестьянских промыслов значительно усилилось имущественное расслоение деревни. Разбогатевшие крестьяне заводили собственные мануфактуры, используя на них вольнонаемный труд пришлых оброчных крестьян.

На основе крестьянских промыслов происходил рост крупной промышленности мануфактурного типа¹. Если даже при простой кооперации «дело идет... о создании новой производительной силы»², то тем более приложим этот вывод к мануфактуре, основанной на разделении труда.

К концу первой четверти XVIII в. насчитывалось 195 крупных предприятий (с числом рабочих не менее 15—16 человек), а уже через 40 лет, в 1767 г., число их увеличилось до 567³. Подавляющее количество рабочих было занято добычей и обработкой металла. Эта отрасль промышленности, получившая новый толчок в начале XVIII в., к 60-м годам достигла высокого уровня развития. Главным горнозаводским районом страны и в то же время ее арсеналом сделался Урал. Металлургические заводы выросли также и в других частях России. В XVIII в. Россия обладала самыми мощными доменными печами. Развивалась и металлообрабатывающая промышленность. Уже в 20—30-х годах появились площиальные машины для производства шинного, а затем и листового железа⁴.

Совершенствовались производственные навыки людей. Еще при Петре I начали создаваться горнозаводские школы, которые на протяжении всего XVIII в. снабжали металлургическую и металлообрабатывающую промышленность обученными кадрами⁵.

Технический прогресс не мог не отразиться на производительности труда. В 1800 г. средняя производительность уральской домны составляла 90 000 пудов чугуна, а в Англии — 65 000 пудов⁶.

Продукция русских металлургических заводов в XVIII в. превосходила продукцию Англии и других европейских государств также в абсолютных цифрах. В 1767 г. она составляла 82 000 тонн чугуна, тогда как промышленность Англии в 1770 г. дала всего 32 000 тонн чугуна⁷.

¹ Генетическая связь между этими двумя типами производства показана Б. Б. Кафенгаузом на примере горных заводов Урала. См. его «Историю хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.», т. I.

² К. Маркс. Капитал, т. I, 1952, стр. 332.

³ И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 39 и 45.

⁴ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, стр. 452.

⁵ В. В. Данилевский. Указ. соч., стр. 66—67.

⁶ Там же, стр. 79.

⁷ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 456.

Однако необходимо оговориться, что потребление металла на душу населения было еще очень низким в крепостнической России. Внутри страны железо шло преимущественно на вооружение, без которого нельзя было решить насущных задач внешней политики. В гораздо меньшей степени русское железо использовалось для строительства заводов и судов, а также для нужд мелких производителей.

И. В. Сталин подчеркивал важность этого последнего критерия при определении экономической мощности промышленности. Он писал: «Экономическая мощность промышленности выражается не в объеме промышленной продукции вообще, безотносительно к населению страны, а в объеме промышленной продукции, взятом в его прямой связи с размерами потребления этой продукции на душу населения»¹.

В середине XVIII в. почти половина русского железа шла на экспорт². Русский металл, не находивший себе применения внутри страны, оплодотворял тяжелую промышленность Англии, что имело огромное значение для хода английской промышленной революции XVIII в.

Секретарь английской торговой компании, производившей торговлю с Россией, Форстер, высказался следующим образом о значении русского железа: «Другие купцы хвастают тем золотом и серебром, которое ввозят они в Англию, но ни из одного да ни из другого нельзя сделать ни якорей, ни сох. Орудия земледелия, мореплавания, торговли и художеств производят³ не перуанские, но сибирские горы»⁴.

Второе место после металлургии по числу рабочих, занятых в крупных предприятиях, принадлежало текстильной промышленности. Продукция суконных, полотняных, шелковых, хлопчатобумажных мануфактур (особенно парусное полотно) играла заметную роль в русском экспорте. Развивались также другие мануфактуры — керамическая, писчебумажная и т. д.

Замечательный взлет русской технической мысли, характерный для второй половины XVIII в., несомненно, был связан с развитием крестьянской промышленности и общим ростом производительных сил в стране. Обилие народных талантов в этот период является предметом национальной гордости русских людей. «Если английские мастера в этот век артистического ручного труда способны были сконструировать даже механическую блоху, то наши русские во всяком случае могли ее

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, 1952, стр. 617.

² Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 456.

³ Т. е. выносят из себя, производят.

⁴ Центральный Государственный исторический архив г. Ленинграда (в дальнейшем: ЦГИАЛ), Комиссия о коммерции и пошлинах, ф. 4, оп. 1, д. 485, л. 8, 1774 г.

подковать», — остроумно замечает академик С. Г. Струмилин¹.

Однако в условиях феодального строя важнейшие технические открытия часто не находили применения в производстве. Вызвав сенсацию, они вскоре забывались или превращались в достойные Кунсткамеры. Известно, что талантливый механик И. П. Кулибин волею обстоятельств стал придворным иллюминатором, декоратором и строителем развлекательных механизмов. А между тем он изобрел много орудий производства (сеялку, подъемную машину и т. д.).

В 60-х годах XVIII в. развернулась творческая деятельность замечательного изобретателя К. Д. Фролова, который впервые создал систему машин, превратив водяное колесо в двигатель всех рабочих механизмов предприятия². По мнению современников, в результате этого нововведения, примененного на рудниках Алтая, «людям немало работы уменьшилось»³. Однако дешевизна рабочих рук при крепостничестве обесценивала подобные изобретения, введение которых требовало значительных капитальных затрат. Система машин, сконструированная Фроловым, действовала довольно долго, а затем все пошло по-старому. Такая же судьба постигла паровую машину Ползунова на Урале и прядильную машину Родиона Глинкова, созданную в 1760 г. Заметим, что в капиталистической Англии подобные машины, введенные в конце XVIII в., произвели промышленный переворот.

Феодально-крепостнические отношения уже заметно тормозили развитие производительных сил. Это сказывалось не только в том, что русское железо недостаточно потреблялось внутри страны, а технические изобретения не находили применения в производстве: важно отметить, что развивающаяся крупная промышленность не имела рынка вполне свободной рабочей силы. Когда оброчный крестьянин нанимался на мануфактуру, принадлежавшую купцу или богатому крестьянину, то, выступая перед лицом предпринимателя в качестве вольнонаемного рабочего, он оставался крепостным и должен был отдавать помещику значительную часть своей заработной платы в виде оброка.

Намечавшееся несоответствие производственных отношений характеру производительных сил прослеживалось и в сельском хозяйстве. Крестьянин, задавленный непомерными платежами в пользу помещика, едва мог выработать продукт для прокорм-

¹ С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России, М., 1944, стр. 13.

² В. В. Данилевский. Указ. соч., стр. 287—288.

³ Слова А. И. Порошина. Цит. по указ. книге В. В. Данилевского, стр. 289.

ления себя и своей семьи. У него не хватало средств, чтобы усовершенствовать свои орудия труда. Технический уровень сельского хозяйства в течение всего XVIII в. оставался крайне низким. Орудия и способы обработки почвы в конце XVIII в. мало изменились даже по сравнению с XVI—XVII вв.¹ Господствующим орудием попрежнему была соха. В нечерноземной полосе земли были уже выпажаны; только там, где применялись правильная трехпольная система и навозное удобрение, земледелие было возможно. Но если в нечерноземной полосе трехполье и удобрение земли получили известное распространение, то в других частях страны господствовала примитивная система земледелия без правильного чередования посевов.

Между тем вовлечение значительной части населения в промышленное производство требовало большего количества сырья для промышленности и продуктов питания для рабочих. Особенно велик был спрос на главный предмет питания — хлеб. Следствием этого повысившегося спроса явилась хлебная дороговизна 60-х годов XVIII в.²

Вопрос о повышении производительности труда в сельском хозяйстве в целях извлечения наибольших доходов начинал все более занимать помещиков. Приветствуя манифест о вольности дворянства, освободивший его от обязательной службы, помещики стали оседать в деревне, стараясь поднять доходность своих имений. Появился помещик типа Болотова — расчетливый и деятельный хозяин, «эконом» (как от себя называл). Вся деятельность Вольного экономического общества, созданного в 1765 г., была направлена на удовлетворение запросов этой группы дворянства. В последней трети XVIII в. возникла даже большая литература по вопросу улучшения техники сельского хозяйства³.

Однако практические результаты помещичьей рационализации земледелия были ничтожны; да они и не могли быть иными, поскольку феодальная эксплуатация крестьян оставалась в силе и оказывала тормозящее влияние на экономик.

Весьма знаменательно, что в 60-х годах более прогрессивные помещики стали задумываться над тем, не следует ли предоставить крестьянам право собственности на движимое имущество и землю. Такова была известная конкурсная задача Вольного

¹ П. И. Лященко. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке. — «Исторические записки», т. 15, 1945, стр. 109.

² Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. — «Летопись занятий Археологической комиссии за 1927—1928 гг.», вып. 35, Л., 1929.

³ См. К. В. Сивков. Вопросы сельского хозяйства в русских журналах последней трети XVIII в. — «Материалы по истории земледелия в СССР», М., 1952.

экономического общества¹. К этому же были направлены выступления отдельных депутатов на заседаниях Комиссии по составлению нового Уложения. Это были серьезные симптомы, свидетельствовавшие о том, что развитие экономики страны достигло той стадии, когда тормозящая роль крепостничества сказывается уже вполне явственно, а крестьянские волнения грозят нанести удар крепостному строю.

В условиях крепостничества рост сельскохозяйственной продукции мог быть достигнут только двумя путями: посредством усиления эксплуатации крестьян или расширения посевных площадей.

Распашка новых земель крестьянами получила толчок еще при Петре I в связи с введением подушной подати (взимавшейся независимо от количества земли)². В дальнейшем этот процесс развивался ускоренным темпом. Русские люди осваивали степные просторы, а также участки, покрытые лесом, кустарником и даже болотами. Исследователи отдельных губерний сообщают данные о расширении посевных площадей в 60-х годах XVIII в. в Воронежской и Московской губерниях³. Помещики увеличивали свою запашку путем сокращения крестьянских наделов; с другой стороны, они старались округлить свои владения за счет соседей (в частности, вытеснить с земли недворян), ликвидировать череполосицу и т. п.

Генеральное межевание, предпринятое по манифесту Елизаветы Петровны от 1752 г., явилось следствием этой возросшей заинтересованности помещиков в расширении своей запашки. В манифесте оно мотивировалось участвовавшими случаями умышленных и неумышленных захватов чужой земли, драк и даже убийств на межах.

В такой обстановке плодородные земли южной России должны были привлекать к себе особенное внимание господствующего класса. По мере того как русские владения распространялись на юг, все дальше продвигалась и помещичья колонизация.

Во второй половине XVIII в. в Слободской Украине исчезла вольная заимка. Казачья старшина и русские помещики путем захвата или покупки завладели землями бедноты и стали селить на них крепостных крестьян. Аналогичный процесс происходил и в Левобережной Украине. Что касается запорожских земель,

¹ См. «Труды Вольного экономического общества» (в дальнейшем: Труды ВЭО), 1766, ч. IV, стр. 201—203.

² П. И. Лященко. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в., стр. 98.

³ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 58, 62, 77, 82, 102; Э. А. Нерсесова. Экономическое состояние Костромской провинции Московской губернии по хозяйственным анкетам 1760-х годов. — «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 161.

то помещики не только не могли воспользоваться этими плодородными землями, но зачастую даже лишались своих крепостных крестьян, которые бежали в Запорожье в поисках лучшей доли.

Стремление помещиков расширить свои земельные владения за счет просторов южной России (т. е. освоить уже входившие в ее пределы земли) усиливало значение стратегических задач внешней политики: для того чтобы можно было полнее использовать плодородные земли юга, необходимо было обеспечить их от татарских набегов.

Экономические интересы дворянства тесно переплетались с политическими. В обстановке, когда непрерывные выступления крестьян делали затруднительным и опасным усиление эксплуатации крепостных, все заметнее проявлялась тенденция господствующего класса укрепить свое положение путем распространения феодализма вширь.

Но территориальный вопрос не исчерпывал содержания черноморской проблемы, рассматриваемой с экономической точки зрения. Не менее серьезное значение имела заинтересованность господствующего класса в развитии внешней торговли. Усилившийся спрос на продукты сельского хозяйства явился важным стимулом их производства, причем растущее предложение стало постепенно обгонять спрос на внутреннем рынке. Несмотря на то, что развитие всероссийского рынка к середине века достигло более высокой ступени (это выразилось в отмене внутренних таможенных сборов в 1754 г.), внутренняя торговля, в силу низкой покупательной способности масс, не могла поглотить всей товарной продукции. При тогдашнем бездорожье исключительно важную роль, с точки зрения торговли, играли реки, дававшие возможность вывозить товары за границу. К. Маркс указывал, что Волга, Днепр, Дон «образуют естественные каналы для сплава внутренних продуктов в Черное море». При этом он подчеркивал особое значение рек для земледельческих стран: «...громоздкость их произведений, — писал он, — неизбежно делает водные перевозки основным видом транспорта»¹.

Открытие выхода к Балтийскому морю значительно расширило торговые связи России с заграницей. За период с 1726 по 1762 г. среднегодовой оборот русской внешней торговли увеличился более чем втрое (с 6,3 млн. руб. в 1726 г. до 20,9 млн. руб. в 1762 г.)² при неизменном активном балансе. Господствующее место среди предметов вывоза занимало сельскохозяйственное сырье — пенька, лен, лес, кожа и т. д. Продукты питания занимали незначительный процент в русском экспорте. Среди промышлен-

ных изделий на первом месте стояли железо (вывоз его продолжал расти до 90-х годов XVIII в.) и льняные ткани.

Отражением этой специфики русской внешней торговли (высокого удельного веса сельскохозяйственного сырья), связанной с дешевизной рабочих рук в хозяйстве помещика-крепостника, явилась теория, провозглашавшая, что вывоз необработанных продуктов наиболее выгоден для России. Член Вольного экономического общества Клингштедт писал:

«...Такое государство, которое имеет в себе бесконечное пространство плодородных земель, а не довольное против оных число жителей, надежнее может богатиться размножением своих сырых продуктов и распространением земледелия, нежели самыми цветущими фабриками. Прибыточная продажа сырых продуктов не может так легко быть воспрепятствована взаимным устремлением других народов, как всякого рода фабрики»¹. Клингштедт выступал в качестве сторонника реакционной идеи превращения России в сырьевой придаток Европы.

Хотя вывоз хлеба в изучаемый период был еще относительно очень мал, однако перспективы расширения хлебного экспорта уже намечались. Важным стимулом производства и вывоза хлеба явился возраставший спрос на русский хлеб в Англии в связи с промышленным переворотом.

Заботы о развитии хлебного вывоза выразились, между прочим, в установлении премии тому купцу, который вывезет больше всего пшеницы за границу².

В обстановке более быстрого экономического развития России торговля через северные порты сделалась недостаточной. В особенно трудном положении находились помещики Украины и соседних с ней великорусских областей. В ответах на анкету Вольного экономического общества, полученных из Слободской Украины, говорилось, что земля этого края «тучная и легкая», что она даже не требует удобрения, однако земледелие здесь не развивается по той причине, что жители «не имеют способа, куда оной (хлеб) с прибылью отпускать, потому что в близости сих стран никакого порта нет»³. С этим было связано чрезвычайное распространение винокурения на юге страны.

Исследователь русского хозяйства и русской торговли Фрибе, член Вольного экономического общества, писал в 90-х годах по поводу состояния хлебопашества на юге России: «Причиной того, что его (т. е. хлеба) выращиванием до сих пор пренебрегали, являлось отсутствие выгодного сбыта»⁴.

¹ Труды ВЭО, 1765, ч. I, стр. 161—162.

² Там же, стр. 162.

³ Та же, 1768, ч. VIII, стр. 75—76, 80.

⁴ W. Ch. Friebe. Ueber Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur, Industrie und Produkte, т. I, Гота и Петербурга, 1796, стр. 87.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 382.

² И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 42.

Выход к Черному морю имел значение не только для юга в узком смысле слова. Ввиду огромной протяженности рек, впадающих в Черное море, вывоз продуктов через южные порты имел большое значение даже для такого отдаленного пункта, как Смоленск. Определяя область, продукты которой наиболее удобно вывозить по Черному морю, Фрибе проводил черту от Смоленска к Калуге и Воронежу, далее по рекам Медведице и Дону¹. Факты вывоза хлеба из Воронежской губернии через Азовское и Черное моря в Константинополь даже в неблагоприятных условиях 60-х годов XVIII в. отмечает в своих исследованиях Б. Д. Греков².

Как известно, Белградский договор дал России право производить торговлю по Черному морю на турецких судах. Уже в 40-х годах XVIII в. русским правительством были приняты меры к реализации этого права. По предложению президента Коммерц-коллегии Б. Юсупова русскому посланнику в Константинополе Вешнякову была направлена анкета из 17 вопросов, касавшихся перспектив русской черноморской торговли. Коммерц-коллегию интересовал весь обширный азиатский рынок, в том числе Иран, Аравия, Африка. Вешняков должен был собрать сведения также о том, какие русские товары привозятся в Османскую империю иностранными купцами, каким образом можно было бы устроить посредничество англичан и голландцев в торговле между Россией и итальянскими государствами и т. д.³

Ответы Вешнякова подтвердили всю важность развития черноморской торговли. Страны Азии предъявляли спрос не только на сельскохозяйственные продукты (в том числе на хлеб), но и на всевозможные промышленные изделия. Это обстоятельство имело тем большее значение, что вывоз предметов русской промышленности на рынки Западной Европы наталкивался на конкуренцию других держав, опередивших Россию в своем промышленном развитии⁴.

Однако переписка с Вешняковым не имела сколько-нибудь существенных последствий. Производить торговлю по Черному морю при существовавших тогда условиях было невыгодно и даже опасно. Не говоря уже о фрахте, повышавшем накладные расходы, пользование турецкими судами часто приводило к гибели не только товаров, но и людей. Русский резидент в Константинополе А. М. Обресков тщательно изучал причины «случающихся на

¹ W. Ch. Friebe. Указ. соч., стр. 85.

² Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 63 и 70.

³ В. А. Ульяницкий. Указ. соч., Приложения, стр. XXI—XXVI.

⁴ Экономисты XVIII в. указывали, что на Черном море русское купечество сможет действовать более свободно и самостоятельно, чем на Балтийском, где «важнейшая торговля уже находилась в руках множества европейских наций».—Friebe. Указ. соч., т. I, стр. 38—39.

Черном море несчастий». Он приписывал их главным образом «худой оснастке (судов. — Е. Д.) и неразумению рейзов, или кормщиков». Основной недостаток оснастки заключался в том, что паруса (как правило, непропорционально большие) делались не из парусины, а из хлопчатой бумаги. Во время дождя они обильно впитывали в себя воду, вследствие чего становились тяжелыми и малоподвижными. Команде судна приходилось прилагать огромные усилия, чтобы поднять или повернуть такой парус. «...Во время порывных сильных ветров часто оные парусы раздираются или машты ломаются, — писал Обресков, — а по причине оной парусов огрузки принуждены (суда. — Е. Д.) иметь множество матросов, вчетверо или впятеро против находящихся на европейских купеческих кораблях, равным грузом наполняемых...»¹

Характеризуя греческих шкиперов, водивших торговые суда к северным берегам Черного моря, Обресков писал: «Рейзы же, или кормщики, навигации в теории не обучены, а ездят и управляют через экспириенцию и перенимая от других, к тому же и компаса при себе не имеют, чего ради принуждены всегда берега моря в виду иметь, а когда в таком состоянии ветры к берегу подуют, то, по неспособности величины парусов и за происходимою конфузию, море держать никак не могут, но как наискорее ищут, когда не могут в какой порт попасть, на мель стать и тем живот свой спасти. Сие несчастье наиболее случается при европейских берегах Черного моря по причине весьма далеко в море простирающихся отмелей от нанесения песку и илу реками Днепром, Днестром и Дунаем»².

В поисках выхода из создавшегося положения Обресков рекомендовал русским купцам посылать под видом приказчиков или работников «отставных служивых во флоте»³.

Плохое качество турецких судов и судовых команд было единственной причиной слабого развития черноморской торговли. Постоянная опасность татарских набегов, царившая на юге, удерживала купечество от торговых предприятий в этом направлении. Те же купцы, которые на это отваживались, подвергались произвольным поборам со стороны крымских ханов. Правители Крыма не проявляли интереса к развитию торговли с Россией. Привыкшие обогащаться преимущественно путем фискальных сборов, они и торговлю русских купцов эксплуатировали этим хищническим образом. В 1762 г. они запретили «плавание из турецких областей по Черному морю рекою Днепром в Запорожскую Сечь, а оттуда обратно торговым судам,

¹ В. А. Ульяницкий. Указ. соч., стр. LIII.

² Там же.

³ Там же, стр. LV.

принуждая их приставать для нагружения товаров в крымских гаванях». Русское правительство справедливо считало, что из этого «неминуемо последовать имеет здешним подданным в коммерции ущерб и отягощение, а особливо, когда они по такому ханскому запрещению принуждены будут товары свои сухим путем до крымских портов для отпуски в турецкие владения привозить, а не водою по реке Днепру и прямо в определенное им место, минуя Крым»¹.

Взимание сборов за провоз товаров через Крым противоречило русско-турецким соглашениям о торговле. Однако бесконечные протесты русского правительства не помогали. В 1767 г. Обресков снова сообщал, что татарские ханы, «в отягощение российским подданным берут с товаров, ввезенных из сей столицы (Константинополя) и за которые уже пошлина заплачена, *вторую*, принуждая купцов, находящихся в Крыму, платить по два со ста для переводчика его светлости»².

Правительство Крыма упорно отказывалось допустить пребывание в Крыму русского консула, что осложняло положение русских купцов, приезжавших в Крым в торговых целях.

Не имея портов на Черном и Азовском морях, русское купечество пыталось вести торговлю с Константинополем через Темерников, расположенный в низовьях Дона. В 1757 г. там была основана купеческая компания. Однако, несмотря на всяческие поощрения со стороны правительства, торговые операции этой компании, по словам одного современника, представляли «одну только тень прямой коммерции»³. Прибывая из Турции, купцы по полгода ожидали товаров, предназначенных для обмена на привезенные ими; в результате товары, которые должны были поступить весной, поступали глубокой осенью и продавались по пониженной цене; к тому же за время ожидания судовладельцам уплачивались большие дополнительные суммы. В 1762 г. компания перестала существовать. Современники обвиняли в этой неудаче самих купцов, но главная причина лежала глубже — в общем положении на юге России.

Итак, торговое судоходство по нижнему течению Дона влачило жалкое существование. Не лучше обстояло дело и на Днепре, который в описываемое время отнюдь не мог быть назван каналом для сплава продуктов в Черное море. Весьма показательным, что Киев, расположенный на Днепре, развивался сравнительно

слабо, уступая торговое первенство Нежину, который вел *сухопутную торговлю* с Турцией, Польшей и Силезией через западную границу. В Нежине была в то время крупнейшая из украинских ярмарок.

Сухопутную торговлю с Турцией, Крымом и Польшей (с последней преимущественно транзитную) вели поселенцы Ново-Сербии и запорожские казаки. Из Ново-Сербии вывозились преимущественно местные произведения (коровье и овечье масло, рогатый скот) и небольшое количество промышленных изделий, привозимых из великорусских губерний (металлические изделия, холст, парусина и т. д.)¹.

Торговля запорожских казаков, по данным новейших исследований², была развита значительно более, чем это представлялось до сих пор. Запорожская старшина продавала в Крым, Турцию и Западную Европу большое количество лошадей, рогатого скота, овец, а также продуктов животноводства (шерсть, кожа, сало, масло и т. д.). Расширялась и продажа хлеба, в котором испытывали большую нужду, в частности, ногаи³. Запорожцы отчасти производили и транзитную торговлю: сбывая крымскую соль и другие товары на Украину, они возили в Крым украинский табак, полотно, предметы русских мануфактур.

Опасности южной торговли имели следствием появление у запорожцев особой группы вооруженных людей, так называемых чумаков⁴, которые путешествовали отрядами и в случае набега татар составляли из своих возов нечто вроде укрепленного лагеря⁵.

Из-за границы в Запорожье, Новороссию и на Украину поступали овечьи шкуры, шерсть различных видов и качества (из Анатолии, с Архипелагских островов, из Крыма, с Дуная), хлопчатая бумага, кумач, шелк, сухие фрукты (с Дуная, Архипелага), греческие и крымские вина, оружие, соль и т. д.

Итак, сухопутная торговля со странами Восточного Средиземноморья начинала играть заметную роль в экономике южной России. Но ее место в хозяйственной жизни страны в целом было слишком ничтожно. И это вполне понятно. Невозможность использовать для перевозки товаров важнейшие русские реки усложняла и удорожала транспорт. За транзит товаров через польские земли купечеству приходилось платить различные пошлины и сборы.

¹ В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 99.

² См. В. А. Голобуцкий. Указ. соч., стр. 234—239.

³ Даже во время войны 1768—1774 гг. продолжался привоз хлеба к ногаям из Запорожья.

⁴ Название «чумаки» произошло от слова «чума». Для предохранения от этой болезни, часто посещавшей турок и татар, чумаки вымазывали свою одежду дегтем.

⁵ А. Скальковский. Указ. соч., ч. I, стр. 289—290.

¹ Сб. РИО, т. 48, стр. 503 (Из инструкции консулу Никифорову от 14 мая 1763 г.).

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 418, 1767 г., л. 54. Курсив мой. — Е. Д.

³ Н. Н. Фирсов. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование Екатерины II, Казань, 1902, стр. 277.

В начале 1760-х годов Комиссия о коммерции разработала следующий проект: предложить турецким купцам производить торговлю не через польскую границу, а через земли ногаев. Для этого купцы должны были из Очакова направиться по суше на слободу Орел (при впадении р. Синюхи в Буг) или пересекать Запорожскую Сечь и таким образом попадать в Ново-Сербию. Это позволило бы русским купцам сбывать товары на своей территории без уплаты пошлин полякам; в то же время это удешевило бы привозимые товары. Член Коммерц-коллегии Дмитрий Лодыгин, поддерживая идею открытия нового сухого пути на юге России, писал А. М. Обрескову в 1761 г.:

«...Доколе прямо не будут уверены российские знатные купцы, что охотники с турецкой стороны товары наши главные у Днепра или близ Очакова в показанных местах купить либо на хорошие оттуда товары, яко шелк, шерсть и бумагу хлопчатую, ладан и протчие, кроме вин и бакалей, менять сыщутся, дотоле собою иные товары на случай привозить трудно отважатся. Донеже же из Туречины по Днепру при Запорожской Сече и на пятьдесят тысяч рублей торгу не бывало...»¹

Однако проект Коммерц-коллегии не был реализован. Предложенные торговые пути не устраняли опасностей, связанных с черноморским судоходством и с провозом товаров через земли Крымского ханства. Неудивительно, что турецкие подданные — греки и армяне, которые по преимуществу выступали в роли торговцев Османской империи, предпочитали придерживаться прежнего пути — через русско-польскую границу. Обресков так писал об этом из Константинополя Д. Лодыгину: «...Им на Польшу дорога прямая и меньше убыточнее, нежели чрез здешнюю столицу... В провозе товаров обыкновенным путем оне ничего, кроме некоторых издержек, устрашаться не имеют; а при перевозке тех товаров отсюда Черным морем, сколько экспиенция доказывает, по худой конструкции мореплавных судов и по неискусству правящих оными всегда неминуемой опасности подвергнуты бывают, а наипаче езда в Очаков, где нет ни единого порта, ни укрытия и куда токмо мелкие суда ходят, да и те в весьма не в великом числе»².

В период постановки вопроса о новом сухом пути для торговли с Турцией, Италией и другими странами средиземноморского бассейна были снова обсуждены экспортные возможности России применительно к данному рынку. Лодыгин полагал, что через южную границу и Черное море можно будет вывозить меха и другие «наши принципиальные товары, в том числе льняной мануфактуры яко тики, ревендуки, дрели, фламандское полотно,

¹ ЦГИАЛ, Комиссия о коммерции и пошлинах, ф. 4, оп. 1, д. 128, л. 6.

² Там же.

...також поташ, смолчуг, юхть, и изрядной листовой табак не хуже виргинского, спартиус (так! — Е. Д.) винной..., масло конопляное и прочие многие товары нашего продукта и произращенной, каковы берут у нас англичане и возят в Италию. Еще мы поставити можем в тамошние области, естли бы сходно было, всех мест дешевле пшеничную и ячную перловые крупы, и пшеница малороссийская, хотя бы несколько уступили волоской, однако можно 3 кантора ниже 4-х левков в нагрузку продать на Днепре, куда турецкие суда приходить имеют»¹.

Этот список относился ко всему средиземноморскому рынку, включавшему как страны Азии, так и Европы. Обресков уточнил, какие товары должны найти спрос в Турции. Для сведения русских купцов он сообщил следующее: «Отправлять в здешнее государство могут пушной товар каждого звания, не исключая и горностаев..., китайские всякого цвета крашенины, пестреди, полотно, холст, хрящ, парусину, канаты, веревки, служащие к мореплавным судам; для пробы само перечищенного льна, якори, разной величины железо, самой лучей доброты, однакож не простое сибирское, которое очень мягко, а смешанное² с великороссийским, часть в обыкновенных прутах, а наибольшее число в пластинках разной величины и толстоты, замки большие и малые, висячие и внутренние, мед, воск, лошадиные гривы и хвосты...»³

Как видим, в торговле с Турцией значительное место должны были занять промышленные изделия, что не могло не способствовать развитию русских мануфактур⁴.

Различные источники свидетельствуют о значительном интересе, который проявляли к торговле с Россией средиземноморские государства. Так, например, французский консул Пейсонель обращал внимание своего правительства на огромные выгоды, которые мог бы дать Франции вывоз через Крым из России различных товаров, в особенности пеньки, которую, по его наблюдениям, можно было получать в неограниченном количестве⁵. Другие представители французского купечества указывали на возможность и целесообразность заменить табак, вывозимый из английских колоний в Америке, табаком Украины, на выгоду покупать в России пеньку, мачтовый лес, доски, смолу, железо, кожу, медь, полотно, льняные семена и т. д., т. е. все то, что

¹ ЦГИАЛ, Комиссия о коммерции и пошлинах, ф. 4, оп. 1, д. 128, л. 5.

² В подлиннике: «а но смешанное».

³ ЦГИАЛ, Комиссия о коммерции и пошлинах, ф. 4, оп. 1, д. 128, л. 11.

⁴ Положительное влияние торговли со странами Азии на развитие русской промышленности обнаружилось и в более отдаленные времена. См. М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке, М., 1952.

⁵ Peyssonel. Указ. соч., т. I, стр. 183—198; т. II, стр. 226—239.

французское правительство до тех пор обычно заказывало у голландских или английских торговых домов¹.

С этим интересом французов к русской торговле было связано заявление Щербатова в Екатерининской комиссии о том, что Черное море «через призвание купцов франков из Константинополя на турецких кораблях откроет путь нашей торговле даже до Египта»².

Значительный интерес к черноморской торговле проявляло также австрийское купечество, располагавшее таким прекрасным средством сообщения, как Дунай. Австрийский купец Клееман в 60-х годах совершил путешествие в Крым со специальной целью изучения перспектив черноморской торговли, в особенности торговли с Россией³.

Оживленные переговоры о развитии торговых сношений велись между Россией и Венецией. Для последней, так же как и для всей Италии, было невыгодно возить товары через Средиземное море, Атлантический океан и Балтийское море в Петербург. Несравненно короче был путь в Россию через Черное море. К тому же Венеция находилась в состоянии постоянной войны с Алжиром, вследствие чего плавание в сторону северо-западного берега Африки представляло для нее большую опасность⁴.

Предположения о заключении с Венецией торгового договора сохранялись в тайне от турок, так как было известно, что Порта стремится задержать хозяйственное развитие русского юга⁵, что она не желает сближения России и Венеции и, главным, *имеет возможность помешать осуществлению этих целей.* «...Будучи лощман и весь экипаж ее подданные, — писал Обресков, — то все делать может для совершенного подрыву оногo купечества по ее произволу...»⁶

Практических результатов в то время переговоры с Венецией не имели, но они лишней раз показали широкие перспективы русской внешней торговли, связанные с открытием выхода к Черному морю.

Учитывая заинтересованность иностранного купечества в торговых сношениях с Россией через Черное море, русское правительство особенно остро ощущало ненормальность существующего положения, когда черноморские пути оставались

¹ Сб. РИО, т. 140, стр. 376 — 380; т. 141, стр. 257 — 272.

² Там же, т. 8, стр. 64.

³ «Клееманово путешествие...»

⁴ В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. LXXIX — LXXI.

⁵ А. М. Обресков неоднократно указывал на «предубеждение (Порты. — Е. Д.) против приумножения обывателей» в южных провинциях России и «приведения оных в доброй порядок». См. В. А. Уляницкий. Указ. соч., приложения, стр. LXXII, LXXIX.

⁶ Там же, стр. LXXII.

фактически закрытыми для торговли. Было ясно, что открытие выхода к Черному морю поможет русскому купечеству освободиться от засилья английского торгового капитала. Современные русские экономисты шли дальше, выдвигая идею посредничества России в торговле Европы с Азией. Для Англии и других северных стран, говорили они, будет выгодно направлять свои товары вместо длинного пути через Средиземное море, где суда их подвергались опасности со стороны каперов, в русские реки и Черное море. Отдельные прожектеры даже высказывали мысль, что торговлю Англии с Ост-Индской компанией можно направить через Черное море, что даст России выгоды транзитной торговли.

В 1764 г. правительством Екатерины II была сделана попытка установить непосредственную торговлю России с итальянскими государствами морским путем. Из Петербурга в Средиземное море был отправлен фрегат «Надежда Благополучия». Это был первый русский корабль в Средиземном море. Он был нагружен железом, юфтью, парусными полотнами, табаком, икрой, воском и канатами. Инициатива этой экспедиции принадлежала группе тульских купцов во главе с Владимировым. Но правительство, снабдив компанию судном, охраной и пристально следя за этим предприятием, придало экспедиции общегосударственный характер¹.

Все же эта попытка не могла иметь серьезных последствий для русской торговли. Ее следует отметить лишь как яркое свидетельство назревшей необходимости в расширении торговых связей с Европой, в открытии выхода в Черное и Средиземное моря. С этой же точки зрения следует указать на учреждение ряда русских консульств на средиземноморском побережье: в Кадиксе (1765 г.), Бордо (1766 г.) и Лиссабоне (1769 г.).

Со стороны представителей правительства была высказана мысль о желательности ограничить сухопутную торговлю южной России в интересах развития морских торговых связей с Левантом. Во время работы Комиссии по составлению нового Уложения депутат от Коммерц-коллегии Меженинов предложил направлять все товары к Петербургскому порту (он ссылаясь на убыточность сухопутной торговли для государства вследствие польских сборов и пошлин). Однако это предложение встретило протест со стороны купечества Украины. «Торговый путь чрез одно только Балтийское море недостаточен для всей Российской империи», — заявил депутат от города Харькова Черкес. Он указал, что «лучшие товары привозятся из Царьграда, Македонии и Анатолии через Венецию, а особливо сухим путем из

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VI, т. 26, стр. 20; ПСЗ, т. XVI, № 11938.

Силезии, через Киев»¹. Ему вторил депутат от города Киева Гудим, указавший, что запрещение торговли через западную границу повлечет прекращение торговли с этими странами, так как «никто не пожелает объезжать вокруг света»².

В этих заявлениях с предельной отчетливостью проявилась настоятельная необходимость приобретения выхода к Черному и Средиземному морям с точки зрения развития производительных сил России.

Итак, другая, очень важная экономическая задача, связанная с разрешением черноморской проблемы, заключалась в *открытии выхода к Черному морю для вывоза растущей сельскохозяйственной и промышленной продукции России*. В разрешении этой задачи были заинтересованы как помещики, чьи продукты нуждались в сбыте, так и купцы, доводившие эти продукты до покупателя.

К 60-м годам XVIII в. купечество превратилось в значительную социальную силу. Оно занималось не только торговлей: многие купцы были владельцами мануфактур, основанных на вольнонаемном труде (особенно в области текстильного производства), и были непосредственно заинтересованы в экспорте промышленных изделий.

И. В. Сталин справедливо указывал на оба класса, когда писал, что русская внешняя политика определялась «потребностью» военно-феодално-купеческой верхушки России в выходах к морям, морских портах, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами»³.

Совершенно очевидно, что товарное производство в изучаемый период в основном обслуживало феодальный строй. Сбыт сельскохозяйственных продуктов повышал доходность помещичьих имений. Расширение экспортных возможностей побуждало помещиков выжимать больше прибавочного продукта из крестьян, т. е. усиливать их эксплуатацию.

Но было бы ошибкой не видеть другой стороны описываемого явления. В условиях, когда рабочая сила частично уже выступала на рынке в качестве товара, когда становились заметны ростки новых, капиталистических отношений, товарное производство (а следовательно, и внешняя торговля) способствовало разложению феодально-крепостнической системы. Из этого следует, что, несмотря на своекорыстные цели господствующего класса в области внешней политики, эта политика имела объективно прогрессивные исторические последствия.

¹ Сб. РИО, т. 8, стр. 52—53.

² Там же, стр. 55.

³ И. В. Сталин. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». — «Большевик», 1941, № 9, стр. 2.

Экономические интересы господствующего класса, а также его стремление укрепить самодержавное государство помещиков и купцов дополняли и усиливали значение стратегической задачи — прекращения татарских набегов, обеспечения прочных границ на юге страны.

Задача обеспечения надежных границ имела общенародное значение. Земли южной России осваивали трудящиеся массы. Именно они больше всего страдали от грабительских набегов крымских татар. Наконец, все народы России были заинтересованы в устранении угрозы со стороны Турции и стоявших за ее спиной западноевропейских держав, мечтавших о превращении Российского государства в свою колонию.

* * *

Правительственная точка зрения на черноморскую проблему была сформулирована в очень важном, но мало использованном историками документе — докладе канцлера М. И. Воронцова под названием «О Малой Татарии» (т. е. о Крымском ханстве). Этот доклад был представлен Екатерине II 6 июля 1762 г., т. е. вскоре после ее вступления на престол¹.

Воронцов обращал внимание на опасность, которой подвергались русские земли со стороны крымских татар. По его сведениям, крымский хан мог «поставить до (ста²) семидесяти тысяч человек конницы, из которой единственно составляет его войско». Соседство крымских татар представлялось Воронцову «для России несравнительно вредительнее, нежели Порты Оттоманской; они весьма склонны к хищению и злодействам, искусны в скорых и внезапных воинских восприятиях, а до последней с турками войны приключали России чувствительный вред и обиды частыми набегами, пленением многих тысяч жителей, отгоном скота и грабежом имущества из областей российских, из которых многие в конец разорены и опустошены были...»

Россия принуждена для обороны и безопасности своей содержать против них линии с знатным числом войска и пребывать и посреди миру, равно как бы во время войны, во всякой осторожности...»

Указывая на постоянные пограничные конфликты на юге России, Воронцов обращал внимание на поселение крымским ханом десяти тысяч «аульных татар» в непосредственной бли-

¹ АВПР, ф. Сношения России с Крымом, д. 4, 1762 г., лл. 1—6. Документ опубликован в «Архиве кн. Воронцова», кн. XXV, и в «Известиях Таврической ученой археогр. комиссии», 53, Симферополь, 1916.

² Слово «ста» в документе зачеркнуто.

зости от жилищ запорожских казаков¹, хотя по договору эти земли должны были оставаться впусе. Главное, что вызывало тревогу Воронцова, это «удобнсьсть» для крымского хана «учинить впадение на Новую Сербию и другие близлежащие области Российского государства».

«Сим еще не довольуясь, — говорилось далее, — (сделал он Порте ложное внушение, будто половинное число запорожских казаков в землях ее, Порты, живут²) и хотел было он число означенных татар увеличить до пятидесяти тысяч человек...» Но вследствие протеста русского правительства число поселенцев увеличено не было, и претензия хана на запорожские земли не получила никакой реализации.

Мысль о том, что соседство Крымского ханства для России «несравненно вредительнее Порты Оттоманской», часто высказывалась современниками. Это вполне понятно. Татары чувствовали полную свою безответственность, зная, что за их спиной стояла Турция в качестве государства-сюзерена. Что касается последней, то она отклоняла претензии русского правительства ссылками на самостоятельность своего вассала. Даже французские представители в Крыму, несмотря на дружбу с турками, признавали, что Порта нередко склоняла хана к действиям против соседей, а затем, чтобы показать свою «непричастность» к этому делу, спешила заменить его другим ханом³. Владея Крымом, Турция могла постоянно прощупывать прочность южнорусских границ руками крымских татар, сама оставаясь в тени.

Особый интерес представляет вывод, который делался представителем правящей верхушки в связи с угрожаемым положением на юге страны:

«Полуостров Крым местоположением своим столько важен, что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений; доколе он останется в турецком подданстве, то всегда страшен будет для России, а напротив того, когда бы находился под российской державою, или бы ни от кого зависим не был, то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ея властью...»

¹ Очевидно, речь шла о переводе Крым-Гиреем в 1759 г. части ногаев из Буджака на левый берег Днепра и поселении их между реками Белозеркою и Рогачиком. Переписка по этому вопросу, обнаруженная А. Скальковским среди «секретов коша запорожского», частично опубликована в его статье «Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области». — «Журнал Министерства внутренних дел», 1846, ч. 13, стр. 21 — 23.

² Слова, помещенные в скобки, в документе зачеркнуты.

³ *Reyssonel*. Указ. соч., т. II, стр. 226.

Приведенный отрывок показывает, что русское правительство хорошо понимало огромное стратегическое значение Крымского полуострова. Источником постоянной опасности, грозившей России с юга, оно считало существующую зависимость Крымского ханства от Оттоманской империи. Отсюда вытекали два варианта разрешения крымского вопроса:

1) переход Крыма «под Российскую державу»;

2) превращение Крыма в независимое государство.

Вопрос о включении Крыма в состав Российской империи ставился не впервые. Он был поднят русской стороной еще во время Белградского конгресса. Тогда же стало ясно, что осуществление этой цели будет зависеть не только от военных успехов России, но и от результатов дипломатической борьбы с иностранными державами.

Наличие второго варианта в проекте Воронцова объясняет многое в дальнейшей политике русского правительства. Теоретически допускалось, что на юге России могло существовать маленькое самостоятельное государство, отделенное от Турции морем, которое уже в силу своих размеров не могло бы быть опасно для такой могущественной страны, как Россия. Последняя даже могла, благодаря своему соседству с Крымом и своему влиянию, без войны стать владычицей Азовского и Черного морей.

В докладе Воронцова перечислялись также ближайшие задачи русского правительства, связанные с агрессивной политикой Крымского ханства:

«...Надлежит опасаться от хана крымского:

1) чтоб не учинил впадение в российские пограничные области иногда и без ведома Порты Оттоманской, по наущению недружеских с Россиею держав, будучи ко всяким смелым и отважным восприятиям готовый государь;

2) чтоб по известной ненависти его противу России, а паче по случаю происшедших ныне от крепости святого Дмитрия споров, пограничными делами и другими наветами не довел Россию до ссоры и разрыва с турецким двором и не доставил бы с сей стороны упрямления, и

3) чтоб сильною рукою не покорил под свою власть кабардинцев, которые по трактату с Портою имеют пребыть вольным народом и служить барьерою между обеими державами, и за которых Россия вступить обязана для собственных интересов своих».

Специальным пунктом было выделено «дело об учреждении в Крыму российского консула». Консул нужен был для того, чтобы «за поступками его (хана. — *Е. Д.*) и другими обращениями примечать и об оных сюда верно доносить, так и вообще торг здешний и купечество защищать...» Воронцов подчеркивал, что все усилия русского правительства добиться допуска в Крым

русского консула были тщетны, хотя другие страны имели своих консулов в Крыму.

В докладе Воронцова программа внешней политики России в отношении Турции и Крыма нашла довольно полное отражение. На первый план выдвигалась стратегическая задача — обеспечение безопасности южных границ. С разрешением этой задачи связывались как политические, так и экономические последствия. Вместо вечной угрозы со стороны Турции, Крыма и стоявших за их спиной более сильных стран (весьма показательны слова о том, что крымский хан может вторгнуться в русские области «по наущению недружеских с Россиею держав») Российское государство рассчитывало господствовать на Азовском и Черном морях. Важнейшим экономическим последствием мыслилось привлечение «всей коммерции» восточных и южных стран; впрочем, вопросы хозяйственные не были центром внимания в докладе, посвященном политическим взаимоотношениям России с различными странами.

Из доклада Воронцова выпала территориальная проблема, если не считать первого варианта разрешения вопроса о Крыме (включение его в состав России), где она имела подчиненное значение.

Вопрос о завоевании новых земель отодвигался на второй план, поскольку приходилось вести борьбу за те земли, которые уже принадлежали России.

Глава II

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768—1774 гг.

Обострение русско-турецких противоречий в середине XVIII в. грозило возможностью военного конфликта. Однако русское правительство стремилось как можно долее отсрочить неизбежную войну с Турцией. Такая позиция объяснялась тем, что наряду с черноморской проблемой в программе внешней политики царского правительства стояли также задачи, вытекавшие из взаимоотношений со Швецией и Польшей. «Польская» задача потребовала к себе внимания уже в начале 1760-х годов, и в интересах России было разрешить ее раньше, чем начнется турецкая война.

Целью русской политики в Польше было возвращение отторгнутых от России земель Белоруссии и Украины. Для Российского государства было важно объединить в своих руках все течение Западной Двины, по которой проходил торговый путь в Прибалтику (средняя часть Западной Двины принадлежала Речи Посполитой). Было важно также не допустить, чтобы другие державы овладели Польшей, которая находилась в состоянии государственного распада.

Конечно, царизм в своей политике в отношении Польши руководствовался классовыми мотивами. Тем не менее реализация так называемой «польской» задачи должна была повлечь за собой положительные последствия как для укрепления Русского государства и развития его производительных сил, так и в смысле облегчения положения украинцев и белорусов, находившихся под игом магнатско-шляхетской Польши. Эти народы на протяжении нескольких веков хранили мечту о воссоединении с братским русским народом.

На севере целью России было закрепление завоеванных позиций на Балтийском море. Хотя Швеция утратила свою былую силу и престиж — вследствие того, что Карл XII сделал попытку

проникнуть внутрь России»¹, тем не менее опасность с ее стороны не исчезла. Благодаря своему географическому положению Швеция занимала видное место в политических расчетах более сильных государств, в частности Франции, которая стремилась использовать враждебные России настроения шведского королевского правительства. Внимательно следя за французской политикой в Швеции, русские дипломаты делали вывод, что Франция «иного там (т. е. в Швеции) интереса иметь не может, как только приуготовление и содержание духов (т. е. умов. — Е. Д.) ко всяким внешним предприятиям»².

Важнейшее средство усиления воинственности Швеции Франция видела в укреплении королевской власти. В условиях Швеции, достигшей значительного развития буржуазных отношений, идея абсолютизма носила реакционный характер. В 60-е годы XVIII в. эта идея поддерживалась политической партией «шляп» — представителей крупного дворянства и богатых купцов-оптовиков. «Шляпы» были партией реванша в вопросах взаимоотношений Швеции и России. Рассчитывая осуществить свои цели с помощью иностранных держав, «шляпы» еще в 30-х годах вступили в сношения с Францией.

Иную позицию занимала партия «колпаков», представлявшая буржуазные круги, в том числе разночинцев. Эта партия, получившая преобладание в парламенте в 1765 г., выдвигала ряд прогрессивных требований, в частности, установления равных прав для всех на чиновничество, упразднения суровых законов о «бродяжничестве», буржуазной свободы печати и т. д. Из среды «колпаков» вышел документ под названием «Мемориал о привилегиях для сословий горожан и крестьян», оглашенный в шведском риксдаге в начале 1770-х годов. Стремясь к укреплению позиций буржуазии, «колпаки» опирались на нормы шведской конституции, ограничивавшей королевскую власть. В области внешней политики «колпаки» были сторонниками сближения с Россией и выступали против антирусских авантюр королевского двора³.

Россия, противодействуя политике Франции и реваншистской партии «шляп», поддерживала «колпаков» — сторонников шведской конституции.

Таковы были три основные направления русской внешней политики. Каждое из них было ареной ожесточенной борьбы между Россией и крупнейшими европейскими державами.

Открыто враждебный характер носили взаимоотношения между Россией и Францией — противницей России в Швеции,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 9.

² Сб. РИО, т. 48, стр. 71.

³ И. Андерссон. История Швеции. Перевод с шведского под ред. Я. Я. Зутиса. М., 1951, стр. 266 и 278—280.

Польше и Турции. Даже в период кратковременного союза России и Франции в Семилетней войне между ними не прекращалась упорная скрытая борьба. Когда русские войска завоевали Восточную Пруссию, правительство Елизаветы Петровны поставило вопрос об обмене этой территории путем соглашения с Польшей на земли Белоруссии и Украины¹. Этот план встретил решительное противодействие со стороны Франции, которая рассматривала Польшу как свой политический оплот в Восточной Европе.

Показательно также, что в договоре, по которому Россия присоединилась к франко-австрийскому союзу, был пункт, освобождавший Францию от обязанности помогать России в случае русско-турецкой войны².

Франция с давних пор занимала господствующее положение в левантской торговле. В 1535 г. Турция впервые предоставила французскому купечеству торговые привилегии (капитуляции).

В дальнейшем права французских купцов все более расширялись. В 1740 г., в благодарность за посредничество французского дипломата Вильнёва в переговорах с Россией на Белградском конгрессе (это посредничество принесло огромный вред России), султан подписал с Францией новый договор о капитуляциях, в котором фигурировало 85 пунктов.

В силу этих постановлений французские купцы, торговавшие на Востоке, оказались в более благоприятном положении, чем сами турецкие подданные (низкие ввозные пошлины, освобождение от налогов, неподсудность турецким судам и т. д.). Все эти льготы давали возможность Франции извлекать из левантской торговли большие выгоды. С другой стороны, торговля с Левантом способствовала развитию грузооборота французского флота: в Средиземном море французский флот перевозил в конце XVIII в. половину всех грузов — своих и чужих³.

Англия, которая была первой морской и торговой державой того времени, не смогла поколебать это первенство французов на Ближнем Востоке. Но Россия внушала французам большие опасения, чем Англия. По выражению современного французского публициста Фавье, черноморская торговля была для

¹ См. «Промеморию», врученную союзническим послам. — «Русская старина», май 1873, т. VII, кн. 5, стр. 713.

² См. Ф. Ф. Мартенс (ред.). Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. I, СПб., 1874, стр. 200.

³ О. Л. Вайнштейн. Французская буржуазная революция конца XVIII века и турецкий Восток. — «Ученые записки ЛГУ». Серия исторических наук, вып. 6, Л., 1940.

России «торговлей естественной и лежащей, так сказать, у ее порога»¹.

Чтобы не допустить проникновения России в Левант и распространения ее влияния в Швеции и Польше, французская дипломатия задалась несбыточной целью вернуть Российское государство назад, к допетровским временам.

«Что касается России, — писал руководитель французской секретной дипломатии Бройль, — то мы причисляем ее к рангу европейских держав только затем, чтобы исключить ее из этого ранга, отказывая ей в праве даже помыслить об участии в европейских делах. Вот та задача, которую нужно снова поставить; необходимо устранять все обстоятельства, которые могли бы дать ей возможность играть какую бы то ни было роль в Европе; а раз так, то не следует никогда заключать с этим двором никаких договоров. Нужно заставить его власть в совершенно летаргический сон, и если извлекать его из этого сна, то лишь путем конвульсий, как, например, внутренние волнения, заблаговременно подготовленные»².

Рассматривая Швецию, Польшу и Турцию как оплот против возрастающего влияния России, правительство Людовика XV мечтало создать «непроницаемый барьер между Россией и остальной Европой от полюса до Архипелага»³.

Стремление французского правительства низвести Россию до ранга второстепенных держав выразилось, между прочим, и в том, что оно попыталось оспаривать императорский титул Екатерины II. Эта попытка сделала невозможным пребывание в России французского посла в течение целых десяти лет (1762 — 1772 гг.), пока Франция не перестала упорствовать в данном вопросе.

Излишне говорить о том, что желание французского правительства не считаться с фактом усиления могущества России и его химерические проекты возвращения России к допетровским временам свидетельствовали о политической неадекватности королевского правительства, отражавшего вчерашний день Франции.

Характерно, что в самой Франции представители прогрессивной части нации отрицательно относились к подобной политике. Такова была позиция не только французских просветителей, которые приветствовали экономические и культурные сдвиги в России и желали успеха ее внешней политике, но также значительной части купечества, которая высказыва-

¹ «Politique de tous les cabinets de l'Europe pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI...», т. I, Париж, 1802, стр. 327.

² Broglie. Le secret du roi, т. II, Париж, 1878, стр. 13.

³ M. E. Boutaric. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère..., т. II, Париж, 1866, стр. 470.

лась за развитие торговли с Россией на основе дружественных отношений. Французский консул в Петербурге Боссе писал в одном из донесений, что Франция много теряет вследствие посредничества англичан в торговле России. Во-первых, это поднимает цену товаров, во-вторых, отражается на их качестве. Боссе указывал, например, что для своих судов англичане употребляли пеньку наивысшего качества, а во Франции сбывали «второй и третий сорта, подмешивая к ним первый и выдавая их за таковой...» Это отражалось на качестве канатов, употреблявшихся в судоходстве¹.

С развитием французо-русской торговли Боссе связывал возможность улучшения политических взаимоотношений между двумя государствами. «Узы, которые формирует торговля, — писал он, — столь же прочны и столь же постоянны, как те выгоды, которые она приносит. Бесспорно, что именно такие узы связывают нас так тесно с Турецкой империей»².

Французское абсолютистское правительство не считалось с этими чаяниями буржуазии и плело сложную сеть интриг против России в Швеции, Польше и Турции. Франция настойчиво и упорно формировала коалицию южных держав, в которую вошли Австрия, Испания и Королевство обеих Сицилий. Острие этого союза было направлено против Англии и России.

Когда в октябре 1763 г. умер польский король Август III и развернулась борьба держав за проведение на польский престол своего кандидата, Франция была очень встревожена успехами России. Не будучи в силах помешать действиям русских дипломатов, Франция (как это бывало уже не раз с враждебными России государствами) обратила свои взоры на Оттоманскую империю. «Мы так далеки от Польши, что не можем помешать действиям Репнина (русского посла в Польше. — Е. Д.), пока нам не будут помогать Вена и Порта», — писал Людовик XV дипломату Бройлю³.

Порта вполне оправдала надежды Людовика XV. В сентябре 1768 г. она объявила войну России.

Французские политики знали, что туркам, которые давно не воевали, «недостает знающих и опытных генералов и офицеров». Однако, «даже терпя поражения, — рассуждали французы, — они умалят высокомерие России, которая истощена расходами последней войны и польскими делами и не может находиться в таком блестящем положении, чтобы нести расходы обременительной войны с Турцией»⁴.

¹ Сб. РИО, т. 140, стр. 408.

² Там же, стр. 407.

³ М. Е. Boutaric. Указ. соч., т. I, Париж, 1866, стр. 363.

⁴ Там же, стр. 385—386.

Итак, для Франции в тот момент важнее всего было ослабить Россию, а о последствиях войны для Турции она мало заботилась.

Когда началась русско-турецкая война, французские просветители решительно встали на сторону России. Вольтер в своей переписке с различными политическими деятелями указывал на то, что победа Турции над Россией означала бы огромный ущерб для дела культуры и прогресса. Вольтер высмеивал обожествление султана Мустафы III, которого считал жесточайшим деспотом. «Я нахожу, что Мустафа похож на бога так же, как бык Апис на Юпитера, но этот человек прольет еще потоки крови», — писал он. Фернейский философ не сомневался в победе России над Турцией. «Ваши войска, — писал он А. Р. Воронцову, — победили пруссаков, которые в свою очередь победили австрийцев, ранее победивших турок»¹.

Такую же позицию занимал известный писатель-просветитель Вольтер. Он считал, что политика России на Востоке вытекает из насущных интересов страны и в конечном счете должна увенчаться успехом. Цели внешней политики России идеолог французской буржуазии называл «естественными», «национальными»².

Убеждение в том, что начавшееся столкновение с Турцией окончится победой России, разделяли многие политики Франции. В 1773 г., когда еще велась русско-турецкая война, дипломат и публицист Фавье задавал вопрос, улучшится ли положение турок, если изменится состав правящей верхушки России. Он отвечал, что это было бы возможно в том случае, «если бы война против турок была результатом интриги, если бы она была войной личной, затеянной каким-нибудь министром по его прихоти, как это слишком часто бывает в практике других европейских дворов». Но в данном случае, по мнению Фавье, причины войны лежали глубже и вытекали из реальных интересов России³.

* * *

Австрия, в силу своих противоречий с Османской империей, в течение длительного периода была союзницей России. Стремление укрепить этот союз было одним из мотивов, побудивших Россию вступить в Семилетнюю войну. Нанести удар агрессивной Пруссии, вернуть Австрии Силезию и, усилив этим венский двор, «сделать союз его против турок больше важным

¹ «Архив кн. Воронцова», кн. V, стр. 456—457.

² [С. Ф.] Volney. *Considérations sur la guerre actuelle des Turcs*, Лондон, 1788.

³ «Politique de tous les cabinets de l'Europe...», стр. 326.

и действительным» — так были сформулированы внешнеполитические задачи в правительственных кругах России¹.

В ходе войны Россия обнаружила тенденцию использовать союзнические отношения с Австрией и в польском вопросе. Если Австрия получит Силезию, а Франция — часть Нидерландов, рассуждали в Петербурге, то Россия сможет претендовать на Восточную Пруссию, которую она обменяет затем на украинские и белорусские земли Польши². Русские дипломаты ожидали, что Австрия поддержит этот план.

Однако русское правительство ошиблось в своих расчетах на австрийскую помощь. Австрия действовала в том же направлении, что и Франция.

Успехи русской политики в Польше в 60-х годах XVIII в. усилили враждебность венского двора по отношению к России, так как Австрия сама была заинтересована в польских землях и стремилась провести на польский престол своего кандидата. Австрия все теснее сближалась с Францией. Союз, который был заключен Австрией и Францией накануне Семилетней войны и положил конец «вековой вражде» между этими странами, продолжал укрепляться. Австрия вошла в сформированную Францией коалицию католических держав.

Нельзя не отметить, что и в турецком вопросе между Россией и Австрией, несмотря на известную общность их интересов, были серьезные противоречия. Мечтая с помощью России расширить свои владения за счет Османской империи, Австрия в то же время считала крайне нежелательным продвижение России к Черному морю и устью Дуная. Растущие связи России с подвластными Турции народами и в особенности со славянским населением Балканского полуострова вызывали у австрийского правительства опасения за свой собственный тыл, так как и в Австрии находилось много славян, стонавших под игом Габсбургов. Австрийский государственный канцлер Кауниц писал в 1768 г., что распространение владений России в сторону Австрии было бы «особенно опасно потому, что ей (т. е. Австрии) и без того приходится испытывать беспокойство из-за большого количества подданных греческого вероисповедания»³.

Семилетняя война изменила соотношение сил европейских держав. В то время как мощь России чрезвычайно возросла, Австрия, напротив, сильно ослабела; она переживала тяжелый хозяйственный кризис, который сопровождался обострением национальных противоречий. Однако Австрия не хотела

¹ «Архив кн. Воронцова», кн. III, стр. 380.

² Там же.

³ А. Веер. *Die erste Theilung Polens (Documente)*, Вена, 1873, стр. 263.

считаться с этим изменившимся положением. В спорах о церемониале и этикете, имевших место в начале царствования Екатерины II, отразилось высокомерие австрийского двора по отношению к России. Обращая внимание на то, что русский двор «хочет поднять свое значение»¹, австрийский представитель в Петербурге Мерси д'Аржанто писал: «Высочайшее римско-императорское достоинство отнюдь не допускает даже равенства с прочими державами, ибо и царствующие римские императоры всегда пользовались преимуществом над ними; намерение же русского двора направлено к тому, чтобы, по меньшей мере, быть равным римско-императорскому двору»².

В основе претензий Австрии на особое положение в ряду европейских держав лежала средневековая традиция. В 1504 г. в Западной Европе был опубликован список христианских монархов по порядку старшинства, в котором на первом месте был император Германии, затем король римский, считавшийся его законным наследником, далее король Франции и т. д. Даже в те далекие времена эта градация отражала не столько действительное соотношение сил европейских государств, сколько претензии германского императора на международное первенство. С тех пор несоответствие между этой иерархией и значением отдельных держав еще больше усилилось. Особенно заметно шагнула вперед в своем развитии Россия. Петр I после победы над Карлом XII официально принял титул императора российского. Теперь, когда мощь России еще больше возросла, претензии слабеющей Австрии на более высокое положение не могли не внести охлаждения в отношения между обеими странами. Россия справедливо усматривала в этих претензиях стремление Австрии занять главенствующее положение в русско-австрийском союзе.

Несмотря на все эти обстоятельства, русское правительство стремилось сохранить то общее, что было между Россией и Австрией, и обеспечить австрийский нейтралитет в случае возникновения русско-турецкой войны.

Тем не менее Австрия вместе с Францией подстрекала Турцию к войне, стараясь помешать осуществлению русских задач в Польше. В начале войны (11 мая 1769 г.) русская дипломатия, чтобы раскрыть карты венского двора, действовавшего замаскированно, поставила перед ним прямой вопрос: признает ли Австрия прежние обязательства о помощи России в случае русско-турецкой войны?³ Австрийское правительство ответило, что считает себя свободным от этих обязательств, поскольку союз-

ный договор был нарушен Петром III, и в то же время заверило Россию в своем намерении соблюдать строжайший нейтралитет¹.

Австрийская дипломатия представлялась современникам запутанной и неясной. Русские дипломаты обычно называли ее «двойкой», «коварной» и подчас не могли распознать ее подлинных целей. Эти особенности австрийской дипломатии были связаны с тем, что в международных отношениях политика Австрии не ставила в то время крупных национальных задач. В ее правительстве еще были сильны феодально-вотчинные, династические мотивы, придававшие внешней политике характер непоследовательности и мелочности. Австрийские дипломаты больше всего заботились об увеличении владений Габсбургского дома. Интересно, что уже современник событий Н. И. Панин заметил эту особенность. Он писал, что австрийский государственный канцлер Кауниц — «зигждитель политической системы, на одних нежных интересах своей государыни и ее собственной фамилии устроенной...»²

* * *

Ухудшение отношений с Францией и Австрией побуждало Россию искать новых союзников. Отдаляясь от Австрии, она, естественно, обращалась в сторону ее соперника — Пруссии.

В конце Семилетней войны Пруссия оказалась в состоянии полной изоляции. «Фридриху, покинутому своей последней и единственной союзницей, Англией, надолго рассорившемуся с Австрией и Францией, истощенному семилетней борьбой за существование, не было другого выбора, как броситься к ногам новой русской царицы»³.

В отличие от Австрии Пруссия не имела непосредственных интересов в Османской империи, и это чрезвычайно повышало ее ценность как союзника России. Правда, накануне Семилетней войны Пруссия установила связь с Турцией и пыталась вовлечь ее в войну против Австрии и России. Однако уже при Петре III Фридрих II вынужден был отказаться от антирусских целей в своей восточной политике. В союзный договор Петра III и Фридриха II была включена статья, согласно которой Пруссия обязывалась уплачивать России субсидии в случае возникновения русско-турецкой войны.

По примеру Франции и ряда других держав Пруссия в 1761 г. заключила с Турцией договор о капитуляциях, который предоставил прусскому купечеству значительные торговые льготы.

¹ Сб. РИО, т. 37, стр. 232—233.

² «Русский архив», 1878, № 12, стр. 445 (письмо Н. И. Панина от 9 апреля 1770 г.).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 14.

¹ Сб. РИО, т. 46, стр. 248.

² Там же, стр. 248—249.

³ Имелись в виду договор об оборонительном союзе 1746 г. и секретная статья 1753 г.

В договоре говорилось о возможности дальнейшего прусско-турецкого сближения:

«В будущем должно быть позволено, в случае необходимости и соответственно взаимно полезной дружбе, предлагать дальнейшие статьи, выгодные обеим сторонам, и присоединять их, по согласованному решению, к настоящим статьям»¹.

Как видим, в дальнейшем возможны были более тесные отношения между Пруссией и Турцией. Но в данный момент Пруссия настолько нуждалась в России, что ее политический интерес к укреплению дружбы с Турцией временно отступал на второй план.

Устремления Пруссии были направлены в сторону Польши. Именно в этом вопросе ей нужна была поддержка России. Желая сотрудничать с русским правительством, Фридрих II всячески подчеркивал свою готовность содействовать всем мероприятиям Екатерины II. Когда в связи с болезнью Августа III встал вопрос о новом кандидате на польский престол, Фридрих II заявил, что заранее одобряет ту кандидатуру, которую выдвинет русская императрица.

Однако, взяв курс на сближение с Пруссией, русское правительство долго воздерживалось от подписания с ней формального договора о союзе. Пользуясь преимущественным влиянием в Польше, русские дипломаты надеялись осуществить поставленные цели без принятия на себя каких-либо обязательств. Но постепенно становилось ясно, что отказаться от союза с Пруссией значило бросить ее в объятия Франции, а это, конечно, «усилило бы вес и значение этой страны при решении польских дел»². Вот почему после долгих проволочек, 31 марта 1764 г., Россия заключила с Пруссией союз сроком на 8 лет. В секретных статьях союзного договора³ были предусмотрены совместные действия в Турции, Польше и Швеции. Статья 1-я гласила, что если России придется вести войну в отдаленных от Пруссии провинциях, а именно «с Турцией или Крымом граничащих», то Пруссия должна будет оказывать ей «помощь ежегодную деньгами» в размере 400 000 рублей. В статье 2-й предусматривалось совместное противодействие французскому влиянию в Швеции. В статье 4-й союзники объявляли своей целью сохранение в Польше существующей конституции. Кроме того, были подписаны сепаратная статья о диссидентах и секретная конвенция о кандидате на польский престол, причем было точно установлено,

¹ См. публикацию: Н. Scheel. Die Schreiben der türkischen Sultane an die preussischen Könige in der Zeit von 1721 bis 1774 und die ersten preussischen Kapitulationen vom Jahre 1761. «Westasiatische Studien», Берлин, 1930, стр. 47.

² Сб. I-Ю, т. 12, стр. 68.

³ Ф. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. VI, СПб., 1883, стр. 11—25.

какое количество войск Пруссия должна будет ввести в Польшу для поддержания кандидатуры Станислава Понятовского, если этого потребует русское правительство.

Зная о прусских притязаниях на польскую территорию и стараясь побудить Пруссию отказаться от них, русское правительство временно отступило от своих собственных территориальных требований. В договоре не было ни слова о землях Белоруссии и Украины. В циркуляре к представителям России при иностранных дворах, разосланном незадолго до подписания договора с Пруссией, говорилось: «Намерения же нашего никогда не было, да и нет в этом нужды, чтобы стараться о расширении границ империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть всего земного круга»¹.

Плоды сотрудничества с Пруссией сказались очень скоро. 7 сентября 1764 г. на польский престол был избран Станислав Понятовский. Желание Екатерины, чтобы польский король не получал денежной помощи ни от одной из держав, а зависел только от России, полностью осуществилось.

Политика и дипломатия Пруссии имели некоторые специфические особенности, вытекавшие из своеобразных условий исторической жизни этого государства. Правившая в Пруссии династия Гогенцоллернов в XVIII в. вела борьбу за освобождение от вассальных отношений к Германской империи. Это не было национальной задачей. «Германия не Пруссия и Пруссия не Германия, — указывал Маркс. — Пруссия — это только другое название для господства дома Гогенцоллернов над смесью немецких и польских областей...»² О Фридрихе II Маркс писал: «Всемирная история не знает второго короля, цели которого были бы так ничтожны». Он действовал «не во имя нации, а во имя своей вотчины»³. Его борьба «была направлена против немецкого государства и одновременно против титулованного императора»⁴.

Таким образом, во внешней политике Пруссии было много общего с австрийской: задачи ее тоже определялись преимущественно династическими интересами Гогенцоллернов. Но если Австрия переживала упадок, то ее соперница Пруссия, напротив, находилась в стадии бурного роста, а ее дипломатия отличалась несравненно большей ловкостью, инициативой и агрессивностью. Содействуя России, прусский король только выжидал удобного случая, чтобы урвать кусок чужой территории. Поэтому и после заключения союза с Пруссией Россия относилась к этой стране недоверчиво и настороженно.

¹ Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., стр. 9—10.

² К. Маркс. Польша, Пруссия и Россия. Цит. по книге «Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве». Изд. ИМЭЛ, М., 1942, стр. 16.

³ К. Маркс. Пруссаки-каналы. См. «Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве», стр. 14.

⁴ Там же, стр. 12.

* * *

Что касается Англии, то ее политика в отношении России носила двойственный характер. С одной стороны, ожесточенная борьба с основным противником — Францией — побуждала британское правительство искать сближения с Россией, при помощи которой оно надеялось ослабить позиции Франции на Ближнем Востоке. В сторону сближения с Россией толкали и торговые интересы англичан, вывозивших из России железо, строевой лес, мачты, смолу, пеньку и т. д., т. е. все то, что нужно было для строительства машин и кораблей. Намечалась также перспектива расширения ввоза русского хлеба. Посредническая торговля между Россией и другими странами давала возможность английским купцам присваивать себе большую часть торговой прибыли.

С другой стороны, стремление России продвинуться в направлении Черного и Средиземного морей вызывало решительное противодействие Англии, которая сама стремилась к господству на этих отдаленных от нее морях и строила планы широкой колониальной экспансии в направлении Востока. Поэтому каждый успех России в ее борьбе за выход к Черному морю и проливам приводил к усилению русско-английских противоречий.

С 1763 г. между Россией и Англией велись переговоры о возобновлении союзного договора, срок которого истек еще в 1759 г. В ходе переговоров обнаружилось стремление лондонского двора поставить Россию в неравноправное положение. Требуя от России обязательства поддерживать Англию в случае войны между нею и европейскими государствами (имелась в виду, конечно, Франция), англичане решительно отказывались включить в договор аналогичный пункт о помощи России в случае русско-турецкой войны. Английская правящая верхушка не хотела портить отношений с султаном, от которого она добилась, по примеру Франции, больших торговых привилегий (капитуляций) для купечества. В спорах с русскими дипломатами англичане ссылались на прецеденты прежнего договора, в котором не было пункта о помощи России в случае ее войны с Турцией. Однако они прекрасно понимали, что «прежний трактат был несправедлив, имея в виду исключительно выгоды Англии»¹.

Русское правительство считало, что новый договор должен отразить возросшую мощь России, и заняло твердую позицию в данном вопросе. Переговоры затягивались, и союзный договор так и не был заключен.

¹ Цит. из донесения английского посла в России Кэткарта от 26 апреля 1769 г. Сб. РИО, т. 12, стр. 438.

Между тем русско-турецкие отношения все более и более ухудшались. Сознание этого факта побудило Россию согласиться на подписание торгового договора с Англией, которого давно добивались англичане и который должен был способствовать укреплению дружественных отношений между двумя державами. Предоставляя английскому купечеству значительные преимущества перед другими иностранными купцами, договор в то же время имел целью постепенно ослабить зависимость русского купечества от английского торгового флота в перевозке русских товаров. Русское правительство предложило внести в будущий договор новый пункт, гласивший, что «Россия, по примеру великобританского акта мореплавания, сохраняет за собой право принимать внутри государства все меры, которые окажутся полезными для поощрения и развития российского мореплавания»¹.

По поводу этого пункта Панин писал: «Сие есть такое предоставление, в коем нам отказано быть не может без явного неправоудия..., без покушения напасть на независимость нашего правительства. Каково будет в самом деле самодержавство, когда у него отнимается власть делать то, что ему угодно внутри областей своих?»² Несмотря на то, что данный пункт вытекал из принципов государственного суверенитета, он вызвал долгие споры, пока, наконец, не был принят в несколько измененной редакции³. Споры по этому вопросу затянули подписание договора на целый год — до 20 июня 1766 г.

Расширение русско-английских торговых связей способствовало тому, что в Англии сложилась значительная группа купцов и фабрикантов, заинтересованных в русском рынке и русском сырье, а по мере развития промышленного переворота — в русском хлебе и продовольствии. Именно про эту группировку К. Маркс писал, что зарождается новая, более могучая буржуазия. «Она становится столь всемогущей, что еще до того, как билль о реформе передал прямо в ее руки политическую власть, она заставляет своих противников издавать законы почти только в ее интересах и согласно ее потребностям»⁴. Для русской дипломатии было очень важно, что именно эта, более влиятельная прослойка буржуазии настаивала на необходимости дружественных отношений с Россией.

Другая прослойка, близкая к аристократии и связанная с Ост-Индской компанией, видела в России прежде всего опасного конкурента на Востоке. В моменты крупных успехов

¹ Цит. по книге: П. А. Александров. Северная система, М., 1914, стр. 79.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 87.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 279.

России на турецком театре войны эта группа склоняла свое правительство к враждебным действиям по отношению к Российскому государству.

Англо-французское соперничество определяло позицию Англии в польском вопросе. Считая, что внутреннее состояние Польши делает неизбежной ее зависимость от иностранных держав, английское правительство отдавало предпочтение России, успехи которой подрывали французское влияние в этой стране. Более настороженно англичане относились к польской политике Пруссии, планы которой относительно Данцига угрожали интересам английской торговли. Осенью 1766 г. Англия, по приглашению русского правительства, присоединилась к русско-прусской декларации о диссидентах. Когда же произошел ввод в Польшу русских войск, то английский посол в Петербурге Кэткарт в письме на имя представителя Великобритании в Турции Мэррея рекомендовал ему обосновать перед Портой справедливость действий России: «...положение этого несчастного и страдающего от раздоров королевства до того затруднительно, — писал он, — что, если бы от меня потребовали высказать от имени короля, нашего повелителя, свое мнение по вопросу, должны ли русские войска удалиться из Польши или нет, то я бы сказал: нет»¹.

Можно было ожидать, что Англия займет подобную же позицию в отношении Швеции, где тоже шла борьба между двумя ориентациями — на Францию и на Россию. Но англичане, не желавшие усиления морских позиций России, под разными предлогами уклонялись от поддержки сторонников русской ориентации, а в отдельных случаях даже поощряли французских дипломатов к увеличению субсидий в пользу антирусской группировки в Швеции².

Итак, несмотря на сближение России и Англии, объяснявшееся наличием у них острых противоречий с Францией и взаимной заинтересованностью в торговых отношениях, Россия встречала противодействие со стороны британского правительства при разрешении самой насущной для нее проблемы — превращения в самостоятельную морскую державу с собственным флотом, свободно плавающим на пространствах северных и южных морей.

* * *

К числу крупных держав второй половины XVIII в. принадлежала также Дания, включавшая в себя в то время и Норвегию.

¹ Сб. РИО, т. 12, стр. 401.

² См. F. Raumer. Europa vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges (1763 — 1783), т. II, Лейпциг, 1839, стр. 576.

Отношения России с Датским королевством очень обострились при Петре III, который, исходя из чисто династических интересов, претендовал на часть датских земель. В момент вступления на престол Екатерины II между Россией и Данией готова была разразиться война.

Россия уступила Дании голштинские владения великого князя Павла Петровича (получив взамен Ольденбург и Дельменхорст). Этот шаг обеспечил России поддержку Дании в более важных вопросах. Уже в начале 1763 г. между Россией и Данией было заключено соглашение о совместных действиях в пользу польских диссидентов, а в марте 1765 г. был подписан союзный договор, включавший возможность русско-турецкой войны в casus foederis (условие соглашения), а также обязывавший Данию противодействовать французской политике в Швеции путем уплаты субсидий сторонникам русской ориентации.

Окончательное соглашение о голштинских делах было ратифицировано в 1767 г., а передача Дании голштинских земель должна была состояться с наступлением совершеннолетия Павла — в 1773 г.

Подводя итоги международному положению России накануне войны 1768 — 1774 гг., нельзя не признать его чрезвычайно сложным. Наличие в русской внешнеполитической программе, наряду с черноморской проблемой, двух других крупных задач сталкивало Россию почти со всеми государствами Западной Европы.

Откровенным и последовательным противником России была Франция. Не будучи в состоянии оказать серьезное противодействие русским планам путем открытых военных действий, она старалась достигнуть этой цели, оказывая дипломатическую, финансовую и военную помощь турецкому султану, польским конфедератам, антирусской группировке в Швеции. Под воздействием Франции Порта объявила войну России в такой момент, когда последняя была поглощена событиями в Польше. Австрия по мере русских успехов в Польше становилась все более враждебной по отношению к России и фактически действовала в полном согласии с Францией.

Разойдясь со своей бывшей союзницей — Австрией, Россия пошла на сближение с Пруссией. Фридрих II готов был поддерживать русскую политику в Турции, Польше и Швеции, но добивался при этом осуществления собственной цели — раздела Речи Посполитой. А так как Россия не склонна была увеличивать владения других держав за счет Польши, то у нее были неизбежны серьезные трения и с собственной союзницей — Пруссией. Тем не менее союз с Прусским королевством, так же как и с Данией, обеспечивал относительно устойчивое положение на севере Европы.

Великобритания поддерживала Россию, поскольку это ослабляло позиции Франции и способствовало интересам английской торговли. Однако такая поддержка не снимала англо-русских противоречий на Востоке, которые все усиливались по мере роста военного могущества России.

* * *

Руководителем русской внешней политики в 60-х годах XVIII в. был видный дипломат и государственный деятель Никита Иванович Панин.

Н. И. Панин, родившийся в 1718 г., происходил из дворянской семьи среднего достатка¹. Его отец выдвинулся на военной службе при Петре I. По обычаю петровского времени Н. И. Панин был записан в гвардейский полк, где проходил военную службу, начиная с низшего чина.

Благодаря «знатным супружествам» своих сестер, Н. И. Панин рано установил связь с придворным кругом. Начав с камерюнкера при Елизавете Петровне, он всю свою жизнь (за исключением 12-летнего пребывания за границей) вращался в дворцовой атмосфере, культивировавшей «изысканные манеры». Его хвалили за сдержанность и такт, любезная улыбка никогда не сходила с его лица.

Природный ум и широкое образование Панина помогли ему выдвинуться на государственном поприще. В 1747 г. он был назначен чрезвычайным посланником в Данию, а в 1748 г. перемещен в Швецию, где служил в том же звании до 1760 г. В этот период Панину пришлось разрешить ряд сложных и ответственных задач. Умело предупреждая конфликты со Швецией, он немало содействовал привлечению этого государства к антипрусской коалиции во время Семилетней войны. Швеция действовала в этом конфликте совместно с Россией и даже предоставила ей корабли и фрегаты на основе русско-шведского соглашения 1758 г.

В 1760 г. Панин снова появился при петербургском дворе: ему было поручено воспитание будущего императора Павла. Эти обязанности он выполнял до 1773 г. (совершеннолетие Павла), причем совмещал их с активным участием в государственных делах.

Панин критически относился к правлению Елизаветы Петровны, считая, что безответственность министров, засилье фаворитов и т. д. — все это ослабляет дворянское государство. Вскоре после вступления на престол Екатерины II Панин представил

¹ Вместе с братом П. И. Паниным он наследовал от отца 400 душ крепостных крестьян. Д. И. Фонвизин. Жизнь графа Н. И. Панина, СПб., 1787, стр. 6.

Н. И. Панин.

Гравюра с портрета работы художника Д. Г. Левницкого.
(Государственный Исторический музей)

ей на утверждение проект царского манифеста о создании императорского совета и о разделении Сената на несколько департаментов. В докладе, приложенном к проекту, подробно обосновывалась мысль о необходимости государственных реформ.

Проект Панина оставлял неприкосновенными социальные отношения в стране. Его предложения сводились к политическим преобразованиям, которые должны были, по мысли автора, устранить влияние на дела со стороны фаворитов и поставить монарха под известный контроль со стороны крупного дворянства. Задачей Панина было укрепить дворянское государство, которому все более угрожали народные волнения. Разъясняя «важнейший политический резон» своих предложений, Панин писал:

«Мы слишком тридцать лет обращаемся в революциях на престоле, и чем больше их сила распространяется между подлых людей, тем оне смелее, безопаснее и возможнее стали»¹.

Императорский совет должен был, по замыслу Панина, состоять из 6—8 членов и обладать законосовещательными функциями. Сенат разделялся на департаменты и получал право «представлять» (т. е. указывать) монарху на изданные распоряжения, которые шли вразрез с существующими законами. Не предусматривая никакой выборности указанных органов и оставляя за монархом прерогативу их назначения, Панин фактически не ограничивал самодержавия, а пытался только устранить наиболее вопиющие проявления личного произвола и придать законность правлению монарха.

28 декабря 1762 г. Екатерина подписала панинский проект «Манифеста», однако обнародования его не последовало: династические, личные мотивы взяли верх над более широкими, классовыми интересами. Впрочем, впоследствии очень осторожно Екатерина реализовала часть панинских предложений. Так, в ноябре 1768 г. был создан так называемый «Совет при высочайшем дворе» (без законодательных функций). Еще раньше, в декабре 1763 г., Сенат был разделен на департаменты, что, однако, не привело к восстановлению его былого веса и значения.

Желание Панина поставить императрицу под известный контроль усилило недоброжелательство, которое питала к нему Екатерина: ей было известно, что перед устранением Петра III Панин хотел сделать ее только регентшей при малолетнем царе Павле. Однако все эти эпизоды в биографии Панина не помешали ему сохранить и даже расширить свое влияние на государственные дела. Это вполне понятно. Панин был умелым проводником интересов правящего класса. Разногласия между ним и импера-

трицей были следствием неглубоких, внутриклассовых противоречий. Тем не менее они оказывали известное влияние на внешнюю политику. Группировка, представлявшая Н. И. Паниным, была *более последовательной* в проведении принятого курса внешней политики. Напротив, императрица и ее фавориты братья Орловы часто руководствовались соображениями личной славы, интересами династии, целью укрепления на троне Екатерины II. В своей политике они нередко доходили до прямого авантюризма.

С группировкой Н. И. Панина (в которую входили его брат П. И. Панин, родственники Н. В. Репнин, А. Б. Куракин и др.) были солидарны полководец П. А. Румянцев, дипломат А. М. Обресков и другие деятели, на долю которых выпала реализация обширной программы русской внешней политики.

С 1763 г. Панин фактически стал руководителем Коллегии иностранных дел: в октябре 1763 г. он был назначен старшим членом, а в следующем году — «первоприсутствующим» в коллегии. Назначения его канцлером не последовало, очевидно, в связи с нежеланием Екатерины II увеличивать и без того высокий авторитет своего возможного противника.

Панин стремился вести внешнюю политику по определенному плану, исходя из стоявших перед Россией широких общегосударственных задач.

Формирование союза южноевропейских государств (Франции, Австрии и др.) побудило Панина задуматься над проектом объединения северных государств — России, Пруссии, Англии, Дании, Швеции и Речи Посполитой. По мысли Панина, «Северная система» должна была «вывести Россию из постоянной зависимости и поставить ее... на такой степени, чтоб она как в общих делах знатную часть руководства иметь, так особливо в севере тишину и покой ненарушимо сохранять могла»¹.

Союзникам отводились при этом различные функции. Если от «активных держав» — России, Пруссии, Англии и Дании — требовалось непосредственное участие в возможных столкновениях с франко-австрийской коалицией, то Швеция и Польша должны были ограничиваться благожелательным нейтралитетом.

На Польшу Панин возлагал особые надежды. Он считал, что со временем она может стать полезной союзницей России против Турции и заменить ей Австрию. Но для этого Польша должна была стать *сильной*. Панин полагал, что после устранения из Польши французского влияния следует провести внутренние преобразования, укрепляющие положение Речи Посполитой. В беседах с прусским представителем в Петербурге Сольмсом

¹ Сб. РИО, т. 7, стр. 208.

¹ Сб. РИО, т. 67, стр. 25.

в ноябре 1764 г. Панин высказывался за упразднение *liberum veto*, разлагавшего польскую государственность. «Допустив означенное изменение, — говорил он, — мы можем надеяться снискать их (поляков) дружбу и доверие, тогда как, воспротивившись этому, мы рискуем охладить их и подать мысль обратиться к содействию Австрии для возведения себя на степень благоустроенного государства»¹.

Сольмс доносил, что Панин считает необходимым «помочь полякам выйти из хаотического состояния, не позволяющего гражданам этого государства жить так же, как живут другие образованные народы»². Панин неоднократно повторял, что «в интересе России возбудить в Польше некоторого рода деятельность, чтобы сделать союз с нею полезным для настоящей системы и иметь возможность употребить ее в случае надобности против турок и татар»³.

Союзные договоры с Пруссией (1764 г.) и с Данией (1765 г.), а также торговый договор с Англией (1766 г.), заключенные при энергичном участии Н. И. Панина, мыслились им как звенья будущей «Северной системы». Однако осуществить этот проект в полном объеме Панину не удалось. Фридрих II не желал усиления польского государства и уклонялся от таких обязательств, которые помешали бы Пруссии реализовать свои агрессивные планы в отношении Речи Посполитой. Пруссия не была также заинтересована в том, чтобы Польша заменила для России Австрию: это понизило бы ценность прусского союза для России. Наконец, прусский король не хотел дальнейшего усиления России.

«Система Панина», как ее называли английские дипломаты⁴, не встретила поддержки и в Лондоне. Англичане понимали, что осуществление намеченного плана будет способствовать росту международного веса и значения России. Английский представитель в Петербурге Макартней доносил своему двору, что Россия намерена составить в этой системе «краеугольный камень» и что «она уже имеет это значение относительно Швеции, Дании, Польши и Пруссии»⁵.

Такая позиция двух основных членов проектируемой коалиции преопределила неудачу «Северной системы». Тем не менее

¹ Сб. РИО, т. 22, стр. 331 (слова Панина в передаче Сольмса).

² Там же, стр. 333.

³ Там же, стр. 335.

⁴ Там же, т. 12, стр. 324. По мнению Е. В. Тарле, «Северная система» была английской идеей, которую воспринял Панин, не разглядевший (в отличие от Екатерины II) ее вреда для России. Однако это мнение не подтверждается документами. См. Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг, М. — Л., 1945, стр. 6.

⁵ Сб. РИО, т. 12, стр. 274.

сближение с Пруссией, Данией и Англией дало положительные результаты, которые в известной мере подготовили в дипломатическом отношении успешный исход русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг.

Курс на сближение с державами севера, и, в частности, с Пруссией, проводился Паниным в обстановке настойчивого противодействия сторонников традиционного союза с Австрией, которого Россия придерживалась в течение долгого времени.

Таким образом, роль Н. И. Панина в истории русской внешней политики XVIII в. представляется очень значительной. Нельзя согласиться с мнением А. Г. Брикнера (разделяемым Е. В. Тарле), что Панин был только скромным исполнителем воли императрицы, одним из «редакторов ее мыслей»¹. Панин был автором многочисленных манифестов и рескриптов, которые позднее скрепила своей подписью Екатерина и которые вытекали из принятого им курса внешней политики.

«Панин положительно держит бразды правления этой империи»², — доносил своему правительству английский представитель Кэткерт, отмечая в то же время его натянутые отношения с фаворитом императрицы Григорием Орловым. В другом английском донесении о Екатерине II говорится, что «относительно иностранных дел она следует его (т. е. Панина) советам, могут сказать, почти слепо»³.

Конечно, эти оценки были несколько преувеличены. Екатерина обладала большими дипломатическими способностями и активно участвовала во всех внешнеполитических мероприятиях, добиваясь реализации задач, поставленных на очередь уже при Петре I. Но Екатерина не всегда умела трезво и всесторонне оценить обстановку, порою переоценивала возможности России и давала поспешные и необоснованные предписания.

Наряду с Н. И. Паниным во второй половине XVIII в. выдвинулся целый ряд талантливых полководцев и дипломатов — Румянцев, Суворов, Репнин, Обресков и др., работавших над осуществлением обширной программы русской внешней политики. Они отчетливо представляли себе направление русской внешней политики и боролись за разрешение ее очередных и важных задач.

¹ А. Брикнер. История Екатерины Второй, ч. III, СПб., 1885, стр. 267; Ср. Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 79.

² Сб. РИО, т. 12, стр. 344.

³ Там же, стр. 335. Эти отзывы английских дипломатов не подтверждают мнения Е. В. Тарле, будто бы Панин в глазах англичан (указывается, в частности, Кэткерт) «больше официальная, показная фигура», а что главную роль играет Григорий Орлов. Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 79.

Глава III

НАЧАЛО ВОЙНЫ И ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПРОЕКТ МИРНОГО ДОГОВОРА

25 сентября 1768 г. Турция объявила войну России: русский резидент Алексей Михайлович Обресков, который в течение тридцати лет вел дипломатическую работу в Константинополе, был брошен в сырой и мрачный каземат Семибашенного замка.

Расправа с дипломатическим представителем иностранной державы не была чем-нибудь необычным для султанской Турции. Порта в те времена не имела собственных послов в странах «неверных» и не опасалась ответных репрессий.

Прекращению дипломатических сношений предшествовали продолжительные дебаты между Обресковым и турецкими министрами по вопросу о положении в Польше. Выставляя себя защитницей польской независимости, Порта в действительности была проводником франко-австрийской политики, направленной на устранение из Польши русского влияния. Кроме того, Турция преследовала практические цели собственной внешней политики: она стремилась присоединить к себе польскую Подолию и другие смежные области. Об этом проговорился видный турецкий дипломат Ресми-Ахмед, чье имя стоит на Кючук-Кайнарджийском договоре. В 1763—1764 гг. он ездил в Пруссию в качестве чрезвычайного посла Оттоманской империи и написал подробный отчет о своем путешествии, в частности о проезде через польские земли.

Польша произвела на Ресми-Ахмеда впечатление государства «без хозяина и без защиты»¹. Польские феодалы, писал он, «ни друг другу не оказывают повиновения, ни на краля своего не обращают большого внимания; но сколько от того расстроенный вид имеет их государство, столько же цветущи и населенны

¹ «Сок достопримечательного в сущности, начале и важнейших событиях войны, происходившей между Высокой Портой и Россией...». — «Библиотека для чтения», СПб., 1854, т. 124, стр. 7.

их земли»¹. Участники посольства осмотрели крепость «Каманча» (Каменец-Подольск) и обратили внимание на то, что эта знаменитая крепость пришла в совершенную ветхость. Когда поляки объяснили это тем, что с соседкой Турцией они живут в мире и дружбе, то участники турецкого посольства, устремив взоры на крепость «Каманча», вознесли к Аллаху «теплую мольбу, чтобы он, по милосердию своему, соблаговолил возвратить поскорее эти здания в руки мусульман и чтобы с минарета и мембера попрежнему разносились и оглашали окрестности громкие призывы муэдзинов»².

Захватнические планы Турции по отношению к Польше не помешали султану использовать в качестве предлога для объявления войны России следующую статью о Польше, внесенную в Прутский договор 1711 г.: «В польские дела с обеих сторон не мешаться, також и их подданных ни чем присвоять, ни их, ни земель их»³. Несмотря на то, что Белградский договор 1739 г. отменил предыдущий и что о Польше в нем не было ни слова, Порта в нужный для нее момент сослалась на это устарелое постановление.

Непосредственным поводом для объявления войны явился следующий пограничный инцидент, к которому русское правительство не имело прямого отношения: гайдамаки, преследуя бежавших за турецкую границу барских конфедератов, разорили Балту, принадлежавшую крымскому хану. Порта обвинила в этом нападении русские войска и потребовала от Обрескова дать обязательство немедленно вывести их из Польши. Заявление Обрескова об отсутствии у него полномочий на подобного рода действия и о необходимости снестись с Петербургом повлекло за собой арест резидента и всего штата русского посольства в количестве 14 человек.

Объявление Турцией войны означало, что черноморскую проблему России придется разрешать в очень трудных условиях, дробя свои военные силы между Турцией и Польшей. В Польше находились русские войска и ряд выдающихся военных руководителей, в том числе А. В. Суворов. Последний не считал действия в Польше настоящей войной и добивался перевода его на турецкий театр, где, по его убеждению, для полководческого искусства открывалось гораздо больше простора. В письме на имя А. И. Набокова от 15 декабря 1768 г. он писал: «Пожалуй, сделай мне сию милость, поелику в твоей власти, и ежели

¹ «Записка турецкого посланника Сами Эль-Хадж Ахмед-эфенди о посольстве его в Пруссию в 1763—64 году», «Москвитянин», т. V (№ 17—18), 1855, стр. 111.

² Там же, стр. 106.

³ ПСЗ, т. IV, № 2398, стр. 715 (статья 2).

не с полком, то вырви отсюда меня одного туда, где будет построжае и поотличнее война»¹.

Несмотря на затруднительное положение России, соотношение сил с самого начала сложилось в ее пользу. Экономические сдвиги, которые происходили в стране, были одной из важнейших предпосылок успешного ведения войны. Развитие металлургии и других отраслей промышленности означало создание базы для снабжения русской армии всем необходимым. Благодаря наличию собственных предприятий, уже в первой четверти XVIII в. была прекращена закупка оружия и боеприпасов за границей². Достигнутая типизация стрелкового и прочего оружия сделала возможным переход к регулярной армии уже при Петре I. Технический прогресс в области военного дела был более значителен, чем в других областях народного хозяйства. В 1714 — 1716 гг. в русской армии были введены железные шомпола, что увеличивало частоту стрельбы; были изобретены нарезные ружья — штуцеры. Начальник артиллерии П. И. Шувалов собрал вокруг себя даровитых русских изобретателей и за короткое время превратил русскую артиллерию в самую передовую. В частности, было создано орудие, названное «единорогом», в котором удачно сочетались качества пушки и гаубицы. Уже во время Семилетней войны русский артиллерийский парк был самым большим в Европе.

Наряду с металлургией в течение XVIII в. получили значительное развитие и такие важные в военном отношении отрасли промышленности, как суконная, кожевенная, полотняная и бумажная, снабжавшие армию обмундированием, обувью и пр.

Усовершенствование оружия повлекло за собой возникновение новых методов ведения боя. Так, в связи с употреблением нарезного оружия появились подвижные отряды конных и пеших егерей. Стали применяться новые расчлененные боевые порядки — сочетание рассыпного строя с колоннами, — которые в России возникли раньше, чем в Западной Европе.

В связи с развитием товарно-денежных отношений русская армия перешла во второй половине XVIII в. от системы натуральных поставок продовольствия, фуража и лошадей к массовым закупкам, что было значительным шагом вперед.

В новую войну с Турцией Россия вступала обогащенная опытом Семилетней войны, в которой русские войска прославили себя победами над войсками Фридриха II. В Семилетней войне

¹ Сборник документов «А. В. Суворов» под ред. Г. П. Мещерякова, т. I, М., 1949, стр. 167.

² Вопросы обеспечения русской армии оружием и ее снабжения освещаются нами на основании монографии Л. Г. Бескровного «Строительство русской армии в XVIII веке». Докторская диссертация, защищенная в Институте истории АН СССР в 1950 г.

проявились военные дарования П. А. Румянцева, которому предстояло сыграть главную роль в русско-турецкой войне. Сформировалось немало и других талантливых полководцев — П. И. Панин, Н. В. Репнин и др. После Семилетней войны были усовершенствованы воинские уставы. Принимались меры и для улучшения состояния флота. В области военной мысли наблюдался заметный творческий подъем. Это выразилось, в частности, в разработке Суворовым новых методов воспитания войск, воплотившихся в его «Суздальском учреждении».

Русское военное искусство самостоятельно вырабатывало ту тактику, которая позднее нашла яркое выражение в войнах французской буржуазной революции.

* * *

Наоборот, Турция в XVIII в. переживала упадок, который начался задолго до интересующего нас времени.

В самом создании Оттоманской империи, явившейся результатом завоевания и представлявшей собой конгломерат различных народов, заключались зародыши ее распада; отсутствовала та скрепа, которая необходима для создания единого прочного государства. Это было особенно ясно видно на примере Европейской Турции: миллионы славян, греков и других народов находились здесь в подчинении у горстки турок, причем последних отнюдь нельзя было признать «элементом, наиболее пригодным к господству» (Ф. Энгельс)¹.

В торговой жизни страны турки играли второстепенную роль. Так было в XVIII в., так продолжалось и в XIX в., когда Маркс и Энгельс писали: «Кто является торговцем в Турции? Во всяком случае не турок... Греки, армяне, славяне и франки, устроившиеся в больших морских гаванях, держат в своих руках всю торговлю и не имеют решительно никаких оснований благодарить турецких беев и пашей за то, что эта возможность им дана»².

Под турецким владычеством покоренные области не могли установить между собой прочных экономических связей. Даже система управления не была перестроена османской военно-феодальной верхушкой. Завоеватели ограничивались сбором дани и налогов. «Восточный деспотизм, — указывал Маркс, — затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 373.

² Там же, т. IX, стр. 391—392.

пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот регулярного управления»¹.

В культурном отношении турки также не играли заметной роли в жизни завоеванных народов. По этому поводу Маркс и Энгельс писали: «А развитие общей цивилизации? Кто распространяет ее во всех частях Европейской Турции? Не турки, так как количество их незначительно и они рассеяны по стране; можно сказать, что они осели прочно только в Константинополе и двух-трех маленьких сельских округах. Славянская и греческая буржуазия в городах и торговых пунктах является истинной опорой всякого рода цивилизации, действительно вводимой в стране»².

Во второй половине XVIII в. центробежные силы, направлявшие Оттоманскую империю как государственное целое к застою и упадку, обнаружались с очевидностью. Движения угнетенных национальностей потрясли империю со всех сторон. Грузинский народ отказывался платить турецкому султану дань людьми, лишавшую Грузию самой сильной и работоспособной части населения. Поднимались народы Черногории и Албании. Их борьбу возглавил Степан Малый, которого народ выдавал за русского императора Петра III: в этом факте сказались симпатии к России со стороны славянских народов Балканского полуострова³. На островах Хиосе и Кипре происходили столкновения греческого населения со сборщиками налогов. В Аравии начиналось арабское объединительное движение вахабитов, направленное к созданию собственного государства.

В снабжении Порты покоренные области играли огромную роль. От поставок продовольствия с островов Архипелага во многом зависело питание жителей Константинополя. Молдавия и Валахия — эти важнейшие житницы Балканского полуострова — снабжали турецкую армию. Поэтому волнения подвластных Турции народов не могли не отражаться на понижении экономического потенциала ее армии.

Национальный гнет усиливал тяжелый социальный гнет, от которого страдало все трудящееся население Оттоманской империи, не исключая и турок. Турецкие феодалы довели эксплуатацию крестьянства до крайнего предела. Опутанное бесчисленными поборами, оно разорвалось и нищало.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 722.

² Там же, т. IX, стр. 392.

³ Н. И. Панин писал Д. М. Голицыну в Вену 14 октября 1768 г., что известия о черногорском самозванце «доказывают усердие сего народа к здешнему двору» (Сб. РИО, т. 87, стр. 167). Тем не менее правящие круги, и в первую очередь Екатерина II, были очень встревожены появлением самозванца и с беспокойством следили за его деятельностью. См. об этом в Сб. РИО, т. 87, стр. 49—56, 66—67, 79—81 и 509.

Политическому упадку Турции способствовали также сепаратистские движения феодалов. В Египте фактическая власть принадлежала мамлюкским беям, зависимость которых от Порты выражалась лишь в посылке ежегодной дани в Константинополь и «подарков» в Мекку и Медину. Однако и эти обязанности выполнялись не без трений. Так, в марте 1767 г. Обресков сообщал, что «египетские беи, взбунтовавшись, выгнали пашу, на место которого Порты послала отсюда другого»¹.

В Алжире, Тунисе, Триполи турецкий султан оставался лишь номинальным сюзереном. Сепаратистские движения развернулись также в Сирии и Ираке. Даже в Анатолии отдельные феодалы выходили из подчинения султану и заводили собственные войска.

Султан не был непосредственным руководителем внешней и внутренней политики. Фактически правление сосредоточивалось в руках великого визиря и главы мусульманского духовенства шейх-уль-ислама. Опасаясь чрезмерного усиления визирей, султаны часто их сменяли; в России было общеизвестно, что визирей «часто дают»². Труднее было сменить шейх-уль-ислама, за которым стояла влиятельная группа высшего мусульманского духовенства, но и это случалось нередко. По поводу смены «муфтия»³ в 1767 г. Обресков доносил в Петербург, что случилось это «не по какому-либо преступлению, но единственно по наблюдаемому обыкновению частой перемены чиновников и чтобы опростать место другим»⁴.

Время от времени необычайное влияние на дела приобретал тот или иной фаворит, обычно из незнатных, в котором султан искал преданного исполнителя своей воли.

В 1757 г., после двух своих старших братьев на престол вступил Мустафа III, который оставался султаном до своей смерти в январе 1774 г. Это был типичный султан периода упадка Оттоманской империи. Стремясь проявлять самостоятельность, он оказался менее всего способен осуществлять свою личную волю. Влияние различных группировок дивана (совет при великом визире), а в конечном счете иностранных дворов — вот что определяло его политику. Мустафа III имел преувеличенное представление о могуществе Оттоманской империи и о значении своей особы. Наверно поэтому придворный историкограф Васыф сравнил его «по духу» с Александром Македонским⁵.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 409, 1767 г., л. 72.

² С. Порошин. Записки, СПб., 1881, стр. 69.

³ Русский термин XVIII в. для обозначения шейх-уль-ислама.

⁴ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 409, 1767 г., л. 72.

⁵ См. «Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes...», стр. 255.

Мустафа считался образованным человеком, любил собирать вокруг себя ученых, даже писал стихи. В то же время он оставался самым настоящим обскурантом. Тот же Васыф отмечал «его склонность к астрологии». «Свою страсть в этом отношении он довел до того, что, узнав о репутации, которой пользовались в области гадания варварийцы¹, отправил специальное посольство к правителю Феса с просьбой прислать ему опытного астролога: его желанием было,—писал он,—указать населению Константинополя счастливые часы дня и ночи»². С подобной же просьбой Мустафа III обращался к Фридриху II, полагая, что в своих военных распоряжениях прусский король руководствуется указаниями астрологов.

Вместе с общим упадком Османской империи происходило падение ее военной мощи. С давних времен ядро турецкого боевого порядка составляло войско янычар, которое комплектовалось по совершенно исключительному принципу — из христианских детей, насильственно обращенных в мусульманство и воспитанных в фанатической ненависти к «неверным». Это войско было размещено в казармах, получало государственное содержание, проходило систематическое обучение. Наряду с янычарами в Турции были и другие постоянные войска (артиллерия и пр.), объединявшиеся под общим названием «рабов правительства» («капы кулу»), в отличие от феодального ополчения («сипахи»)³.

Еще при Сулеймане-Законодателе часть янычар (ветераны и инвалиды) получила право обзаводиться семьей. В дальнейшем это право было распространено и на других янычар. А так как выдаваемого жалованья не хватало на содержание семьи, то из этого права вытекало для янычар и другое — свободно заниматься ремеслами и торговлей. В XVIII в. при Махмуде I (умер в 1754 г.) янычарам дана была важная привилегия — беспошлинной торговли. Многие становились янычарами, чтобы только сделаться купцами. Принцип комплектования войска янычар стал все чаще нарушаться: мусульмане подставляли своих детей вместо детей христиан, чтобы пользоваться привилегиями янычарского звания. Эти люди обычно жили вне казарм и уклонялись от военного обучения.

Традиционная, но все более падавшая воинственность янычар обращалась теперь не столько на внешних врагов, сколько на борьбу с неугодными султанами и визирями, а также на дворцовые интриги. Еще в 1700 г. французский путешественник Турнефор

¹ «Варварийцы» (правильно: берберы) — так в XVIII в. называли население Алжира, Туниса и Триполи.

² «Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes ...», стр. 257.

³ А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 31—32.

сделал наблюдение, что «янычары и сипахи до такой степени уравновешивают власть государя, как бы абсолюта она ни была, что иногда имеют наглость требовать его головы. Они смещают своих повелителей и создают их вновь с большей легкостью, чем это делали в свое время римские войска...»¹

Отстаивая свои привилегии, янычары решительно восставали против всяких военных реформ. Когда Бонневаль, французский «рenegат»², предпринял по поручению султана попытку реорганизации турецкой армии по западноевропейскому образцу, то из его усилий ничего не вышло из-за противодействия янычар. Барон де Тотт (венгерец на французской службе), который был послан в Турцию в качестве военного инструктора, также был стеснен в своей деятельности строгими рамками: он мог делать только то, что не затрагивало интересов янычар.

Таким образом, янычары, некогда столь грозная военная сила, в XVIII в. выродились в привилегированную касту и в известной мере утратили свою боеспособность. Тем не менее число их было значительно и считалось в XVIII в. в 80 000 чел.³

Наряду с постоянной армией в Турции было, как уже сказано, феодальное ополчение «сипахи» (легкая конница). В XVIII в. эта вторая основа турецкого военного могущества также переживала процесс разложения. Помещики всячески уклонялись от военной службы. Состав «сипахи» должен был доходить до 20 000 чел., фактически же в изучаемое время он был во много раз меньше⁴.

Во время войны значительные контингенты войск поставлялись отдельными провинциями и вассальными государствами. Так, Крымское ханство к началу войны 1768—1774 гг. располагало до 60 000 чел.⁵ Около 25 000 чел. давали курды (провинции Диарбекир, Шехерзул, Ван и др.), 10 000 — туркмены⁶.

Христианское население, подвластное Турции, как правило, в армию не призывалось: вместо военной повинности оно должно было ежегодно отдавать туркам определенное число детей мужского пола для пополнения войска янычар. Исключением были Молдавия и Валахия, которые вместо «дани кровью» обязаны были по требованию Порты выставлять боярские дружины

¹ Pitton de Tournefort. *Rélation d'un voyage du Levant*. Париж, 1717, т. II, стр. 4.

² В XVIII в. «рenegатами» называли лиц, принявших ислам и поступивших на турецкую службу.

³ А. Пузыревский. *История военного искусства в средние века*, ч. II, СПб., 1884, стр. 102.

⁴ А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 48.

⁵ А. Петров. Указ. соч., т. I, стр. 108.

⁶ M. d'Ohsson. *Tableau général de l'Empire Ottoman*, т. VII, Париж, 1824, стр. 378.

и различные полки служилых людей¹. Эти христианские отряды использовались преимущественно для саперных работ. В небольшом количестве к несению военной службы привлекались также славяне, жившие в других частях Османской империи. Так, например, болгары должны были составлять корпус «войнуков» в 6000 чел. для несения конюшенной службы².

В русских сведениях о противнике встречаются «бошняки» — жители Боснии, перешедшие в мусульманство и вступившие на турецкую службу. Наконец, из прочих нетурецких народов следует отметить «арнаутов», вербовавшихся из жителей Албании. Во флоте использовались преимущественно греческие матросы.

Перечисленные контингенты не исчерпывали собою состава турецкой армии. По объявлении войны в Турции созывались добровольцы «из всякого рода состояния и разных промыслов людей...»³

Таким образом, Турция, в противоположность России, не располагала обученной регулярной армией. Основным преимуществом турецкой армии был ее огромный численный состав. Одни провинциальные ополчения («эялет-аскери») составляли, по данным д'Оссона, 120 000 чел.⁴ В эту цифру не входили янычары и другие постоянные войска — сипахи, татары, ногаи и т. д. Общая численность турецкой армии к началу русско-турецкой войны должна была составить, по планам турецкого командования, 600 000 чел.⁵

Дисциплина турецких войск была слабой. Это относилось прежде всего к янычарам, своеволие которых достигало крайней степени. Клеман, наблюдавший турецкие войска в Крыму в начале войны 1768—1774 гг., писал: «Их паши и аги принуждены делать им много потворства и даже в самых частых возмущениях стараться усмирить увещеваниями»⁶. Очень распространено было также дезертирство.

Военная техника в Турции носила на себе те же черты застоя, которые характеризовали турецкую экономику в целом. «Даже в конце XVIII века применялись мраморные ядра, которыми стреляли еще во времена Сулеймана», — говорится в официальной истории Турции («Tarih») ⁷.

Армия была вооружена неоднородным и разнокалиберным оружием. Столь же пестрым было обмундирование.

¹ «История Молдавии», ч. 1, стр. 169.

² D'Ohsson. Указ. соч., стр. 379.

³ «Наставление» П. И. Панина Второй армии, 1770 г. См. Д. Ф. Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, вып. III, М., 1881. Приложения, стр. 37.

⁴ D'Ohsson. Указ. соч., стр. 379.

⁵ А. Петров. Указ. соч., т. 1, стр. 108.

⁶ «Клеманово путешествие...», стр. 198; см. также стр. 116.

⁷ «Tarih», т. III, Стамбул, 1933, стр. 153.

П. И. Панин в «Наставлении» войскам Второй армии от 1770 г. подробно останавливался на вооружении турок. «...Фузеи их, — писал он, — в старинных азиатических ложах, с таким к дулу перевесом и тягостию, что без присошков с руки метко стрелять, а по состоянию при них весьма долгих и деревянных шомполов скоро заряжать невозможно»¹.

Не лучше обстояло дело с артиллерией. Панин с насмешкой отзывался о турецких «малых пушечках», которые турки подвешивали по две на одного верблюда. Из них «инако не стреляют, как подъехав заставят сию скотину наперед лечь, а сидевший на ней пушкарь, выстрелив из оных, отъезжает, где б их в безопасном месте опять зарядить [и] приехать для другого по неприятелю своему выстрела»². Правда, у турок были в небольшом количестве также пушки на лафетах, перевозимые на лошадях или буйволах. Но эти пушки нельзя было поворачивать из стороны в сторону, и турки стреляли из них, не целясь, по одному и тому же месту.

Но вместе с тем современники признавали высокие боевые качества турецкой кавалерии. Так, П. И. Панин отмечал, наряду с ее многочисленностью, также ее способность к одиночным действиям, «легкость, проворство» людей, лошадей, «да и собственное каждого привычные наездничьи ухватки»³.

Уровень турецкого генералитета (пашей) был сравнительно высок, но в отношении главного командования дело обстояло хуже. По существовавшей в Турции системе в случае войны всякий великий визирь механически становился главнокомандующим, независимо от того, обладал он военными способностями или нет. Неудивительно, что за две первые кампании (1769—1770 гг.) в турецкой армии сменилось семь главнокомандующих, представлявших собой коллекцию бездарностей.

Гамза паша, который первым выступил в поход во главе турецкой армии, по словам Ресми-Ахмеда, просидел на визирской подушке всего 28 дней⁴. Он был смещен за то, что вместо выполнения своих прямых обязанностей пустился в продажу должностей и растрату казенных денег. Его сменил Эмин паша, главным достоинством которого был превосходный почерк (он приобрел его, работая в области делопроизводства). К командованию армией он оказался совершенно неспособен. Его возвышению помогло то, что он случайно участвовал в объяснениях с Обресковым, окончившихся разрывом дипломатических отношений с Россией. «С того времени он уже так раздулся тщеславием, что

¹ «Наставление» П. И. Панина Второй армии, 1770 г. См. Д. Ф. Масловский. Указ. соч., стр. 40.

² Там же.

³ Д. Ф. Масловский. Указ. соч., стр. 42.

⁴ «Сок достопримечательного...», стр. 16.

решительно не вмешался в зале дивана...»¹, — пишет Ресми-Ахмед. Третьим был Мохаммед-Эмин, который также обнаружил полную беспомощность: в то время как армия очень нуждалась в продовольствии, деньги, выданные ему на военные нужды, лежали неизрасходованными в кассе. Мохаммед-Эмин был не только смещен, но и обезглавлен, и отрубленная голова его была доставлена на золотом блюде в сераль; при ней был ярлык с перечнем его преступлений². Четвертым был Бостанджи-Али, по прозвищу Молдаванец. Он не был молдавцем по национальности и прозвищу своему обязан был тем, что занимался продажей молдавских женщин и детей, на которых устраивал облавы под предлогом борьбы с бродяжничеством³. Бостанджи-Али был смещен за оставление Хотина. Пятым был Халил паша. Причина его смещения была наиболее обычная: «он способствовал разорению армейской казны, взяв из нее заимообразно шестьсот мешков денег»⁴. Шестым был Силихдар-Мухаммед; о нем Ресми-Ахмед отзывался положительно: он был первым, который не грабил казны⁵, но к командованию армией он также оказался неспособен.

Наконец, в декабре 1770 г. великим визирем вновь стал Мухсин-заде, смещенный в связи с объявлением войны России осенью 1768 г. (он считал, что Турция к войне не готова, и был против разрыва дипломатических отношений с Россией).

Вольтер в своем письме А. Р. Воронцову от 26 февраля 1769 г. (н. с.) замечал: «У вас умелые генералы, а глупец (*l'imbecile*) Мустафа берет первого глупца из своего сераля и делает великим визирем. Этот великий визирь поручает командование своим креатурам. Я буду очень удивлен, если эти люди окажут вам сопротивление...»⁶

Та же мысль высказывается в более мягкой форме в официальной турецкой «Истории»: «В то время как в Европе военное дело поднималось до степени науки и войсками командовали опытные полководцы, османские войска находились под командой какого-нибудь случайного визиря»⁷.

Состояние турецкого флота в описываемое время было хуже, чем в предшествующие века. Это относилось и к количеству и к качеству судов, а также к личному составу команд. Турецкие матросы плохо знали свое дело: их капитаны были склонны к мор-

скому разбою и почти не обучали матросов. Греческие матросы, которых было много в турецком флоте, хорошо знали морское дело, но не хотели сражаться за турецкое государство.

Однако уровень военного флота Турции был еще относительно высок. Безраздельно владея Черным морем и значительной частью побережья Средиземного моря, турки не могли не накопить опыта морских плаваний, строительства кораблей, их вооружения и т. д. В количественном отношении превосходство турецкого флота перед русским было совершенно бесспорно. Когда началась русско-турецкая война, турки смогли выставить на Черном море 250 судов¹.

Подводя итоги всему сказанному о состоянии Оттоманской империи, следует признать, что с точки зрения экономического и военного потенциала она уступала своему противнику — России. Последняя имела также несомненный перевес морального порядка, поскольку угнетенные Турцией народы массами переходили на сторону русских войск. Однако было бы ошибкой считать, что начавшаяся борьба могла окончиться для России легкой и быстрой победой. Огромное численное превосходство турецких войск, большой процент конных воинов, а также специфические особенности турецкой тактики (стремительный натиск, рассчитанный на устрашение противника) требовали от русского командования и всего состава войск большого напряжения сил. «При несоблюдении регулярного порядка, — писал П. И. Панин, — многочислнм малое состояние противостоять не может...»²

Но главное преимущество Турции заключалось в том, что она располагала прекрасным стратегическим плацдармом — Крымским полуостровом. Ее флот господствовал в Черном море и входил в устье Дуная, что позволяло туркам наиболее удобным способом высаживать десанты как на Дунайском театре, так и в Крыму, а также снабжать свои войска. Характерно, что уже в первый год войны русское правительство поставило задачу овладеть Керчью и Таманью, «дабы зунд Черного моря чрез то получить в свои руки, и тогда нашим судам способно будет крейсировать до самого царяградского канала и до устья Дуная. Если же грузинцы овладеют краем того же Черного моря, то нашим судам, в случае противной погоды, еще верное прибежище прибавится»³. Когда же Россия в ходе военной кампании завоевала несколько портов на Черном море, она немедленно приступила к строительству флота.

¹ А. Петров. Указ. соч., т. 1, стр. 112.

² «Наставление» П. И. Панина Второй армии. См. Д. Ф. Масловский. Указ. соч., стр. 44.

³ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 339.

¹ «Сок достопримечательного...», стр. 9.

² Наттег. Указ. соч., т. VIII, стр. 342.

³ Там же, стр. 346.

⁴ «Сок достопримечательного...», стр. 36.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ «Архив кн. Воронцова», кн. V, стр. 457.

⁷ «Tarih», т. III, Стамбул, 1933, стр. 153.

Военный план русского правительства основывался на предположении, что турки будут стараться соединиться с польскими конфедератами и напасть на Россию через Польшу. Чтобы помешать этим действиям, решено было направить Первую армию (под начальством А. М. Голицына) к Хотину, возложив на нее наступательную задачу. Вторая армия (под начальством П. А. Румянцева) должна была прикрывать границы России между Днепром и Доном от нападений крымских татар и при первой возможности восстановить разрушенные по требованию Порты русские крепости Азов и Таганрог.

Поручение талантливому полководцу П. А. Румянцеву чрезвычайно ответственной и трудной задачи защищать южнорусскую границу было вполне естественным и закономерным, тем более что он в качестве председателя Малороссийской коллегии хорошо изучил особенности этой местности, лишенной укреплений и естественных укрытий, изучил экономические и военные ресурсы Украины¹.

Что касается А. М. Голицына, то он очень скоро обнаружил неспособность к выполнению возложенных на него обязанностей и был отозван в Петербург. П. А. Румянецв после достигнутого перелома на Крымском театре войны сменил Голицына в качестве командующего Первой армией.

Для действий на Кавказском театре были сформированы два корпуса: Кубанский под командованием И. Ф. Медема и Закавказский, возглавлявшийся Г. Г. Тотлебенем. Корпусу Тотлебена предстояло соединиться с грузинскими войсками, чтобы изгнать турецких пашей из захваченных ими крепостей Имеретии.

Большие задачи возлагались на флот, который должен был отправиться из Кронштадта в Средиземное море. Но для того, чтобы предпринять эту трудную экспедицию, требовалась большая подготовка.

Русское правительство решило воспользоваться внутренними противоречиями в Османской империи и опереться на угнетенные народы, населявшие Кавказ, Балканский полуостров и острова Архипелага.

Еще задолго до войны различные народы Османской империи посылали в Петербург своих депутатов, выражая готовность поддержать Россию в борьбе против Османской империи. Грузины не признали дефежа своих земель, учиненного

¹ Едва ли можно согласиться с мнением С. М. Соловьева, который считал, что назначение П. А. Румянцева командующим Второй армией означало отгеснение полководца «на второй план». Это мнение, как нам кажется, вытекало из недооценки Крымского театра войны. См. С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 28, стр. 560.

персидским шахом и турецким султаном. Имеретинский царь Соломон с 1755 г. вел ожесточенную борьбу против Турции. Внутренние междоусобицы сильно мешали Соломону в его освободительной борьбе. Он неоднократно обращался к России за помощью. Но в то время русское правительство воздержалось от содействия Соломону, опасаясь нарушения мира с Турцией. Теперь же, в условиях начавшейся войны, оно решило поддержать грузинское освободительное движение.

Восточная часть Грузии—Картлия и Кахетия—находилась в то время во власти Ирана. Грузинский царь Ираклий II не остался безразличным к столкновению России и Турции. Он решительно встал на сторону России, считая, что с ее помощью Грузия сможет освободиться от персидского гнета. Он желал, чтобы вся Грузия вступила под покровительство России. Ираклий принял предложение Соломона о совместных действиях против Турции¹.

С просьбами о покровительстве обращались к России также балканские славяне. Так, в 1762 г. черногорцы посылали в Петербург своих представителей, прося Екатерину II помочь им освободиться от турецкого гнета². В 1770 г. с такой же просьбой обращались и сербы³.

Среди греческого населения Османской империи особым свободолюбием отличалось население горного района Мореи—Майны. Греки-майоты не признавали над собой турецкой власти. В декабре 1765 г. они написали Екатерине II о том, что готовы выставить против Турции 50 тыс. войска⁴. В 1767 г. русский поверенный в делах Левашов доносил из Константинополя, что Майна—это «республика», которая «и поныне не была еще покорена оружием османским»⁵. Позднее, при известии об объявлении Турцией войны России, греческий народ снова обратился с письмом к Екатерине II и Павлу, прося помочь ему освободиться от турецкого ига⁶.

На заседании «Совета при высочайшем дворе», созданного для обсуждения военных мероприятий и мирных проектов, в ноябре 1768 г. был принят план экспедиции русского флота в Средиземное море и организации греческого восстания. Тогда же Совет решил «отправить как в Морею, к далматам, в Грузию, так и ко всем народам, в турецкой области живущим, нашего закона, для разглашения, что Россия принуждена вести с турками войну за закон, а к черногорцам для того послать, что ежели экспедиция

¹ Г. Кикодзе. Ираклий II, Тбилиси, 1948, стр. 86.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 28, стр. 586.

³ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 47.

⁴ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 89, 1765 г.

⁵ Там же, д. 416, 1767 г., л. 14.

⁶ Сб. РИО, т. 2, стр. 284—286.

в действо произведена будет, то в рассуждении положения земли иметь в оной безопасное пристанище»¹.

Версия, согласно которой Россия вела войну за христианский «закон», была далека от подлинных целей внешней политики царского правительства. Однако это отнюдь не исключало прогрессивного значения русских манифестов, поднимавших угнетенные народы на борьбу за свое освобождение.

В переписке русских правительственных деятелей открыто говорилось, что поднятие греков против Турции есть «учинение неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции». Только в этой диверсии, произведенной силами славян, греков и др. совместно с русскими войсками, «прямая наша цель быть долженствует»².

В манифестах, обращенных к турецким христианам, обычно говорилось, что интересы их будут приняты во внимание при заключении мира с Турцией. Так, в прокламации русского правительства к грекам и славянам содержалось обещание, что «при будущем нашем замирении с Портою не упустим мы включить в оное и друзей империи нашей, каковыми отныне признаваем мы все те народы, кои в войне составят общее с нами дело»³.

Турция объявила войну России в такой момент, когда она сама не была к ней подготовлена (ее выступление было ускорено воздействием иностранных держав). Между объявлением войны и вступлением в войну основных военных сил Турции лежал продолжительный промежуток времени.

Если турецкая армия смогла начать военные действия только весной 1769 г., то крымские татары выступили значительно раньше. Их действия возглавил Крым-Гирей, который долгое время был в немилости у султана за то, что проявлял излишнюю самостоятельность. Теперь Мустафа III поспешил вернуть его из ссылки, учитывая его военные способности, жестокую ненависть к русским и некоторую популярность среди ногаев. Когда Крым-Гирей прибыл в Константинополь, на его пути в сераль (султанский дворец), в знак особой благосклонности султана, были выставлены головы казненных черногорцев. Султан богато одарил нового хана и отпустил его в Крым в сопровождении французского консула барона де Тотта, который сделался военным консультантом Крым-Гирея.

В январе 1769 г. Крым-Гирей разделил свои войска на отряды и двинул их на Украину, в частности, в направлении Бахмута

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 10.

² Сб. РИО, т. 1, стр. 2 и 6 (из письма Екатерины II А. Г. Орлову). См. также стр. 35, 44.

³ Сб. РИО, т. 1, стр. 10.

П. А. Румянцев.

Портрет работы художника С. Тончи. Масло на дереве.
(Государственный Исторический музей)

и Елисаветграда. Избегая сражений с русскими войсками, татары глубоко вклинились в русские земли. Они грабили мирное население, жгли деревни и захватывали добычу.

Французский представитель в Крыму Рюффен, взятый в плен русскими войсками в 1769 г., сообщил на допросе, что целью татарской экспедиции было «разорить колонии, цветущее состояние которых возбуждало зависть соседей и которые рассматривались как новшество, не предусмотренное трактатами; заинтересовать добычей татарскую нацию, не получавшую от Порты никакой платы...»¹

Подтверждение этих сведений мы встречаем в мемуарах Тотта, который неотлучно находился при хане в качестве военного консультанта. Описывая военный совет, состоявшийся на границе Новой Сербии перед нападением на эту колонию, он сообщал: было решено, что войска, «разделившись, покروют всю территорию Новой Сербии, сожгут все деревни, всю жатву, захватят в плен жителей и уведут стада. Было также решено, чтобы на каждого участника этой экспедиции приходилось по два человека из остальной армии, имеющих право на равную долю в его добыче. При таком способе дележа никто не был бы обижен»². В другом месте Тотт описывает татар, возвращающихся с добычей, причем старается изобразить эту жестокую сцену в самых идиллических тонах: «Пять или шесть невольников разного возраста, шестьдесят овец и двадцать волов — добыча одного человека — не обременяют его. Головы детей выглядывают из мешка, подвешенного к тулке седла, молодая девушка сидит впереди, поддерживаемая левой рукой всадника, мать на крупе, отец на одной из заводных лошадей, сын на другой, овцы и волы впереди, — все идет и не сбивается с пути под бдительным оком хозяина этого стада»³.

Сохранился цифровой материал, отражающий огромные опустошения, причиненные Запорожью походом Крым-Гирея⁴; этот поход С. М. Соловьев назвал последним в русской истории татарским нашествием⁵.

В этих трудных условиях П. А. Румянцев настойчиво и упорно восстанавливал положение на юге страны. Учитывая огромную протяженность русских границ, он отказался от кордонной системы обороны и сформировал ряд подвижных отрядов, которые охраняли определенные участки границы,

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 8, 1769 г., л. 123.

² «Mémoires du baron de Tott», т. II, Амстердам, 1785, стр. 144—145.

³ Там же, стр. 153—154.

⁴ См. многочисленные ведомости в Центральном Государственном историческом архиве УССР, ф. Коша Запорожской Сечи, д. 250 и др.

⁵ С. М. Соловьев, История России..., кн. VI, т. 28, стр. 565.

а в случае необходимости быстро концентрировались в назначенном пункте¹.

По указанию Румянцева специально выделенные отряды Второй армии заняли так называемые «барьерные» земли на Азовском побережье, где тотчас же началось восстановление крепостей Азова и Таганрога. Одновременно в устье Дона развернулось строительство Донской флотилии, предназначенной для содействия русским войскам во время предстоявшего наступления на Крым. Во главе флотилии был поставлен вице-адмирал А. Н. Сенявин.

Одновременно с этими событиями происходили военные действия и на Дунайском театре. В апреле 1769 г. войска под командованием А. М. Голицына подошли к Хотину. В это время армия великого визиря едва успела дойти до Дуная. Крепость оборонялась одним гарнизоном. Однако Голицын не сумел воспользоваться этой выгодной обстановкой и после сражения 21 апреля отступил от Хотина. Только 26 сентября Хотин, оставленный турками, был занят русскими войсками. После этого Голицын был смещен. Румянцеву было поручено командование Первой армией, а на его пост был назначен Петр Иванович Панин — крупный военачальник, прошедший школу русско-турецкой войны 1734—1739 гг., шведской и Семилетней войн, который, однако, до августа 1769 г. оставался в тени под влиянием противников панинской группировки.

Когда Румянцев в сентябре 1769 г. прибыл в район расположения Первой армии, турецкие войска продолжали отступать. 9 ноября корпус Эльмпта, преследовавший бегущих турок, занял столицу Молдавии Яссы. В ноябре 1769 г. русские войска овладели также столицей Валахии Бухарестом.

Успеху русской армии, в течение короткого срока занявшей Дунайские княжества, способствовала благожелательная позиция, занятая населением княжеств, которое видело в русских войсках своих освободителей. Эльмпт писал в одном из своих донесений, что Молдавия—«такая земля, которая не столько оружием, сколько ласкою... покоряется»².

Румянцев, расположившийся в Молдавии, обнаружил большой политический такт в отношении местных жителей. Он учитывал истощение края и считался с народными обычаями; все это помогало, по его выражению, «преклонить сердца» населения к России. Румянцев писал: «Всякая вводимая новость от победителя, со уничтожением порядков, к коим люди приобыкли, покажется им трудною, а сих жителей больше мы привлечем верность и преданность к себе, ежели не утесним ни чем их

свободы и отдавать станем правосудие, согласное с собственным их мнением»¹.

Русское командование опиралось на православное духовенство Молдавии и Валахии, пользовавшееся большим влиянием среди народа. Тотчас после вступления русских войск в столицу Молдавии в соборной церкви был устроен торжественный молебен, и духовенство стало приводить народ к присяге России. Эльмпт в своем донесении Румянцеву сообщал, что во время этой церемонии жители Молдавии «кучами к целованию креста и евангелия металась, так что нужно было определить людей для наблюдения порядка»².

П. А. Румянцев, который с осени 1769 г. до конца войны оставался командующим Первой армией, был выдающимся полководцем-новатором. До него европейские армии, воюя против турок, строились обычно в одно огромное каре и ограждались рогатками. Такое построение было связано с тем, что турки, располагая большим численным превосходством и действуя массовым ударом, легко прорывали тонкие линии противника, окружали его и наносили ему сокрушающий удар. Однако это построение, которое вслед за Минихом применял и Голицын, не было приспособлено для наступательных действий. Румянцев впервые применил в войне против Турции расчлененный боевой порядок. Он начал строить войска в несколько отдельных каре (в основном корпусных и дивизионных), между которыми располагалась конница, а впереди и на флангах — артиллерия и егери. Благодаря применению расчлененного боевого порядка Румянцев обеспечил себе свободу маневра, получил возможность концентрировать войска в определенном пункте для сосредоточенного удара и вести активные боевые действия.

В противоположность господствовавшим в Европе воззрениям, Румянцев считал, что солдат — не механизм, а почетный слуга государства. Он требовал от командиров, чтобы каждое предприятие было «искусно вразумляемо и объясняемо»³ солдату, стремился достичь взаимопонимания между рядовым и командным составом и добиться более тесной связи между армией и населением.

Румянцев был крупным военным теоретиком. Он понимал, что командующему войсками необходимо быть в курсе внешней политики своей страны. В письме Н. И. Панину от 21 февраля 1771 г. Румянцев просил поставить его в известность «о положе-

¹ Чтения ОИДР, 1865, кн. I, отд. I, стр. 243—244.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, 1769 г., л. 10.

³ «Записка генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задубнаевского о реорганизации русской армии», пункт VIII. — «Военно-исторический журнал», 1941, № 1, стр. 141.

¹ Ю. Р. Клокман. Указ. соч., стр. 61—62.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, 1769 г., лл. 11—12.

нии политических наших интересов, *сопрягающихся с жребием оружия*, и как шестые последнего оные учреждают»¹.

Команду Второй армией в 1769 г., Румянцев надежно прикрывал южнорусские границы от Польши до Азовского моря.

В исходе кампании 1769 г. заколебались ногаи. 9 октября Румянцев сообщил Екатерине о намерении части ногаев перейти в русское подданство². В другом донесении, от 15 октября, он писал: «Сейчас из Фальчи прибыл мужик, который рассказывает, между прочим, что в прошедшее воскресенье человек до пятисот татар (т. е. ногаев. — *Е. Д.*) приезжали к Фальче, и мурза их имел при себе большое белое знамя»³.

То же самое происходило и в других частях Крымского ханства. Сменивший Румянцева на посту командующего Второй армией П. И. Панин и губернатор Слободской Украины Е. А. Щербинин вели планомерную агитацию среди ногаев за переход их на сторону России, широко используя в качестве посредников запорожских казаков.

На Кавказе в кампанию 1769 г. успешно действовали войска под командованием Медема. При поддержке ногаев русские овладели укреплением Копыл и приблизились к границам Кабарды. Крымский хан тщетно старался заставить кабардинцев действовать в пользу Турции под командованием кубанского сераскера⁴. Угнетенные массы Кабарды решительно встали на сторону России и открыто заявляли о своем намерении вновь вступить в русское подданство. «Они, холопы, такое намерение имеют, — сообщал побывавший в Кабарде русский агент Е. Чорин, — что как бы скоро войско российское паки к ним со стремительством нападения подошло, тотчас предаются к нему, а через то владельцы и уздени их обессилеют и противиться уже не могут»⁵. «Черный народ о подданстве Крыму и слышать не хочет», — сообщал астраханский губернатор Бекетов⁶.

В июне 1769 г. войска Медема одержали победу над отрядами кабардинских феодалов на р. Эшкаконе. Владельцы, выселившиеся на р. Куму, по требованию Медема возвратились обратно. Кабардинский народ присягнул на подданство России.

Корпус Тотлебена, соединившись с грузинскими войсками, расположился в Имеретии, готовясь к нападению на турецкие

¹ Сб. РИО, т. 9, стр. 418. Курсив мой. — *Е. Д.*

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, 1769 г., л. 36 об.

³ Там же, л. 59.

⁴ См. письмо Крым-Гирея кабардинским владельцам (январь, 1769 г.). — Б. В. Скитский. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей..., Владикавказ, 1930, приложения, стр. 32—33.

⁵ Там же, стр. 17; ср. донесение А. Киреева, там же, стр. 16.

⁶ Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею, т. 1, Тифлис, 1866, стр. 82.

крепости в следующую кампанию. Население Северной Осетии помогало русским войскам при постройке мостов, представляло проводников. Часть жителей вступила в русское подданство¹.

Летом 1769 г. вышел из Кронштадта в Средиземное море значительно пополненный и обновленный русский флот.

Задуманная экспедиция в Архипелаг представляла большие трудности. Русским эскадрам предстояло пойти вдоль побережья европейских государств, останавливаясь в их базах; поэтому от позиции этих государств во многом зависел успех экспедиции. Война и дипломатия, как всегда, тесно переплетались между собой. Было ясно, что Франция вместе со своими союзниками (Испания, Королевство обеих Сицилий) постарается воспрепятствовать проходу русского флота в Средиземное море. Удастся ли ей это осуществить — зависело во многом от позиции Англии. Но на содействие последней нельзя было рассчитывать вполне. «По известной всех англичан без изъятия жалюзии² ко всяким морским предприятиям других держав, — писал Панин, — нельзя, правда, ручаться, чтобы они внутренно и на нашу экспедицию без зависти взирать стали». Не препятствуя открыто русским намерениям, они могли «иногда под рукою и сторонним образом наводить излишние затруднения»³.

* * *

С самого начала войны все военные и дипломатические действия направлялись Советом при высочайшем дворе. Уже на втором заседании Совета (6 ноября 1768 г.) был поставлен вопрос о том, «к какому концу вести войну и в случае наших авантажей, какие выгоды за полезнее положить». Совет ответил на это первой и самой общей формулировкой целей войны и содержания будущего мирного договора с Турцией: «удержать свободное мореплавание на Черном море и для того еще во время войны стараться о учреждении порта и крепости»⁴.

Когда обнаружилось стремление ногаев к отделению от Турции и появилась надежда на занятие Крыма русскими войсками, был практически поставлен вопрос о судьбе Крымского ханства. 15 марта 1770 г. состоялось заседание Совета, на котором было решено, что не следует добиваться включения Крыма в состав

¹ «Материалы по истории осетинского народа», т. II, стр. 95, 101.

² Ревности, зависти.

³ Сб. РИО, т. 87, стр. 474—475. Письмо Н. И. Панина русскому представителю в Лондоне Чернышеву от 18 июля 1769 г.

⁴ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 7.

России — достаточно, если турки согласятся на его полное отделение от Османской империи и предоставят ему независимость. Это решение Совета мотивировалось тем, что «крымские и другие под властью их хана находящиеся татары, по их свойству и положению, никогда не будут полезными подданными», ибо «никакие с них порядочные подати собираемы быть не могут». Не будут они полезны и для обороны русских границ, «ибо с той стороны не будет уже никакого соседа, который бы покусился нападать на российские границы...»¹

Но мотивы принятого решения были для правящей верхушки скорее утешением, чем действительной причиной отказа от приобретения новых подданных и новых территорий. Причина крылась в затруднениях международного порядка. Об этом также говорилось на заседании Совета. «Таким беспосредственным себе подданством, — записано в протоколе, — Россия возбудит противу себя общую и небезосновательную зависть и подозрение о беспредельном намерении умножения своих областей»².

С отделением Крымского ханства от Османской империи Совет связывал чрезвычайно важные последствия стратегического характера: «Как мало для России пользы из подданства сего полуострова и с принадлежащими ему другими татарскими ордами, так напротив того велико и знатно быть может приращение силам и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой и оставлены будут навсегда собою в независимости, ибо единым уже сего средством возможно, так сказать, что Османская Порта в рассуждении непосредственно самой России, ее границ и соседства в небытие моральное претворится, потому что ей нечем и ни с которой стороны невозможно будет делать никаких важных предприятий на российские границы, да и тем же самым положится навсегда новое и довольно знатное препятствие переводить ей свои войска через Дунай, имев тогда в правом боку независимых от нее татар»³.

В итоге обсуждения вопроса о Крыме Совет принял «решительную резолюцию не класть оружия, хотя бы то нам излишнюю войны кампанию стоить могло, пока Порта не признает торжественно в своем с нами мирном договоре независимую область Крым с принадлежащими к нему татарами...»⁴

Из такой постановки вопроса вытекал и характер взаимоотношений с ногаями и татарами. П. И. Панин должен был склонять их «к независимости и отложению себя от турецкой власти». Россия брала на себя обязательство защищать новое государ-

ство татар в случае турецкого вторжения и не заключать мира, «не утвердив договорными пунктами независимость Крымской области»¹. От татар же Панин должен был добиваться, чтобы «для надежнейшей нам способности и нашей им навсегда противу турок защиты, в силу постановляемых с ними обязательств..., приняли они наш гарнизон в некоторые свои крепости по удобности и ближайшему усмотрению нужды, и отдали бы нам одну морскую гавань на крымском берегу, где бы наша флотилия могла их всегда защищать от турецких десантов...» Против этих слов Екатерина написала: «Не менее нам необходимо нужно иметь в своих руках проход из Азовского в Черное море. И для того об нем домогаться надлежит»².

Таким образом, в марте 1770 г. была конкретизирована первоначальная формулировка целей войны, записанная в протоколах Совета от 6 ноября 1768 г. Заключение мира должно было состоять из двух последовательных стадий.

1. По договору с *Крымским ханством* Россия получала на черноморском побережье какой-нибудь порт и ряд опорных пунктов, что открывало перспективы для развития русской черноморской торговли и в то же время препятствовало восстановлению турецкого владычества над Крымом.

2. По договору России с *Османской империей* Крымское ханство становилось независимым, что означало подтверждение со стороны Турции договора с татарами также и в части предоставления России порта и опорных пунктов в Крыму.

Какие именно пункты желательно было иметь на черноморском побережье — этого вопроса в марте 1770 г. Совет окончательно не решил. Но уже 2 апреля 1770 г. П. И. Панину было послано предписание (повторенное 31 августа 1770 г.) о том, что он должен «стараться одержать в негоциации с татарами уступку Керчи, Тамана и Еникале»³. Эти пункты обеспечивали проход русского флота из Азовского в Черное море.

Обсуждая вопрос об открытии Черного моря для русского судоходства, правительство не забывало и более отдаленной цели — открытия черноморских проливов. Предполагалось для начала потребовать от Порты предоставления права нескольким кораблям по окончании войны возвратиться на родину из Архипелага через Дарданеллы и Босфор. «...Если сия важная негоциация (с татарами. — *Е. Д.*) в настоящую еще кампанию с пользою совершится, то, уже не теряя ни малейшего времени, надобно будет занять, каким бы то числом ни было, нашу Азовскую флотилию тот порт, который на крымском берегу нами

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 43.

² Там же.

³ Там же, стр. 44.

⁴ Там же.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 44—45.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 58.

выговорен будет, дабы при начатии с турками негоциации о мире можно уже было прелиминарными пунктами выговорить и одержать проход нескольким нашим кораблям из Средиземного моря в Черное, яко в такой порт, который в нашей собственности уже утвержденный, чем и одержано быть может действительное основание нашего флота, следственно же и всего мореплавания на Черном море»¹.

Так в ходе военной кампании, по мере успехов России, вырабатывались и уточнялись мирные условия, которые русское правительство намеревалось предложить Турции.

* * *

Уже осенью 1769 г. в борьбу между Россией и Турцией активно вмешалась международная дипломатия.

Фридрих II давно ожидал момента, когда он сможет расширить свои владения за счет Польши. В феврале 1769 г. он обратился к русскому правительству с предложением о разделе Польши, представив свой проект под видом плана некоего Линара. Прусский проект не нашел сочувствия в Петербурге. Русское правительство стремилось сохранить за собой безраздельное влияние в Речи Посполитой. А так как военные успехи России должны были укрепить ее в этом намерении, способствуя достижению намеченной цели, то прусскому королю оставалось одно — стараться поставить Россию в затруднительное положение.

Сделать это было нелегко. В Швеции и Польше Фридрих не мог поддерживать Францию против России: это противоречило бы его собственным интересам. Оставалась Турция. Но в силу союзнических отношений с Россией Пруссия обязана была помогать русской стороне в ее борьбе с турецким противником, что Фридрих и делал, уплачивая России субсидии. Пруссии оставалось действовать против России скрытым образом, используя какую-нибудь державу. Наиболее подходящим орудием прусских планов была Австрия, граничившая с Оттоманской империей. Забыв на время свои противоречия с этой державой, Фридрих сделал шаги к сближению с венским двором.

Оказалось, что Австрия сама имела основания искать сближения с прусским государством. Занятие русскими войсками Молдавии и Валахии вызвало большое неудовольствие в империи Габсбургов. Это событие не только ставило под сомнение возможность для Австрии расширяться за счет Дунайских княжеств, но оно еще больше обострило национальные про-

тиворечия в самой Австрии: подвластные Габсбургам славяне усиливали свою освободительную борьбу, видя, как народы Балкан с помощью России сбрасывали с себя турецкие оковы.

25 августа (н. с.) 1769 г. в силезском городе Нейсе (Ниса) состоялась встреча Фридриха II и наследника австрийского престола, соправителя Марии Терезии Иосифа II. В своих письмах к матери Иосиф подробно описал трехдневные переговоры с Фридрихом, которые продолжались, если верить Иосифу, по 16 часов в сутки.

Во всех высказываниях Фридриха сквозило желание преувеличить военные успехи России и представить ее в виде опасного агрессора, угрожающего всей Европе. «Чтобы остановить эту державу,—говорил он,—вся Европа должна будет вооружиться, потому что она завоюет всех»¹. Фридрих «признался» Иосифу, что он боится России и что союз с русскими для него очень желан, хотя и необходим. Он высказал убеждение, что «после этой войны произойдет еще одна — со Швецией».

Очень тонко Фридрих затронул болезненное место Австрии. Он сообщил, что торговавшие в Бреславле славяне, австрийские подданные («наши греки в Венгрии» — по выражению Иосифа), устроили «публичное торжество в честь победы России» в турецкой войне. Он посоветовал Иосифу получше обращаться с подвластными народами, чтобы они не начали волноваться под влиянием растущих симпатий к России².

Толкая Австрию на противодействие русскому продвижению на Дунае, Фридрих постарался успокоить Иосифа относительно своей собственной политики (Иосиф имел основание опасаться прусской агрессии). Фридрих не мог, в силу условий союзного договора с Россией, заключить с Австрией формальное соглашение о нейтралитете, но обе стороны торжественно обязались не трогать владений друг друга ни при каких обстоятельствах и обменивались соответствующими письмами.

Фридрих взял слово с Иосифа сохранить случившееся в тайне от России. Принимая письмо Иосифа, «он даже сделал вид, как будто нюхает табак и сморкается, — чтобы никто не заметил, как он сунул его в свой карман»³.

Так действовал «союзник» России. Иосиф писал матери: «Чем больше он (Фридрих. — Е. Д.) хотел вызвать у меня беспокойство относительно русских, тем более я успокаивался, и я ему, наконец, сказал: «Государь, в случае всеобщего пожара вы — в авангарде, следовательно, мы можем спать спокойно; вы же,

¹ A. Arneht. Maria Theresia und Joseph II. Ihre Korrespondenz, т. I, Вена, 1867, стр. 304.

² Там же, стр. 302.

³ Там же, стр. 314.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 45—46.

обеспеченные с нашей стороны, можете делать с русскими все, что захотите»¹.

Фридрих оказал плохую услугу своей союзнице — России. Если раньше Австрия не решилась бы ввязываться в русско-турецкий конфликт, опасаясь нападения Пруссии, то отныне для венского двора все дело было лишь в его собственных военных возможностях.

Описанный эпизод был только началом той вероломной политики, которую повела в дальнейшем Пруссия за спиной России. Со стороны же Австрии он был началом той цепи интриг, которые характеризовали политику Австрии в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

¹ А. А. Ипсх. Указ. соч., стр. 305.

Глава IV

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ 1770—1771 гг. И ДАЛЬНЕЙШАЯ РАЗРАБОТКА МИРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В результате успешных действий Второй армии в кампанию 1769 г. положение на Крымском театре войны существенным образом изменилось: татары не решались больше вторгаться в русские пределы; строительство крепости и порта Азова давало русским войскам важный опорный пункт на юге страны.

По плану на 1770 г. Вторая армия должна была перейти в наступление и, двигаясь на запад, занять турецкую крепость Бендеры.

Напротив, на Первую армию возлагалась оборонительная задача — охранять от вторжения противника Дунайские княжества и прикрывать действия Второй армии. Но Румянцев не ограничился пассивной обороной; он развил активные боевые действия и прославил русские войска знаменитыми победами при Ларге и Кагуле. В этих сражениях войска султана и крымского хана имели огромное численное превосходство, и Румянцев мог воочию показать, что русские войска воюют «не числом, а умением», как впоследствии любил говорить А. В. Суворов.

В результате побед при Ларге и Кагуле русские войска утвердились в Буджаке, заняв такие важные крепости, как Измаил, Килия и Аккерман. Важным событием было также овладение сильной турецкой крепостью Браилов, расположенной на стыке Молдавии и Валахии. О ее стратегическом значении Румянцев писал: «Город Браилы первым был мне предметом с начала моего прибытия к сей армии, потому что он один только и есть такой пост на Дунае, которым владея неприятель может скрыто пред нами выводить свои силы на сей берег и препятствовать всем нашим предприятиям как в Валахию, так и по левую сторону Дуная...»¹.

¹ Сборник «П. А. Румянцев», т. II, стр. 223.

Если раньше левый фланг Первой армии был скован вследствие постоянной опасности нападения противника с тыла, то теперь русские войска смогли продвинуться в Валахию до самого Багата Крайовского и закрепиться на левом берегу Дуная. Русская армия снова вернулась в Бухарест, который был ею временно оставлен. Только теперь Молдавия и Валахия могли считаться прочно завоеванными.

Победы Румянцева облегчили Второй армии взятие Бендер, которое совершилось 16 сентября 1770 г.

Значительными успехами были отмечены также военные действия в Закавказье. Несмотря на ошибки и промахи Тотлебена, соединенные русские и грузинские войска в 1770 г. захватили важнейшие крепости Имеретии: Кутанси, Багдади и Шорапани. Турки не были выбиты только из черноморской крепости Потти.

Под влиянием успехов русских войск в 1770 г. еще больше усилилось разложение среди ногаев. Вскоре после побед при Ларге и Кагуле к командиру Второй армии генералу Петру Панину явились депутации от ногаев Буджака, едисанцев, а через некоторое время также от едичкульцев и джамбулуков, чтобы подписать с русским командованием формальный акт о прекращении военных действий между Россией и ногаями. Наличие дружественной среды на подступах к Крымскому полуострову имело большое значение для России. Ногаи подробно осведомляли русское командование о состоянии Крымского ханства. Многие едичкульцы до перехода на сторону России находились на полуострове. Выбравшись оттуда через Азовское море, эти новые союзники сообщили, «в каком состоянии они крымские береговые города и крепости видели и какими способами через пролив морской перебрались, какая оному ширина и глубина, и о протчем сведения по настоящей войне нужном»¹.

Начальник едисанцев Джан-Мамед-бей не один раз посылал в Крым «нарочного человека для разведывания о тамошних обращениях и какого намерения крымский народ»².

Крупнейшим событием кампании 1770 г. было появление в водах Средиземного моря трех русских эскадр. Еще в ноябре 1769 г. талантливый русский адмирал Г. А. Спиридов первый проплыл через Гибралтарский пролив на своем флагманском корабле «Евстафий». Но ему пришлось ждать подхода других — отставших — кораблей. Русский флот, совершая путешествие вокруг всей Европы, нередко должен был делать остановки.

Весной 1770 г. адмирал Г. А. Спиридов произвел высадку русского десанта в Морее. Это событие явилось сигналом для восстания греков-майнотов против турецкого гнета. Русскими и греческими войсками были заняты Миситрия (главный город Майны),

а также крепость и порт Наварино. Наваринский порт стал временной базой русского флота. Были осаждены и другие укрепления — в Короне и Модене.

Турки спешно снимали лучшие войска с других театров войны и посылали их в Морею.

Малочисленность русских войск и недостаточная организованность греческих повстанцев были причиной того, что морейское побережье не было прочно завоевано. Убедившись в невозможности его удержать, русские адмиралы взорвали Наваринскую крепость и решили дать бой турецкому флоту в открытом море.

24 июня 1770 г. русские моряки нанесли сильный удар турецкому флоту в Хиосском проливе, а через два дня достигли его в Чесменской бухте, куда турецкая эскадра скрылась под защиту береговых батарей.

Турецкий флот был многочисленнее русского. По качеству постройки и по силе артиллерии турецкие корабли не уступали русским кораблям. Тем не менее благодаря искусству русских адмиралов и офицеров в морском сражении в ночь на 26 июня турецкий флот был почти полностью уничтожен. Русские матросы проявили большое мужество, приблизившись на брандерах к турецким кораблям, чтобы поджечь их. «Турки прекратили всякое сопротивление даже на тех судах, которые еще не загорелись, — рассказывал командир одной из русских эскадр, С. К. Грейг. — Большая часть гребных судов или затонули, или опрокинулись от множества людей, бросавшихся в них. Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду...»¹. Турки оставили не только суда и прибрежные батареи: охваченные паникой, они бежали из Чесменской крепости и города Чесмы. Командующий турецким флотом был ранен, многие офицеры погибли.

По распоряжению Алексея Орлова, возглавлявшего средиземноморскую экспедицию, русский флот направился к Дарданеллам, чтобы, блокировав проливы, расстроить морские коммуникации турок.

Весть о блистательной победе русского флота под Чесмой быстро распространилась по всем островам Архипелага и побережью Средиземного моря. Всюду вспыхнули восстания против турок. Население двадцати островов приняло русское подданство.

Русский флот оставался в Средиземном море до конца войны. В последующие годы он был усилен еще двумя эскадрами².

¹ «Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход». — «Морской сборник», т. II, 1849, декабрь, стр. 811.

² О действиях русского флота в Архипелаге см. книгу: Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская эскадра в Архипелаге, М.—Л., 1945.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 216, 1770 г., л. 113.

² Там же, л. 38.

Русские морские силы, находившиеся в Средиземном море, отвлекли значительную часть турецкого флота, и турки не имели возможности оказать значительную помощь Крыму. Такая обстановка создала предпосылки для сравнительно легкого овладения Крымским полуостровом, которое было главной целью предстоявшей кампании 1771 г.

* * *

Несмотря на блестящие победы русских войск, правительство считало заключение мира настоятельно необходимым. Этого требовало как внутреннее положение в стране, так и международная обстановка. Отдаленность полей сражения и их разбросанность усложняли снабжение войск и ведение военных действий. К тому же урожаем 1770 г. был, по свидетельству Болотова, «очень плох»¹. Страшная болезнь чума, о которой раньше в России «никто прямого понятия не имел»², распространилась из турецкой армии на русские войска и уже свирепствовала на юге, двигаясь все дальше — в центральные районы страны.

Реализация программы, намеченной в отношении Польши, встречала серьезные препятствия. Станислав Понятовский тайно от России вступил в сношения с Францией. В 1770 г. французское правительство направило в Польшу генерала Дюмурье, который старался придать организованный характер беспорядочным действиям конфедератов.

Французская дипломатия усиливала свою активность также в Швеции. Наследный принц Густав в 1770 г. посетил Францию, где он советовался по вопросу о задуманном им плане преобразования шведской конституции 1720 г.³

В первых числах сентября 1770 г. из правительства Дании был устранен министр Бернсторф — один из активных участников подготовки русско-датского союза. Об этом министре Екатерина писала: «...Я за ним следила, изучала его 20 лет. Я на него смотрю как на второй экземпляр графа Панина, которого давно уже подарила моим доверием вследствие важности его заслуг и неизменной дружбы моей к нему»⁴. Бернсторф был заменен графом Ранцау, известным своими антирусскими настроениями. Это также было результатом враждебных действий французской дипломатии.

Но Франция не только дипломатическим путем боролась против интересов России. В 1770 г. она предложила туркам 12—15 кораблей для пополнения их ослабленного флота⁵.

В связи с победами русского флота на Средиземном море усилились враждебные России настроения и в Англии. Английское правительство в 1770 г. стало отзываться из русского флота служивших в нем офицеров и прекратило набор моряков для русских эскадр¹.

После встречи Фридриха II и Иосифа II в Нейсе Австрия начала концентрировать войска на границах Трансильвании. Известие об этом вызвало большую тревогу в Петербурге. Русскому послу в Вене Д. М. Голицыну было поручено «разведать, подлинно ли велено собрать в Трансильвании столь много войска, и в случае подлинности открыться о том дружески тамошнему министерству и спросить оное, на какой конец сие приготовление сделано»².

Когда русское правительство назначило своего консула в Триест, принадлежавший Австрии, то венский двор потребовал закрыть русское консульство, ссылаясь на свою политику нейтралитета. Пребывание русского представителя в портовом городе было важно потому, что корабли, находившиеся в Средиземном море, производили здесь закупку продовольствия и предметов снабжения. Екатерина, возмущенная поступком венского двора, писала, что «этот отказ ни дружественен, ни нейтрален» и если австрийцы последовательны, «то должен последовать разрыв»³.

Международные осложнения заставляли русское правительство торопиться с заключением мира. Было известно, что и Турция желает прекращения войны.

12 августа 1770 г. в Петербурге состоялось заседание Совета, на котором было принято решение вступить в мирные переговоры с турецким правительством.

Распространенным способом открытия мирных переговоров является, как известно, посредничество нейтральных стран. В этом случае, по определению Панина, «два двора избирают третий для соглашения и примирения их и дают ему полную власть в распоряжении по тому их интересов и взаимных притязаний»⁴. Русское правительство с самого начала отказалось от этого пути. На горьком опыте предшествующих войн оно убедилось, что посредники (в которых никогда не было недостатка) стараются свести к нулю военные успехи России. Так было в период заключения Константинопольского договора 1700 г., когда посредниками выступили представители Англии и Голландии. Еще более поучительным примером был Белградский договор 1739 г., заключенный при посредстве французского представителя Виль-

¹ Болотов. Указ. соч., т. II, стр. 1055.

² Там же, стр. 1047.

³ Я. К. Грот. Екатерина II и Густав III, СПб., 1877, стр. 7—8.

⁴ См. С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 28, стр. 716.

⁵ A. Sorel. La question d'Orient au XVIII siècle, стр. 99.

¹ A. Sorel. La question d'Orient au XVIII siècle, стр. 100.

² АГС, т. 1, ч. 1, стр. 46.

³ Сб. РИО, т. 97, стр. 40.

⁴ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 58.

нева: Россия фактически потеряла тогда все свои завоевания, а Франция в благодарность за оказанную услугу получила от Турции известные капитуляции 1740 г.

Отказ от иностранного посредничества соответствовал общему духу русской внешней политики, которая, по мере усиления государства, становилась все более самостоятельной.

Решительно отвергая «посредничество» (médiation), русское правительство вместе с тем не считало возможным отклонять «добрые услуги» (bons offices) иностранных держав: если «посредничество» влекло за собой непосредственное участие третьей державы в открываемых переговорах, то «добрые услуги» должны были ограничиться предложением начать такие переговоры, а после их начала — дружескими советами той и другой стороне. Н. И. Панин на заседании Совета заявил, что «добрые официи... избегнуты быть не могут, потому что никакой двор своему приятелю или союзнику отказать не может, чтоб он своих стараний представлениями и советами в его пользу не употреблял для пресечения военных действий»¹.

Стремясь обеспечить вступление в переговоры с Турцией без участия посредников, Совет счел нужным поручить Румянцеву, «чтоб он от себя к визирю, яко уже им побежденному, отозвался письмом, что если Порты мира желает, то бы, освободя из неволи российского министра (Обрескова. — Е. Д.), прислала в назначенное от него место своих полномочных»².

Тогда же было решено «отправить в армию способного человека для трактования с турками о мире и снабдить его надлежащими к тому повелениями»³.

14 августа на имя Румянцева был послан рескрипт с приложением текста письма великому визирю, которое Румянцев должен был отправить ему от своего имени. Опасаясь, что раньше, чем рескрипт дойдет до Румянцева, великий визирь, как это часто бывало в Турции, может быть смещен, русское правительство адресовало письмо «не на имя, но на чин визиря, кто в сем звании ни случится на время его получения»⁴.

В письме визирю говорилось о победах России и о событиях в Крыму, приближавших момент овладения полуостровом. Причиной войны объявлялось «лукавство посторонних наветов, коими Порты Оттоманская к настоящей войне подвинута была». Иностранные державы, отмечалось далее, заинтересованы в том, чтобы Россия и Турция «взаимно истощались, мало впрочем заботясь, кто в поверхности войны останется»⁵.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 58.

² Там же, стр. 54.

³ Там же.

⁴ Сб. РИО, т. 97, стр. 140.

⁵ Там же, стр. 142.

Заявление о склонности русской императрицы к миру сопроваждалось оговоркой, что «не может она однако ж и не будет принимать никаких мирных предложений, пока министр ее, господин Обресков останется в настоящем насильственном положении». Освобождение Обрескова было вопросом престижа России.

* * *

Предприняв эти шаги и получив новые подтверждения в том, что «Порта склонна к миру»¹, русское правительство снова возвратилось к обсуждению мирных условий.

Кампания 1770 г. внесла ряд дополнений к тому, что было намечено ранее: события, связанные с русской экспедицией в Средиземное море, побудили русское правительство поставить вопрос об оставлении за Россией одного из островов Архипелага. Эта мысль возникла уже при первых известиях о входе русского флота в Средиземное море. В рескрипте от 8 января 1770 г. Алексею Орлову было предписано стараться «получить порт на острове или на твердой земле, и, поколику возможно, удерживать оный». Это представлялось важным по двум причинам:

1. Такой порт должен был стать опорным пунктом для русского флота.

2. Этот порт мог «иметь сообщение с нужными народами», под которыми подразумевались дружественные греки, балканские славяне и т. д.

На заседании Совета 16 сентября 1770 г. Н. И. Панин предложил это новое требование России в следующей расширительной формулировке:

«Истребовать генеральную амнистию всем тем, кои для своего защищения приняли против Порты оружие; ежели же между тем случится может, что наш флот завладеет каким-нибудь островом в Архипелаге, то и оный выговаривать надлежит»².

Требование амнистии для всех, поднявших против Турции оружие, было подсказано неудачей греческого восстания и грозившими грекам репрессиями. Так как русское правительство не хотело лишиться себя на будущее время поддержки подвластных Турции народов, оно должно было добиваться для них амнистии, тем более что в своих манифестах оно обещало учесть их интересы при «замирении». Панин предложил также новый пункт об оставлении за Россией Азова и Таганрога с прилегающей к ним землей, т. е. о превращении «барьера», на котором запре-

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 59.

² Там же, стр. 60.

шалось возводить укрепления, в полную территориальную ответственность России. В связи с этим Совет еще раз подчеркнул первоочередную задачу — открытие Черного моря для русского флота. Решено было требовать, чтобы «с обеих сторон дана была свобода торговли проездом из Азовского в Черное море нашим купеческим судам»¹.

На заседании Совета от 16 сентября 1770 г. было принято решение также в отношении Молдавии и Валахии.

Вопрос о судьбе Дунайских княжеств был поставлен уже в 1769 г. в целом ряде донесений командующих войсками, действовавшими на Дунае. Вот что сообщалось, например, в рапорте Прозоровского из Ясс: «Справедливо..., что здешние обыватели прежним правлением довольны не были, так и в самом деле, по их сказыванию, как оно основание имело на сущем тиранстве, и может быть большая часть из оных искренне к нам усердствовали и предалась, но генерально... все опасаются, что они при замирении отданы будут назад. ...Их желание состоит в том, что если бы они при мирных договорах опять в прежнее свое правление обращены были, то чтоб крепостей и Хотина и Бендер не было, которыми они себя обузданными почитают»².

Следует иметь в виду, что еще в XVI в. в Дунайских княжествах были снесены все крепости, кроме указанных двух, для того чтобы затруднить борьбу населения этих княжеств за свою независимость. Хотин и Бендеры были оставлены в качестве турецких форпостов как против Дунайских княжеств, так и против Польши.

Начиная с весны 1770 г. в Петербург прибывали многочисленные делегации от Молдавии и Валахии, которые просили от имени населения княжеств о принятии их в русское подданство. Так, депутаты Валахии 28 марта 1770 г. обратились к Екатерине II с грамотой, в которой говорилось, что военные победы России должны навсегда освободить народ Валахии от «тиранства в течение трех веков и пол[овины], а особливо после египетской скорби и утеснения 50 или 60 последних лет»³. В грамоте выражалась надежда, что во время мирных переговоров население княжества не будет забыто Россией. «А как неприятель уже совсем побежден и в таком состоянии, что будет от вашего величества просити мира, то во время трактата надеемся..., что в заключении оного определения не забвены будут и наши места с таким способом, чтобы не мог неприятель отнять нас от покровительства вашего величества посредством других каким-либо политическим образом и свергнуть опять в глубину тиранства».

Русское покровительство мыслилось подателями прошения как «присовокупление» их земель «к пространству империи» Российской¹.

Слова документа о возможном вмешательстве «других» свидетельствовали о большой дальновидности его составителей. Под «другими» подразумевалась прежде всего Австрия, которую более всех встревожили события на Дунае.

Вопрос о судьбе Дунайских княжеств вставал и ранее, например на Белградском конгрессе, но он не был первоочередным вопросом русской внешней политики и в начале войны 1768—1774 гг. даже не выдвигался русской дипломатией. Учитывая, что присоединение Молдавии и Валахии к России встретит исключительные трудности в силу сопротивления иностранных держав, Совет не поставил этой цели и ограничился тем, что наметил два возможных варианта разрешения данной проблемы — максимальный и минимальный.

«Княжества Молдавское и Волошское, — говорилось в решении Совета, — удержать справедливость требовала бы, чтоб тем наградить наши убытки, которые почитать надобно до двадцати пяти миллионов». Но так как императрица желает, говорилось далее, доказать «всем чужестранным дворам, что она не ищет распространения своей империи приобретением себе земель, то требовать, чтоб для удовлетворения понесенных нами убытков оставлены были нам сии княжества на столько лет, во сколько объявленная нами сумма из годовых их доходов выбрана быть может».

О втором варианте (максимальном) было записано следующее: можно пожертвовать «и сими убытками, если Молдавия и Валахия оставлены будут в независимости и Дунай будет поставлен турецкою границею»².

Высказываясь за независимость Молдавии и Валахии, русское правительство руководствовалось, помимо стратегических соображений (граница Турции отодвигалась до Дуная), также политическими интересами дворянского государства, так как независимые Молдавия и Валахия неизбежно попали бы в сферу влияния России. В то же время отделение Дунайских княжеств от Османской империи соответствовало интересам населения этих княжеств, так как освобождало их от национального и религиозного гнета со стороны Турции.

Однако предъявление Турции мирных условий в 1770 г. не состоялось. Потребовалась еще одна военная кампания, поставившая Турцию в значительно более тяжелое положение, прежде чем мог быть созван первый мирный конгресс в Фокшанах.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 60.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, 1769 г., л. 49.

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 97, 1770 г., л. 2.

¹ АВПР, ср. Сношения с Турцией, д. 97, 1770 г., л. 3.

² АГС, т. 1, ч. 1, стр. 61.

Причиной происшедшей отсрочки переговоров явилась позиция Турции. Последняя оказалась под сильным влиянием западноевропейской дипломатии, которая стремилась не допустить победоносного для России заключения мира.

* * *

Мы видели, что уже первые успехи России в кампанию 1769 г. привели к сближению Пруссии и Австрии, желавших предотвратить дальнейший рост мощи Российского государства. Кампания 1770 г. значительно усилила русские позиции: Дунайские княжества были прочно заняты русскими войсками. Наступление на Крым было хорошо подготовлено, и овладение этим важным стратегическим плацдармом представлялось вопросом ближайшего времени. При таких условиях правители Пруссии и Австрии решили добиваться скорейшего заключения мира между Россией и Турцией. Но мир этот должен был быть как можно менее выгоден для России. Фридрих II знал, что если Россия заключит скорый и выгодный мир, она тем самым развяжет себе руки в Польше и, действуя вполне самостоятельно, не будет считаться с Пруссией и не согласится на отторжение в ее пользу польских земель. Поэтому Фридрих хотел, чтобы Россия заключила мир на условиях наименее выгодных, чтобы этот мир не принес ей надежных границ на юге и чтобы она попрежнему нуждалась в прусском союзе. Прекращение войны должно было освободить Пруссию от уплаты субсидий в пользу России, обусловленных союзным договором.

Австрия не менее, чем Пруссия, была встревожена успехами русских войск, в особенности событиями на Дунае и в Архипелаге.

По указаниям своих правительств прусский и австрийский представители в Константинополе, Цегелин и Тугут, уже с лета 1770 г. стали зондировать почву относительно их посредничества при заключении мира между Турцией и Россией.

По инициативе Фридриха II состоялось новое свидание его с Иосифом II, на этот раз в Моравии, в Нейштадте (Нове Место). О цели этого свидания Фридрих писал брату Генриху в июне 1770 г.: «Мое маленькое путешествие в Моравию расположит к миру русскую императрицу более, чем все войска и смотры в мире. Австрийцы устраивают магазины на венгерских границах. Сказать правду, я их не считаю значительными, но я превеличу дело в Петербурге до последней крайности и надеюсь, что мир будет заключен будущей зимою...»¹.

Свидание Фридриха и Иосифа состоялось в начале сентября. Иосифа на этот раз сопровождал Кауниц, который и вел

переговоры от лица Австрии. Совещание это носило более конкретный характер, чем во время свидания в Нейсе.

«Фридрих начал разговор со мною с того, — писал Кауниц, — что сильно желает скорейшего заключения мира между Россией и Портою; он хотел меня уверить, что это гораздо нужнее для нас, чем для него, ибо при несомненных успехах своего оружия русские перейдут Дунай, чего мы (Австрия.—Е. Д.) позволить не можем, и таким образом будем вовлечены в прямую войну с русскими, которая мало-помалу может произвести всеобщую войну»¹.

Фридрих знал, что Австрия не в состоянии воевать (да это и не представлялось ему желательным). Он предлагал действовать путем угроз и шантажа. Так, Фридрих спросил: «Не можете ли вы написать Румянцеву, что вы надеетесь, что он не станет переходить Дуная; или не можете ли вы уговорить Францию объявить вам, что если русские перейдут Дунай, а вы за это объявите войну России, она пришлет вам на помощь 100 тысяч войска; вы мне сообщите это известие, и я употреблю его в дело»².

Этот план встретил сочувственное отношение австрийской стороны.

Фридрих попытался также использовать свидание в Нейштадте для привлечения Австрии к проектируемому им разделу Речи Посполитой. Незадолго до этого свидания Австрия фактически положила начало польскому разделу, присоединив к своим владениям области Ципса, Новиторга, Чорстыня, а также богатые соляными копиями области Велички и Бохни. Фридрих недвусмысленно дал понять венскому двору, что он относится к этому захвату положительно. Между обоими государствами был заключен своеобразный договор — письменный, но не скрепленный подписями, — под названием «политического катехизиса», в котором говорилось: «Ни один из двух дворов во всем том, что не будет прямо противно его интересам, не воспротивится выгоде другого, если дело не будет чрезвычайной важности. Если же дело будет идти о приобретениях значительных или очень важных, то об этом дружески предупредят друг друга и заблаговременно условятся о взаимной и пропорциональной выгоде...»³. Опираясь на заключенное соглашение, Австрия вскоре же объявила, что удерживает за собой занятые польские земли, сославшись на то, что до 1412 г. они входили в состав Венгрии и были заложены Польше.

Во время переговоров Фридриха с Иосифом в Нейштадт явились турецкие уполномоченные с официальным предложением Австрии и Пруссии быть посредниками при заключении мира между Россией и Турцией. Иосиф и Фридрих были в восторге

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 28, стр. 681.

² Там же, стр. 682—683.

³ Там же, стр. 683.

от успеха своих константинопольских дипломатов. Тотчас же было решено, что Фридрих II сообщит о заявлении Порты русскому правительству.

В письме от 14 сентября (н. с.) 1770 г. Фридрих официально предложил Екатерине II посредничество Пруссии в переговорах России с Турцией, ссылаясь на заявление турецких уполномоченных. Он советовал Екатерине согласиться также на посредничество Австрии, предупреждая, что в случае отказа России произойдет более тесное сближение между Австрией и Францией. При этом Фридрих запугивал Екатерину II опасностью «всеобщей войны, которую Франция старается воспламенить в Европе»¹.

В Петербурге быстро разгадали действительную роль, которую играла в этих событиях Пруссия. В записке Н. И. Панину Екатерина назвала Фридриха «адвокатом турок». В его письмах, отмечала она, «видно большое неудовольствие, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не прямо от него, а все положено на счет венского двора». «Было бы желательно, чтобы перестали нам постоянно показывать вооруженную или поднятую руку Австрии...»². Русская дипломатия не поддавалась угрозам и шантажу иностранных государств и отклонила предложенное посредничество. Но турки учли сложившуюся ситуацию и ни за что не соглашались вести переговоры без посредничества Пруссии и Австрии³. Именно это сделало невозможными мирные переговоры в 1770 г.

Отклонив посредничество Пруссии и Австрии в мирных переговорах, русское правительство в то же время дало официальное согласие на «добрые услуги» этих государств⁴. В связи с этим было решено ознакомить Фридриха II с русским проектом мирных условий. Выработанные ранее предложения были приведены в систему и дополнены новыми. Затем, под названием «Примирительный план», они были посланы в Пруссию в сопровождении письма Екатерины II от 9 декабря 1770 г.⁵

Дополнения, внесенные в первоначальный проект, заключались в следующем⁶.

¹ Сб. РИО, т. 20, стр. 275.

² См. С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 28, стр. 727.

³ В этом смысле был послан ответ из Константинополя на письмо Румянцева великому визирю. См. там же, стр. 693.

⁴ Письмо Екатерины II Фридриху II от 28 сентября 1770 г. Сб. РИО, т. 20, стр. 277—281.

⁵ Это письмо опубликовано в Сб. РИО, т. 20, стр. 284—288, однако без «Примирительного плана». Последний имеется в сборнике G o e r t z ' a «Mémoires et actes authentiques relatifs aux négociations, qui ont précédés le partage de la Pologne», стр. 112—128.

⁶ С. М. Соловьев ошибается, когда пишет, что к условиям, предложенным Паниным Совету 16 сентября 1770 г., прибавилось «одно условие, что обе Кабарды отходят к России». — См. С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 28, стр. 694.

1. Обе Кабарды, Большая и Малая, отходили к России.

2. Граница, шедшая от Кабарды через кубанские степи к «Азовскому уезду», объявлялась неприкосновенной.

3. Грузинские земли, завоеванные у Турции в кампанию 1770 г., передавались грузинам, которым они «всегда принадлежали».

4. Порты должны были принять меры для защиты христианских церквей «от жестоких притеснений, которым подвергают их наместники провинций».

Первые три пункта были важны для России в стратегическом отношении. Договориться о неприкосновенности границы к северо-западу от Кабарды представлялось необходимым ввиду посягательства крымского хана на эти земли. Наконец, грузины, стремившиеся стать под протекторат России, были для нее желательными соседями.

Вопрос о Грузии был, впрочем, не только стратегическим: это было одно из звеньев русской политики укрепления связи с христианскими подданными Турции. Не случайно именно к этому пункту примыкало требование (обозначенное «N. В.») о защите христианской церкви в Турции.

Так в декабре 1770 г. родился первый сводный проект русско-турецкого мирного договора.

Заметим, что неслучайно Фридрих II давно уже был осведомлен об основных условиях России. По поводу этих условий он писал еще 1 октября (н. с.) 1770 г. принцу Генриху: «Императрица, впрочем, умеренна в своих требованиях, так что все заставляет меня надеяться на окончание этой несчастной войны»¹. Фридрих неоднократно повторял такую оценку русских условий и в своих письмах и устных высказываниях. Так, на аудиенции с австрийским посланником Фан-Свитеном в конце года он заявил, что не придает большого значения русскому требованию о независимости Крыма: татар, говорил он, нетрудно будет посредством интриг побудить снова подчиниться Порте².

Однако в своих сношениях с Россией Фридрих II высказывался уже иначе. Он с притворным раздражением заявлял, что русские условия чрезмерны, невозможны, что ни Порты, ни венский двор ни за что на них не согласятся. «Все, что императрица может ласкать себя надеждою получить..., это будут — обе Кабарды, Азов и его область, и свободное плавание в Черном море»³.

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 28, стр. 695.

² Там же, стр. 696.

³ Письмо Фридриха II Екатерине II от 4 января (н. с.) 1771 г. — Сб. РИО, т. 20, стр. 294—295.

* * *

Между тем Россия готовилась к продолжению военных действий. 11 ноября 1770 г. Совету был представлен план будущей кампании, составленный Григорием Орловым. Этот план предполагал строительство многочисленных судов, которые могли бы быть использованы не только для перехода через Дунай, но и для нападения на Константинополь. Это смелое предприятие мыслилось как средство заставить Турцию заключить мир «на всей воле» победителя¹. Совет одобрил представленный план.

Первоочередной задачей сухопутной армии признавалось занятие Крымского полуострова. На Дунае войска должны были готовиться к тому моменту, когда постройка судов сделает возможным переход через реку значительных войсковых частей. До тех пор Румянцев должен был ограничиваться посылкой за Дунай отдельных отрядов.

В первых числах марта 1770 г. в Петербург приехал Алексей Орлов, который сообщил, что русский флот, находящийся в Средиземном море, без особого труда может продолжать блокаду Дарданелл, так как лучшие турецкие суда погибли, а новые еще не построены. Снабжение русского флота продовольствием не представляло больших затруднений ввиду дружественного отношения жителей Архипелага.

Блокаду Дарданелл решено было считать главной задачей русского флота. Благодаря блокаде туркам приходилось посылать много войск в приморские пункты, а также разделять свои морские силы между Черным морем и Дарданеллами. Пребывание русского флота вблизи Константинополя отрицательно влияло и на моральное состояние противника².

Совет правильно рассчитывал, что военные приготовления при всех условиях будут иметь положительное значение: если война прекратится и начнутся мирные переговоры, то военная мощь России будет способствовать заключению выгодного мира.

В надежде на то, что Турция в конце концов согласится вести переговоры без посредников, русское правительство решило снабдить Алексея Орлова полномочиями на заключение мира. Выбор пал на Алексея Орлова в связи с тем, что он как начальник всех морских сил и значительных десантных отрядов представлялся Турции весьма крупной фигурой. К тому же «по близости к Константинополю» он легко мог получить «удобность... к начатию с Портою мирных переговоров»³.

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 28, стр. 728.

² Рескрипт Екатерины II А. Орлову от 18 декабря 1770 г. — Сб. РИО, т. 1, стр. 89.

³ Из рескрипта Екатерины II А. Орлову от 22 марта 1771 г. — Сб. РИО, т. 1, стр. 69.

Для Алексея Орлова была составлена инструкция, содержащая не только перечень русских мирных условий, но и подробные к ним комментарии. В этом же документе давались указания о порядке ведения переговоров, а также о том, на каких требованиях нужно непременно настаивать, в чем можно уступить и т. д. Инструкция, получившая форму рескрипта на имя Алексея Орлова от 22 марта 1771 г., явилась наиболее полным проектом мирных предложений России после «Примирительного плана» 1770 г. Этот документ лег в основу всех последующих вариантов мирного договора.

Орлову предстояло начать переговоры с обычного требования *uti possidetis*, т. е. чтобы обе стороны оставили за собой те земли, которые они заняли во время войны. Это требование выдвигалось для того, чтобы напомнить противнику о его потерях. Затем Орлов должен был отступить от этого первого «запроса» и взамен его предложить туркам основные принципы будущего договора, а именно:

«1. Уменьшение Порте способностей к атакованию России.

2. Доставка нам справедливого удовлетворения за убытки войны.

3. Освобождение от порабощения торговли и непосредственной связи между подданными обеих империй»¹.

Под первым пунктом подразумевалось прежде всего отделение Крымского ханства от Османской империи, под третьим — право России на черноморское судоходство. Пункт второй имел для России прежде всего моральное значение: согласившись уплатить военные убытки, Турция тем самым признала бы себя виновником войны.

Независимость Крыма занимала центральное место в проекте мирного договора. Она прямо провозглашалась в этом проекте *conditio sine qua non*². Ради нее можно было отказаться от некоторых других требований, например от возвращения России Кабарды, при том условии, чтобы за Россией «формально утверждено было неоспоримое ее право заводить в соседстве кабардинцев на собственных своих землях такие селения и города, какие она по обстоятельствам для выгоды своей за полезно признает»³. Имелось в виду прекращение вмешательства Порты (при посредстве кабардинских феодалов) в строительство укрепленных городов к северу от Кабарды.

В инструкции не рекомендовалось начинать переговоры с самого важного условия — с независимости Крыма. Орлов должен был сначала добиться согласия Порты на второстепенные требо-

¹ Сб. РИО, т. 97, стр. 247.

² Там же, стр. 249.

³ Там же, стр. 248.

вания и приобрести таким путем резерв для уступок, когда придется вступить в борьбу за самые основные задачи русской внешней политики.

Главные положения мирного договора (они были названы «Основаниями мира») были развиты в тексте инструкции. Так, по поводу пункта первого («уменьшение Порте способностей к атакованию России») разъяснялось, что требования России состоят в следующем:

«1-е, в точном и совершенном присвоении России обеих Кабард — Большой и Малой; 2-е, в оставлении границ от Кабарды чрез кубанские степи до Азовского уезда в том состоянии, как они до войны были; 3-е, в полном и свободном владении городом Азовом и уездом его по силе и словам трактата 1700 г.; 4-е, в независимости татарского народа от Порты с сохранением в пользу его всех им обитаемых земель; 5-е, в оставлении грузинским владетелям собственных их земель и городов, кои ныне оружием нашим от несправедливого похищения возвращены; 6-е, в генеральной амнистии на обе стороны всем в войне участие принявшим христианским и магометанским народам, также и в большей надежности и свободе обеих религий в землях той и другой империи»¹.

Русское правительство не ожидало особенного сопротивления турок в отношении Азова и Грузии. «Всемерно гораздо и несравненно большие трудности, — говорилось в инструкции, — будут являться в доставлении татарскому народу полной и совершенной свободы и независимости от Порты. Турки чувствуют, конечно, всю свою пользу от сохранения его в своих руках, и для того тут, по всей вероятности, надо будет употребить к преклонению их сильнейшие побуждения...» Прежде всего Орлов должен был указывать на тяжелое положение Турции, которое «легко султану престола, а всем в правительстве участвующим персонам голов их стоять может». С другой стороны, нужно было напомнить Порте, что она «от татар никаких доходов не получает»; что вследствие их агрессивности она вовлекается в войны с Россией и Польшей даже тогда, когда не хочет воевать. Наконец, поскольку значительная часть подданных крымского хана уже находилась под властью России, то для Турции было выгоднее вывести их из этого положения путем мирных переговоров «и как бы добровольным своим соизволением», чем подвергать себя опасности навсегда оставить их в руках завоевателя. Россия никогда не согласится, говорилось далее, на возвращение татар под турецкую власть, ибо тогда ей придется оставаться «во всегдашнем вооружении к охранению собственных наших границ, следовательно же, и во всегдашней недовер-

¹ Сб. РИО, т. 97, стр. 248.

ке к самой Порте; каковое положение едва ли чем лучше явной войны». В связи с этим пунктом описывался последний набег татар под предводительством Крым-Гирея на русские земли: он причинил русским людям «много опустошений и вреда, а особливо уведением в плен и неволю по собственному их объявлению до шестнадцати тысяч человек жителей обою пола и всякого возраста, которые теперь рассыпаны по всем концам империи турецкой и едва ли когда к освобождению своему собраны быть могут...»¹

Инструкция А. Орлову составлялась накануне кампании 1771 г., которая должна была «решить жребий Крымского полуострова»². К этому моменту о своем отделении от Османской империи заявили только ногаи. Поэтому, в случае упорного противодействия Турции. Орлов должен был ограничиться требованием независимости только для тех народов, «кои донныне отреклись уже подданства Порты и кои со всею Крымскою областью во время настоящей кампании отложиться еще могут до заключения мирного трактата или же прелиминарных для него артикулов...»

Второй пункт «Оснований мира» касался возмещения военных убытков России. На первый взгляд могло показаться странным, что именно сюда был отнесен вопрос о Молдавии и Валахии. Такая редакция объяснялась, с одной стороны, дипломатическими соображениями — желанием затушевать самостоятельное значение данного вопроса; с другой стороны, русское правительство не придавало ему той важности, какую придавало условию о Крыме и о черноморском мореплавании. Орлов должен был потребовать, чтобы в возмещение военных убытков, которые простирались, «кроме потери людей, по самому верному исчислению до двадцати пяти миллионов рублей», Турция допустила временную оккупацию Дунайских княжеств для извлечения из них соответствующих доходов. Пребывание, хотя бы временное, русских войск в Молдавии и Валахии должно было укрепить дружеские отношения между народами Дунайских княжеств и Россией³. Чрезвычайно показательно, что русское правительство с беспокойством относилось к возможности (впрочем, мало вероятной) иного исхода дела — именно, что Порта окажется в состоянии «вдруг или в один год на три срока» заплатить России всю требуемую сумму. В таком случае, говорилось в инструк-

¹ Сб. РИО, т. 97, стр. 249—250. Слова, отмеченные курсивом, вписаны рукою Н. И. Панина.

² Там же, стр. 251.

³ Пребывание русских войск в Дунайских княжествах должно было длиться достаточно долго. В «Примирительном плане», посланном Фридриху II, предусматривался двадцатипятилетний срок, который, однако, в инструкции Орлову был опущен.

ции, придется «принять такое ее» соглашение, [дабы инако с собою не найтись в прекословии]¹.

Перед населением Дунайских княжеств остро вставал вопрос, какая участь ожидает его после возвращения под власть Оттоманской империи. В этом пункте русский проект мирного договора испытал большую эволюцию, продолжавшуюся до самого заключения мира. По сравнению с «Примирительным планом» инструкция Орлову была уже новым этапом в разработке данного вопроса. В «Примирительном плане» говорилось, что по истечении установленного срока Россия обязана возвратить Турции Дунайские княжества, которые будут принадлежать ей «под тем же названием и в том же образе, как они принадлежали ей до войны»². В инструкции же А. Орлову рукой Н. И. Панина было приписано, что Молдавия и Валахия будут возвращены Порте *«на самых тех кондициях их собственных прав и обычаев, с которыми они прежде поддались под турецкую державу»*³.

Реализация этого важного условия принесла бы огромное облегчение населению Молдавии и Валахии. Она не только покончила бы с мрачным фанариотским режимом последних 50—60 лет, но возвратила бы Дунайским княжествам те права и привилегии, которые они имели в отдаленные времена фактической автономии княжеств.

Инструкция Орлову предусматривала и второй — максимальный — вариант решения вопроса о Молдавии и Валахии. В том же разделе, посвященном возмещению военных убытков, говорилось: «...Ежели министерство турецкое не возможет или не похочет согласиться на временный секвестр, пускай в таком случае Порты предызбирает признать и объявить княжения Волошское и Молдавское во всей обширности их земель вольною, независимою и от власти ее навсегда и совершенно уволенною областью под ручательством нам обще дружественных дворов»⁴.

Третий пункт «Оснований мира» предусматривал «освобождение от порабощения торговли и непосредственной связи между подданными обеих империй». В группу вопросов, объединенных под этим заголовком, помимо важнейшего условия об открытии для России Черного моря, входило сначала приобретение одного из островов в Архипелаге. Это требование фигурировало и в «Примирительном плане», посланном Фридриху II. Однако за несколько дней до подписания рескрипта Орлову от 22 марта 1771 г. состоялось обсуждение этого вопроса в Совете. Присутствовавший на заседании А. Орлов возражал против выдвинутого требования, указывая, что удержать остров в таком отдалении

от России будет чрезвычайно трудно, к тому же это вызовет международные осложнения и затруднит заключение мира. С другой стороны, Орлов считал, что обладание островом в Архипелаге не может иметь существенного значения для русской внешней торговли, которая может производиться с таким же успехом посредством Черного моря через Константинополь¹.

Екатерина согласилась с Орловым. Хлопотать об отдаленном острове в то время, когда у России еще не было ни одного порта на Черном море, было сочтено нецелесообразным. В инструкции от 22 марта 1771 г. объявлялось о решении правительства «отступить» от первоначального требования: «...Как по локальному вашему ближайшему сведению могут настоять крайние неудобства в покойном сохранении такого острова, а при том и самое торгового нашего существа таково, что оной чрез Черное море несравненно с большими удобствами и выгодами производиться может, нежели чрез Средиземное, следовательно же и размен товаров долженствует главнейше быть в константинопольском канале, а не в Архипелаге, то и можно по сим истинным резонам отступить от первого об острове требования...» Эту уступку решено было использовать для облегчения борьбы за более важные условия мирного договора: «...а напротив того,—говорилось далее,—надобно будет требовать и неотменно выторговать как полную свободу собственного нашего кораблеплавания по Черному морю, так и совершенное в торговых правах и привилегиях равенство для коммерции российской с другими дружественными и фаворизованными державами, разумея в числе оных и прием и содержание российских кораблей наравне с другими»².

Требование распространить на Россию торговые преимущества, которыми пользовались в Турции иностранные державы, было новым и чрезвычайно важным моментом в мирных предложениях России. Оно вытекало из общих принципов русской внешней политики XVIII в., направленной на ликвидацию неравенства России в области международных отношений сравнительно с другими европейскими государствами. В изучаемое нами время большинство европейских держав уже пользовалось так называемыми «капитуляциями», т. е. односторонними уступками турецкого султана, сделанными в интересах иностранного купечества. По примеру Франции, которая в 1673 г. расширила полученные ранее права, в 1675 г. между Англией и Турцией был заключен договор о капитуляциях из 75 пунктов. В 1680 г. аналогичный договор заключила Голландия, в 1718 г. — Австрия, в 1737 г. — Швеция, в 1740 г. — Королевство обеих Сицилий. Франция в 1740 г. заключила новый договор о капитуляциях

¹ Сб. РИО, т. 97, стр. 252—254.

² См. Goertz. Указ. соч., стр. 124.

³ Сб. РИО, т. 97, стр. 252—253.

⁴ Там же, стр. 253.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 370—371.

² Сб. РИО, т. 97, стр. 254.

из 85 пунктов, превзойдя все ранее бывшие договоры по количеству и значению уступок. Наконец, даже отдаленная Пруссия добилась в 1761 г. от Турции аналогичного договора о капитуляциях¹. Если Белградский договор 1739 г. позволял России производить торговлю «на таком основании, как других держав подданным позволено», то капитуляции, относящиеся к более позднему времени (и в первую очередь те, которые получила Франция в 1740 г.), на Россию не распространялись.

Дальнейшая разработка вопроса о торговле и мореплавании в русском проекте мирного договора шла по линии определения типа судов, имеющих право плавания по Черному морю. Решено было добиваться, чтобы Турция допустила в Черное море не только торговые суда, но и военные корабли. Впрочем, Орлов не должен был предъявлять требование о военных кораблях в качестве особого условия. В инструкции Орлову по этому поводу говорилось: «Ежели турки при трактовании о свободе кораблеплавания нашего по Черному морю будут делать различие между военным и купечесственным, а по сему различию и позволять одно последнее, в таком случае не оставите вы употребить всевозможные средства к отвращению их от требования, дабы на оное не прежде согласиться, как в случае уже крайней необходимости...»²

Вопрос о военном мореплавании по Черному морю ставился еще перед войной и даже значительно раньше. Это было вполне закономерно. Получить выход к Черному морю и в то же время не иметь права, наравне с Турцией, пользоваться водами этого моря для плавания военных кораблей — значило бы ослабить тот стратегический и политический эффект, который принесло бы открытие Черного моря для России. Впрочем, самым важным было выйти в Черное море — именно поэтому «в случае уже крайней необходимости» Орлов мог согласиться только на торговое судоходство. Но в этом случае ему предписывалось «остеречься, чтоб Порта не вздумала назначить меры и количества торговых у нас судов, ибо такое назначение, с одной стороны, разрушало бы всю со временем из купечесственной навигации последовать могущую важнейшую пользу, а с другой, и для самого достоинства нашего претительно было бы»³.

В случае неудачи попыток получить право на курсирование военных кораблей по Черному морю Орлову предстояло добиваться, чтобы русские корабли, находившиеся в Архипелаге, могли возвратиться на родину через турецкие проливы. Екате-

рина придавала этому вопросу большое значение, очевидно, по соображениям международного престижа. К инструкции, данной Орлову, она собственноручно приписала: «Хорошо бы было, если б вам удалось выговорить проход нашей в Средиземном море эскадре мимо Царяграда в Черное море для украшения ей возвратного пути, или по крайней мере, если б тем путем возвратить могли несколько судов. Сие вам сказано единственно только как идея, коя желательно было, чтоб по возможности нашли самым делом довести до действия»¹.

В заключение инструкции Орлову рекомендовалось договориться с турками по тем статьям, которые традиционно включались в каждый мирный договор, а именно: «о вечности мира, о дружбе и добром согласии, о полюбовном разборе взаимных жалоб, о безвыкупном освобождении и отпуске в отечество всякого рода пленников, о свободе посещать святые места, о сроках к отправлению и размене на границе взаимно на обе стороны назначиваемых торжественных посольств с государскими грамотами и ратификациями...» Особо был выделен вопрос о русском представителе в Константинополе. Русское правительство желало «содержать при Порте аккредитованного министра не в характере уже резидента, но в посланничьем или другом каком второго ранга с определением ему почтительного места по достоинству и знатности империи нашей». Далее следовало подробное разъяснение этой последней «вновь прибавляемой клаузулы». Дело в том, что хотя Россия имела формальное право посылать в Турцию дипломатического представителя любого ранга², фактически она не могла воспользоваться этим правом. Порта установила порядок старшинства дипломатических представителей европейских держав не по высоте их дипломатических рангов, а в зависимости от давности установления дипломатических сношений с той или иной державой. Таким образом, часто случалось, что представитель более крупной державы с более высоким рангом должен был уступать место дипломату незначительного государства, за которым Порта признавала первенство с указанной точки зрения. Так, Россия должна была уступать первые места Франции, Англии, Испании, Голландии, Венеции, Австрии, Швеции и целому ряду других держав. Старшинство французского посла над всеми другими дипломатическими представителями было закреплено 17-й статьей французских капитуляций 1740 г. Считая, что такое положение несправедливо и унижительно для достоинства Россий-

¹ Все эти документы имеются в книге: G. Noradounghian. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman, т. I, Париж, 1897.

² Сб. РИО, т. 97, стр. 254—255.

³ Там же, т. 97, стр. 255.

¹ Сб. РИО, т. 97, стр. 256.

² Согласно статье 13 Белградского договора, русское правительство могло иметь при Порте министра, «какого характера ее величество за потребно рассудит». См. ПСЗ, т. X, № 7900, стр. 903.

ской империи, русское правительство предпочитало посылать в Константинополь посла III ранга или, иначе, резидента, который в силу меньшего ранга не мог претендовать на более высокое место, чем дипломаты других государств, имевшие, как правило, I и II ранги. «Но как сие средство иногда препятствовало нужной ее (России.—Е. Д.) репрезентации,—говорилось в инструкции,—то и было уже издавна помышляемо о изъятии из среды означенного неудобства...» Было решено требовать, чтобы русский представитель имел II ранг и чтобы из послов данного ранга он не уступал первенства никому, кроме «римского императорского интернунция», т. е. австрийского посланника. А если бы оказалось, что австрийский представитель облечен меньшим или большим рангом, то представитель России должен был занять первое место среди послов II ранга¹.

* * *

Чтобы понять дальнейшее развитие событий, необходимо остановиться на дипломатических демаршах Австрии.

Если Фридрих II методически и целеустремленно преследовал свою цель — польский раздел, то политика Австрии не отличалась последовательностью. Действуя от случая к случаю, Австрия стремилась урвать каждый плохо защищенный кусок чужой территории. Вот почему в течение короткого отрезка времени (1770 — 1774 гг.) австрийская дипломатия пережила целый ряд скачков и поворотов.

Захват Австрией польских староств в 1770 г. был с изумлением встречен польскими конфедератами, которые привыкли слышать заявления венского двора о неприкосновенности польской территории. Этот захват плохо согласовался и с австро-французским союзом, так как Франция отстаивала целостность Польши, которая по своему географическому положению не могла быть объектом ее захвата. Заметим, что, занимая польские земли, Австрия вначале возражала против *раздела* Польши, т. е. она не хотела, чтобы в захвате польских земель участвовали, кроме нее, и другие.

Сближение Австрии и Пруссии, начавшееся в 1769 г., повлекло за собой новый поворот в политике Австрии. Успокоившись за состояние своего тыла со стороны Пруссии и желая помешать военным успехам России, Австрия предприняла шаг, противоречивший ее предшествующей политике: она неожиданно пошла на сближение с Турцией.

В конце 1770 г. венский двор вступил в переговоры с Портой о заключении союза. Переговоры по этому поводу, которые вел

в Константинополе австрийский представитель Тугут, привели к заключению 6 июля (н. с.) 1771 г. так называемого «субсидного» (или «тугутовского») договора¹. Австрия брала на себя обязательство добиться от России «путем переговоров или силою оружия» возвращения Турции всех «крепостей, провинций и территорий», занятых русскими войсками. Давалось обещание ускорить заключение мира между Россией и Турцией. «При этом независимость и свобода Польской республики — причина настоящей войны — не потерпят ни малейших изменений»², — говорилось в договоре.

Со своей стороны Турция обещала Австрии денежную субсидию в размере 11¼ миллионов флоринов. Подданные Австрии должны были получить торговые права и привилегии, которыми пользовались наиболее благоприятствуемые державы. Турция соглашалась также урегулировать спорный вопрос о трансильванской границе в желательном для Австрии смысле. Наконец, что было особенно важно, Турция соглашалась уступить Австрии часть Валахии между Трансильванией, Банатом, Дунаем и Алутой.

Так было нарушено обещание нейтралитета, данное Австрией России в начале русско-турецкой войны.

Независимо от того, могла ли Австрия выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Турции и собиралась ли она их выполнять, заключение «тугутовского» договора и предшествовавшие этому переговоры между Австрией и Турцией повлекли за собой важные последствия. Если и раньше Турция возражала против русских мирных условий, рассчитывая на австрийскую поддержку, то с момента открытия переговоров о заключении союза с Австрией она твердо решила не идти ни на какие уступки и добиваться возвращения потерянных земель.

Надо сказать, что определенные круги австрийской правящей верхушки, и прежде всего наследный принц Иосиф II, были настроены весьма воинственно и действительно помышляли о вооруженном выступлении против России. По поводу будущей военной кампании Иосиф писал брату Леопольду: «Если русские прорвутся через Дунай и пойдут к Адрианополю, то для нас наступит время двинуть войска на Дунай и отрезать их тыловые части, что принудит их к поспешному отступлению, во время которого армия их может быть уничтожена...»³ Однако сама императрица Мария Терезия не разделяла этих настроений. Сознывая неподготовленность своего государства

¹ Полный текст этого договора см. в указ. книге Goertz'a, стр. 146—153.

² Там же, стр. 151—152.

³ Arpeth. Указ. соч., т. 1, стр. 316.

¹ См. Сб. РИО, т. 97, стр. 255—256.

и помня о неудачных войнах, выпавших на его долю, она старалась сдерживать воинственность сына, не возражая в то же время против военных демонстраций на границах Молдавии и Валахии.

В России о «тугутовском» договоре стало известно лишь в самом конце 1771 г.

В апреле 1771 г. Алексей Орлов, находившийся в Вене, поставил австрийское правительство в известность о следующих мирных условиях России: независимость Крымского ханства, независимость Дунайских княжеств, возмещение военных убытков¹.

В ответ на сообщение русских мирных предложений, сделанное Орловым, Кауниц уже 21 апреля поспешил заявить, что русские условия о независимости Молдавии и Валахии и крымских татар он считает неприемлемыми: Порты на них не согласится, а для Австрии соседство с независимыми татарами может стать опасным.

9 мая 1771 г. этот ответ, полученный через австрийского представителя в Петербурге Лобковича, был доложен Паниным Совету. Заявление Кауница, сделанное в обстановке враждебных военных демонстраций со стороны Австрии на границах Молдавии и Валахии, не могло не внушить тревоги русским дипломатам. Уже раньше сближение Австрии с Пруссией заставляло опасаться, что австрийские демонстрации — только прелюдия к военным действиям Австрии на стороне Турции. Теперь позиция Австрии становилась откровенно враждебной. Настроение Порты тоже стало изменяться в невыгодную для России сторону: ее упорство усиливалось, и Орлову не представлялось никакой возможности вступить с Турцией в мирные переговоры.

Создавшаяся обстановка побудила русское правительство пересмотреть свою позицию в польском вопросе. Согласие на польский раздел дало бы возможность оторвать Пруссию от Австрии и держать ее «на русской цепи» (выражение Ф. Энгельса)². В то же время привлечение Австрии к разделу польских территорий должно было оказать влияние на австрийскую дипломатию в благоприятную для России сторону.

Переломным моментом явилось заседание Совета 16 мая 1771 г., на котором обсуждались два вопроса: 1. «конфидентное изъяснение намерений е. и. в. в примирении с Портою», составленное Паниным для сообщения венскому двору; 2. предложение Панина удовлетворить домогательства Пруссии в вопросе о польском разделе.

¹ Агнетн. Указ. соч., т. 1, стр. 339. Письмо Иосифа Леопольду от 2 мая (н. с.) 1771 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 14.

Постановка обоих вопросов на одном и том же заседании не была случайным совпадением: эти вопросы были органически и неразрывно связаны друг с другом.

В протоколах Совета говорится, что Панин, представляя Екатерине II и Совету содержание «конфидентного изъяснения» о мире, составленного для венского двора, положил в основу его «сообщенные королю прусскому о мире мнения и данные представления генералу графу Орлову на случай требования турками онога»¹. Действительно, этот документ² и по своей структуре, и по содержанию в основном совпадает с «Примирительным планом», посланным Фридриху II в декабре 1770 г. В то же время в него были внесены некоторые изменения. В соответствии с мартовским решением не требовать оставления за Россией острова в Архипелаге, в «австрийском» варианте мирного проекта объявлялось, что Екатерина II «добровольно отказывается» от своих прав на остров в Архипелаге, чтобы облегчить этим дело мира. С другой стороны, вопрос о независимости Дунайских княжеств был поставлен в новом варианте мирного договора более категорично, чем в «Примирительном плане» и в инструкции, данной Орлову. Русское правительство заявляло о своем отказе от возмещения военных убытков за счет Молдавии и Валахии и требовало, чтобы эти княжества «были признаны свободными и независимыми государствами, совершенно отторгнутыми от владычества Порты». Как в тексте мирных предложений, так и в вербальной ноте Панина, которая должна была сопровождать вручение этого документа Лобковичу, предложение России относительно Молдавии и Валахии мотивировалось «чувством долга в отношении христианства, незаинтересованностью и гуманностью» русской императрицы.

После обсуждения и принятия нового, «австрийского» варианта мирных предложений России Совет перешел ко второму из намеченных вопросов. Панин сделал Совету следующее сообщение: по случаю захвата Австрией польских старост прусский король заявил русскому правительству, что он не намерен быть спокойным зрителем этих действий, «что имеет и он также права на соседние с его владениями польские земли и намерен равномерно ж присоединить их», предлагая России последовать его примеру. В связи с этим Панин заявил, что, «негоцируя о сем и соглашаясь на всегдашнюю уступку присвоенных австрийцами и некоторых из требуемых королем прусским польских земель, исключая Гданск, можем мы получить польскую Лифляндию и желаемое ограничение (границы. — Е. Д.), а Польше отдать, взамену отбираемых у нее земель, княжества Молдавское и Волошское»³.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 82.

² См. Goertz. Указ. соч., стр. 20—39.

³ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 83—84.

Как видим, идея сохранить Польшу сильной и теперь не оставляла Панина, который не допускал мысли об отторжении от Польши Гданьска и считал нужным вознаградить Польшу за отторгаемые земли присоединением к ней других территорий. Далее Панин указал на прямую цель предлагаемого им плана: «...интересовав сим образом венский и берлинский дворы, скорее можно будет заключить предполагаемый ныне мир с турками и успокоить польские замешательства»¹.

Мнение Панина нашло поддержку в среде членов Совета. Однако переговоры с австрийским правительством начались только в декабре 1771 г., когда в Россию проникло известие о «тугутовском» договоре.

Согласие царского правительства на польский раздел, инициатором которого явилась Пруссия, оказало огромное влияние на последующие события. Оно парализовало враждебную России деятельность этих держав в турецком вопросе. Австрия задержала ратификацию «тугутовского» договора, который так и не был никогда ратифицирован.

В результате длительных переговоров, во время которых Панин упорно боролся против посягательств Австрии на Львов, 25 июля 1771 г. между Россией, Пруссией и Австрией была заключена конвенция о разделе Речи Посполитой. Акт, подписанный Австрией, содержал статью 4-ю, которая имела непосредственное отношение к русско-турецкой войне. Здесь говорилось, что, узнавши от русской императрицы «окончательные условия, на основании которых она была бы согласна заключить мир с Портою», австрийская императрица обязывается оказывать всяческое содействие «к достижению желаемого успеха в переговорах на конгрессе» на основании обещанных ею обеим воюющим сторонам «добрых услуг»². Эта статья означала достижение той дипломатической цели, которую ставило царское правительство, соглашаясь на польский раздел.

Решение о польском разделе, помимо изменения позиции Австрии, имело еще одно важное последствие, именно: охлаждение во взаимных отношениях Австрии и Франции. Последняя, оказавшись перед перспективой полной изоляции, начала думать о сближении с Россией и в 1772 г. сделала первые шаги в этом направлении.

Таким образом, царское правительство, стремившееся сохранить целостное (зависимое от России) Польское государство, вынуждено было изменить этому принципу под давлением сложившейся международной обстановки: только согласием на захватнические притязания Австрии и Пруссии можно было обеспечить беспрепятственное и успешное разрешение черномор-

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 84.

² Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, СПб., 1875, стр. 28.

ской проблемы. Подчеркивая вынужденный характер согласия России на польский раздел, знаменитый писатель Д. И. Фонвизин, работавший в то время под руководством Н. И. Панина в Коллегии иностранных дел, писал: «За сию цену купим мы прекращение войны, нас изнуряющей, купим прекращение польских мятежей, которые отвлекают наше внимание и причиняют нам лишние хлопоты и непрестанную заботу»¹.

Пока развертывалась дипломатическая борьба вокруг вопросов о Турции и Польше, Россия одержала новые победы на театре военных действий. Основным событием кампании 1771 г. было занятие русскими войсками Крымского полуострова. С потерей Крыма Турция лишилась своего важнейшего стратегического плацдарма и не могла больше располагать военной силой крымских татар. Этим завоеванием Россия нанесла огромный удар престижу Оттоманской империи, высокомерно объявлявшей Черное море своим внутренним морем.

Блестящие победы были одержаны также на Дунайском театре военных действий. Первой армии приходилось защищать от вторжения противника обширную территорию Молдавии и Валахии, что дробило ее силы и растягивало передовую линию. Тем не менее она не только обратила в бегство многочисленные войска великого визиря, пытавшегося в октябре двинуться от Журжи к Бухаресту, но сама в течение всей кампании совершила нападения на правый берег Дуная — на Тульчу, Бабадаг, Исакчи и Цибру. В исходе кампании крепости Журжа (на левом берегу Дуная) и Исакчи (на правом), имевшие большое стратегическое значение, перешли в руки русских войск. В этих сражениях противник потерял почти всю свою артиллерию (в дальнейшем ему приходилось пользоваться пушками, вылитыми в 1772 г.).

После такого разгрома турки уже не могли «поставить твердой своей ноги»² в низовьях Дуная, напротив Молдавии. Важно отметить также то, что использование реки Дуная для подвоза турецких солдат и вооружения сделалось невозможным вследствие захвата русскими войсками более 100 судов турецкой речной флотилии и открытия русского судоходства по Дунаю.

Русский флот успешно блокировал Дарданеллы и продолжал господствовать в Средиземном море.

В сообщениях из Константинополя следующим образом описывалось настроение в Турции в результате кампании 1771 г.:

«Вопиет весь народ, что царствующий султан несчастлив, поелику с самого начала его царствования не перестают возму-

¹ Д. И. Фонвизин. Сочинения, СПб., 1893, стр. 273.

² Выражение П. А. Румянцева.—Сборник «П. А. Румянцева», т. II, стр. 494.

щения и голод, и требуют, дабы он создал мир, а инако императором его иметь не хотят» (19 января 1772 г.)¹. В другом документе говорилось, что «брат султанский отравлен, и против самого султана народ расположен к возмущениям»².

Новые военные и дипломатические успехи России заставили Австрию отказаться от открытой поддержки турок. Такая позиция Австрии оказала быстрое влияние и на политику Османской Порты. Изменившаяся международная обстановка сделала возможным открытие мирных переговоров между Россией и Турцией в 1772 г.

* * *

Проследим подробнее австрийскую «перемену», как называли в России этот очередной поворот во внешней политике Австрии, сделавший возможным созыв мирной конференции.

Под влиянием успехов русской армии Австрия уже осенью 1771 г. стала терять надежду оказать давление на Россию, запугать ее военными демонстрациями и угрозами. Она начала охладевать к «тугутовскому» договору раньше, чем была заключена конвенция 1772 г. Необходимость военных демонстраций против России, не говоря уже о перспективе войны с ней, все более тяготила венский двор, тем более что Австрия испытывала большие экономические затруднения.

5 сентября (н. с.) 1771 г. на аудиенции, данной прусскому послу Роде, Мария Терезия просила его сообщить Фридриху II о ее твердом решении не воевать с Россией³. Этот шаг вызвал в то время страшное раздражение Кауница, растерянность и недовольство Иосифа. Последний так писал о поступке своей матери брату Леопольду 25 сентября (н. с.) 1771 г.: «Одним разговором, который был у нее с Роде, прусским министром, она опрокинула всю нашу систему. Мы хотели поставить Россию в затруднительное положение, объединиться, может быть, с турками, угрожать им (русским. — *Е. Д.*) войной и т. д., — а она твердо заверила, что не желает войны и никогда ее не допустит; что обладание Крымом кажется ей лишь незначительным объектом и что ее не обеспокоит, если Россия сохранит его за собой»⁴.

При всей его неожиданности поступок Марии Терезии явился закономерным последствием изменившейся обстановки и был только первым звеном в цепи дальнейших актов венского двора. Хотя Кауниц еще пытался грозить России и дик-

товать ей собственные условия мира¹, однако все очевиднее обнаруживались новые тенденции австрийской политики.

Иосиф в «Памятной записке» от 26 сентября (н. с.) 1771 г. твердо заявил, что первый и наиболее желательный для Австрии вариант окончания войны, по которому обе воюющие стороны, Россия и Турция, выходят из войны без существенных выгод, приходится считать «теперь совершенно исключенным»². Австрия, по мнению Иосифа, должна стараться осуществить другой вариант, предполагающий, что Россия получит «умеренные выгоды» и поделится ими с Австрией. Крайне нежелательным, но все же допустимым, Иосиф считал третий вариант, включавший в себя раздел Польши. На вопрос о том, следует ли Австрии предложить России «добрые услуги» для организации мирных переговоров между Россией и Турцией (поскольку «посредничество» было отвергнуто), Иосиф отвечал положительно, считая, что это может явиться для Австрии единственным средством оказать какое-нибудь влияние на переговоры.

Еще явственнее обнаружился поворот в австрийской политике в январе 1772 г., когда на все угрозы венского двора был получен твердый ответ русского правительства: Россия продолжала категорически настаивать на независимости Крыма и на своих остальных требованиях к Турции, соглашаясь только на определенных условиях отказаться от пункта об отделении от Турции Молдавии и Валахии. Одновременно в Австрии было получено известие о согласии царского правительства принять участие в польском разделе.

Оценка международной обстановки и вывод о необходимости изменить политический курс Австрии нашли свое отражение в двух «Памятных записках» — Иосифа и Кауница, датированных 19 января 1772 г. (н. с.).

«Осталась ли еще надежда на то, что военное счастье повернется к туркам и русские будут изгнаны из завоеванных ими мест?»³ — спрашивал Иосиф и сам же отвечал на этот вопрос категорическим отрицанием; но он полагал, что русские больше уже не одержат решительных побед, и делал вывод, что Австрия заинтересована в затягивании войны, которая будет обессиливать обе стороны. Отсюда делался и другой вывод — о том, что Австрия должна всеми средствами препятствовать намечающемуся перемирию.

Если раньше Иосиф считал возможным вооруженное выступление Австрии против России, то теперь он утверждал иное — что выступить в 1772 г. она ни в коем случае не сможет ввиду

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 42.

² Там же, л. 30.

³ А. Веег. Указ. соч., т. II, стр. 107.

⁴ Agneth. Указ. соч., т. I, стр. 344—345.

¹ См. Заявление Кауница Д. М. Голицыну от 24 октября (н. с.) 1771 г. — А. Веег. Указ. соч., документы, стр. 32—38.

² А. Веег. Указ. соч., документы, стр. 26.

³ Там же, стр. 39.

экономических затруднений и волнений подвластных славян (в это время особенно волновалась Моравия); в 1773 г., по его мнению, такая возможность могла возникнуть—и это было лишним доводом в пользу дальнейшего затягивания войны.

Точка зрения Кауница значительно отличалась от изложенного мнения Иосифа: в оценке сложившейся обстановки он проявил гораздо больше реализма и в конце концов добился принятия своего плана действий.

По первому вопросу Кауниц вполне соглашался с Иосифом: «Порте, — писал он, — не приходится рассчитывать на изменение счастья в ее пользу»¹. Более того, Кауниц был убежден, что если война продлится, то Россия в состоянии одержать еще много побед. Уже из этого видно, что Кауниц не мог разделить точку зрения Иосифа по вопросу о затягивании войны и возражать против перемирия. Но Кауниц подчеркивал, что сама постановка вопроса у Иосифа неправильна.

«От одного нашего благоусмотрения не зависит, — писал он, — допустить ли продолжение войны, препятствовать ли миру: все дело теперь в том, каково состояние борющихся сторон и действительно ли они стремятся к заключению мира или нет?» Обращаясь к конкретному анализу обстановки, Кауниц констатировал опасную для Австрии тенденцию русского правительства: «Известно, что Россия уже делала и будет делать все возможное, чтобы не только добиться скорого заключения мира, но и исключить совершенно из участия в этом деле здешний двор». Переходя к состоянию Турции, он не обманывал себя в анализе ее подлинных мотивов: «Не подлежит никакому сомнению, что Порты, а в особенности новый великий визирь и его друг Осман-эфенди чрезвычайно желают заключения мира, и если турки до сих пор обнаруживали упорство, то последнее имело своим источником только здешние уговоры и надежду, что, благодаря нашей настойчивой обработке, Россию удастся склонить на более легкие мирные условия. Но коль скоро Порты убедится, что эта надежда напрасна, никакие, даже самые усиленные наши представления не смогут удержать ее от вступления в мирные переговоры с Россией даже и без нашего участия»².

На основании данной характеристики русско-турецких отношений Кауниц доказывал необходимость *содействовать заключению перемирия и открытию мирных переговоров между Россией и Турцией*, иначе Австрия окажется в роли пассивного и бессильного наблюдателя событий. Предложение Кауница было принято, и это было той «переменной мыслью венского двора»³,

¹ А. Веер. Указ. соч., документы, стр. 42.

² Там же, стр. 43.

³ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 137.

о которой с таким удовлетворением упоминается в русской дипломатической переписке 1772 г.

22 января (н. с.) 1772 г. австрийскому представителю в Константинополе Тугуту была послана из Вены депеша с предписанием содействовать заключению перемирия между Россией и Турцией¹.

1 февраля 1772 г. Панин уведомил Совет о согласии Австрии содействовать началу русско-турецких переговоров и о присоединении ее к польскому разделу. 17 февраля Россия подписала предварительную конвенцию о польском разделе с Пруссией, к которой вскоре особым актом присоединилась Австрия. Эти конвенции еще не содержали окончательного соглашения о границах раздела, и потому перед Россией открывалась возможность оказать новое давление на своих союзников в случае их отказа поддерживать ее позицию во время русско-турецких переговоров.

Отход венского двора от политики тесного сотрудничества с Портой и решение участвовать в польском разделе ставили австрийскую дипломатию в крайне сложное и запутанное положение. По «тугутовскому» договору Австрия была обязана охранять «свободу и независимость Польской республики», а теперь она готовилась участвовать в расчленении этой республики и должна была заплатить России за польские земли услугами во время русско-турецких переговоров. Правда, у Австрии оставалась возможность скрытой поддержки Турции, но она рисковала навлечь на себя подозрение со стороны новой союзницы — России. В предвидении всех этих трудностей Мария Терезия теряла душевное равновесие. В письме к сыну от 25 января (н. с.) 1772 г. она предавалась угрызениям совести, горько сетуя на себя за то, что допустила политику плутней и обманов. Она объявляла ошибкой военные демонстрации на Дунае, имевшие целью запугать Россию, а в особенности «несчастную конвенцию с турками». «Мы хотели действовать по-пруски, сохраняя в то же время вид честности»², — писала она. Это письмо характеризует ту атмосферу дезорганизации и уныния, которая царил в австрийском правительстве в период перемены политического курса — перемены, имевшей в своей основе военные и дипломатические успехи России.

6 мая (н. с.) 1772 г. произошло объяснение Тугута с турецкими министрами относительно судьбы секретного договора. К удовольствию венского двора, Порты не решилась пойти на ссору с Австрией, опасаясь ее сближения с Россией. Во время тайных

¹ А. Веер. Указ. соч., т. II, стр. 248—249; Намтер. Указ. соч., т. VIII, стр. 396.

² Arneth. Указ. соч., т. 1, стр. 362.

ночных конференций с турецкими министрами Тугуту было заявлено, что Порта выполнит все свои обязательства по «тугутовскому» договору, если венский двор поможет ей добиться на мирном конгрессе сохранения за Турцией Крыма, Молдавии и Валахии. Тугут заверил Порту, что приложит все усилия для достижения этой цели¹. Из дальнейшего мы увидим, что он именно так и поступал².

Русские государственные люди, при всей своей искусности в дипломатических приемах, не представляли себе, до каких пределов могло дойти политическое двурушничество венского двора. Присоединение Австрии к решению о польском разделе они рассматривали как действительное сближение с Россией. В то самое время, когда Тугут на тайных конференциях в Константинополе заверял Порту в готовности оказать ей всяческую поддержку против России, Екатерина в письме к А. Орлову сообщала о какой-то несуществующей инструкции венского двора Тугуту, «чтоб он при конгрессе поступал по наставлениям наших послов; дружелюбнее поступать нельзя!»³ Позднее в России разгадали действительную политику («двойкость») венского двора и использовали полученную возможность оказать на нее давление.

* * *

Кампания 1771 г. внесла новые изменения в русский проект мирного договора. Если раньше Россия претендовала на Керчь и Еникале⁴, т. е. такие крепости, которые обеспечивали беспрепятственный проход русского флота из Азовского моря в Черное, то теперь, когда весь Крымский полуостров был занят русскими войсками, к этому было прибавлено новое требование — о передаче России двух других крепостей с западной стороны полуострова: Очакова и Кинбурна. Обе крепости принадлежали непосредственно Турции.

Очаков был крупным военным портом, через который производились высадка десантов и снабжение войск в северном Причерноморье. Румянцев писал, что Очаков «чрез водяную коммуникацию от самого Царьграда все получать может изобильно во

укрепление и снабжение всегдашнее неприятеля»¹. От Очакова расходились важнейшие коммуникации, с одной стороны, в Крым через Перекопский перешеек, с другой — к Бендерам и Хотину.

Очаков был важнейшим объектом русских наступательных действий в войну 1735—1739 гг. Когда началась война 1768—1774 гг., Румянцев отнесся критически к плану похода на Хотин, считая, что главный удар следовало направить на Очаков. «Хотин бы можно обессилить, как заимствующий многое от Очакова»², — писал Румянцев.

Обладание Очаковом позволяло туркам контролировать подступы к Крыму. Готовясь предоставить независимость крымским татарам, русское правительство не могло не обратить на это серьезного внимания.

Кинбурн³ в силу своего географического положения не имел такого значения, как Очаков. Расположенный на оконечности Кинбурнской косы, протянувшейся длинной полосой вдоль Днепровско-Бугского лимана, он был окружен большими отмелями, заросшими тростником и камышом. Суда, плывшие по лиману, держались ближе к противоположному — очаковскому — берегу. Кинбурн представлял собой небольшую крепость и ряд ветхих домиков, крытых камышом. В черноморской торговле он не играл сколько-нибудь заметной роли⁴. Но, поскольку Кинбурн был расположен *против Очакова*, у самого входа в лиман, он приобретал большое стратегическое значение: владея этим пунктом, можно было в известной степени обезвредить Очаков, препятствуя приближению турецких кораблей к устьям Днепра и Буга.

Предвидя, что Турция откажется отдать России Очаков, Совет заранее решил не настаивать на этом требовании и согласиться, если будет нужно, на приобретение одного Кинбурна⁵.

Дополняя мирный проект этим новым условием, имевшим прямое отношение к крымской проблеме, русское правительство одновременно приняло решение об отказе от некоторых требований, считавшихся второстепенными. Царское правительство стремилось обеспечить скорейшее заключение мира, который становился тем более необходимым, что положение внутри страны заметно осложнялось. Рекрутские наборы ухудшили и без того тяжелое положение крестьянства. Свиристствовала чума, которая

¹ Сборник «П. А. Румянцев», т. II, стр. 64.

² Там же.

³ Слово это в переводе на русский язык означает «Волосяной мыс».

⁴ «Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Османской Порты во владение Российской империи землям, 1774 года». — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VII, стр. 166—188.

⁵ АПС, т. I, ч. 1, стр. 115.

¹ А. Веер. Указ. соч., т. II, стр. 252.

² Нельзя согласиться с авторами, допускающими, что в связи с решением о польском разделе Австрия стала «искренне» содействовать России в ее переговорах с Турцией. См., например, статью: Г. М. Гендель. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. — «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. XVII, Саратов, 1947.

³ Сб. РИО, т. I, стр. 81.

⁴ Вначале предполагалось потребовать также Тамань (см. стр. 111), однако потом эту крепость решено было передать татарам.

в 1771 г. дошла до Москвы. В сентябре 1771 г. в Москве вспыхнуло восстание народа, измученного бедствиями войны. Это стихийное возмущение носило антифеодальный характер и вызвало бегство из города многих представителей дворянской администрации¹. На Урале и на юге страны усиливались казачьи волнения².

Считая, что для успеха мирных переговоров важно закрепить наладившиеся взаимоотношения с Австрией, русское правительство пересмотрело вопрос о судьбе Дунайских княжеств. На заседании Совета, состоявшемся 24 октября 1771 г., Панин внес предложение отказаться, в соответствии с желанием венского двора, от требования независимости княжеств и довести до сведения Порты «о склонности нашей возвратить ей Молдавию и Валахию»³. Через месяц в Вену было послано сообщение о принятом решении⁴.

Таким образом, в ходе победоносных военных кампаний 1770 — 1771 гг. русский проект мирного договора претерпел значительные изменения. Статьи, имевшие непосредственное отношение к черноморской проблеме, получили развитие и конкретизацию. Возник ряд новых пунктов, имевших более отдаленную, косвенную связь с этой важнейшей проблемой.

Но содержание мирного договора зависело не только от русских побед. Мирный проект подвергался воздействию иностранных держав, которые по разным мотивам добивались снижения русских требований. С другой стороны, под сильным влиянием нарастающего антифеодального движения господствующая верхушка сосредоточивала все больше внимания на охране крепостного строя и, торопясь заключить мир с Оттоманской Портой, проявляла явную тенденцию к уступкам своему противнику.

¹ См. П. Алефиренко. Чумный бунт в Москве в 1771 году.— «Вопросы истории», 1947, № 4.

² О непрекращающемся «беспокойстве» на Яике см. в сб. РИО, т. 13, стр. 206—207.

³ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 115; См. также сб. РИО, т. 37, стр. 630.

⁴ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 126.

Глава V

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ФОКШАНАХ

Поворот в политике Австрии и Пруссии не замедлил отразиться на позиции Порты. В мае 1771 г. был освобожден из плена русский дипломат А. М. Обресков. Султан всеми способами давал понять, что он склонен к прекращению войны.

Прежде чем могли начаться мирные переговоры, предстояло заключить военное перемирие. Ни Россия, ни Турция не желали быть инициаторами первого шага. В этом случае Фридрих II оказался полезным союзником: в сентябре 1771 г., вскоре после аудиенции, данной прусскому послу Роде Марией Терезией, он приказал своему представителю в Константинополе, Цегелину, добиться от султана прямого и ясного заявления о желании вступить в мирные переговоры с русским правительством. Через некоторое время Цегелин уведомил короля об успехе своих усилий, одновременно поставив об этом в известность и русское правительство. На состоявшемся после этого заседании Совета (15 декабря) Панин заявил, что «на сии отзывы Порты надобно чрез Цегелина ж ответствовать, что ее императорское величество, увидя склонность ее (Порты. — Е. Д.) к миру и желая со своей стороны спешествовать в восстановлении оного, не удалена от посылки своих на конгресс полномочных для соглашения о том и о возвращении завоеванных ее оружием земель»¹. Под возвращаемыми землями подразумевались Молдавия и Валахия.

С этим ответом в Константинополь к Цегелину был послан курьер от прусского посла в России Сольмса.

Руководство переговорами о перемирии было возложено на П. А. Румянцева. В помощь ему для непосредственного ведения переговоров был назначен Иван Матвеевич Симолин — человек, уже проявивший себя на дипломатическом поприще

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 133 (протокольная запись).

в Дании, Австрии, а в последний период — в Священной Римской империи, где он занимал пост резидента при имперском сейме. Несмотря на серьезную болезнь легких, Симолин немедленно отправился в путь, чтобы в нужный момент быть на месте. 29 февраля, после трудного 24-дневного путешествия, он прибыл в ставку Румянцева, в Яссы. К этому времени еще не было «никакого отзыва из-за Дуная вследствие посылки в Царьград известного курьера»¹.

Симолин познакомил Румянцева с последними политическими новостями. Румянцев отнесся с большим удовлетворением к «решению венского двора войти в наши виды и наши связи с прусским королем и присоединить к его услугам также и свои для восстановления мира с Портой...»²

9 марта курьер Сольмса, ездивший в Константинополь, возвратился в русские пределы и прибыл к Румянцеву. Вместе с ним приехал турецкий курьер с письмом к Румянцеву от великого визиря Мухсина-заде, а также с письмами от Цегелина и Тугута.

С этого времени разворачивается успешная деятельность Румянцева как дипломата. В архивах сохранилась обширная переписка Румянцева с визирем и послами Австрии и Пруссии в Константинополе, а также его донесения правительству о предпринятых им акциях, которые, как правило, «апробовались» (одобрялись) правительством даже в тех случаях, когда расходились с некоторыми запоздалыми инструкциями (большая удаленность от Петербурга часто заставляла Румянцева действовать на свой страх и риск). Симолин оказал Румянцеву большую техническую и юридическую помощь (об этом неоднократно упоминает сам Румянцев в своих письмах к Н. И. Панину).

В распоряжениях, данных Румянцеву в период заключения перемирия, отразилась борьба двух группировок в русском правительстве. Н. И. Панин стремился к скорейшему заключению мира и неуклонно направлял усилия дипломатов к достижению этой цели. Но Екатерина и братья Орловы не оставляли своей мечты о константинопольском походе, который должен был прославить и императрицу, и обоих Орловых: Григория как автора смелого проекта, Алексея как командующего средиземноморским флотом, предназначенным для нанесения удара по столице Османской империи со стороны Дарданелл.

План нападения на Константинополь — не с тем, чтобы его удержать, но с тем, чтобы добиться полной капитуляции Турции и окончить войну с наибольшим блеском, — давно вынашивался Екатериной и ее фаворитами. В 1770 г., когда Гри-

¹ Чтения ОИДР, 1865, кн. II, отд. II, стр. 154.

² Румянцев — Панину, 3 марта 1772 г., АВПР, ф. Бумаги Симолина, д. 2, 1772 г., л. 1.

горий Орлов впервые представил этот план Совету, он рисовался еще в отдаленной перспективе. Екатерина писала тогда Вольтеру: «Что касается взятия Константинополя, то я не считаю его столь близким; однако в этом мире, как говорят, не нужно отчаиваться ни в чем»¹. По мере победоносных действий русских войск план занятия столицы Османской империи все более овладевал умами указанной группировки. Решено было приурочить его к кампании 1772 г.

Румянцев, которому план Григория Орлова был направлен еще в декабре 1770 г. с уведомлением, что ему предстоит в кампанию 1772 г. отделить сорок тысяч войск для действий за Дунаем, отнесся критически к кабинетному творчеству императрицы и ее приближенных. Он указал, что удержание обширной территории Молдавии и Валахии требует большого напряжения и что посылка значительных сил «за Дунай на овладение Царегородом» поставила бы под угрозу русские позиции на Дунае. Для осуществления правительственного проекта, по его мнению, нужно было бы по крайней мере удвоить дунайскую армию².

Не препятствуя Панину вести при посредстве Румянцева переговоры с турками о прекращении военных действий, Екатерина надеялась, что перемирие явится лишь передышкой, которая позволит подготовиться к походу на Константинополь.

Отсутствие единой точки зрения на перемирие в русских правительственных кругах обусловило колебания русской стороны во время переговоров с турками и затянуло на значительный срок подписание конвенции о перемирии.

Рескрипт Румянцеву от 3 января 1772 г. уполномочивал полководца на заключение перемирия и содержал указания по существу заключаемой конвенции.

Из компетенции Румянцева совершенно исключались переговоры о перемирии на Средиземном море, которые были поручены Алексею Орлову (об этом еще 31 декабря 1771 г. был послан соответствующий рескрипт на имя А. Орлова)³.

Остановимся на инструкции, данной Румянцеву, для заключения конвенции о перемирии.

Основной линией разграничения воюющих сторон на Балканском театре должен был стать Дунай, но так как турки были выбиты из ряда укрепленных пунктов и на правом берегу Дуная, то Румянцеву следовало позаботиться о безопасности этих мест, занятых русскими гарнизонами.

Вопрос о черноморском судоходстве во время перемирия занимал в инструкции важное место. Пункт 4-й рескрипта от 3 января 1772 г. гласил:

¹ Сб. РИО, т. 13, стр. 41.

² Сборник «П. А. Румянцев», т. II, стр. 430.

³ Сб. РИО, т. 1, стр. 77—78.

«Распространить перемирие на весь Крым и Черное море таким образом, чтобы как из Черного моря в устье дунайское ничьи вооруженные суда не ходили, так и от оною вдоль берега Бессарабии до устья днепровского равномерно и до крымских берегов и гаваней никакого звания турецкие суда не касались»¹.

Отныне Турция уже не могла свободно распоряжаться Черным морем как своим внутренним морем. Русское правительство требовало, чтобы турецкие вооруженные суда не ходили к крымским берегам, перешедшим в руки России.

Установление конечного срока перемирия предоставлялось на усмотрение Румянцева, причем ориентировочно указывалось на 1 мая или 1 июня 1772 г.

В конвенции должен был быть предусмотрен пропуск курьеров от Румянцева к Алексею Орлову с известием о заключении перемирия, так как сообщение Румянцева с Орловым было возможно только через территорию противника.

Уже первое письмо великого визиря, полученное Румянцевым 9 марта², потребовало решения ряда вопросов, не предусмотренных правительственной инструкцией. Визирь желал, чтобы перемирие было заключено под гарантией Австрии и Пруссии. Считая оскорбительным для России внесение в договор о перемирии такого условия, Румянцев добился отказа Турции от этого требования.

Отметим, что Совет не проявил такой принципиальности в этом пункте. На заседании 12 марта «было рассуждаемо, — говорится в протоколах Совета, — что хотя и необыкновенно делать перемирие под гарантию других, но можно на то согласиться»³. Инструкция, дополнительно посланная затем Румянцеву по этому вопросу, носила компромиссный характер. Однако решительная позиция, занятая Румянцевым и доказавшая свою правильность на практике, была полностью одобрена русским правительством.

Румянцеву пришлось самостоятельно решать и другой вопрос — о продолжительности перемирия. Тут встретилось немало затруднений. Визирь настаивал на том, чтобы в случае неудачи мирных переговоров, перемирие продолжалось еще три месяца со дня прекращения работы конгресса⁴. Это предложение было вызвано тяжелым положением турецкой армии.

Румянцев, сознававший, что русские войска находятся в несравненно лучшем положении, решительно отверг это требование турок. «Резоны, — писал он Екатерине 15 апреля 1772 г., — представляемые к отдалению оною (т. е. срока перемирия) тем меньше я считаю за убедительные, сколь больше знаменуют они невыгоды неприятельские, а напротив наши пользы»¹.

Суждение Румянцева о мотивах турецкого предложения подтверждается рядом других документов. Тугут писал Румянцеву, что «основное соображение — это дезорганизация турецких войск, которая заставляет совершенно определенно предполагать, на основании прошлого опыта, что они все разбегутся, заслышав о близком мире, — а такой слух обязательно распространится среди них в связи с мирным конгрессом. Это обстоятельство не может не поставить эту империю в момент окончания конгресса в положение физической невозможности какой бы то ни было обороны»². Имеется и другое свидетельство. Участник войны Васыф пишет в своей «Истории», что «великий визирь скрывал от своей армии готовящиеся переговоры из опасения, чтобы надежда на мир не явилась для солдат поводом оставления знамен»³.

Румянцев не только не согласился на продолжение перемирия в случае неудачи мирного конгресса, но прямо заявил, что он немедленно возобновит после этого военные действия. Туркам пришлось уступить и в этом пункте.

Местом для ведения переговоров о перемирии была избрана Журжа — небольшая крепость на левом берегу Дуная, которая во время войны несколько раз переходила из рук в руки, пока, наконец, не была прочно завоевана русскими войсками. Крепость находилась в полуразрушенном состоянии, окружавшие ее городские постройки были почти полностью сожжены. Но этот пункт, неудобный в бытовом отношении, был рубежом, разделявшим воюющие армии. Поэтому визирь отклонил предложение Румянцева о ведении переговоров в Бухаресте и высказался за Журжу. Симолин, который перебрался в Журжу в первых числах апреля, писал Румянцеву, что живет он «в маленькой полутемной дыре, ... в которую ветер проникает со всех сторон, где вместо стекол — бумага и нет ни печи, ни камина, несмотря на то, что холод по вечерам и ночам очень силен»⁴.

Уполномоченным по заключению перемирия с турецкой стороны был назначен Абдул-Керим, член султанского дивана,

¹ АВПР, ф. Бумаги Симолина, д. 3, 1772 г., л. 145.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, 1772 г.

³ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 155.

⁴ В XVIII в. слово «конгресс» означало, в частности, такие съезды дипломатов, на которых были представлены только две страны в лице одного-двух уполномоченных от каждой. Это слово употребляется здесь и дальше в указанном смысле.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, 1772 г., лл. 92—93.

² Там же.

³ «Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes...», стр. 193.

⁴ АВПР, ф. Бумаги Симолина, д. 2, 1772 г.

«президент камеры конной милиции» (как именуется он в русских документах), имевший в своем ведении 6 конных полков.

После предварительного обмена мнениями между Румянцевым и великим визирем при посредстве Симолина и Абдул-Керима, а также путем переписки, оставалось назначить день для конференции по заключению перемирия. «Когда я об этом заявил Абдул-Кериму, — рассказывает Симолин в письме Румянцеву, — последний вынул из кармана месяцеслов и сказал, что так как дело столь важное и столь угодное богу и людям следует начинать под счастливым созвездием, то, он надеется, что я соглашусь назначить нашу первую конференцию на пятницу 13-го числа сего месяца — день, который, по его словам, является счастливым»¹. Симолин против этого не возражал.

13 апреля состоялась встреча Симолина и Абдул-Керима. Последний заявил, что Турция принимает все условия, выдвинутые со стороны России, за исключением срока перемирия, который она предлагает продлить до 1 июня, независимо от хода мирных переговоров. Румянцев принципиально не возражал против этой даты: он полагал, что послы едва ли успеют съехать на мирный конгресс раньше 1 июня. Но ему представлялось более целесообразным установить следующие обязательства: чтобы перемирие сохраняло силу до начала конгресса (без указания даты) и чтобы в конвенции о перемирии было предусмотрено его продление в зависимости от хода переговоров. Разногласие касалось второстепенного момента и не могло помешать заключению конвенции о перемирии. 17 апреля Румянцев уведомил Панина о том, что Симолин рассчитывает в ближайшее время подписать соглашение с Портой «на основании наших предложений»². Уже был заготовлен соответствующий документ.

Однако скрепления документа подписями не произошло, и переговоры неожиданно затянулись на целый месяц. Причиной задержки явились новые инструкции, полученные Румянцевым из Петербурга.

Румянцев с самого начала предвидел, что Porta не согласится «остановить ход своих судов на Черном море, как с тем только связана коммуникация ее с своею крепостью Очаковскою, которая лежит на нашем берегу». Действительно, турки заявили о необходимости доставлять туда продовольствие. Поэтому пришлось отказаться от формулировки правительственного рескрипта о том, чтобы «никакого звания турецкие суда»³ не ходили вдоль берега Бессарабии до устья днепровского и

отнести это запрещение в 4-й статье проекта только к *вооруженным* судам и притом обеих сторон¹. Румянцев полагал, что обоюдный отказ от плавания вооруженных судов в Черном море соответствовал интересам России, так как для нее было важно не допустить приближения турецкого флота к крымским берегам. Сведения о том, что турки намереваются послать большое число судов в Черное море, полученные Румянцевым через выходцев из Турции², сосредоточили его внимание на предотвращении именно этой опасности. Он знал, что русский черноморский флот еще слишком слаб, чтобы противостоять турецкому флоту.

Но если Румянцев, подобно Н. И. Панину, видел перед собой одну основную цель — скорейшее заключение мира, то императрица и братья Орловы руководствовались задачами подготовки константинопольского похода. Самым важным, по их мнению, было то, чтобы перемирие не помешало проведению всех нужных мероприятий в этом направлении.

19 апреля Румянцев получил правительственный рескрипт от 3 апреля, в котором говорилось, что предложенное Румянцевым обоюдное прекращение судоходства по Черному морю императрицу «несколько озабочивает». В рескрипте признавалось, что «инакции (бездействие. — Е. Д.) и недвижности... должны быть самым основанием перемирия»; но, — разъяснялось далее, — «по уважениям известной адмиралу нашему Нольсу особливо порученной комиссии не можем мы желать, чтобы всякое с Дунаем вообще из Черного моря сообщение, а с ним и хождение судов по берегам Бессарабии пресечены были, а иначе и сами мы лишились бы таковым пресечением свободы приблизить между тем к способным для переду местам Азовскую флотилию и приготовляемые к оной запорожские лодки»³.

Под «комиссией, порученной Нольсу», подразумевалось строительство Дунайской флотилии, предназначенной для похода на Варну и Константинополь. К этой флотилии предполагалось присоединить половину Азовской флотилии, строившейся под руководством Сенявина. Объявляя нежелательным, чтобы движение русских военных судов в устье р. Дуная прекратилось, рескрипт расходился с первой инструкцией Румянцеву, требовавшей, чтобы «из Черного моря в устье дунайское ничьи вооруженные суда не ходили». Румянцев должен был теперь добиваться такого перемирия, «чтоб обеих сторон военные и другие суда имели взаимно свободу ходить и плавать при берегах, оружием каждой части подвластных»⁴. Тем самым русские суда

¹ АВПР, ф. Бумаги Симолина, д. 2, 1772 г., л. 25.

² Чтения ОИДР, 1865, кн. II, отд. II, стр. 165.

³ См. стр. 152 настоящей работы. Курсив мой. — Е. Д.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, 1772 г., л. 73.

² Чтения ОИДР, 1865, кн. II, отд. II, стр. 168.

³ АВПР, ф. Бумаги Симолина, д. 3, 1772 г., л. 18.

⁴ Там же.

получали право входить в Дунай и плавать вдоль берегов Бессарабии, а не только Крыма. Запрещение входить в устье Дуная следовало отнести только к турецким судам.

Румянцев в тот же день поспешил сообщить о новой инструкции Симолину. «Двор не желает, — писал он, — чтоб всякое с Дунаем вообще из Черного моря сообщение, а с ним и хождение судов по берегам Бессарабии пресечены были». Ради сообщения с Дунаем двор разрешил даже согласиться на то, чтобы турки имели «свободное морем сообщение (т. е. посредством любых судов, в том числе и военных. — Е. Д.) с крепостью Очаковскою, ... только бы с своей стороны получить нам беспечное и безвредное всякими судами плавание к берегам Бессарабии, и чтоб потому оные, встречаясь дорогою с турецкими, не могли быть подвержены неприятельским от сих последних действиям»¹.

Выполнение нового правительственного распоряжения влекло за собой неизбежную затяжку переговоров. Хотя Румянцев невозмутимо доказывал великому визирю, что новые предложения по существу ничем не отличаются от прежних, — это не помогало делу. Турки и раньше всячески старались протянуть время, а теперь им представился для этого удобный повод. Однако после долгих проволочек Турция все же была вынуждена принять условия перемирия, предложенные Россией. Правда, она выговорила себе право снабжать продовольствием Очаков и Кинбурн, но в то же время обязалась не посылать туда никаких войск и военных снарядов. Крепости, разрушенные русскими в кампанию 1771 г. на правом берегу Дуная, не должны были восстанавливаться (ст. 3)².

19 мая 1772 г. состоялось, наконец, подписание конвенции о перемирии между Симолиным и Абдул-Керимом. Через несколько дней Румянцев, так же как и великий визирь, утвердил это соглашение. В письме от 25 мая Румянцев сообщил Панину, что конвенция о перемирии «содержит в себе все выгоды для нашей стороны, когда мы, не оставив свободы судам турецким от Черного моря входить в Дунай и к берегам крымским и бессарабским, не стеснили себя в том взаимстве»³.

Срок перемирия в ближайших районах — в Молдавии, Валахии, Бессарабии, Крыму, Кубани и др. — устанавливался до момента собрания полномочных послов на мирный конгресс. Затем, по мере надобности, он мог быть продлен и дальше. Срок перемирия в Грузии и других районах Кавказа должен был продолжаться до 1 октября ввиду трудности сношения с ними (ст. 9).

¹ АВВР, ф. Бумаги Симолина, д. 3, 1772 г., л. 148.

² Петров А., указ. соч., т. IV, СПб., 1874, приложения, стр. 195—196.

³ См. конвенцию о перемирии в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, лл. 136—141. Оpubл. в указ. соч. А. Петрова, стр. 187—192.

Таким образом, конвенция о перемирии, заключенная Румянцевым, наглядно показала соотношение сил, сложившееся к весне 1772 г. Огромные преимущества России отразились прежде всего в разграничительных линиях на суше и на Черном море, а также в том факте, что конвенция о перемирии была подписана по существу под диктовку русского правительства.

В соответствии с конвенцией о перемирии (ст. 4) через Константинополь был отправлен в Архипелаг курьер для уведомления Алексея Орлова о заключении перемирия. Только через месяц, 18 июня, это официальное известие было получено русским флотом. Орлов в это время находился в Ливорно, и заключение перемирия в Архипелаге выпало на долю адмирала Г. А. Спиридова, которого русское правительство предусмотрительно снабдило дубликатом полномочия.

Когда Спиридов заключал перемирие, воинственный пыл императрицы несколько ослабел: ее начинала беспокоить международная обстановка, в особенности положение, сложившееся в это время в Швеции. В отмену предписания, данного Спиридову Алексеем Орловым, о том, чтобы конвенция о перемирии запрещала *нейтральным* странам проводить свои суда в Дарданеллы, инструкция ограничивала это запрещение судами Турции и ее вассалов. Указывалось на возможность близкого мира. Признавалось излишним препятствовать туркам снабдить Константинополь «более настоящего пропитанием»¹. Следует отметить, что Алексей Орлов не разделял этих новых настроений императрицы и в августе 1772 г. все еще продолжал выражать свое отрицательное отношение к осторожной политике Петербурга².

В соответствии с правительственной инструкцией 20 июля 1772 г. на острове Паросе, где была стоянка русского флота, перемирие было подписано русским и турецким морским командованием. Русские удерживали за собой все занятые ими острова Архипелага (т. е. от острова Тассо на севере до Кандии на юге). За русскими были оставлены также те острова, «где турецких крепостей и гарнизонов и жительства турецкого ныне нет»³. За турками сохранялся ряд больших островов около Анатолии (Лемнос, Тенедос, Митилена, Хиос и др.), а также Кандия (Крит) и Негропонт (Эвбея). Флоты и войска воюющих держав должны были находиться в районе своих островов. Судам Турции и ее вассалов (Алжир и другие) запрещалось плавать из Дарданелл в Архипелаг.

¹ Сб. РИО, т. 1, стр. 86; см. также АГС, т. 1, стр. 380.

² В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 188.

³ А. Соколов. Архипелагская кампания 1769—1774 гг. «Записки Гидрографического Департамента Морского Министерства», ч. 7, СПб., 1849, стр. 352.

Особое значение для России имела статья, запрещавшая Турция сооружать на островах и побережье новые крепости, заводить на них провиантские магазины, строить новые суда; корабли, уже построенные, туркам запрещалось спускать в море, а спущенные запрещалось вооружать (до заключения перемирия Турция развивала в этом отношении лихорадочную деятельность, в которой Россия, естественно, не могла с ней соперничать).

Из Архипелага в Дарданеллы и обратно Турция не имела права перевозить на каких бы то ни было судах оружие и боеприпасы. Только торговым судам нейтральных стран и курьерам был открыт свободный путь через Дарданеллы.

Перемирие в Архипелаге было заключено сроком до 1 ноября 1772 г., но в случае, если бы оно было прервано в сухопутной армии, оно должно было прекратиться и на море.

* * *

Еще в период переговоров о перемирии обсуждался вопрос о месте предстоящего мирного конгресса. Турция предложила устроить конгресс в Яссах, но русское правительство на это не согласилось, так как в Яссах был штаб верховного главнокомандующего и переводить его в другое место значило бы «расстроить нынешнее расположение и действия войск». Григорий Орлов в дополнение к этому основному мотиву представил другой — о том, что в Яссах сосредоточено много иностранцев и, следовательно, создается удобная почва для шпионажа. Он предлагал избрать Измаил, в котором, «по удалению его, уполномочные не будут беспокоиваны иностранцами»¹. Но Измаил был отвергнут в связи со строительством Дунайской флотилии, предназначенной для похода на Константинополь. Совет решил, что если конгресс соберется в Измаиле, то «нельзя уже будет тогда скрыть наше в той стороне приготовление судов»². Румянцев по другим причинам возражал против Измаила: «я не знаю, кому показался Измаил удобнейшим, — писал он Панину, — где не только нет строения к помещению такого съезда, но ни прута лесу для отопления обывателям, поелику вся та степная страна между Прута и Дуная совершенно пуста и выгод к прожитию в тамошних городах отнюдь не подает»³.

Впрочем, турки тоже были против Измаила, ссылаясь на сырость этого места и обилие в нем комаров. Действительной же причиной их отказа было то, что за недостатком других помеще-

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 133—134.

² Там же, стр. 155.

³ Чтения ОИДР, 1865, кн. II, отд. II, стр. 157.

ний мечети Измаила были заняты под русские церкви и магазины¹. Турция предлагала теперь Бухарест или Фокшаны.

Русское правительство выбрало Фокшаны — небольшой румынский город, расположенный в 75 км к северо-западу от г. Галаца. Летнее время обеспечивало вполне благоприятные условия для пребывания послов даже в окрестностях г. Фокшан; между тем это место имело целый ряд преимуществ перед Бухарестом, в котором находилась русская администрация, управлявшая Валахией, и было сосредоточено большое количество войск².

Таким образом, при выборе места для мирного конгресса взвешивались различные военно-стратегические и политические соображения.

* * *

Для ведения мирных переговоров решено было назначить по два уполномоченных от каждой стороны. Одним из представителей России был назначен А. М. Обресков. Это был опытейший дипломат, прекрасно знавший Турцию и дипломатические методы турок.

В 1740 г., по окончании Шляхетского корпуса, Обресков, по собственному желанию, отправился с посольством А. И. Румянцева (отца полководца) в Константинополь в скромном звании «состоящего при посольстве». С тех пор он почти безвыездно жил в Константинополе; овладел турецким, греческим и другими языками, изучил нравы, историю, политические обычаи народа, среди которого ему приходилось работать. В Константинополе он женился, там он и состарился.

С 1752 г. (после смерти Неплюева) и до начала русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Обресков занимал пост русского резидента, или посла III ранга. Круг его деятельности был очень широк: помимо выполнения дипломатической работы, Обресков оказывал помощь подвластным Турции славянам, грузинам и другим «единоверцам», разрешал пограничные споры между запорожцами и Крымским ханством, изыскивал способы для расширения торговых связей русского купечества в районе Черного моря и т. п.

Вести дипломатическую работу в стране, которая не имела твердого и ясного курса в области внешней политики и сильно зависела от западноевропейских держав, было чрезвычайно трудно³.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 160.

² Там же, стр. 154—155.

³ Обресков неоднократно указывал на сложность своего положения в связи с «переменчивостью» Порты и постоянной сменой ее министров. См. АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 414, 1767 г., лл. 65, 83, 101 и др.

Тем не менее Обрескову удавалось успешно разрешать поставленные ему задачи. При его активном участии русская дипломатия почти на пять лет отсрочила турецкую войну, которая готова была разразиться еще в 1764 г. в связи с вводом в Польшу русских войск. Н. В. Репнин, который в качестве русского посла в Речи Посполитой поддерживал в этот период тесные связи с Обресковым, писал по поводу удачных действий последнего: «Поздравляю при том сам себя иметь дело с министром толь прозорливым...»¹

Во всех своих действиях Обресков руководствовался государственными интересами, разумеется, в понимании своего класса. Он противился выполнению рескриптов, продиктованных династическими или личными мотивами монарха. Так, когда Петр III в угоду Фридриху II вознамерился заключить союз с Турцией против Австрии, Обресков уклонился от выполнения данных ему инструкций, шедших вразрез с важнейшим направлением русской внешней политики².

Последовательный защитник интересов своего класса, Обресков полностью разделял мнения панинской группировки. Обресков и Панин нередко обменивались критическими замечаниями по поводу политики Екатерины и братьев Орловых. Панин, вполне доверяя Обрескову, предоставлял ему большую свободу действий. В своих инструкциях он указывал, что Обресков может по своему усмотрению «дополнить или убавить что в сих внушениях», учитывая постоянно меняющийся «образ мыслей Порты»³.

Весной 1769 г. Обресков был выпущен из Семибашенного замка и, оставаясь пленником, должен был сопровождать турецкую армию от Константинополя до Бендер. Позднее турки посадили его в полуразвалившуюся крепость города Димотики, где Обресков провел еще полгода в тяжелых условиях заключения. Несмотря на все эти испытания, усугублявшиеся болезнью Обрескова, он выжил и после своего освобождения из плена вернулся к дипломатической деятельности.

Посылая Обрескова на мирный конгресс в Фокшаны, Екатерина позаботилась о том, чтобы панинская группировка не получила решающего голоса при переговорах с Турцией. С этой целью она назначила *первым* послом Григория Орлова, подчинив ему Обрескова в качестве второго посла, т. е. помощника. Орлов не обладал дипломатическими способностями, не имел никакого опыта в сношениях с другими государствами, но он, так же как Алексей Орлов, представлял мнение наиболее влиятельной правящей группировки.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 413, 1767 г., л. 1.

² Сб. РИО, т. 48, стр. 31 — 33.

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 413, 1767 г., л. 12.

Когда Россия и Турция вступили в переговоры о перемирии и открытие мирного конгресса сделалось вопросом ближайшего времени, была составлена новая инструкция для ведения мирных переговоров, обращенная к полномочным послам Григорию Орлову и А. М. Обрескову. Эта инструкция, датированная 21 апреля 1772 г., почти дословно совпадала с инструкцией Алексею Орлову от 22 марта 1771 г. и потому не нуждается в рассмотрении каждого пункта¹. Остановимся лишь на тех моментах, которые вносили нечто новое в русский проект мирного договора.

В вводной части инструкции давалось разъяснение по вопросу о Молдавии и Валахии. Решение не требовать независимости этих княжеств объявлялось прямым следствием враждебной политики Австрии. Интересы венского двора, говорилось в инструкции, оказались «в прекословии с первыми нашими требованиями, даже до того, что дело с ним, по всей вероятности, до разрыва и явной войны доходило...» «Объявление наше оставить всякие требования на княжества Молдавское и Волошское, разреша скоро сумнение и колебание венского двора, доставило нам в оборот полное и охотное с его стороны согласие на положенные от нас мирной неограничения непременные основания и на все другие части требований наших по оным».

Далее следовали известные нам три «Основания мира» и перечень всех мирных условий. В дополнение к сказанному в вводной части о Дунайских княжествах указывалось, что Россия не требует ни «секвестра» княжеств, ни уплаты из их доходов всей суммы военных убытков (которые исчислялись теперь уже в 30 млн. рублей), а требует лишь «некоторой суммы, в намерении и оную всю или часть ее обратить в пользу и подкрепление пункта о татарах...».

О независимости татар говорилось: «сие требование наше есть прямой узел Гордианской». Этот узел русским послам надлежало развязать силою своего искусства. Для облегчения этой задачи в новой инструкции допускалась уступка еще по одному вопросу, а именно о грузинских крепостях: в крайнем случае послы могли согласиться на оставление грузинских крепостей в том же положении, в каком они были до войны. Но, с другой стороны, решено было во что бы то ни стало избавить грузин от «бесчеловечной подати христианскими девками». Это требование имело важное значение для грузинского народа. По имеющимся сведениям, одна только Имеретия посылала ежегодно в Турцию до восьмидесяти молодых людей обою пола².

¹ Подлинник этой инструкции хранится в АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1671, 1772 г.; ср. С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 28, стр. 832 — 833.

² Г. Кикодзе. Ираклий II, Тбилиси, 1948, стр. 96.

Еще в апреле Обресков выехал из Петербурга и спешно, на почтовых лошадях, направился в ставку Румянцева — Яссы. На нем лежала ответственность за все приготовления для приема турецких послов. Григорий Орлов выехал позже в сопровождении огромной свиты, расположившейся в роскошных дворцовых каретах и блиставшей парадными нарядами.

Русское правительство решило обставить конгресс богато и торжественно. Оно приняло целиком на свой счет содержание турецких послов вместе со всей их свитой, признав это «сходным с достоинством ее императорского величества двора»¹. Такая щедрость редко проявлялась со стороны других государств. На расходы по Фокшанскому конгрессу Обрескову была выделена сумма в 70 000 руб., из которой он израсходовал к моменту окончания заседаний около 41 000 руб.²

Порта, так же как и русское правительство, назначила на мирный конгресс посольство в составе двух человек. Первым послом был старый государственный деятель Турции Осман эфенди, которому приходилось соприкасаться с Неплюевым, Вешняковым и с отцом П. А. Румянцева — А. И. Румянцевым. Осман был знатного происхождения и получил солидное образование. Он в совершенстве владел греческим языком, знал также итальянский, латинский и другие. Перед войной, когда великим визирем был Мухсин-заде, Осман занимал пост реис-эфенди (министр иностранных дел). Так же как Мухсин-заде, он стоял за мирные отношения с Россией и, по его словам, «только по этой причине имел несчастье лишиться милости султана»³. Решение Порты заключить мир снова вернуло Осману высокое положение: он стал «нишанджи», или, как в России говорили, «президентом имперской печати». Великий визирь Мухсин-заде в высокопарных выражениях характеризовал Османа как «славу всех секретарей, собрание всех знаний и добродетелей, источник красноречия, сокровище правописания и т. д. и т. д....»⁴.

Вторым уполномоченным был шейх храма Айя София Яссини-заде, который, по словам турецкого историка и участника войны Васыфа, «имел специальную комиссию вести дискуссию по вопросам, имеющим отношение к религии»⁵. Подразумевались вопросы о Крыме, зависимость которого от Порты послы должны были отстаивать на основании религиозных связей Турции и

Крымского ханства. Впрочем Яссини-заде, повидимому, целиком рассчитывал на впечатляющее воздействие своего духовного сана и не был расположен участвовать в дипломатических дискуссиях. Русские послы в реляции от 24 июля доносили, что «шейх Яссини-заде яко духовный человек в трактование дел нимало поныне еще не вступает и ни одним словом почти ни в оные и ни в разговоры не мешается...»¹. И в последующих реляциях Орлов и Обресков отмечали, что Осман обычно отвечает «за себя и за своего товарища, потому что оный обыкновенно весьма мало говорит»². Пассивность Яссини-заде не нравилась Осману. По словам Васыфа, Осман, встретившийся ему на обратном пути из Фокшан, пожаловался на своего товарища: «Он служил мне только для того, чтобы снабжать меня птицей. Если вы сомневаетесь, — добавил он, — посмотрите». Говоря так, он указал на многочисленные клетки с курами, стоявшие на повозках»³.

Несмотря на то, что русские послы уже к моменту заключения перемирия находились в Яссах и с русской стороны все было подготовлено к открытию конгресса, переговоры смогли начаться только 27 июля. Великий визирь, извиняясь за опоздание турецких послов, ссылаясь на то, что, по расчетам Порты, русские послы могли выехать из Петербурга только по заключении перемирия и что путь их должен был продолжаться дней 40. Все это были явные отговорки: Румянцев давно сообщил великому визирю, а Сольмс — в Константинополь, что русские послы будут в Яссах не позже, чем в первых числах июня.

В письмах с дороги турецкие послы уведомляли Обрескова и Орлова, что за неимением лошадей они везут свой тяжелый экипаж на волах и верблюдах и потому не могут ехать достаточно быстро.

8 июля 1772 г. Осман и Яссини-заде переправились, наконец, через Дунай и были встречены с русской стороны пушечной пальбой, барабанным боем и музыкой. Турецких послов сопровождали прусский посланник Цегелин и австрийский — Тугут. Их появление никого не удивило, так как было известно, что русское правительство приняло «добрые услуги» прусского и венского дворов. Свита турецких представителей вместе со свитами иностранных послов состояла из 500 человек, что было несколько менее свиты Григория Орлова.

На русском берегу к Осману явился представитель русского посольства Христофор Петерсон, которому было поручено

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1703, 1772 г., лл. 3—4.

² Там же, д. 1686, 1772 г., л. 104.

³ Там же, д. 99, л. 3.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, 1772 г., л. 187.

⁵ «Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes...» стр. 203.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1678, 1772 г., л. 47.

² Там же, л. 55.

³ «Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes...», стр. 213.

поздравить турецких послов с прибытием и сопровождать их до места переговоров. С этого дня и до окончания Фокшанского конгресса Петерсон вел подробный «Журнал» всего происходившего вне заседаний.

Утром 19 июля турецкие послы были уже почти в виду Фокшан. Однако и тут они сделали еще одну, последнюю оставовку, так как находившийся при них астролог не советовал им въезжать в Фокшаны в несчастливый день — четверг.

В пятницу 20 июля Осман торжественной процессией въехал в Фокшаны (второй турецкий посол Яссини-заде, а также австрийский и прусский дипломаты в этой процессии не участвовали). Украшением турецкого шествия было большое количество отборных коней под дорогими попонами, которых вели под уздцы красиво одетые слуги.

В шести километрах от Фокшан в лесу был построен специальный городок для мирных переговоров. Он представлял собой два лагеря, турецкий и русский, находившиеся в километре один от другого. Между ними был подготовлен зал для переговоров.

Вопросу о месте переговоров в те времена придавалось большое значение. В чьем помещении будут происходить переговоры — бывало предметом долгих споров, так как вопрос этот связывался с поддержанием престижа страны. И в данном случае турки очень добивались, чтобы переговоры происходили именно в их шатре. Осман писал Обрескову с дороги, что он везет с собой огромный шатер под импонирующим христианскому слуху названием «Святой Иерусалим». «...Все находившиеся под тению его, — писал он, — приобретали всякое благополучие и спасение», и, конечно, «заседающие, находясь в таком священном и достопамятном месте, приобретут справедливость и помощь божью»¹. Но Обресков решительно воспротивился плану Османа и настоял, чтобы переговоры происходили в русском помещении. Шатер «Святой Иерусалим», — доносил он в Петербург, — понадобился туркам, «дабы перед светом показать, что конгресс производится в месте, им принадлежащем»².

Как и следовало ожидать, Фокшанский городок (в особенности та часть, где разместился Григорий Орлов) произвел большое впечатление на турецких послов. Петерсон описывает в своем «Журнале», что Осман «очень выхвалял ставки его величества фельдцейхмейстера и расположение оных, да и место нашего лагеря». Он был поражен, «увидя неожиданно в диком лесе изрядно просеченные аллеи, песком усыпанные, и в протчем оной лес столь хорошо расчищен, что издали его за изрядный сад принять можно. Не меньше также, повидимому, оба турец-

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1686, 1772 г., л. 33.

² Там же, л. 20—21.

кие министры внутренно удивлялись великолепному штату его в-ва и богатому во всем убранству, а особливо как услышали они хор огромной музыки, к чему Осман эфендий сказал, что он лагерь его в-ва почитает за место, всякими веселостями наполненное, каковых иногда и в большом городе сыскать трудно»¹.

По прибытии в Фокшаны Осман просил несколько помедлить с открытием конгресса, ссылаясь на свой преклонный возраст и усталость свою и товарища. Поэтому первая неделя пребывания турецких послов в Фокшанах прошла во взаимных визитах послов и иностранных представителей («министров»). Впрочем, за несколько дней, предшествовавших открытию конгресса, был разрешен ряд вопросов, утвержденных затем на первой конференции Фокшанского конгресса.

Еще в марте 1772 г. Порты обратилась к Румянцеву через Цегелина с предложением отменить все церемонии и обряды во время мирных переговоров². Это предложение встретило живейшее сочувствие у Обрескова, который, зная турок, опасался, что приверженность их к соблюдению «церемониала и разных малостей»³ может бесконечно затянуть переговоры.

21 июля 1772 г. во время визита к турецким послам Орлов и Обресков напомнили об этом предложении Порты. Осман ответил проектом письменного соглашения, в котором устанавливалось, что послы договаривающихся сторон и иностранные министры могут свободно посещать друг друга «и в подобных посещениях не должно быть примечливо, если не в карете будет кто, а верхом или пешком идет с малой или большой свитой»⁴.

Уляницкий полагает, что турецкое предложение об оставлении излишних церемоний было результатом впечатления, вынесенного от роскоши, окружавшей Орлова, и объяснялось трудностью соревноваться с ним в этом отношении⁵. Но мы видели, что предложение об отмене церемонии возникло до того, как Осман встретился с Орловым. К тому же турки, как и другие восточные народы, умели обставить официальные приемы весьма торжественно: русские послы во время своих визитов к турецким послам были «окуриваемы ароматами»⁶ и т. д. Повидимому, отмена церемоний нужна была туркам для удобства общения с представителями Австрии и Пруссии.

23 июля советник русского посольства Пиний и переводчик турецкого посольства Ризо представили друг другу для предварительного ознакомления копии полномочных грамот своих

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1678, 1772 г., л. 57.

² Там же, д. 1699, 1772 г., лл. 1 и 4.

³ Там же, д. 1686, 1772 г., л. 7.

⁴ Там же, д. 1678, 1772 г., л. 61.

⁵ В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 394, примеч. 2.

⁶ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1678, 1772 г., л. 53.

послов. Обнаружилось, что Яссини-заде не имеет посольского «характера» и именуется в своей грамоте просто полномочным министром.

Напрасно Осман старался показать, что «характер посольский его товарищу Яссини-заде яко духовному человеку и философу совсем не приличествует»¹; Орлов и Обресков, имевшие посольский ранг, считали унижительным для чести и достоинства Российской империи вести переговоры с лицами, из которых одно было не в равном с ними дипломатическом «характере». Для уравнивания посольских рангов они соглашались на то, чтобы всем принять звания полномочных министров и не называться послами.

После этого оказалось, что у Османа «в запасе есть султанская полная мочь на посольский характер также и для товарища его Яссини-заде...»².

Русские послы ревниво следили за тем, чтобы дипломатический этикет соответствовал достоинству представляемой ими державы.

Открытие Фокшанского конгресса было назначено на 7 час. утра 27 июля, а накануне, 26 июля, неожиданно возник вопрос, который русское правительство считало давно разрешенным. Пока Орлов развлекался охотой, Обрескова посетили Тугут и Цегелин, которые «наведывались, когда они, господа послы, поедут на конференцию и как, сказывая, что и они, министры, равным с ними образом на оную будут»³. Обресков выразил изумление, напомнив, что министры «де бон оффис» не то же самое, что «медиаторы», что они не могут участвовать в мирных конференциях, и разъяснил точку зрения русского правительства на вопрос об иностранном посредничестве.

Цегелин на рассвете дал знать Осману, что он на своем участии в конференциях не настаивает. Тугут же отмалчивался, хотя Осман посылал к нему трижды.

Рано утром 27 июля Осман сообщил русским послам, что он всю ночь не мог уснуть и просит отложить открытие конгресса на один час. «Токмо после проведено, — объясняет Петерсон, — что он сие отложение сделал в ожидании от цесарского министра мнения, каким образом поступить имеет...»⁴. Но ответа он так и не дождался, и конгресс открылся в назначенный день, хотя и с некоторым опозданием.

Тугут, несомненно, вел двойную игру. Он уже не мог открыто поддерживать турок, поскольку Австрия вела переговоры с Россией о польском разделе (только 25 июля 1772 г. состоя-

лось соглашение о границах присоединяемых польских земель). Непосредственное участие Тугута в Фокшанском конгрессе заставило бы его раскрыть свои карты, поэтому отстранение от посредничества было для него кстати. Заявление же, сделанное им совместно с Цегелином и столь изумившее Обрескова, было простой уловкой. Тугут рассчитывал предьявлением *претензии* на участие в переговорах (заранее обреченной, как он знал, на неудачу) нажать у турок политический капитал и сохранить за Австрией право на получение турецких субсидий.

Тугуту было не привыкать вести двойную игру. В конце 60-х годов XVIII в. он тайно от своего правительства вступил на французскую службу и получал деньги от двух хозяев, обманывая того и другого¹.

* * *

Чтобы уяснить себе ход Фокшанского мирного конгресса, следует предварительно остановиться на переговорах с татарами, которые уже почти целый месяц велись Е. А. Щербининым в Крыму.

Хотя Крым был занят русскими войсками и русское правительство могло распоряжаться в нем как в завоеванном краю, тем не менее оно последовательно проводило тот принцип, который был принят в марте 1770 г.: не присоединять Крыма к России, а добиваться превращения его в независимое государство. Этот принцип, продиктованный опасностью международных осложнений, вызывал необходимость *переговоров* с татарами как с отделившимся от Турции вольным народом. Предметом переговоров было заключение союзного договора с татарами, а также уступка ими в пользу России некоторых крепостей на побережье Крымского полуострова.

Непосредственно после занятия Крыма туда был направлен П. Веселицкий в официальном звании русского резидента. Веселицкий очень скоро сообщил, что надеется «привести татар на все здешние (русские. — Е. Д.) желанья», т. е. получить их согласие и на союз, и на уступку России крепостей. Но русское правительство нашло, что действия Веселицкого могут иметь вид «некоторого приневоливания», и сочло необходимым отправить в Крым торжественное посольство. Задачей посольства, по словам Панина, было заключить с татарами «цельной договор, на доброй их воле основанной и к предьявлению свету удобной»².

Необходимость торжественного посольства Панин обосновывал следующим образом:

¹ См. статью «Thugut» в «Allgemeine deutsche Biographie», т. 38, Лейпциг, 1894, стр. 138.

² «Архив кн. Воронцова», кн. 26, М., 1872, стр. 86, 87.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1715, 1772 г., л. 17.

² Там же, л. 18.

³ Там же, л. 20. Курсив мой. — Е. Д.

⁴ Там же, д. 1715, 1772 г., л. 21.

«По введенному в Европе обыкновению и этикету не может ничем действительнее, явнее и достаточнее доказано быть признание со стороны здешнего двора независимости татарской, как сим поступком, предполагающим их достойными быть непосредственного с почтительными державами сношения и переделки»¹.

Отправление посольства было не первым проявлением со стороны России лояльного отношения к Крымскому ханству как к новому независимому государству. Еще летом 1771 г. русское правительство признало крымского хана Селим-Гирея, хотя именно он оказал ожесточенное сопротивление русским войскам у Перекопа, и было ясно, что на него, «как турками возведенного, положиться невозможно»².

Позднее, когда ногаи стали массами переходить на сторону русских войск и встал вопрос об их государственном отделении от Крымского ханства, в Совете было решено «оставить татар по-прежнему нераздельно под правлением крымским»³. Надо сказать, что в Совете высказывалось и другое мнение: что иметь дело с двумя обособленными народами (ногаи и татары) было бы спокойнее «по их от разделения слабости»⁴. Но политика «разделяй и властвуй» не подходила к данной обстановке, когда на Крым были устремлены ревнивые и настороженные взгляды иностранных государств. Такая политика слишком явно противоречила бы плану создания самостоятельного татарского государства. Поэтому она была отвергнута русской дипломатией.

Новое отношение к татарам вызвало изменения даже в дипломатическом церемониале. Прежде только турецкая и персидская чалмы не снимались во время торжественных приемов при русском дворе, татары же должны были снимать свои шапки. В ноябре 1771 г. решено было пожаловать татарам (в связи с претензией приехавшего в Петербург калги-султана оставаться в шапке) «тот самый церемониал, который употребителен у нас в рассуждении других магометанских областей, то-есть Порты Оттоманской и Персидского государства»⁵. Татарская шапка была приравнена к турецкой и персидской чалмам.

Полномочным послом для переговоров с Крымским ханством был назначен губернатор Слободской Украины Евдоким Алексеевич Щербинин, который уже имел прежний опыт переговоров с ногаями. Миссия его оказалась весьма сложной, но в выполне-

нии поставленной задачи Щербинин проявил большой такт и дипломатическое искусство. 27 мая 1772 г. Щербинин отправился в путь и 5 июня, вместе с Веселицким, который встретил его в Козлове, прибыл в Перекоп.

Русское правительство хотело заключить договор с татарами раньше, чем начнутся мирные переговоры в Фокшанах. Панин говорил, что нужно «утвердить скорее независимость татар, дабы сие дело прежде мира всеми и самими турками почтено было оконченным и таким, которое уже поправить не можно»¹.

Однако у крымского правительства обнаружилось противоположное стремление. Боясь турецких репрессий в случае, если Россия не добьется своих целей на мирном конгрессе, оно старалось как можно дольше затянуть подписание договора с Россией. Из Константинополя крымская знать получала сообщения, что турецкий султан готов скорее отдать самую столицу Оттоманской империи, чем отказаться от Крыма. Такие известия не могли не влиять на настроение татар.

Оттяжки и проволочки начались с момента прибытия Щербинина в Перекоп. Под предлогом необходимости подготовить русскому послу торжественную встречу крымский хан Сахиб-Гирей (сменивший Селим-Гирея) просил его помедлить с въездом в Бахчисарай. Возражать было невозможно: при неустановившихся политических отношениях России и Крымского ханства внешний церемониал приобретал особенно важное значение. Щербинин с большим раздражением сообщал в Петербург, что путь его до Бахчисарая продолжался одиннадцать дней.

По прибытии в столицу Крымского ханства Щербинин прежде всего должен был вручить хану грамоту императрицы Екатерины II, провозглашавшую независимость Крыма. Он разработал церемониал вручения этой грамоты и представил его хану в письменной форме. Хан должен был выступить на 9 шагов со своего места, принять грамоту стоя и поцеловать ее. Кроме грамот, он должен был принять в дар от русского правительства перо и саблю.

Хан возражал, говоря, что желает принять грамоту сидя; он отказывался принять перо и саблю, ссылаясь на то, что эти дары всегда были знаками подчинения Порте.

Щербинин не стал настаивать на принятии даров, но потребовал, чтобы хан принял грамоту стоя. Уступчивость в церемониале, писал он, «подаст им (татарам.—Е. Д.) повод и при заключении трактатных пунктов делать затруднения»². 4 июля состоялась торжественная аудиенция, на которой хан принял стоя грамоту Екатерины II.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 115.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1723, 1772 г., л. 7.

¹ «Архив кн. Воронцова», кн. 26, стр. 87.

² АГС, т. 1, ч. 1, стр. 98.

³ Там же, стр. 107. В XVIII в. ногаев часто называли «татарами» или «ногайскими татарами» в смысле их политической принадлежности к государству татар.

⁴ Там же, стр. 97.

⁵ Там же, стр. 125.

Только 11 июля началось обсуждение русского проекта договора о союзе и дружбе. Крымские ханы объявлялись носителями верховной власти в Крыму. Россия обещала защищать татар в случае нападения на них Турции, татары же для облегчения этой задачи должны были просить русскую императрицу принять от них в собственное владение Керчь и Еникале. В Крыму должен был находиться русский резидент. Обе стороны призваны были заботиться об укреплении взаимных торговых связей. Христианам в Крыму обеспечивалось свободное отправление религиозного культа¹.

Наибольшие возражения встретил пункт, касавшийся уступки крепостей. Татары не только не намерены были просить Екатерину II принять от них Керчь и Еникале, но желали получить обратно из рук России завоеванные ею татарские крепости (Керчь и др.), а заодно и турецкие (Еникале и др.)².

Щербинин решил попытаться непосредственно воздействовать на хана. Отправившись к нему «под видом визиты», он стал доказывать ему, что только союз с Россией сделает его «самовластным владетелем»³, тогда как Порты в любой момент может его сместить. Но, встречаясь с Сахиб-Гиреем, Щербинин убедился, что роль и влияние крымского хана совершенно ничтожны и вся власть фактически находится в руках дворянской верхушки. «Сам хан весь в руках у здешних правителей — стариков», — писал Щербинин⁴. Сахиб-Гирей откровенно заявил Щербинину, что «без всякого ограничения есть в подданных его власти — терпеть или не терпеть его над собою ханом»⁵. В словах этих отразился веками практиковавшийся порядок, по которому четыре влиятельных дворянских рода (именно их хан подразумевал под «подданными») фактически сажали и смещали ханов.

Дворянство и духовенство, тесно связанные с Турцией, — вот те силы, с которыми предстояло иметь дело Щербинину. Эти группы вовсе не прельщались перспективой «независимости». Пребывание в Крыму русских войск внушало им опасения, что независимость Крыма может превратиться в прямую зависимость от России. Но они предпочитали зависеть скорее от Порты, чем от России. Щербинин проник в причины такого выбора: татары, писал он, заинтересованы в «добыче, состоящей в христианских невольниках, в чем самый первейший их промысел и лучший торг состоит». Если ханство останется турецким вассалом, «то этот промысел всегда будет в их руках; в непосредственном

же с христианской империей союзе ласкать себя тем уже не могут»¹.

Щербинин решил опереться на ногаев, которые, по его наблюдениям, «в верности своей России» оставались «твердыми». Его вывод совпадал с мнением о ногаях крымских татар, которые в секретных письмах, посылаемых в Константинополь, доносили: «Издравле ногайские народы как Порте, так и нам изменниками были»².

Ногаи охотно откликнулись на все предложения Щербинина. Они составили заявления, в которых напоминали крымским татарам, что только по желанию России они поддержали кандидатуру Сахиб-Гирея, выбранного ханом без их участия; они грозили избрать себе особую власть, если «крымский хан и правительство» будут «поползновенны к Порте». Угроза потерять столь многочисленных и выгодных подданных не могла не обеспокоить крымскую верхушку. Наконец, ногаи обратились к Щербинину с официальным ходатайством об оставлении за Россией крымских крепостей, ссылаясь на то, что, находясь на кубанской стороне, открытой с моря, они не могут собственными силами оградить свою независимость от Порты³.

22 июля состоялось новое обсуждение русских предложений представителями крымской знати. На совещании присутствовали и депутаты от ногаев, снабженные официальными полномочиями.

Щербинин в соответствии с полученным им рескриптом от 13 июня⁴ несколько изменил формулировку пункта 7-го проектируемого договора: татары не просят о принятии крепостей, а крепости «содержаны будут»⁵ русским правительством. Но и эта поправка встретила возражения крымского дивана. В то же время татары заявляли, что своими силами они не смогут вести войну в случае нападения на них единоверных турок: мусульманский закон позволяет это только в том случае, если турки жгут их дома и физически их уничтожают.

Итак, новое совещание тоже не привело к заключению договора с Крымским ханством. Не только к началу Фокшанского мирного конгресса, который вскоре же открылся, но и в момент его роспуска Щербинину, несмотря на все усилия, не удалось сломить противодействие крымской знати. Только 1 ноября 1772 г. при активной поддержке со стороны ногаев договор о союзе России с Крымом был подписан.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1727, лл. 140—144.

² Там же, л. 102.

³ Там же, д. 76.

⁴ Там же, д. 1723, л. 18.

⁵ Там же, д. 1709, л. 76.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1709, л. 76.

² Там же, лл. 9, 14.

³ Там же, лл. 50—52.

⁴ Полный текст рескрипта имеется в д. 1709, л. 56.

⁵ Там же, л. 78 об.

* * *

27 июля 1772 г., в 9 час. утра, состоялось открытие Фокшанского мирного конгресса. Оно происходило по заранее установленному порядку, записанному в особом «Плане», который составили совместно послы обеих сторон. «Оба посольства вошли в залу равными шагами»¹ и, поклонившись друг другу, сели на приготовленные по обе стороны «канапе». Приветственную речь от имени русского правительства произнес по-русски Григорий Орлов. Затем был оглашен турецкий перевод этой речи. Ответную речь на турецком языке произнес Осман, а так как у турок русского переводчика не оказалось, то переводчик турецкого посольства, грек Яковаки Ризо, перевел эту речь на итальянский язык. После этого посольские свиты покинули зал, и в нем остались только послы, переводчики и секретари.

На первой конференции, продолжавшейся всего два часа, обсуждение мирных условий не было начато. В этот день были взаимно предъявлены полномочия, подписано соглашение об отмене излишних церемоний и продлен срок перемирия. Было окончательно признано, что претензии иностранных министров на посредничество в переговорах несостоятельны.

Вопрос о сроке перемирия обсуждался в Петербурге еще до съезда послов в Фокшанах. Группировка, представленная императрицей и братьями Орловыми, в связи с ее воинственными планами, считала, что для России самое главное — не связывать себе руки, и поэтому перемирие следует «повременно протягивать»², не соглашаясь сразу на большие сроки. Румянцев был другого мнения. Он знал, что июль, август и сентябрь — это месяцы, когда турецкие войска находятся в наиболее выгодном положении. Позднее начинается «великой побег»³: турецкие войска, которые не располагаются, подобно русским, на зимние квартиры, разбегаются по домам. И флот турецкий, говорил Румянцев, уйдет из Черного моря в Константинополь лишь перед наступлением осенней непогоды. Поэтому он считал, что до октября ни в коем случае не следует возобновлять военных действий. Это мнение разделял также Обресков. Он просил Панина в письме от 14 июня «взапас пораспустить руки наши в деле продолжения перемирия»⁴. Однако, поскольку новых распоряжений не последовало, русские послы заключили перемирие до 10 сентября. Таким образом, война могла возобновиться в удобный для Турции период — в сентябре. Впрочем, Порты явно старалась продлить перемирие до следующей летней кампании, так как сама была в затруднительном положении.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1678, 1772 г., л. 80.

² Там же, д. 1701.

³ Чтения ОИДР, 1865, кн. II, отд. II, стр. 181.

⁴ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1686, 1772 г., л. 7.

Григорий Орлов не хотел, чтобы отсрочка перемирия распространилась на флот. Представленная им группировка считала, что русские эскадры, находившиеся в Архипелаге под командованием Алексея Орлова, предназначены для нанесения удара в самое сердце Оттоманской империи. Поглощенные этой идеей, Орловы, так же как и императрица, не в состоянии были трезво взвесить всю сложность международной обстановки. Обресков, который был реальным политиком, боролся против подобных увлечений. «Когда мы строили перемирие по 10 сентября, — писал он впоследствии, — то тут у меня была великая борьба с побочным министром в том, что он хотел и настоял неотменно, чтоб в тех краях (Архипелаге. — Е. Д.) перемирие места не имело; резоны его были основаны на пауковых тенетах (т. е. были зыбки, неосновательны. — Е. Д.), однако же я инаково его преклонить на мои мысли не мог, как предъявлением, что в наблюдении повсюду перемирия два почтенные в Европе двора интересованы и что высочайший наш двор возлагаемую их доверенность оболгает не похочет...»¹.

Вторая конференция состоялась 30 июля. Согласно инструкции, Орлов должен был предложить, чтобы в основу обсуждения мирных условий был положен принцип *uti possidetis*, т. е. право каждой стороны на те земли, которые были ею завоеваны. Однако Орлов поступил иначе. Рассудив, что турецкому правительству уже известно намерение России отказаться от некоторых занятых территорий, и желая ускорить дело, он начал прямо с предъявления туркам «Оснований, на коих мир построен быть может»². Это были известные три пункта, выработанные еще в декабре 1770 г., внесенные затем в инструкцию Алексею Орлову и повторенные в инструкции Григорию Орлову и А. М. Обрескову. Впрочем, Орлов представил их в несколько измененной редакции. В пункте втором, в результате дополнения нескольких слов, сильнее подчеркивалась виновность Турции в возникновении войны; пункт третий был выражен многословно и неясно, причем слово «торговля» в нем даже не упоминалось. Вот каковы были эти пункты в их новом виде:

«1. Отнять все способы, раздор и неудовольствие производящие между двух империй, и сделать мир на всегдашнее время прочным.

2. Получить удовлетворение за приключенные России убытки, ибо она противу воли своей введена в войну, ныне настоящую.

3. Чтобы связать узлом взаимных интересов подданных, дабы тем более каждой собственным своим интересом побужден

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1724, л. 24.

² Там же, д. 1678, 1772 г., л. 111 (Реляции послов на Фокшанском конгрессе Г. Г. Орлова и А. М. Обрескова Екатерине II).

был стараться о сохранении тишины и благоденствия двух империй, и чтоб сим способом уничтожить все попытки, могущие иногда произойти от внушений по разным стечениям обстоятельств людей, обеим империям недоброжелающих»¹.

Турецкому правительству были известны эти «Основания мира» в несколько иной редакции. В связи с этим по третьему пункту возникло некоторое недоразумение, обнаружившее стремление турецких дипломатов как можно дольше затянуть переговоры. Сославшись на то, что в третьем пункте якобы имеется в виду заключение военного союза, и вспомнив, что Петр I воевал в свое время с Персией, Осман повел речь о том, что «в случае атаки...», но в этом месте Орлов прервал переводчика, сказав, что только о мирных делах уместно сейчас говорить и что «связать узлом взаимных интересов» подданных двух стран может только торговля. Турецкие послы попросили, чтобы «Основания мира» были представлены им в письменной форме для изучения. Таким образом, обсуждение этих пунктов было отложено до следующей конференции.

На третьей конференции, состоявшейся 1 августа, Обресков задал вопрос турецким послам, понятны ли им русские «Основания мира» и согласны ли они с этими основаниями. Турецкие послы отвечали, что они «новы еще и не зная в подобных переговорах; что при настоящей нет и медиаторов и будто те пункты походят на прелиминарии»².

Предъявленные пункты не были прелиминарными условиями. Это были принципы, на которых должен был строиться мирный договор. Но принципы, предлагаемые с русской стороны, естественно, должны были обеспечить выгоды России. Орлов разъяснил турецким дипломатам «существо прелиминариев» и сказал, что врученные им пункты таковыми не являются, а представляют собой только «фундамент» возводимого здания.

«Потом турецкие послы поминутно переменили мысли и изъяснения свои по сему вопросу, то соглашаясь на предложенные пункты, то требуя дальнейших по оным объяснений», — говорится в протоколе.

Осман признал, что эти пункты уже давно были известны султану через Цегелина и что султан с ними согласился. Но, сказал он, «то изъяснение (сделанное Цегелином. — Е. Д.) разнится с учиненным от послов в их пунктах»³. В чем именно «разнится», он затруднялся сказать.

Не возражая ничего по существу русского «фундамента» и не предлагая со своей стороны никакого другого, Осман сказал, что он опасается, «чтоб прежде сооружения того здания на

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1678, 1772 г., л. 111.

² Там же, л. 113.

³ Там же, л. 114. Курсив мой. — Е. Д.

том фундаменте не погибнуть»¹. Его беспокоил, в частности, пункт о возмещении военных убытков. Но когда Орлов объяснил, что «количество» возмещения еще пока не установлено и «будет впредь изъяснено», то Осман поразительно легко удовлетворился этим объяснением, очевидно, считая, что споры о сумме позволят затянуть переговоры на желательный для Турции срок. После этого турецкие послы согласились на врученные им пункты «и просили о вступлении в дальнейшее по оным раздробление дел».

Повторив содержание первого пункта «Оснований», Орлов предложил первое условие мирного договора: признание татар независимым народом. «Понеже история и испытания всех времян доказывают ясно, что главнейшею притчиною раздоров и кровопролития между обеими империями были татары, то для истребления той притчины для передо надлежит признать сии народы независимыми»².

Предложив это условие, Орлов во второй раз отступил от правительственной инструкции, которая предписывала не начинать обсуждения мирных условий с вопроса о Крыме. Это отступление лишало русских послов резерва, за счет которого можно было в случае необходимости сделать частичные уступки при обсуждении крымского вопроса. С другой стороны, несогласие по основному вопросу легко могло повлечь за собой разрыв переговоров. Но это обстоятельство мало беспокоило Орлова.

Требование независимости Крыма не было неожиданным для турецких послов, и они готовы были выступить по этому вопросу. В протоколе третьей конференции было записано: «Турецкие послы, приняв с спокойными лицами сие предложение, возражали, что надобно прежде доказать, татары ли были притчиною сей войны; что, правда, пред сим народы сии были беспокойны, но нынешний султан содержал их в тишине; что они беспорядками своими походят на гайдамаков и что впредь будут они строгае наказываны и содержаны в повиновении»³.

Теперь к обсуждению вопроса присоединился Обресков. Располагая богатым фактическим материалом, он напомнил турецким послам, «что татары и во время прошедшего мира много обид, убытков и раздоров причиняли, и есть ли из того не последовало действительной остыды между обеими империями», то это следует отнести на счет миролюбия русского двора⁴.

Орлов снова вступил в дискуссию. «По покорении татар оружием е. и. в., — заявил он. — зависело от сильной ее руки искоренить их, как всегдашних врагов ее империи, или присвоить их себе

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1678, 1772 г., л. 113.

² Там же, л. 114.

³ Там же, л. 115.

⁴ Там же.

по праву завоевания». Но русская императрица «по просьбе их даровала им вольность и независимость»¹.

В изучаемое время «право завоевания» рассматривалось как высшее право в международных отношениях, и аргумент Орлова не мог не произвести впечатления на турок. Обресков, чтобы усилить эту реакцию, «прибавил, что и турецкий султан не имел над ними (татарами. — *Е. Д.*) права завоевания: сами ему подались, сами и отвергаются»².

Перед натиском русских послов Осман не нашел ничего лучшего, как выразить надежду, что русская императрица, «сравнивая татарина с султаном, не предпочтет благополучие одного правам другого». На это заявление, довольно странное в устах дипломата, Орлов «ответствовал с улыбкою, что е. и. в., конечно, не учинила такого сравнения»³.

Не находя новых доводов и, очевидно, желая посоветоваться с Тугутом, Осман попросил прекратить конференцию, сославшись на свое нездоровье.

Итак, переговоры сосредоточились вокруг вопроса о татарах: являлись ли они виновниками русско-турецкой войны, причиной постоянных нарушений южнорусской границы? Сспособен ли турецкий султан «обуздать» татар и обеспечить мирные отношения с Россией?

В речах, произнесенных на конференции, вскрывалось действительное положение на юге России: необеспеченность южнорусских границ. Но спорившие стороны знали, что вопрос стоял шире: шла борьба за важнейшую стратегическую позицию — Крымский полуостров, которую Турция ни за что не хотела выпускать из рук.

В последующие дни Осман продолжал жаловаться на нездоровье, и четвертая конференция долго не могла собраться. Однако в форме частных бесед и полуофициальных встреч обсуждение русского предложения продолжалось. Так, по приглашению турецкого посла, Орлов 4 августа «зашел навестить одного Османа, политической немощию одержимого»⁴. Осман держал себя теперь не так пассивно, как на предыдущих конференциях. Он выступил с новой аргументацией в пользу сохранения духовной зависимости татар от турецкого султана. 4 августа между Османом и Орловым произошел следующий разговор, который Петерсон подробно воспроизвел в лицах.

Осман начал издали, поставив философский вопрос о значении для народов их законов (он имел в виду религиозные

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1678, 1772 г., л. 115.

² Там же, л. 116.

³ Там же.

⁴ Выражение Х. Петерсона. — Там же, д. 1715, л. 27.

законы). В качестве иллюстрации своего положения, что даже государи не могут нарушать законы (религии), он напомнил «приключившееся государю Петру III за то, что обвиняли его преступлением в кальвинской вере»¹.

«Я не учен в богословии, — возразил Орлов, — а когда эфендий утверждает на книгах своего закона, потому и мне с ним без Евангелия обойтись нельзя. Вследствие чего, если мир по закону и преданиям веры заключен быть имеет, то должно было обоим дворам к постановлению одного определить богословов». И Орлов перевел вопрос на практическую почву, заявив, что государыня перед всем светом обещала вольность татарским народам и должна свое слово сдержать².

Осман снова попытался оперировать отвлеченными рассуждениями, заявив, что «слово государя дозволяющего» меньше значит, чем «слово божье возбраняющее». Орлов отпарировал это тем, что «в слове государевом существительно объявляется воля божия», и прекратил этот спор, заявив, что обсуждение других мирных предложений может начаться только «по совершенном сей первой статьи окончании»³.

Осман вдруг заговорил совершенно другим тоном: «Сжалеться, ваше сиятельство, надо мною. Я был под штрафом почти целые 26 месяцев за то, что о удержании взаимного между двумя империями согласия следовал наставлениям друга нашего г. Обрескова. Спросите, ваше сиятельство, Пиния⁴, сколько употребил я старательства к воспрепятствованию войны. А если бы теперь, чего боже избавь, пришлось возвратиться без успеху, то лучше ехать в Англию или Швецию».

«Нет, лучше в Петербург, — добродушно заметил Орлов, — и поехали бы вместе»⁵.

На этом и кончилось обсуждение татарского вопроса, показавшее, что Осман был связан в своих действиях твердым решением Порты отстаивать духовную зависимость Крымского ханства на основании религиозного «закона». Духовная власть нужна была туркам в качестве средства для политического подчинения Крыма, а тем самым для сохранения Крыма в качестве стратегического плацдарма. Осман надеялся на возможность уступки со стороны России в этом вопросе. Эти надежды старательно подогревал Тугут. 6 августа Обресков писал Панину, что Тугут «едва ли до сих пор и не поощряет турок в неподатливости. Может быть, он делает это в ожидании разрешения

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1715, 1772 г., л. 27.

² Там же.

³ Там же, л. 28.

⁴ Пиний был советником русского посольства в Константинополе и теперь присутствовал на конгрессе в той же должности.

⁵ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1715, 1772 г., л. 28.

польских дел. Но, как бы то ни было, переводчик его ежедневно, а иногда и сам он бывает у турецких министров и долго у них сидит, нам ничего не сообщает, а если что и говорит, то больше в подкрепление турецкого упрямства в татарском деле»¹.

Заявление Орлова о том, что обсуждение других мирных условий может начаться только после решения вопроса о Крыме, соответствовало принятой им общей линии поведения. На турецкого посла это заявление произвело сильное впечатление. 8 августа, во время «особливой» или «частной» конференции, происходившей у Орлова (на которой не присутствовал Яссини-заде), Осман заявил:

«Того, что я говорить буду, нет в моих инструкциях», — и он внес следующее предложение: «султан, соглашаясь на свободу татарскую, сохраняет право апробовать, или, лучше сказать, признавать избрание каждого нового хана, без власти препятствовать его избранию, и не свергать его, когда он единожды избран»².

Обресков возражал, что «апробация, соглашение, признание, каким образом ни захотим назвать, претит совершенной независимости без изъятия...»³

Конечно, сохранение за султаном такого права могло быть использовано для восстановления политической власти Порты над Крымом. В этом смысле интересен один из разговоров Османа с переводчиком прусского посланника Цегелина. По словам последнего, Осман в порыве откровенности сказал переводчику, что «салтан, его государь, всегда, когда хочет, возможет вдруг трем или четырем татарским салтанам, ему подвластным, дать на ханство благословение или посвящение и тем воспричинствовать в Крыму междуусобия, брани и беспокойства»⁴.

Тем не менее Обресков считал, что заявление Османа следует представить в Петербург, чтобы избежать преждевременного прекращения конгресса. Однако Орлов с ним не согласился. Обресков так писал об этом Панину: «Я два раза преклонил было настоящего моего товарища, в усмотрение с противной стороны непреодолимой упорности, принять сие дело на всеподданнейшее доношение, а между тем о протчих артикулах трактовать; но тот оба раза воспрепятствовал...»⁵

12 августа состоялась четвертая конференция, которая не дала ничего нового. Турецкие уполномоченные продолжали ссылаться на религиозный закон, который будто бы не допускает существова-

ния Крымского ханства в качестве независимого в религиозном отношении государства. Напрасно Обресков указывал, что преемников пророка, халифов, «в одно время царствовало три: один в Вавилоне, другой в Дамаске, а третий в Египте»¹. Турки не уступали и, наконец, заявили, что они вытрясли из мешка все, что в нем было, и им осталось только покинуть конгресс.

Сомневаясь в серьезности этого заявления, Обресков ответил просьбой к турецким послам сообщить о необходимом им количестве подвод и не стал разубеждать Османа, когда тот принял устроенное затем угощение за «отпускное подчивание». Вскоре после этого Обресков предложил Румянцеву начать приготовления к отъезду турецких послов и просил его повсюду разглашать об этом, чтобы узнать, «не вытрясут ли тогда из мешка, ежели в нем что осталось»².

Опасность разрыва переговоров между Россией и Турцией была неодинаково воспринята Тугутом и Цегелином; Тугут знал, что Австрия в случае выгодного для Турции мира должна была приобрести от Порты вознаграждение в виде новых территорий, а пока длилась война — получала от нее субсидии. Пруссия, напротив, должна была платить субсидии России до самого окончания войны. Фридрих II был убежден, что новая военная кампания может принести новые победы России, и желал освободиться от уплаты субсидий; поэтому он добивался скорейшего прекращения русско-турецкой войны, а прусский посланник Цегелин внимательно следил, чтобы Тугут, действуя в сторону ограничения русских требований, не завел дела слишком далеко и чтобы война не возобновилась. Цегелин нередко сообщал русским послам о связи Тугута с турками.

15 августа Цегелин отправился к турецким послам, чтобы убедить их продолжать мирные переговоры. Произошла беседа (все о том же крымском вопросе), во время которой Осман эфенди проявил дальновидность, сказав, что татары не смогут оставаться долго независимым государством: став самостоятельными, они начнут «делать глупости», Россия введет в Крым войска, татары обратятся к Порте..., но дальше предвидение изменяло Осману, так как, по его мнению, неизбежным результатом такого положения было бы возвращение Крымского ханства в состав Оттоманской империи³. Свидание с Цегелином не изменило позиции турецких послов.

Если Обресков стремился предотвратить разрыв мирных переговоров, то Орлов, напротив, вел дело к быстрой развязке. С этой целью он составил по вопросу о Крыме ультиматум,

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1701, л. 29.

² Там же, л. 34.

³ Там же, д. 1686, л. 43.

¹ Цит. по книге С. М. Соловьева «История Россия...», кн. VI, т. 28, стр. 834. См. также указ. соч. В. А. Уляницкого, стр. 393—394.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1685, 1772 г., л. 50.

³ Там же, д. 1715, лл. 43, 44.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 1686, л. 107 об. Курсив мой. — Е. Д.

который 17 августа был передан Тугуту и Цегелину для сообщения Осману. Обресков был против такого шага¹.

На поведение Григория Орлова влияли теперь не только его общее отношение к перемирию, как к передышке, но и сугубо личные мотивы: «случай» его миновался, по выражению современников. Екатерина отдавала теперь предпочтение новому фавориту — Васильчикову, и Григорий Орлов, узнав об этом, спешил в Петербург в надежде, что ему еще удастся вернуть прежнее расположение императрицы.

После ультиматума неудача Фокшанского конгресса стала непреложным фактом: Орлов и Обресков сообщили об этом в Петербург уже на следующий день².

22 августа турецкие послы были официально отозваны великим визирем. Орлов, не дожидаясь их отъезда, 23 августа первый покинул Фокшаны. Остался Обресков, который занялся отправкой турецких послов и иностранных министров, стараясь по возможности удержать их в расположении русских войск до конца перемирия. Переписываясь с Румянцевым относительно организации их отъезда, Обресков предупреждал, что ввиду неудачи переговоров свита турецких послов «будет посвоевольнее» в отношении местных жителей-христиан и что следует принять меры «для лучшего сих последних предохранения, да и самих жителей от озорничания»³. 28 августа турецкие послы покинули Фокшаны.

В момент разрыва мирных переговоров в Петербург поступили тревожные вести о государственном перевороте шведского короля Густава III, таившем в себе опасность реваншистской войны Швеции против России. Осложнялось положение и в Польше. Вопреки ожиданиям, ставленник России Станислав-Август оказал сопротивление разделу Речи Посполитой. Он отказался созвать сенат, а без этого не могли быть назначены выборы в сейм, который должен был санкционировать раздел. Было ясно, что польский король не решился бы на подобного рода действия, если бы не имел основания рассчитывать на иностранную, а именно французскую, поддержку.

Внутренняя обстановка в стране становилась также все более напряженной. Едва улеглись волнения в Москве, как обнаружили новые осложнения, преимущественно в южной России. Оренбургский генерал-губернатор в январе 1772 г. сообщал о восстании яицких казаков, которые убили войскового атамана генерал-майора Траубенберга и посадили под стражу капитана гвардии Дурново. Обсудив эти события, Совет решил, что, «не имея теперь довольного числа в той стороне регулярных

войск», следует держаться в отношении казаков осторожной линии⁴. Через десять дней поступили сведения, что и на Дону неспокойно, что там происходят «волнования и неудовольствия Донского войска по случаю рассеиваемых атаманом Ефремовым противных мыслей»⁵. Правительство приняло меры, чтобы волнения на Яике и на Дону не перекинулись в другие места; однако уже в июне 1772 г. на Волге обнаружили «яицких главных возмутителей Кирпичникова и других». А в июле поступили сведения о поимке одного казака, «возмущавшего [народ] в Царицыне»⁶.

В октябре 1772 г. движение на Дону усилилось. Донские казаки укрепили Черкасск, готовясь к открытым боям с правительственными войсками⁷. Посылка на юг двух пехотных полков не могла остановить роста крестьянского движения. В течение всего 1772 г. то и дело вспыхивали волнения, которые обнаруживали тенденцию к слиянию в единый мощный поток.

Все эти события международного и внутреннего порядка заставили императрицу на время забыть о проекте похода на Константинополь. В Фокшаны было послано предписание всеми силами избегать разрыва с Турцией. В случае затыжки войны, утверждалось в одном из рескриптов, «дела империи будут находиться в самом важном и нежном (т. е. рискованном, опасном. — Е. Д.) кризисе, какого со времен имп. Петра I для России не настояло»⁸.

Так действительность опрокинула горделивые планы воинственной группировки, охладив ее необоснованный оптимизм; в то же время были доказаны на практике правота и трезвость расчетов Панина, Румянцева, Обрескова, умевших всесторонне учитывать сложившуюся обстановку.

Запоздалые инструкции уже не могли поправить дела: переговоры прервались, и послы разъехались в разные стороны. Оставалось хлопотать о продлении перемирия и об открытии нового мирного конгресса.

Выясняя причины неудачи, постигшей русское посольство в Фокшанах, необходимо различать существо и форму происшедшего разрыва переговоров. Основная причина коренилась в позиции, занятой Турцией и поддерживавшими ее державами. Поведение Орлова только ускорило неизбежный в то время разрыв и помешало обсуждению русского проекта мирного договора в целом.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 432.

² Там же, стр. 433.

³ Там же, стр. 435.

⁴ Там же, стр. 436.

⁵ Цит. по В. А. Уляницкому. Указ. соч., стр. 406.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1686, 1772 г., л. 107.

² Там же, л. 61 (Донесение от 18 августа).

³ Там же, д. 1700, л. 36.

Уже отмечалось, что Тугут склонял турецких послов к «неподатливости», возбуждая в них надежду на австрийскую поддержку. Обязательства венского двора, вытекавшие из соглашения о разделе Речи Посполитой, не оказали никакого влияния на ход Фокшанского конгресса: конвенция о разделе Польши была подписана в Петербурге только 25 июля, и до этого дня венский двор, используя чисто формальный момент, уклонялся от поддержки мирных предложений России. Только 28 августа, через час после отъезда турецких послов из Фокшан, Тугут получил предписание своего правительства поддержать русский ультиматум. «Спустя лето — в лес по малину»¹, — писал огорченный Обресков. Тем не менее русский посол потребовал, чтобы по дороге Тугут сделал соответствующее заявление Осману. Это было важно, чтобы в дальнейшем отнять у Порты надежды на австрийское содействие. Тугут сделал такое заявление в Рымнике в присутствии Цегелина.

Исход Фокшанского конгресса не удовлетворил и турецких послов, которые ожидали, что Россия под давлением иностранной дипломатии пойдет на уступки по важнейшим спорным вопросам. Осман не скрывал своего раздражения против Тугута и Цегелина. Перед отъездом из Фокшан он вызвал к себе пристава Цегелина и велел передать обоим иностранным послам (которые должны были выехать несколько позже), что по переезде их через Дунай он не ручается за их безопасность. «Сей комплимент втер им обоим немалую в лице краску»², — замечает по этому поводу Обресков.

Неудача Фокшанского конгресса вызвала радость в правительственных кругах Австрии и Франции. Затруднения, которые испытывало русское правительство вследствие шведского переворота и осложнений в Польше, подавали надежду, что Россия не одержит больше крупных побед и обе стороны станут взаимно истощать друг друга в затягивающейся войне. Нерешенность крымского вопроса обязывала Порту продолжать уплату субсидий в пользу Австрии. Венский двор щедро награждал своего посла Тугута, присвоив ему баронское звание³.

Неудача Фокшанского конгресса напомнила русским дипломатам, что борьба ведется не только с Турцией, но и с международной дипломатией. Исход переговоров пролил свет на позицию Австрии, которая и после соглашения с Россией продолжала побуждать Турцию к сопротивлению русским требованиям.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1701, 1772 г., л. 49.

² Там же, л. 50.

³ «Allgemeine deutsche Biographie», т. 38, статья «Thugut».

Глава VI

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В БУХАРЕСТЕ

ПЕРВЫЙ ЭТАП

(с 29 октября по 9 декабря 1772 г.)

Осенью 1772 г. международное положение России продолжало осложняться. Выражая тревогу по поводу агрессивной позиции Швеции, Екатерина писала Обрескову: «весьма сумнительные и опасные аспекты от сего соседа, обуздываемые по сию пору вероятностью скорого у нас мира с Портою, получают вящее себе приращение, а может быть возмогут уже подвинуть молодого короля и на действительные неприятельства, когда он узнает, что с разрывом конгресса кончилась бесповоротно мирная негостия и всякая к миру надежда, по крайней мере на будущий год...» События в Швеции не могли не повлиять и на позицию Турции. «Если не ускорить мир, война с Портою вновь возгорится, вопреки истинным склонностям обеих держав, может быть с большим жаром и усилием, нежели до сего было»¹.

Надежды русского правительства на урегулирование польских дел не вполне оправдались. В цитированном уже документе на имя Обрескова Екатерина писала: «Хотя соглашение наше с венским и берлинским дворами о разделе некоторых польских земель вследствие конвенции на сих днях и исполнилось..., однако же доколе война наша с Портою продолжится, ...до тех пор нельзя наверное полагать, чтоб раздел Польши, а наипаче внутренние ее беспокойства не могли еще опять сделаться виною новых недоразумений, новых забот и новых хлопот»².

Связанная турецкими делами, Россия с трудом могла оказывать противодействие Австрии, которая добивалась передачи ей всей польской территории до реки Збруч. Влиятельная часть австрийских дипломатов заходила в своих проектах еще дальше: так, Кауниц хотел воспользоваться начавшимся противодействием поляков, чтобы применить в отношении Польши более

¹ Цит. по В. А. Уляницкому. Указ. соч., стр. 406.

² Там же, стр. 407.

суровые меры и довершить раздел. Он даже составил проект общей декларации трех держав, в котором говорилось, что до сих пор Россия, Австрия и Пруссия не желали осуществлять всех своих прав в отношении Польши. Если же Польша до 1 марта 1773 г. не удовлетворит предъявленных ей требований, то державы предъявят свои претензии «на все остальные польские провинции...»¹

Так же агрессивно относился к сопротивлению поляков и Фридрих II, который писал прусскому представителю в Польше Бенуа, что «худшее, к чему это может привести, — это необходимость пойти на новый раздел и соответственно увеличить долю каждого»². Но русское правительство настаивало, чтобы оставшаяся часть Польши сохранилась как особое государство. Россия не хотела дать Пруссии Гданьск, так же как не хотела увеличивать доли Австрии за счет Львова и других польских земель; эту линию она проводила очень твердо. 3 декабря 1772 г. союзниками был подписан акт, предложенный русским правительством и устанавливавший, что польский сейм должен быть созван не позже 1 марта 1773 г. В этом документе не нашла своего отражения угроза, содержащаяся в проекте Кауница. Австрии пришлось согласиться, и 20 января (н. с.) 1773 г. русский акт был обменен на подобный же акт австрийский³. В связи с этой акцией Иосиф II в «Памятной записке» от 21 февраля изложил свою точку зрения на польский раздел и русско-турецкие мирные переговоры. Иосиф считал, что переговоры следует затягивать как можно дольше, так как такая политика будет поддерживать состояние неизвестности и Россия будет уступчивее в польском вопросе. С другой стороны, Фридрих II будет ежегодно уплачивать субсидии России, что ухудшит состояние его финансов⁴.

В отношении России Австрия продолжала вести двойную игру: в официальных депешах на имя Тугута Кауниц в сильнейших выражениях предписывал ему склонять Турцию к миру. В то же время в секретных депешах он объяснял, что к этим советам не следует относиться серьезно: они необходимы, так как Австрия зависит от России и должна показывать ей свое доброжелательство. Вместе с тем они полезны: в Петербурге будут думать, что упорство Турции настолько велико, что ее не могут склонить к миру даже самые убедительные представления Австрии⁵.

Что касается Фридриха II, то все его внимание было поглощено вопросом о Гданьске. 16 сентября (н. с.) 1772 г. прусскими

¹ Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 35.

² A. Sogel. Указ. соч., стр. 245—246 (письмо Фридриха II от 4 ноября (н. с.) 1772 г.).

³ Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 35—39.

⁴ А. Веер. Указ. соч., т. II, стр. 255.

⁵ Там же (из секретного указания Тугуту от 23 февраля (н. с.) 1773 г.).

войсками были заняты (заодно с польской территорией, отходившей к Пруссии по разделу) также и строения, примыкавшие к новому фарватеру гавани Гданьска. Солдаты, охранявшие склады и шлюзы при входе в гавань, были прогнаны. Был занят также остров, расположенный между старой и новой гаванями, и на нем было воздвигнуто два немецких укрепления с 8 орудиями. При фарватере была учреждена таможня, и, таким образом, пошлина, взимаемая в городе с проходивших судов, стала взиматься вторично на подступах к городу. Прусские войска заняли таможенные посты, окружавшие Гданьск, и сборы, взимаемые с провозимых товаров, были немедленно повышены¹. Так, не имея права на формальное присоединение Гданьска, Фридрих II фактически поставил его в зависимость от Пруссии.

Жители Гданьска протестовали против этих произвольных действий прусского короля. Они обращались за помощью к Англии, России и другим державам. Интересы английского купечества, которое вело большую торговлю через Гданьск, сильно страдали от установленных стеснений. Русское правительство также не могло не относиться к ним отрицательно: усиление прусских позиций в Польше противоречило интересам России. Тем не менее в обстановке турецкой войны царское правительство не решалось идти на открытый конфликт с Пруссией и предпочитало «мирить» жителей Гданьска с Фридрихом II².

В политике Франции с середины 1772 г. прежняя явная враждебность уступила место более дружественному тону. Французский поверенный в делах Дюран, направленный в Петербург летом 1772 г. на смену Сабатье де Кабру, представил верительную грамоту, в которой версальский двор, отказавшись от своих прежних возражений, представил полный императорский титул Екатерины II. Д'Эгильон, назначенный министром иностранных дел в 1771 г., в разговоре с русским поверенным в делах в Париже Хотинским заявил: «Я открою вам одному, что попытаюсь сделать первый шаг к сближению с вашим двором»³.

В России недоверчиво относились к подобным заявлениям. В них видели желание «замутить», посорить Россию с Пруссией, пользуясь их разногласиями в польском вопросе. Действительно, политика Франции не заключала в себе ничего принципиально нового: ее попытки к сближению с Россией были вызваны, с одной стороны, опасениями остаться изолированной, а с другой — стремлением выступить в роли посредника между Россией и

¹ Michael. Englands Stellung zur ersten Teilung Polens, Гамбург и Лейпциг, 1890, стр. 27.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1761, 1773 г., л. 2 (письмо Д. И. Фонвизина А. М. Обрескову).

³ Ф. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XIII, стр. 139.

Турцией. Еще в 1770 г. Панин отмечал, что французский двор «злословует» России, но не решается действовать открыто, так как «сберегает для всякого случая позадь себя путь вместиться к нам в медиацию...»¹ Ввиду затруднительного положения России в связи с неудачей Фокшанского конгресса и шведским переворотом, а также сложной обстановкой в Польше, во Франции появились надежды на то, что Россия согласится допустить иностранное посредничество в переговорах с Турцией. Обресков так писал об этом в ноябре 1773 г.: Франция «алчно желает быть каким-нибудь образом посредницею нашего примирения, в чем она, конечно, и не потеряла бы, но мы найдем ли в том наш счет, то оставляю судить более сведующим»².

Дюран трижды был у Панина, настойчиво предлагая России французское посредничество в переговорах с Турцией. Увидев тщетность этих попыток, он попытался использовать в этих целях энциклопедиста Дидро, гостившего в то время в Петербурге. По его требованию Дидро передал Екатерине II условия мира, за которые Франция соглашалась ходатайствовать перед Портой. Екатерина демонстративно сожгла представленный ей документ, но извинила поступок Дидро, который он допустил под угрозой заключения его в Бастилию³.

Выступая под видом друга, Франция в то же время зондировала почву в Англии на предмет совместных выступлений против России как в Турции, так и в Швеции. Английскому представителю в Париже Стормонту усиленно доказывали, что необходимо помешать России проникнуть в южные моря и усилить свои позиции на Балтийском море.

В феврале 1773 г. английский представитель сообщал из Парижа своему двору: «Французский двор очень опасается, что Россия заключит мир с турками и нападет на Швецию. Поэтому следует предполагать, что Франция делает все, чтобы продлить эту войну... Нет сомнения, что Франция хочет выиграть время, чтобы Швеция смогла привести свою армию и флот в такое состояние, в котором они смогут поддержать новое правление»⁴.

Англия не была заинтересована в укреплении французских позиций в Швеции и решительно воспротивилась отправке французского флота в Балтийское море на помощь Швеции. Тем не менее Англия всячески поддерживала и усиливала состояние тревоги, в котором находилась Россия в результате шведского переворота. Британское правительство держало в тайне от России свои протесты против появления французских кораблей в Бал-

¹ «Русский архив», 1878, № 12, стр. 445.

² Цит. по В. А. Ульяницкому. Указ. соч., стр. 207.

³ С. М. Соловьев. История России..., кн. VI, т. 29, стр. 966.

⁴ F. Raumer: Указ. соч., т. II, стр. 570.

тийском море и упорно отказывалось платить субсидии в пользу сторонников русской ориентации в Швеции, зная, что эти платежи важны для России¹.

В Лондоне стремились заставить русское правительство уменьшить свои притязания в отношении черноморского и средиземноморского судоходства. В то же время английской дипломатии представлялось желательным заключение мира между Россией и Турцией, так как, развязавши руки на юге, Россия могла бы решительнее противодействовать политике Пруссии в отношении Гданьска.

Нараставшая отчужденность между Россией и Англией была замечена Турцией, тем более что английский представитель в Константинополе Мэррей проявлял определенно протурецкие настроения. В одном из сообщений константинопольских «конфидентов» России от 17 октября 1772 г. говорилось: «Несомненно, что Сент-Прист (представитель Франции) и Мэррей имеют при Порте условленные и таинственные встречи, во время которых они имеют дело только с заместителем реис-эфенди Измаил-беем, фаворитом султана, беседуя посредством своих переводчиков, которые приходят туда ежедневно, не исключая и рамазана (время прекращения всех дел)»².

Английская дипломатия своим двусмысленным поведением преследовала определенную цель — уменьшить русские требования к Турции, добиться отказа от пункта о праве прохода русского флота через Дарданеллы. В инструкциях английским дипломатам указывалось, что Англия не возражает против русских претензий на берега или воды Черного моря, «за исключением прохода русских судов из этого моря в Средиземное»³.

* *

Еще до окончательного прекращения Фокшанского конгресса Обресков по собственной инициативе и в согласии с Румянцевым зондировал почву относительно возможности продления перемирия. Турция не была заинтересована в возобновлении войны, которая при создавшихся условиях грозила принести ей новые поражения. Поэтому договориться было нетрудно: Осман во время последнего визита к нему Орлова сам высказывал желание об отсрочке конца перемирия.

7 сентября 1772 г. Румянцев получил от великого визиря Мухсина-заде письмо с предложением продлить перемирие на 6 месяцев и возобновить прерванные переговоры. Визирь предлагал на этот раз устроить их в Бухаресте. Румянцев согласился

¹ Сб. РИО, т. 19, стр. 319.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1694, 1772 г., л. 2.

³ Сб. РИО, т. 19, стр. 267. В публикации перевод этой части текста содержит ошибку, искажающую смысл.

продлить перемирие до 20 октября: тем временем он рассчитывал снестись с Петербургом.

После роспуска мирного конгресса Обресков из Фокшан перебрался в Яссы. В силу полученного им предписания он должен был оставаться при Румянцеве и в случае возобновления переговоров выступить в качестве уполномоченного России. 21 сентября на имя Обрескова был послан рескрипт, содержащий инструкцию по ведению мирных переговоров. В этой новой инструкции признавалось возможным согласиться на сохранение за Турцией «некоторого рода инвеституры над новыми крымскими ханами», а именно — «на требуемое от Порты испрашивание каждым новым крымским ханом соизволения султанского на выбор его по правилам магометанского закона, следовательно же и некоторого ему от Порты в сем достоинстве признания и дозволения по тем же самым правилам»¹. При этом делалась ссылка на предложение турецкого посла Османа — то самое, которое Обресков хотел обсудить еще до прекращения Фокшанского конгресса.

Наличие инвеституры означало зависимость Крымского ханства от Османской империи, поэтому Обресков должен был добиваться от Порты признания Керчи и Еникале собственностью России. Благоприятное разрешение вопроса об этих пунктах в договоре с татарами признавалось уже недостаточным. Кроме того, чтобы уравновесить турецкое влияние в Крыму, русское правительство желало принять на себя ручательство за «вольность и независимость татарского народа (причем, прибавляла инструкция, можно присоединить обобщенное обязательство не держать в крымских городах гарнизонов и войск)»².

Таковы были изменения в проекте мирного договора, внесенные после Фокшанского конгресса. Обресков предвидел большие опасности, связанные с сохранением султанской инвеституры, и, как увидим ниже, прилагал всяческие усилия к тому, чтобы обставить этот пункт различными ограничениями.

Вслед за рескриптом от 21 сентября Обресков получил ряд писем Н. И. Панина, который подробно останавливался на порядке предъявления Турцией отдельных условий. Отмечая, что на Фокшанском конгрессе русское посольство отступило от данной ему инструкции, Панин подчеркивал: «разум инструкции не был тот, чтоб главный наш предмет (вопрос о Крыме. — Е. Д.)

¹ Рескрипт Обрескову от 21 сентября 1772 г. В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 408.

² Там же, стр. 409. В письме Щербинину Панин также сообщал о решении русского правительства получить Керчь и Еникале «ее (т. е. Турции) уступкою, а не татарскою». — АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1713, л. 5.

предшествовал всему другому и предложен был турецким послам совсем отделенным образом; истинная же выгода негоциации в том предполагалась, чтоб легчайшие артикулы всех трех базисов приносимы были на жертву одержанию важнейшего артикула». Теперь Обресков должен был «пройти порознь, одно по другому, все частные требования наши, дабы уступкою в одном облегчить одержание другого»¹.

Бухарест, предложенный Турцией в качестве места для созыва нового конгресса, не встретил возражений со стороны России. Этот город был расположен значительно ближе к турецким владениям, чем Фокшаны, что облегчало сношения турецкого уполномоченного с великим визирем и султаном. Укрепившиеся связи русской администрации с населением Дунайских княжеств уменьшили опасность как турецкой враждебной агитации, так и происков иностранных держав в Бухаресте. Наконец, приближавшаяся зима создавала различные бытовые трудности, и с этой точки зрения столичный город являлся наиболее удобным пунктом для заседаний мирного конгресса.

Представителем России на Бухарестском конгрессе должен был выступать один Обресков. В этом факте наглядно отразился отказ группировки Екатерины II — братьев Орловых от воинственного курса и признания ими правильности панинской политики.

Теперь Обресков мог действовать более самостоятельно, что вполне соответствовало как практическому опыту, так и большим способностям этого выдающегося дипломата. Характерно следующее заявление Обрескова, сделанное им в одной из депеш Панину из Бухареста: «Я, милостивый государь мой, не вступаю в объяснении резонов, для чего я таким или иным образом каждое дело предлагаю. Зная прямую цель, добираюсь до оной теми способами, которые мне способность моя дозволяет»².

Представителем Турции был назначен реис-эфенди Абдурезак. Сообщая об этом назначении, великий визирь указывал, что он считает положение Обрескова (члена иностранной коллегии, тайного советника) недостаточно значительным, чтобы вести переговоры с таким высокопоставленным лицом. Ввиду этого визирь ходатайствовал о повышении чина Обрескова.

Обресков усмотрел в этом требовании «обыкновенную турецкую высокомерность». Он считал, что русское правительство ни в коем случае не должно соглашаться на требование Турции. Не говоря уже о нарушении престижа России, Обресков считал для себя оскорбительным получить повышение под диктовку турок. «Я что по сие время ни получил, то, конечно, не по посторонним каким-либо предстательствам и домогательствам»³,

¹ В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 423, 424.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1744, л. 115. Курсив мой. — Е. Д.

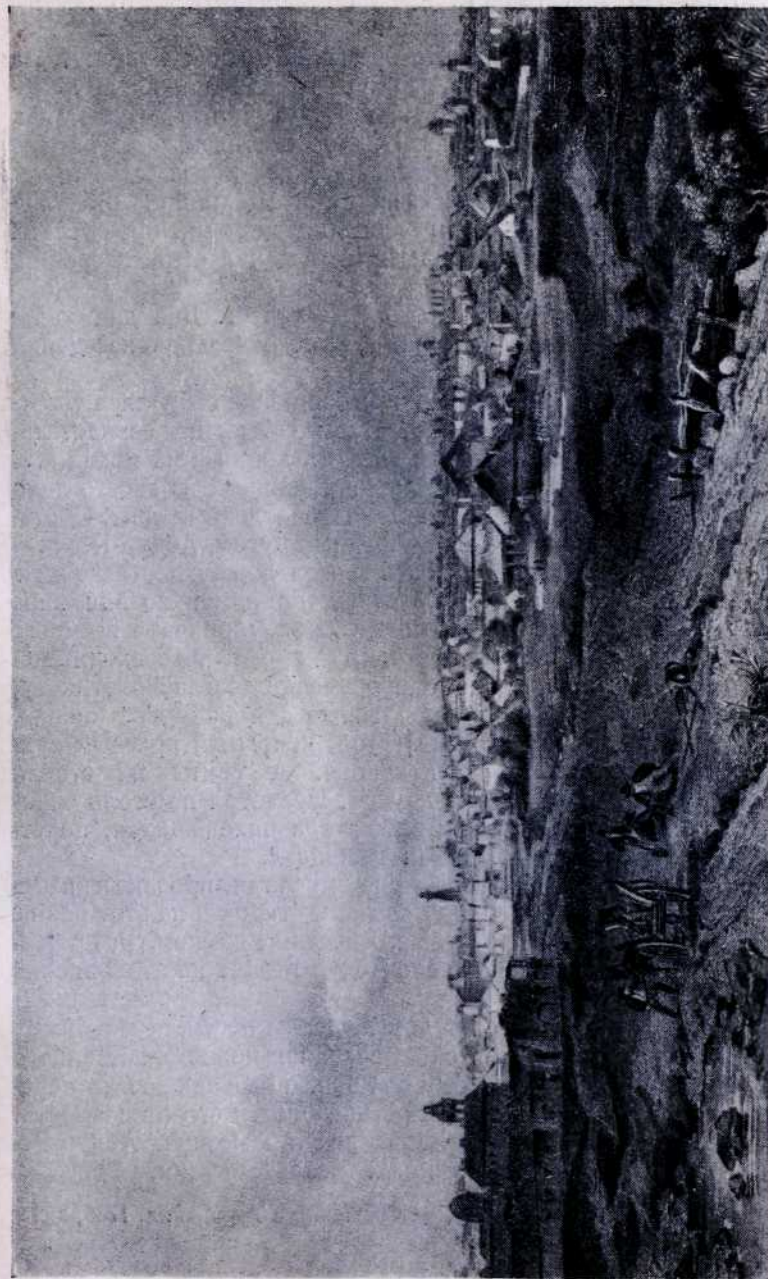
³ Там же, д. 1685, л. 124.

писал он Панину. Со стороны последнего турецкая претензия встретила такое же отрицательное отношение. В своем ответе Обрескову Панин писал: «Исполнение сего прихотливого турков требования в настоящем их положении, возбуждая в них более гордости, ослабило бы то положение, в котором мы пред ними находимся». Указывая, что до сих пор не было случая, чтобы при дипломатических переговорах одна из сторон потребовала, помимо равенства посольского характера, еще и равенства чинов назначаемых послов, он советовал Обрескову объяснить турецким дипломатам, что он — член иностранной коллегии и равен Абдур-Резаку, так как последний ведает иностранными делами под управлением великого визиря, а он выполняет такие же обязанности под управлением министерства¹.

Турецкий посол Абдур-Резак постоянно повторял, что он является новичком на дипломатическом поприще. Он нередко обращался к Обрескову за разъяснениями, говоря, что Обресков более его «сведущ о принятых между державами обыкновениях»². Однако в действительности Абдур-Резак был хорошо осведомлен во всем, что касалось возложенной на него миссии. К тому же он отличался природным умом и стоял по своим деловым и личным качествам несравненно выше своего предшественника Османа. Обресков выделил Абдур-Резака из числа турецких деятелей, с которыми ему приходилось иметь дело за все время своего пребывания в Константинополе. Однако, подобно Осману, Абдур-Резак также был скован в своих действиях опекою турецкого правительства и не мог проявлять никакой самостоятельной инициативы. В зависимости от того, возрастала или уменьшалась надежда на иностранную поддержку, менялись указания турецкому послу, который вел мирные переговоры. Обресков так писал о поведении Абдур-Резака на Бухарестском конгрессе: «Реис-эфенди весьма осторожно поступает: после каждой конференции отправляет к визирю нарочных и обыкновенно через трое суток ответы получает, да и при себе имеет двух советников, приданных ему от Порты, без сношения с которыми ни на что не решится»³.

После Фокшанского конгресса великий визирь уже не возбуждал вопроса о присутствии на конгрессе Тугуга и Цегелина. Их даже не было в Бухаресте во время мирных переговоров.

Обресков прибыл в Бухарест из Ясс 15 октября 1772 г. Население радостно приветствовало русского посла. «При многочисленном всякого звания народе, как радостью, так и любопытством влекомом и карету его окружающем, ехал он с час времени,

Бухарест — место русско-турецких переговоров 1772 — 1773 гг.
Гравюра на стали 40-х годов XVIII в. (Государственный Исторический музей).

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1729, лл. 2—3.

² Там же, д. 1752, л. 78.

³ Реляция Обрескова Екатерине II от 17 ноября 1772 г. — Там же, д. 1744, л. 2.

при непрестанном колокольном звоне и играни на разных инструментах. Но как темнота начала прибавляться, то несены были перед каретою его факелы»¹.

Абдур-Резак находился в это время на пути к Рущуку. На этот раз роли переменялись: турецкий посол торопился, а Обресков, напротив, просил его несколько «помешкать», чтобы «как лошади на почтах, так и дома в Бухаресте» могли быть вполне готовы². На самом же деле мотивы русского посла были иные: Обресков со дня на день ждал известия от Щербинина о заключении договора с татарами, которое, по общему мнению русских дипломатов, должно было облегчить ведение переговоров с Турцией.

26 октября Абдур-Резак прибыл в Бухарест. Два дня ушло на взаимные визиты, а 29 октября 1772 г. открылись заседания Бухарестского конгресса.

В этот день в 8 часов утра в конференц-зале собрались советники посольства и переводчики, чтобы совместно освидетельствовать полномочные грамоты и сличить копии с их подлинниками. Обресков и Абдур-Резак выехали каждый из своего дома в 11 часов утра в сопровождении многочисленных свит. Обресков ехал в карете, заложенной парадным цугом, Абдур-Резак — верхом на коне. Приехав, каждый посол вошел в отведенную ему «камору отдохновения». Обресков, принимая во внимание обычай турок не снимать головных уборов, «приказал всем его окружающим надеть шляпы, что и самим его превосходительством учинено было». Войдя одновременно (согласно этикету) в зал, послы «сели на приуготовленные для них двое канапе, между которыми поставлен [был] стол, покрытый красным сукном и золотым галуном обложенной. А свиты их стояли несколько уступя одна против другой. Несмотря на столь великое число людей, в помянутом зале тогда находящихся, царствовала однако ж в оном великая тишина»³.

Произошел обмен приветственными речами, произнесенными каждым послом на своем родном языке. У турок и на этот раз не оказалось переводчика, владевшего русским языком, и престарелый грек Караджа перевел речь Абдур-Резака на итальянский язык.

Проверив полномочия друг друга, послы перешли к вопросу о продлении перемирия. Обресков, исходя из правительственного предписания, согласно которому он должен был заключить перемирие на короткий срок и по мере надобности его отсрочивать, предложил продлить перемирие на два-три месяца. Абдур-Резак настаивал на шести месяцах. Возражая ему, Обресков

¹ Журнал Петерсона.—АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1735, л. 15.

² Там же.

³ Там же, л. 25.

ссылался на неодинаковое положение двух армий в зимнее время. «Ваши войска расходятся по окончании кампании,—говорил он,—каждый отправляется к себе домой и возвращается с наступлением весны; у нас же зима не уменьшает количества войск». Из этого вытекало, что русское командование должно было заботиться о продовольствии и одежде солдат, платить им жалование и т. д.¹

Видя упорство Абдур-Резака, Обресков согласился продлить перемирие до марта месяца (что соответствовало пожеланиям Румянцева²) и, наконец, «надал» еще девять дней, предложив считать сроком перемирия весеннее равноденствие (9 марта). Обресков учитывал суеверия турок, и он не ошибся: Абдур-Резак заявил, «что этот день счастливый и что он совершенно согласен»³.

На первой конференции решено было, по примеру Фокшанского конгресса, отказаться от излишних церемоний⁴.

На следующий день Обресков получил от Щербинина уведомление о том, что татарское дело приведено «почти к желаемому окончанию»⁵. В связи с этим извещением он поспешил сообщить в Петербург свое мнение по основному — крымскому вопросу. «Дозволенное мне снисхождение предоставить Порте право давать им [татарам] некоторым образом инвеституры было бы совершенно противным кондиции во втором артикуле мирного трактата, господином Щербининым с правительством татарским постановляемого и почти уже совсем к концу приведенного»⁶.

Панин вполне разделял осторожное отношение Обрескова к вопросу об инвеституре крымских ханов. В своем ответе он предоставлял Обрескову широкую свободу действий. Указывая на необходимость добиваться фактической независимости татар от Порты, он считал допустимым сохранение некоторых внешних, формальных традиций. «Пожалуй, мой почтенный друг, — писал он Обрескову, — соглашай по самой возможности взаимные наши с неприятелем договоры, и если увидите достоверно, что пункты веры магометанской очищаются от всякой замашки ко влечению впрямь татар в прежнее рабство, а остаются

¹ Протокол первой конференции Бухарестского конгресса. — АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1736, л. 5. См. также договор о продлении перемирия в деле 1735, лл. 6—7.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1725, л. 4 (письмо Румянцева Обрескову от 17 октября 1772 г.).

³ Там же, д. 1736, л. 10.

⁴ «Вторая конвенция» об оставлении церемоний.—Там же, д. 1742, лл. 48—49.

⁵ Там же, д. 1735, л. 3.

⁶ Там же, д. 1735, л. 80. Во 2-й статье проектируемого договора с татарами говорилось о «самовластии» крымского хана.

в правду единым скруполом турецкого суеверия, то не оставьте их объяснять точно такими...»¹.

* * *

На второй конференции, состоявшейся 3 ноября, начались мирные переговоры. Как и на Фокшанском конгрессе, Обресков начал с трех предложений, которые должны были служить «основанием мирного трактата». На этот раз они были составлены в более ясных выражениях (в особенности пункт 3):

«1. Отнять все притчины, производящие худое согласие, да и самую вражду между двумя империями, и сделать твердой и навсегда прочной мир.

2. Надлежит сделать удовлетворение со стороны Блистательной Порты за все убытки, причиненные России настоящею войною, без всякой законной притчины объявленной.

3. Чтоб коммерция и кораблеплавание на морях были освобождены от порабощения, в коем они по сие время были, беспосредственным соединением между подданных обеих империй для вящей их пользы и взаимного благоденствия, и чрез сие сделать сохранение мира тем более важным и необходимым для взаимных народов, и следовательно, еще более драгоценным для тех, кои ими управляют»².

Абдур-Резак решительно отказался признать Порту виновником войны и обвинил Россию во вмешательстве в польские дела, что привело, по его словам, к «вынужденному» объявлению войны со стороны Турции.

Возражая против этого довода, Обресков сослался на прежние заявления, которые он делал в свое время в Константинополе по поводу польских событий. С другой стороны, он указал на агрессивный характер турецкой политики в отношении Польши. Порта, сказал он, «допустила себя обмануть польскими нескладными обещаниями уступить ей всю Подолию, да и город Каменец»³.

В конце концов Обресков предложил вопрос о виновнике войны «в нерешимости оставить», чтобы «не случилось второго тома на Фокшанском конгрессе случившегося»⁴. В письме к Панину от 10 ноября по поводу спора о виновнике войны Обресков

¹ Письмо Панина Обрескову от 9 декабря 1772 г. В. А. Уляницк и й. Указ. соч., приложения, стр. CLXII.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, л. 1742, л. 14 об. Ср. В. А. Уляницк и й. Указ. соч., приложения, стр. CXLIX. См. там же сокращенные протоколы конференций: 2—11, 13, 14, 16, 17, 19—22, 24, 26, 27 и 34 (стр. CXLIX—CCLVIII).

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, л. 1742, л. 11.

⁴ Там же, л. 12.

справедливо указывал, что «такое признание весьма редко в мирных конгрессах видимо бывает»¹.

Третья конференция состоялась на следующий день (4 ноября) и была посвящена тем же вопросам, что и предыдущая. Абдур-Резак повторил еще более категорически, что пункт о виновнике войны не может быть принят Турцией, «хотя бы три года о том говорилось»². Перейдя затем к вопросу о торговле (п. 3), он выразил недоумение, каким образом развитие торговли может быть «драгоценнейшим и для самих правителей»³. Обресков отвечал, что обогащение подданных доставит доходы государствам. «По сие время, — заявил он, — в областях Оттоманской империи все европейские нации, кроме российской, торги имеют, которые все единственно в их авантаж оборачиваются; а подданные Порты ни турки, ни греки, ни армяне... никакой из того прибыли не получают; вместо того, что от непосредственной торговли между двумя сими империями каждой может по своей способности пользоваться»⁴.

Но Абдур-Резак был другого мнения. Он считал, что второй пункт оглашенных оснований мира «для Порты вполне индифферентен, а сколько видно для России очень нужен; то надобно, чтоб во взаимство было сделано достойное удовлетворение»⁵. От этого заявления Абдур-Резак уже не отступал на протяжении всего Бухарестского конгресса. Видя огромную заинтересованность России в черноморской торговле, он старался выторговать как можно больше за согласие Турции на принятие этого пункта.

После третьей конференции Абдур-Резак представил собственные «основания» мирного договора, причем пункт второй этого документа, к удивлению Обрескова, гласил, что «Порта согласна на умеренное вознаграждение России»⁶. Этот поступок Абдур-Резака показал его желание вступить в переговоры по существу, и на четвертой конференции, 9 ноября, Обресков предложил проект трех первых статей мирного договора. В соответствии с инструкцией Обресков начал с вопросов, считавшихся второстепенными:

- 1) об уничтожении всех прежних договоров;
- 2) о Западной Грузии;
- 3) о Большой и Малой Кабарде.

В депеше к Панину от 10 ноября Обресков сообщал по поводу постановки этих вопросов: «На сие я поступил, чтоб не так скоро быть в нужде говорить о самом щекотливом и важнейшем пункте,

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, л. 1742, л. 1.

² Там же, л. 23.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

е. о независимости татарской и самовластии ханов крымских, в поджидании окончательного совершения Евдокимом Алексеевичем (Щербининым.—Е. Д) трактата с татарским правлением, им постановляемого...». Однако на следующей конференции, писал он, придется «в сию нежную материю вступить; ибо дальнейшее об оной молчание может родить у них (турок) мечтательные мысли, якобы о сем и говорить уже устрашаемся»¹.

Обсуждение трех предложенных статей в основном развернулось на двух конференциях — четвертой и пятой (9 и 12 ноября).

Первая статья была сформулирована Обресковым следующим образом: «Все прежние трактаты, не выключая ни одного из них, вместительно и Белградский, таже и все договоры, прежде и после оного состоявшиеся, да будут отринуты и уничтожены, следовательно никогда и ни в каком случае не могут быть упоминаемы»².

Эта формулировка была сильнее, чем 15-я статья Белградского договора, в которой говорилось: «Все прежде заключенные трактаты имеют пребыть без всякой силы и важности, выключая границ...»³. Так как Абдур-Резак считал излишним добавление, что прежние договоры «никогда и ни в каком случае не могут быть упоминаемы», то Обресков подробно мотивировал свое предложение. Он заявил, что в 1768 г. великий визирь Гамза-паша в своих объяснениях с Обресковым, за которыми последовало объявление войны, основывался не на последнем — Белградском договоре, который уничтожал все предыдущие и в котором о Польше не было ни слова, а на более раннем — Прутском — договоре. То же самое относилось и к «Манифесту» Порты, изданному в связи с объявлением войны. В нем говорилось, что Россия поступает в Польше «вопреки трактата», что также не могло относиться к Белградскому договору⁴.

По желанию Абдур-Резака окончательное утверждение статьи об уничтожении прежних договоров было отложено до принятия договора в целом.

Вторая статья, предложенная Обресковым, гласила: «Чтоб были уступлены грузинцам то малое число крепостей или городов, которые в тех странах обладаемы были российским оружием, напред сего им принадлежащие и отнятые у них командующими тамо пашами незадолго до настоящей войны; таже те грузины

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1742, л. 2. Ср. В. А. Уляницкий. Указ. соч., приложения, стр. СLII. В этой же книге имеются извлечения из последующих реляций Обрескова (стр. СLII и след.).

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1742, л. 34.

³ ПСЗ, т. X, № 7900, стр. 904.

⁴ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1744, л. 10 (из материалов пятой конференции).

и мингрельцы были бы навсегда уволены от дани христианских девиц и отроков»¹.

Абдур-Резак категорически возражал против передачи грузинам крепостей Кутаиси, Багдади и Шорапани. Он пробовал также отстаивать жестокую подать грузинскими детьми, утверждая, что эта дань «не принужденная, но с обыкновениями тамошних обывателей сходная, которые продают родственников и детей своих или же похищаемых от соседей»². Однако в конце концов он согласился принять требование России относительно упразднения дани христианскими детьми, зато в вопросе о крепостях он не шел ни на какие уступки. Не помогло и напоминание Обрескова о том, что названные крепости в течение многих веков принадлежали грузинам и только сравнительно недавно попали в руки турок. «Я о тех только крепостях говорю, — настаивал русский посол, — которые обыкновенно в руках грузинцев находились и кои не задолго пред войною отняты у них были турецкими в тех странах командующими пашами»³.

Натолкнувшись на решительное сопротивление Абдур-Резака, Обресков сохранил за собой право вернуться к этому вопросу позднее: он надеялся при благоприятных условиях настоять на предъявленном требовании. С другой стороны, мысль о том, что в случае занятия турками трех имеретинских крепостей население Западной Грузии подвергнется жестоким репрессиям, побудила Обрескова тогда же внести предложение — важное для всех подвластных Турции народов — о взаимной амнистии всем, поднявшим оружие против своего государства в пользу противника. Включение в договор статьи об амнистии было предусмотрено правительственным мирным проектом, в котором говорилось о «генеральной амнистии на обе стороны всем в войне участие принявшим христианским и магометанским народам»⁴. Вопрос этот был поставлен, как известно, еще в 1770 г.

Совершенно очевидно, что статья об амнистии, несмотря на взаимный характер обязательства, имела в виду подданных Турции. В России не было народов, которые бы во время войны перешли на сторону Турции и подняли оружие в ее пользу. Тем не менее возражать против такого пункта Абдур-Резак не мог: этим он только подчеркнул бы внутреннюю слабость Османской империи.

Третья статья, предложенная Обресковым, содержала требование России о возвращении ей кабардинских земель: «Обе Кабарды, Большая и Малая, должны быть признаны совершенно

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1742, л. 34.

² Там же, л. 28.

³ Там же, л. 11.

⁴ Сб. РИО, т. 97, стр. 248.

принадлежащими империи Всероссийской, так как из древних времен оные принадлежали ей до последнего Белградского трактата¹.

Абдур-Резак высказался за оставление кабардинцев в прежнем положении, ссылаясь на то, что они — мусульмане, а потому «трудное дело есть отдать их во владение России». Но Обресков возражал, что только «беи и дворянство вступили в магометанство, а сельские жители почти все еще христианскую веру исповедуют». Абдур-Резак не мог на это ничего возразить, так как мусульманство действительно не пустило глубоких корней среди кабардинцев. Он ограничился чисто словесным заявлением, что «народ обыкновенно в вере повсюду последует примеру правителей своих». Абдур-Резак заверял Обрескова в том, что прежнее «независимое» положение кабардинцев обеспечит мир и тишину на границе. Но все это звучало неубедительно: было хорошо известно, что Порты и крымские ханы подстрекали кабардинских феодалов к набегам на русские земли. Обресков напомнил Абдур-Резаку, что из Кабарды совершались многократные «нападения на российские границы; и... за два года до начатия войны [нападавшие], соединясь с кубанскими татарами, разграбили большие и знатные караваны»².

По настоянию Абдур-Резака статья о кабардинских землях была оставлена «несколько времени еще нерешенною»³.

Приближался момент, когда нужно было говорить о самом важном — о крымском вопросе. Вероятно, желание разрядить атмосферу и обеспечить себе более дружественное общение во время переговоров побудило послов встретиться в частной обстановке — на балу у Обрескова. В журнале Петерсона записано, что турецкий посол, «лицепопытствуя видеть европейские ассамблеи, пред несколькими днями объявил сам его превосходительству желание свое быть у него на бале». Обресков показал себя гостеприимным хозяином и даже поставил комедию «на турецкой вкус», а Абдур-Резак, «приведя с собою собственную свою турецкую музыку, велел ей в продолжение стола играть»⁴.

* * *

12 ноября состоялась пятая конференция, во время которой Обресков огласил три важнейшие статьи проектируемого договора:

- 1) об Азове;
- 2) о независимости Крыма;
- 3) о черноморском судоходстве.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1742, л. 34.

² Там же, л. 17.

³ Там же, д. 1744, л. 14.

⁴ Там же, лл. 77, 78.

Как уже отмечалось, по Белградскому договору Россия лишилась права возводить укрепления в Азове и «Азовском уезде», в силу чего эта область фактически оказалась нейтральной. Обресков настаивал на «признании города Азова и с уездом попрежнему совершенно принадлежащим Российской империи»¹.

Не возражая против предложения Обрескова по существу, Абдур-Резак попытался выторговать за его принятие уступку всех русских завоеваний на Дунае. Обресков не мог на это согласиться. «Азов, говорил он, не Порты, но российское владение»². Ограничения, наложенные Белградским договором в отношении Азова, отпадают, говорил он, поскольку этот договор ликвидирован войной. Но Абдур-Резак стоял на своем, и вопрос об Азове остался открытым.

Когда, наконец, дошла очередь до главного условия России — независимости Крыма, Обресков сформулировал его следующим образом: «О признании со стороны Порты всех в Крымском полуострове жителей и вне оного обитающих татарских орд и родов без изъятия вольными и независимыми народами, под собственным их самовластным и ни от кого не зависимым правительством; и об оставлении оным в полной собственности всех ими обладаемых вод и земель»³.

Как видим, формулировка, предложенная Обресковым, еще не включала в себя той уступки, на которую решило пойти русское правительство, т. е. инвестиции крымских ханов.

Абдур-Резак выслушал эту статью «с суровым видом»⁴.

Статья «о навигации», которая также была оглашена Обресковым на пятой конференции, требовала, «чтоб навигация освобождена была от порабощения, в котором она поныне находилась, как в Черном, так и в других морях, в коих другим нациям оная дозволена; таже да постановится непосредственная между взаимными подданными торговля, со всеми теми выгодами и преимуществами, коими в империи Оттоманской наидружественнейшие нации пользуются»⁵.

Обсуждение этих трех статей развернулось уже на шестой конференции, перед которой Абдур-Резак представил письменные ответы на предложения Обрескова. Из этих ответов стало ясно, что Порты решила идти по линии сокращения уступок, которые сделал на Фокшанском конгрессе Осман. Порты согласна, гласил ответ Абдур-Резака, «чтоб хан и народ татарской оставались самовластными во внешних их делах (т. е. политических). Но в делах, к закону касающихся (речь шла о рели-

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1744.

² Там же, л. 24.

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, л. 14.

⁵ Там же, л. 4.

гиозном законе. — *Е. Д.*), быть Блистательной Порте надзира- тельницею и совершительницею. Например, когда татаре поже- лают переменить хана, после елекции (т. е. выбора. — *Е. Д.*) особы, сохраняя обыкновения их, избранной из фамилии Чин- гиз-хана, имеют просить (подписанным и печатями главнейших из них утвержденным представлением) о постановлении и освя- щении его, и чтоб милостиво принято было их требование и прислана обыкновенная ему investitura». В знак старшинства турецкого правителя над крымским имя турецкого султана должно было произноситься раньше имени хана во время пят- ничной молитвы (хутбы).

Порта желала иметь опорные пункты в Крымском ханстве: «К сохранению доброго согласия и союза с поколениями татар- скими, — говорилось в ответе Абдур-Резака, — надобно, конечно, чтобы под владением и властью Блистательной Порты оста- вались крепости в Крыму, как и на Кубани».

Важнейшим средством политического воздействия на Крым было назначение Турцией крымских судей. И это средство Порта хотела сохранить за собой: «Судии, издревле от стороны Блиста- тельной Порты постановляемые, по прежнему [должны] быть определяемы и подтверждаемы».

Абдур-Резак не скрывал, что будущее положение татар не рас- сматривается Турцией как свободное и независимое состояние. Он заявил: «Питаются татары под тенью высочайшей Порты». Если они получают политическую самостоятельность, то «от голоду во все части распространятся хищения их», и они «произведут тьмы различных соблазней»¹.

Было очевидно, что независимость крымских ханов свелась бы к нулю, если бы Порта сохранила в своих руках инвеституру крымских ханов, назначение судей, а также крепости на Крым- ском побережье. Неудивительно, что, выслушав Абдур-Резака, Обресков задал ему вопрос: «Я бы желал знать, что Порта пере- меняет в прежнем татар состоянии?» Ответа не последовало, а на второй вопрос: что получит Россия за фактическое возвра- щение Крыма Турции? — Абдур-Резак отвечал: для России «артикул о коммерции может быть награждением за такое поста- новление»². «Артикул о коммерции» в турецкой формулировке сводился к праву России на торговое судоходство по Черному морю с рядом ограничений и с запрещением торговым судам проходить через проливы.

«Купеческим судам с товарами вольно разъезжать по Черному морю, но предписать должно число и форму тех судов, и яко купеческие, не должны сии суда иметь пушек и военных снаря-

дов и не имеют выходить в Средиземное море, ни оттуду приходить. Такжеже плавание их в Черном море должно быть ограничено и единственно состоять близ берегов турецких обла- стей. Сверх сего имеют быть означены и предписаны пристани, в коих им отстой иметь дозволено будет, и не имеют [права], естли не бурями занесут, переплывать к берегам Анатолии или Азии»¹.

Убедившись в том, что турки решили всеми способами бороть- ся против самостоятельности Крыма, Обресков заявил на седь- мой конференции (19 ноября), что русское правительство требует внесения в мирный договор статьи о гарантии независимости татар со стороны России. Обресков знал, что Щербинин в своих переговорах с татарами добивается признания такой гарантии со стороны татар. Порта должна, заявил Обресков, «фор- мально признать оной (т. е. российский. — *Е. Д.*) двор ручателем за вышепомянутую вольность и независимость татарскую». Затем он сообщил о намерении России, предоставив независи- мость татарам и возвратив им земли Крымского ханства, удержи- вать за собой Керчь и Еникале. Аргументируя право России распоряжаться судьбой Крыма, Обресков снова, как и на Фокшанском конгрессе, ссылаясь, во-первых, на «право соб- ства» России на значительную часть ногайских племен («вы- шельцов из империи Российской»), а во-вторых — на «право за- воевания», относящееся к остальному населению Крыма. В под- крепление своих доводов Обресков снова напомнил о постоян- ных набегах татар на русскую границу. «За два года еще прежде войны, — говорил он, — вступили одиннадцать тысяч кибиток едиккульских татар в земли, запорожским казакам принадле- жащие, где, пользуясь отнятыми у сих припасами, и зимовали...» «Представления мои и жалобы бесплодны оставались, и те же самые татары на другой год вновь вступили в земли запорож- ских казаков, где с знатным ущербом и убытком их опять зи- мовали». Наконец, Обресков сослался на собственное заявление Порты о татарах, что она «не сыскивает довольных способов к надлежащему их обузданию»².

В глазах Абдур-Резака наиболее веским аргументом было «право завоевания». Он заявил: «Мы не говорим того, что Рос- сия не завоевала и что военное право не в пользу ее. Требуем уступления по причине дружбы, состоящей уже между двумя державами, в рассуждении которой Порта будет о снисхожде- нии просить»³. Это означало: мы согласны с вашими доводами, но тем не менее мы не намерены уступить.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1744, л. 36.

² Там же, лл. 25 — 35.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1744, л. 35.

² Там же, лл. 154 — 155 и 122.

³ Там же, л. 125.

Возражая на письменный ответ Абдур-Резака по поводу «навигации», Обресков огласил, в соответствии с правительственной инструкцией, следующее требование: «Мореплавание для всякого звания российских судов, так в Черном, как в протчих морях, окруженных владениями Блистательной Порты, он, Российский двор, требует совершенного и без всякого сжимания вольного; и чтобы находящиеся в Черном море суда могли беспрепятственно ходить в Белое (т. е. Средиземное. — Е. Д.); также находящиеся в Белом море проходить в Черное»¹.

Абдур-Резак затягивал ответ по этим основным вопросам мирных переговоров. Тогда Обресков, желая напомнить Порте о ее потерях, о принципе *uti possidetis* и о праве России претендовать на крупные приобретения, огласил еще ряд статей проектируемого мирного договора, а именно:

- 1) о возмещении военных убытков;
- 2) о Дунайских княжествах;
- 3) о Бессарабии и отдельных ее городах;
- 4) об Архипелаге.

Статья о возмещении военных убытков гласила: «По сие время настоящая война стоит по малой мере российскому двору сорок миллионов рублей, которая сумма по всякой справедливости должна быть удовлетворена. Однако ж *если Блистательная Порта на предложенные уже шесть артикулов во всем согласится*, то российской императорской двор уступает десять миллионов рублей»².

Вторая статья заключала в себе несколько вариантов разрешения вопроса о Молдавии и Валахии, в том числе и превращение этих княжеств в независимые государства. Как мы знаем, этот вариант был снят русским правительством еще накануне Фокшанского конгресса. Тем не менее Обресков по дипломатическим соображениям напомнил не только этот вариант, но и претензию на присоединение Молдавии и Валахии к России.

«Княжества Молдавское и Волоское с крепостями Хотинскою, Ибраилскою и Журжевскою, российским оружием приобретенные, по силе военного права должны принадлежать России. Но ежели Блистательная Порта согласится оставить сии две провинции вольными и независимыми при собственном их правлении, в таком случае императорской российской двор равномерно отречется от требования остальных тридцати миллионов рублей, должных ему за понесенные во время войны убытки. Также отречется от требования сего, ежели Блистательная Порта согласится оставить сии две провинции с вышепомянутыми крепостями на тридцать лет в российском владении. Но ежели Блистатель-

ная Порта желает, чтоб оные два княжества были ей возвращены, то императорской российской двор *на некоторых договорах* и на то окажет снисхождение, но в таком случае Блистательная Порта должна будет уплатить ему вышеписанные тридцать миллионов рублей»¹.

Перечисление всех возможных вариантов послевоенного политического положения Дунайских княжеств было вызвано не только желанием Обрескова напомнить Турции о принципе *uti possidetis*. Русское правительство стремилось как можно менее разглашать свое решение о возврате Молдавии и Валахии под власть Оттоманской империи, так как последняя не замедлила бы использовать это известие в целях запугивания местного населения угрозами предстоящих ему репрессий за содействие русским войскам, что могло ослабить позиции русской армии на Дунае. По той же причине Обресков не раскрывал содержания условий, на которых Россия соглашалась возвратить Дунайские княжества Оттоманской империи. В связи с этим между Обресковым и Абдур-Резаком произошел следующий разговор.

Абдур-Резак: «Объясните мне, какие имеют быть кондиции возвращения двух княжеств?»

Обресков: «Когда все протчие материи постановятся, тогда и о сем объяснено будет».

Абдур-Резак: «Когда только вы упоминаете о удовлетворении, то могут найтись в нем непреодолимые препятствия, и к чему ж другие материи постановлять?»

Обресков: «Нет там ничего для Блистательной Порты предосудительного, — безопасность сих народов и протчие тому подобные вещи»

Абдур-Резак: «Мы уже о важнейших материях говорили, для чего ж и сей не объявить?»

Обресков ответил обещанием сделать это в письменной форме — и протянул дело до последней конференции Бухарестского конгресса².

Статьи о Бессарабии и об Архипелаге точно так же содержали в себе требования, от которых русское правительство давно отказалось. Статья о Бессарабии гласила:

«Всему свету известно, с каким иждивением и с коликим кровопролитием овладеема крепость Бендерская, также Аккерман, Килья, город Измайлов и вся Бессарабия или Буджак, чего ради как вышеписанную крепость Бендеры, так и Аккерман, Килью и Измаил со всею Буджацкою провинциею [Российская империя] удерживает яко благо, ей по военному праву принадлежащее»³.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1744, л. 155.

² Там же, л. 134. Курсив мой. — Е. Д.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1744, л. 134. Курсив мой. — Е. Д.

² Там же, д. 1747, л. 123 (Из материалов девятой конференции).

³ Там же, д. 1744, л. 134.

Переписка Обрескова с Паниным по поводу этой статьи подтверждает высказанное соображение о причине объявления им ряда таких условий, которые русское правительство давно исключило из проектируемого договора. «Я тут предложил, — писал Обресков, — что когда Порте не пристойно сие уступить, то *вместо оных пусть представит эквивалент*. Турецкой посол, кажется, чистосердечно сказал, что нечего, ибо все, в сих краях находящееся, уже не в их руках, кроме одной только денежной уплаты. Я на сие ответствовал, что Россия в деньгах нужды не имеет, а старается о приведении в безопасность своих верноподданных...»¹.

В предложенной Обресковым статье об Архипелаге говорилось следующее:

«В Архипелаге по сие время сорок четыре острова состоят в зависимости российской, из которых возвращены будут сорок один, а прочие три, какие изберет главнокомандующий в тех странах его сиятельство граф Орлов, должны оставаться во владении империи Всероссийской. Но ежели последний сей артикул не возможет сообразиться с благоприличностью Блистательной Порты, тогда оная Порта может *представить во взаимство размерное удовлетворение*»².

* * *

Вссымая конференция была назначена на четверг 22 ноября³, а накануне, 21 ноября, прибыл курьер от Щербинина с известием о заключении договора с татарами⁴. По словам Обрескова, этот документ пришел в самый нужный момент, так как на восьмой конференции «необходимо нужно было говорить о сем важном деле, т. е. о вольности и независимости татарской»⁵.

Договор с татарами, подписанный 1 ноября 1772 г.⁶, начинался провозглашением «союза, дружбы и доверенности между Россией и Крымским ханством» (ст. 1). В Крыму сохранялась самодержавная форма правления при избираемом хане, причем объявлялось, что «ни Российская империя, ни Оттоманская Порта и прочие сторонние никто и ни один ни в чем вмешиваться да не имеют; но, по избрании и постановлении хана, доносимо будет высочайшему российскому двору» (ст. 2). Оставляя в подданстве хана все подвластные ему народы, договор в то же время подтверждал древние права России на Кабарду:

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1747, л. 113. Курсив мой. — Е. Д.

² Там же, л. 134. Курсив мой. — Е. Д.

³ Начиная с восьмой конференции, послы встречались регулярно по понедельникам и четвергам.

⁴ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1744, л. 139.

⁵ Там же, л. 42. Реляция Обрескова Панину от 23 ноября 1772 г.

⁶ Там же, д. 1723 (опись 89/8), лл. 67—70.

«...Большая же и Малая Кабарды состоят в подданстве Российской империи» (ст. 3). Россия обязывалась не требовать военной помощи со стороны крымского хана, татары же давали обязательство, что их войска «противу России никому ни в чем и ни под каким претекстом вспомоществовать не имеют» (ст. 4). Основываясь на необходимости иметь в Крыму «запасное войско и суда» в целях гарантии татарской независимости (которую русское правительство торжественно на себя принимало), Россия оставляла за собой крепости Керчь и Еникале. Но крымским татарам разрешалось иметь при Еникале перевоз для связи с народами, живущими на кубанской стороне (ст. 7).

Статья о Керчи и Еникале имела особое значение для России. Приведем ее первую часть, излагающую права России:

«Как натуральное положение Крыма подтвержено и всегда незапным неприязненным нападениям, а российские силы, по заключению с Портою Оттоманскою мира, возвратясь в свои границы, великим расстоянием отдалены будут от сего полуострова, то дабы во всегдашнее время с стороны Всероссийской империи надежные способы предоставлялись перенимаемое торжественнейшим образом ручательство вольности и независимости крымской и всех татар, составляющих ныне свободную область под собственным своим верховным правительством, действительно исполнить поданием в нужных случаях немедленной помощи и защищения, в сем уважении содержаны да будут навсегда Российской империи крепости Яниколь и Керчь, на берегу пролива из Азовского в Черное море лежащие, с гаванями и с околичную землю, т. е. начав от Черного моря по старой керченской границе до урочища Бугак, а от Бугака прямою линиею на север в Азовское море, оставляя в границах к Керчи и Яниколю все источники, довольствующие сии крепости пресною водою, чтоб в тех крепостях запасное войско и суда находиться могли для стражи и отвращения всех противных на Крымской полуостров покушений» (ст. 7).

В статьях 8 и 9, определявших территорию Крымского ханства, говорилось о сохранении его прежних границ как на «Кубанской стороне», так и к северу от Перекопа: «... и за Перекопом крымская степь по границы Российской империи, бывшие до настоящей войны, то-есть начиная от вершин речек Берд до устья оных попрежнему во владении крымских жителей остаться имеет» (ст. 8). В то же время в договоре ничего не говорилось о территории к западу от Днепра, которая до войны тоже принадлежала Крымскому ханству. Это было связано с переселением живших здесь ранее ногаев на Кубань и нерешенностью вопроса о том, кому будут принадлежать земли между Днестром и Днестром. Русское правительство стремилось возможно более четко разграничить в территориальном отношении турок и татар.

отнюдь не собирався считаться с этим документом, к предъявлению которого он был, повидимому, подготовлен.

«Устав веры нашей не терпит, — заявил Абдур-Резак, — чтобы два мусульманские государи царствовали в одно время, исключительно если¹ они только царствуют в великой друг от друга отдаленности, — иначе непременно должно, чтоб один другого истребил; всевышний тогда повелевает признавать за законного государя того, коему он непостижимо в судьбах десницею своею дает над соперником победу. Подтверждение же ханов и молитва, совершаемые под именем султана мусульманов, довольны к соблюдению таковой султана нашего заповеди»².

Обресков решил выискать такую юридическую формулу, которая, удовлетворяя Турцию с точки зрения религиозного «закона», не давала бы ей возможности сохранить свое владычество над Крымом. Он заявил: «Если Порта Оттоманская удерживает *право подтверждения*, то верно может случиться, что татары недовольные к ней прибегнут. И больше еще может случиться: например, Порта откажется признать избранного татарами хана»³.

Абдур-Резак ответил на это: «Порта России торжественно обещает признавать всегда и никогда не отказываться от признания избранного татарами хана».

Тогда Обресков попросил у Абдур-Резака «письменно изъяснить духовную сию зависимость, ибо под именем закона всякие затеи можно сделать... Надобно мне непременно знать, каким образом связывается он с состоянием татар»⁴.

В ответе Абдур-Резака, полученном перед девятой конференцией, отношения крымских ханов к турецкому султану определились следующим образом: «Тотчас после избрания [хана] татары должны будут сочинить *арз магзар* к султану, требуя от него подтверждения избранному от них хану»⁵. Ознакомившись с ответом Абдур-Резака, Обресков представил ему следующее возражение: «Значение сего *арз магзар* не совместительно с вольностью... Слово *арз магзар* двойной смысл имеет, значит представление и челобитие». Обресков соглашался лишь на «обвещание» со стороны татар совершившегося избрания хана. При этом он требовал, чтобы и России делалось подобное уведомление. Монархи же России и Турции в ответ на это уведомление должны были посылать «такие подарки, кои щедрость их им присоветует, лишь бы татары принять оные захотели...»⁶. Турецкий султан

¹ Т. е. за исключением тех случаев, когда...

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1747, л. 11.

³ Там же, л. 11. Курсив мой. — Е. Д.

⁴ Там же, л. 109.

⁵ Там же, л. 10.

⁶ Там же, л. 131.

мог дополнить это «своим благословением, сходственно с догматами магометанского закона».

Абдур-Резак не соглашался на то, чтобы объявление об избрании нового хана делалось, помимо Турции, также России. Он считал недопустимым, чтобы татары, по своему усмотрению, могли принять или отвергнуть подарки Турции. Наконец, он решительным образом возражал против гарантии крымской независимости со стороны России.

Еще придя к соглашению относительно инвеституры крымских ханов, послы решили вернуться к этому позже и перешли к вопросу о крымских судьях. Обресков показал, что назначение крымских судей султаном имеет для Турции большое политическое значение, а для определенных слоев турецкого общества — материальную выгоду. «Притчина такого требования, — говорил он, — не есть закон, но особенная корысть *кадиев* или судей, которые через сие (т. е. через прекращение посылки судей в Крым. — Е. Д.) будут лишены некоторых доходов, в Крыму ими получаемых. Но его султанское величество может наградить их другими местами, не причиняя обиды национальным татарским законодателям...» Такова материальная сторона дела. Но главная причина лежит не в этом, а в том, что «Порта, имея от себя зависящих в Крыму судей, явно входит во внутренности татарского правления»¹.

Когда Абдур-Резак пытался доказать, будто бы Порта только дает разрешение назначить судью в тот или иной пункт, а крымский хан сам назначает его из числа своих подданных, Обресков воспользовался собственными знаниями и наблюдениями. Он сказал: «Я знавал в Константинополе людей, имеющих в своем ведомстве *кадылык*, или гражданское в Крыму правление»².

Абдур-Резак начал склоняться к уступкам. Чтобы «удовлетворить закон», сказал он, достаточно, чтобы в Крым посылались не судьи, а «дозволение» назначить судью в какой-нибудь пункт, где его недостает³. Обресков в свою очередь уступил и заявил (на двенадцатой конференции) о согласии России, чтобы судьи, будучи «национальными», «снабжены были *тугаселе* или письменным законным дозволением от верховных законодателей Блистательной Порты, кои всегда даваны им будут без всякого платежа и признания»⁴.

В свете развернувшейся дискуссии о духовных связях турецкого султана с крымскими татарами становилось все более ясно, насколько важно для России обеспечить себе в Крыму опорные пункты в виде крепостей. Обресков писал Панину: «Ежели

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1747, л. 57.

² Там же, л. 54.

³ Там же, л. 58.

⁴ Там же, л. 20.

оние (т. е. крепости. — *Е. Д.*) во владении е. и. в. не останутся, то все теперь о вольности и независимости татар постановляемое будет непрочное, но само маловременное»¹. Приступая к обсуждению этого вопроса, Обресков в соответствии с последними решениями потребовал не только подтверждения Турцией принадлежности России Керчи и Еникале, но также передачи ей турецких крепостей Очакова и Кинбурна. Кроме того, он предъявил претензию также на земли «между реками Бугом и Днестром лежащие, хотя оные пустые»².

Абдур-Резак на это заявил, что Порта требует возвращения ей всех турецких крепостей в Крыму и на Кубани, соглашаясь со своей стороны признать суверенные права России на Азов и Таганрог. По поводу земель между Южным Бугом и Днестром Абдур-Резак заметил: «Правда, что Порта с тех земель никакой себе прибыли не получает, но Очаков всегда почитаем был ключом тех мест»³. Стратегический интерес Турции к крымским крепостям и землям обнаружился в этих словах совершенно определенно.

Претензии России и претензии Турции на крымские крепости не были равнозначны, ибо Турция имела морскую границу со стороны Крымского ханства; она не подвергалась непосредственной опасности ни со стороны татар, ни со стороны России и руководствовалась, конечно, не оборонительными соображениями. Обресков был совершенно прав, когда заявил: «Крымские крепости во владении Блистательной Порты больше предосуждают Россию, нежели Еникале и Керча, будучи во владении российском, могут предосуждать Порту»⁴. Когда Абдур-Резак попытался представить цели Турции как оборонительные и сослался на «опасность» для Турции со стороны татар, Обресков возразил ему: «Положение татарских земель в рассуждении Оттоманских владений есть наилучшею для Порты обороною; нет нужды никакой другой». В то же время Обресков указал, что Россия в ином положении и для нее недостаточно Азова, чтобы гарантировать безопасность русских границ. При этом Обресков показал Абдур-Резаку на карте «обыкновенную дорогу татар к нападениям на российские границы»⁵. Азов был от этой дороги очень далеко. Затем Обресков повторил, что он требует оставления в руках России «четырех мест», а именно Керчи, Еникале, Очакова и Кинбурна.

Разоблачая агрессивные намерения Турции, заставлявшие ее добиваться оставления в своих руках какой-нибудь крепости на Крымском полуострове, Обресков говорил: «Положим, что... Порта вздумает атаковать татар, станет делать приготовления, разглашая, что оные чинятся против другой какой европейской державы, например, против мальтийцев или венециан. Когда же все готово, подняв якоря, распустив паруса, в сорок восемь часов турецкий флот может прибыть в Крым, где, имея уже духовную над ханом и над судьями власть, а при том и крепости, покорит по прежнему себе татар прежде, нежели российской двор о таковом предприятии ведомость получит»¹.

Абдур-Резак ответил на это: «Я не говорю, чтоб сие случиться не могло»; только в этом случае «Еникале ничего России не поможет»². Говоря так, Абдур-Резак невольно указывал русской дипломатии, что отделение Крыма от Турции, даже при переходе к России крепостей на черноморском побережье, не является для нее решением крымской проблемы.

Обресков попытался прийти к соглашению по вопросу о крепостях. Вместо требования передачи России Очакова он предложил, чтобы Очаков был разрушен; «земля, на которой он стоит, будучи уже пустою, имеет быть причислена к землям, между рекою Бугом и Днестром простирающимся, до самых границ польских, которые земли и имеют служить между двумя империями барьером; российских владений границею будучи река Буг, а турецких река Днестр»³.

Таким образом Обресков наметил решение вопроса, оставленного открытым в договоре России с Крымским ханством, — о судьбе территории между Днепром и Днестром. Обресков писал Панину 1 декабря 1772 г., что Днестр, который станет границей Турции, и нейтральные земли, которые клином врежутся между турецкими и татарскими землями, помешают туркам «перезывать на прежние жилища буджацких и едисанских татар»⁴.

Неожиданно Абдур-Резак сделал шаг к сближению. На тринадцатой конференции, 10 декабря 1772 г., он заявил: «когда бы Блистательная Порта имела другую какую-либо крепость в тех странах или место к построению новой, то бы никакого не учинил затруднения уступить России Еникале и Керчу»⁵.

Было ли это заявление согласовано с Портой или Абдур-Резак сделал его от самого себя, движимый стремлением прийти, наконец, к соглашению, — неизвестно. Впоследствии он взял

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1747, л. 69.

² Там же, л. 13.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 1752, л. 7.

⁵ Там же, д. 1747, лл. 112 — 114. Главным путем татарских вторжений был Муравский шлях, который шел от Перекопа по водоразделу Днепра и Дона до Новороссии.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 85.

² Там же.

³ Там же, д. 1747, л. 119.

⁴ Там же, л. 3.

⁵ Там же, л. 120.

это заявление обратно, прося Обрескова не сообщать в Константинополь о содержании протокола тринадцатой конференции.

* * *

Не менее горячие споры развернулись по вопросу о мореплавании. Абдур-Резак упорно отказывался даже слушать об уступке России хотя бы одного порта на Черном море. Это значило, что право России на торговое судоходство, на которое Турция в принципе соглашалась, должно было остаться чисто формальным.

Во время одиннадцатой конференции Абдур-Резак заявил: «О требованиях двора вашего разные в Константинополе держаны были советы, и постановлено, чтоб, когда дозволить России мореплавание, то б удержать крепости». Обресков возражал, что «оное (мореплавание) без Еникале никакого не достоин уважения», так как для судов необходимы порты. На это Абдур-Резак заявил, что русские суда смогут приставать к турецким пристаням.

Обресков: «Я спрашиваю, где российские суда будут оставаться?»

Абдур-Резак: «Хоть в Константинополе».

Обресков: «Все чужестранные корабли, которые плавают по морям и входят в пристани Блистательной Порты, имеют свое отечество или место их пребывания, где их строят, откуда они отъезжают. Где быть таковому месту для России?»

Абдур-Резак обещал сыскать такое место, однако не предложил ничего реального.

Возвратившись к данному вопросу на тринадцатой конференции, Абдур-Резак «утешил» Обрескова заявлением, что Россия «может посылать свои корабли через Средиземное море в Черное»¹. Вместо ответа Обресков посоветовал Абдур-Резаку посмотреть на «ландкарту», чтобы представить себе путь из Балтийского моря в Черное.

Одновременно с обсуждением вопроса о черноморских портах стороны обменялись мнениями и относительно режима черноморских проливов. Обресков выдвинул теоретическое положение, которое для того времени было новым и имело прогрессивное значение. Он заявил, что не согласен с самой постановкой вопроса Абдур-Резака, который требовал от имени Турции компенсации за предоставление России права на торговое судоходство. «Мореплавание и торговля, — заявил он, — не должны быть утверждаемы ни на каком воздаянии. *Море всем должно быть свободное, коммерция полезная*. «По всякому праву на одних только реках можно делать таковые запрещения (какие делает Порты. — Е. Д.), а море по естеству есть всем свободное;

и самой константинопольской канал, не будучи делом рук человеческого, равно должен быть свободен и служить к чему натура его произвела, т. е. для сообщения из Белого моря в Черное». В подкрепление своих доводов Обресков привел пример из международной практики: «Проход из Балтийского моря в Северный океан, принадлежащий королю датскому, хотя труднее еще константинопольского канала, однакож всякого рода и каждой нации суда свободным пользуются через него сообщением из одного моря в другое»¹.

Таким образом, борясь за свои интересы, Россия одновременно добивалась открытия Черного моря для торговых судов всех других государств².

По вопросу о проходе русских судов через проливы Абдур-Резак занял резко отрицательную позицию. Он предложил, «чтобы одни корабли плавали в Белом море (Средиземном. — Е. Д.), а другие в Черном, и, приходя в Константинополь, там перегружали бы товары»³.

Конечно, подобный «выход» был неприемлем для России.

Неудивительно, что требование России о допущении в Черное море русских военных кораблей встретило еще более категорический протест со стороны Абдур-Резака. Обресков тщетно ссылался на то, что военные корабли необходимы «для безопасности и препровождения купеческих судов»; тщетно указывал он на права иностранных держав в Средиземном море и проливах. «Датское королевство, — говорил он, — не имеет коммерции в Средиземном море на шесть тысяч рублей; однакож военные датские корабли приходят даже в самый Константинополь»⁴.

Все дело было в том, что Турция продолжала рассматривать Черное море как свое внутреннее море, в то время как Средиземное было открыто для нескольких держав.

Самое большее, чего удалось добиться Обрескову, — это согласия Турции на то, чтобы русские торговые суда, плавающие в *Средиземном море*, располагали «потребными пушками и военными снарядами к защищению себя от случающихся в тех морях разбойников»⁵. Относительно же Черного моря Абдур-Резак заявил, что в нем «как разбойников, так и посторонней войны нет места опасаться», поэтому по Черному морю должны плавать только торговые суда России⁶.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 7; д. 1754, л. 25.

² А. Ф. Миллер в своей брошюре «Турция и проблема проливов» справедливо подчеркивает «инициативу России в вопросе открытия проливов для торгового мореплавания всех стран» (А. Ф. Миллер. Турция и проблема проливов, М., 1947, стр. 7).

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 80.

⁴ Там же, лл. 79, 80.

⁵ Там же, л. 80.

⁶ Там же.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, лл. 5—7 и л. 87.

15 декабря Обресков сообщил Панину, что переговоры зашли в тупик, из которого нельзя выйти без новых правительственных инструкций. «Развязыванию узла» могли, по мнению Обрескова, способствовать две вещи:

1) «исключение от плавания по Черному морю военных кораблей»,

2) предоставление Турции возможности «иметь ногу в Крыму». Без согласования с Петербургом Обресков не мог перейти определенной «черты», т. е. данных ему предписаний. Запрашивая новых инструкций, Обресков высказывал мнение, что особенно опасным для России было бы согласие на второе условие — предоставление Турции какой-нибудь крепости поблизости от Керчи и Еникале¹.

Абдур-Резак со своей стороны послал в Константинополь доклад о состоянии дел. В ожидании правительственных инструкций послы перешли к обсуждению других вопросов и если по временам возвращались к крымской проблеме, то лишь повторяли уже ранее высказанные аргументы.

Итак, на первом этапе бухарестских переговоров Турции были предъявлены все основные мирные условия России, однако ни одно из этих требований не было принято Портой. Обресков делал все, чтобы избежать разрыва с Турцией. Именно с этой целью он предложил, чтобы обе стороны послали своим правительствам доклады о создавшемся положении с запросом о возможности дальнейших уступок.

После отправки запроса в Петербург Обресков поставил на обсуждение ряд пунктов, не предусмотренных правительственной инструкцией. Важность этого факта с точки зрения разработки русских условий мира, а также последовавший сдвиг в смысле соглашения по некоторым вопросам будущего договора позволяют рассматривать дальнейшие переговоры между Обресковым и Абдур-Резаком в качестве особого этапа Бухарестского конгресса.

* * *

Депеша Обрескова с просьбой о новых инструкциях была получена в Петербурге в последних числах декабря 1772 г.

В Совете не обнаружилось разногласия по вопросу о возможности для Турции «иметь ногу в Крыму». Решено было согласиться на это требование, но уступить Турции второстепенные крепости в прикубанских владениях Крымского ханства, а в крайнем случае предоставить место для постройки турецкой крепости на Таманском полуострове. Правительственный рескрипт от

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 70.

10 января 1773 г. предписывал Обрескову уступить Турции «все города и крепости на Кубане..., исключая из того один остров Таман, которой нужен к непосредственному сообщению крымских татар с ногайскими ордами». Однако, если Порта этим не удовлетворится, Обресков должен был «еще и на самом Таманском острове отдать в диспозицию и владение Порты в углу оного к Черному морю достаточное место к построению крепости и к снабжению оной нужными угодиями»¹.

По второму вопросу — о военном мореплавании — в правительстве не оказалось единства. Екатерина II, как и в других случаях, представляла себе дело менее сложным, чем оно фактически было. Это нашло яркое выражение в ее собственноручной записке, представленной Совету во время заседания 3 января 1773 г. Записка была составлена в характерном для Екатерины II властным тоне и гласила следующее:

«Я ни под каким видом не хочу, чтобы мне турки предписали, какой род кораблей мне иметь или не иметь на Черном море. Турки биты, не им России предписать законы, в противном случае еще могут отведать щастие, а законов не хочу». Далее выразилось негодование по поводу отказа турок признать Керчь и Еникале собственностью России. «Что касается до Керчи и Еникале, то мы их не от них (т. е. турок. — Е. Д.) получили, мы оных завоевали у татар, они (т. е. татары. — Е. Д.) нам их после уступили трактатом. Зачем нам турецкое от них² согласие? Претать этот артикул в трактате молчанию всего лучше, и его более не предлагать. А если требовать будет турецкий посол, чтоб об нем трактовать, то Обресков может ему сказать, что он приказания более не имеет. Не замай их у нас отымут, если хотят. Притом сказать им можно, что, по истечении 9 марта перемирия, я оное не велю возобновить». Императрица решительно настаивала на праве военного мореплавания, подчеркивая (для успокоения турок), что русские военные корабли малы и неопасны. «Кораблеплавание на Черном море Россия свободное требует. Все прочие турецкие раздробления излишние, ибо больших военных кораблей по мелководью по Черному морю итти не могут, и российские военные суда, кои строятся на Дону, по мелководию менее всякого по сию пору на Черном море видимого турецкого корабля купеческого»³.

В этом смысле Обрескову и была послана правительственная инструкция, хотя Совет считал возможным уступить в этом вопросе и добиваться права России на плавание по Черному морю

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1765, л. 5; ср. В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 446.

² Очевидно, следует читать: на них.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, лл. 6 и 7. Автограф. В основном сохранен стиль документа.

одних только торговых судов, которые можно было «всегда в случае надобности обращать в военные»¹.

Панин, который вместе с остальными членами Совета придерживался второго мнения, исходил из того, что требование неограниченного мореплавания вызовет противодействие западно-европейских держав и затруднит заключение мира. В неофициальной приписке к правительственному рескрипту на имя Обрескова от 10 января 1773 г. он писал: «Мне мнится не без основания, что Порта сама по себе утвердительную [та]тарскую независимость гораздо для себя важнейшим делом поставляет, нежели свободное наше по всем морям кораблехождение, напротив же того посторонние державы больше находят зависти противу нас в последнем...»².

Вся последующая история борьбы России за право проводить через проливы свой военный флот — борьба, перешедшая в XIX и XX века, — подтвердила нереальность расчетов Екатерины II на легкое и быстрое разрешение этой проблемы.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 224.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией. д. 1765; ср. В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 454.

Глава VII

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В БУХАРЕСТЕ

ВТОРОЙ ЭТАП

(с 10 декабря 1772 г. по 9 марта 1773 г.)

Когда обсуждение черноморской проблемы было приостановлено и послы, в ожидании новых инструкций, перешли к рассмотрению других условий мира, Обресков выдвинул некоторые пункты, не предусмотренные правительственным проектом договора. Обстоятельства появления этих пунктов, родившихся не в Петербурге, не в результате длительного обсуждения, а выдвинутых по личной инициативе Обрескова, имеют большое значение для понимания Кючук-Кайнарджийского договора.

На тринадцатой конференции (10 декабря 1772 г.) Обресков огласил шесть статей проектируемого мирного договора. Одни из них (немногие) уже затрагивались во время конференций (теперь Обресков придал им четкие юридические формы), другие были выдвинуты впервые. Статьи, представленные Обресковым, касались следующих вопросов:

- 1) о взаимной амнистии всем восставшим против своего правительства во время войны;
- 2) о суверенном праве каждой стороны на свою территорию, в частности на ее военное использование;
- 3) о выдаче преступников;
- 4) о правах паломников;
- 5) о положении русских дипломатических представителей в Константинополе;
- 6) об освобождении военнопленных, а также всех «невольников» христианского вероисповедания;
- 7) о построении в Константинополе православной церкви; о защите христианского закона и праве России делать в пользу константинопольской церкви представления Порте;
- 8) об императорском титуле Екатерины II;
- 9) о содействии Порты при заключении Россией торговых договоров с африканскими вассалами Турции.

Вернувшись к своему предложению об амнистии, внесенному в связи с обсуждением вопроса о Западной Грузии, Обресков сформулировал его в виде следующего взаимного обязательства:

«Чтоб обе империи соделали общую амнистию и даровали бы совершенное прощение тем, кои в настоящую войну подняли оружие или учинили какое либо действие в пользу одной из воюющих сторон и в предосуждение собственного их государя. Чтоб таковые действия преданы были совершенному забвению так, как и все подозрени, против родиться могущие. А естли найдутся некоторые, кои лишены имений своих или чего другого, то б оные вещи были им возвращены. Изгнанным же чтоб позволено было возвратиться в свои дома. Равным образом чтоб были освобождены и те, которые по какому либо подозрению в темницах или на галерах находятся»¹.

Абдур-Резак заявил, что хотя он не имеет инструкции по вопросу об общей амнистии, но поскольку это дело «богу угодное и обязательство с обеих сторон равное», то Порты затруднений чинить не будет.

Потеряв надежду на быстрое разрешение вопроса об Азове (этот вопрос был отложен после первой конференции), Обресков старался другими средствами обеспечить относительную прочность южных рубежей. Он выдвинул требование, чтобы Турция не чинила препятствий, если Россия пожелает строить крепости в собственных пограничных областях. Эта общая постановка вопроса имела значение не только для Приазовья, но и для всей южнорусской границы (вспомним, сколько затруднений встречало строительство крепостей на юге России). Свое предложение Обресков изложил следующим образом:

«В сходственность с естественным каждой державы правом делать в области своей такие распоряжения, какие она за благо рассудит, обе империи предоставляют себе полную и неограниченную свободу делать как на границах своих, так и в других удобных местах, всякого рода жилища, селения, возобновлять старые крепости и города так, как и новые строить и протч.»²

Абдур-Резак сразу оценил стратегическое значение этого пункта для России и, заявив решительный протест, попросил отложить его обсуждение. Предложенная статья была подписана только 7 января 1773 г. при большом противодействии турецкого посла, хотя она формулировала право, вытекавшее из общепризнанной идеи государственного суверенитета.

Вопрос о выдаче преступников не был новым, и статья, предложенная Обресковым на тринадцатой конференции, воспроизводила в несколько измененных выражениях статью 8 Белград-

ского трактата. Как в той, так и в другой статье Россия и Турция взаимно брали на себя обязательства выдавать или по крайней мере изгонять из своей страны подданных другой державы, которые совершили какое-нибудь преступление. В принятии такой статьи, направленной прежде всего против политических преступников, были одинаково заинтересованы обе стороны. При выдаче преступников исключение делалось в отношении тех, которые приняли христианство в России или мусульманство в Турции. Однако Обресков, исходя из интересов русского посольства в Константинополе, предложил сделать оговорку и принять статью в следующей редакции: «Все преступники, есть ли учиня какое-либо важное преступление, из одной империи перейдут в другую, таковые при первом требовании должны быть отданы или выгнаны, кроме тех, кои, есть ли магометанин примет в России христианскую веру, а в Оттоманской империи христианин примет веру магометанскую, исключая из сего случая тех, которые могут найтись в действительной службе резидующего при Блистательной Порте министра Российской империи; таковые никоим образом в магометанскую веру приняты быть не должны, но возвращены помянутому министру»¹.

Огласив это предложение, Обресков сослался на возможные случаи, когда кто-нибудь из служащих русского посольства, желая избегнуть наказания за пьянство, воровство и пр., заявил бы о своем желании перейти в мусульманство. После этого его можно было бы наказывать лишь по решению турецкого суда. «Рассудите, — сказал Обресков, — какой министр пожелает вступить в суд со своим служителем, которой уже находится под покровительством всего духовенства?»²

Однако Абдур-Резак считал невозможным отказать кому-либо в принятии мусульманства. Он настаивал, чтобы общее правило распространялось и на служащих посольства, заверяя, что порядок турецкого судебного разбирательства будет улучшен.

К обсуждению этой статьи посла вернулись позднее — на семнадцатой конференции.

Статья о паломниках была простым подтверждением статьи 11 Белградского договора. Подобные же статьи имелись и в договорах Турции с иностранными государствами³. Со стороны Абдур-Резака эта статья не встретила возражений. В ней говорилось: «Чтоб позволено было как духовным, так и светским Российской

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 89,

² Там же.

³ В договоре о капитуляциях с Францией от 1740 г. ставились под защиту не только паломники в Иерусалим, но и «монахи, находящиеся при храме Святого гроба, Камама нарицаемом».

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 75.

² Там же, л. 89.

империи подданным свободно и без всякого платежа какой-либо подати посещать святой град Иерусалим, так и другие места, посещения достойные»¹.

Статья о русских представителях в Константинополе была предложена Обресковым в соответствии с инструкцией и имела целью закрепление за русскими представителями более высокого места в международной посольской иерархии:

«По заключении сего блаженного мира и по возобновлении соседственной искренней дружбы, российской императорской двор будет всегда при Блистательной Порте иметь второго ранга министра, то есть посланника или полномочного министра. Блистательная же Порта употребит в рассуждении его характера все то внимание и уважение, которые наблюдаются к министрам отличнейших держав. И во всех публичных функциях помянутой министр должен следовать непосредственно за цесарским министром, если он в равном с ним характере; когда же будет другого, то есть большего или меньшего, тогда непосредственно должен он следовать за голландским послом, а в небытность оного за венецианским»². Так как предложение Обрескова согласовалось с первенствующим положением в Константинополе французского, английского, голландского и венецианского представителей (имевших первый ранг), то Абдур-Резак легко согласился на это требование России.

Затем Обресков огласил целую группу статей, объединенных между собой чисто внешней связью. Они-то и представляли собой то новое, что было внесено Обресковым в проект договора по собственной инициативе.

Эти статьи гласили:

«Российской императорской двор имеет в своей власти военнопленными нескольких визирей, пашей, многих чиновных офицеров и несколько тысяч рядовых. Однакож, чтоб дать Блистательной Порте ясной опыт искреннего его и совершенного с оною примирения, возвращает ей без всякого выкупа или платежа всех оных, исключая только тех, кои добровольно христианской закон приняли. Во взаимство же сего требует,

1) чтоб Блистательная Порта равным образом возвратила всех российских подданных, исключая добровольно магометанскую веру принявших, и чтоб даровала свободу полякам, волохам, молдаванам, мораянцам³, островским жителям и грузинцам, которые в продолжении нынешней войны впали в невольничество;

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 89.

² Там же.

³ Мориянцы — греки, населявшие Морею.

2) чтоб позволено было в Константинополе в части, называемой Пера или Бей-Углу¹, для духовных², грекороссийской закон исповедующих, воздвигнуть церковь; сия была [б], под протекциею российских министров и защищаема от всяких притеснений;

3) чтоб христианской закон и церкви были с большим тщанием от Блистательной Порты защищаемы и чтоб умеренные российских министров в пользу христианских церквей представлении всегда благосклонно принимаемы были.

4) Блистательная Порта признает уже императорской титул в священной особе ее императорского величества всероссийской; и естли бы она, Блистательная Порта, оказала снисхождение давать сей титул как в трактате, так и в публичных актах и письмах с выражением на собственном ее языке, то-есть: Руссие падышах, как уже в 1740-м году приписала она к королю французскому, то б дала через сие ясной опыт искреннего своего и совершенного примирения или дружеского к двору сему уважения и

5) равным образом российской двор счел бы за одолжение, естли б Блистательная Порта дала обещание употребить кредит свой и власть к приведению Трипольского, Туниского и Алжирского кантонов сделать с Россиею трактаты дружбы и коммерции и в оных была бы за них ручательницею»³.

Статья о размене военнопленных была обычной в мирных договорах. Возвращение их без выкупа было внесено впервые в Белградский договор. Новым в предложении Обрескова было то, что русское правительство, наряду с собственными подданными, попавшими в плен, требовало также освобождения грузин, греков, молдаван и других подданных *Оттоманской империи, а также Польши*, которые во время войны сражались на стороне России и оказались в турецком плену.

По этому поводу Обресков указывал в своем письме Панину: «Между взаимным возвращением всех и всякого рода военнопленных выговорена целая же свобода всем христианам — нашим единоверцам, в неволю впадшим в течение настоящей войны». «Сие послужить может и на будущие всякие несчастные случаи, видя оне явным пример, что ревности и преданности их жертвою не оставляются»⁴.

Последние строки обнаруживают дальновидную политику, направленную к расширению русской опоры в тылу Оттоманской империи на случай возникновения новой войны. Необходимость

¹ Правильно: Бейоглу; пригород Константинополя, в котором были сосредоточены иностранные посольства.

² Это слово обведено рамкой в документе.

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 90 (статья 16).

⁴ Там же, л. 7.

в такой статье вытекала также из содержания царских манифестов, которые в начале войны распространялись среди турецких христиан и в которых провозглашалось, что «при будущем нашем замирении с Портою» будут приняты во внимание интересы «друзей империи нашей...»¹ Каковы бы ни были мотивы дворянского правительства, требование об освобождении наиболее активных участников освободительной борьбы имело положительное значение для угнетенных народов Турции.

В связи с упоминанием поляков в перечне народов, подлежащих освобождению, Обресков дал Панину следующее разъяснение: «Может быть, милостивый государь мой, нанесет вам некоторое удивление упоминание тут же о поляках; но я, милостивый государь мой, разумею только тут поляков, в польской Украине живущих и татарами по подводу барских конфедератов в неволю захваченных»².

Если параграф 1 принадлежал Обрескову только отчасти (он был подсказан ему Белградским договором), то пункты 2 — 5 были составлены им целиком. Поэтому в депеше на имя Панина Обресков счел своим долгом «посбъяснить последние четыре параграфа» предложенной им статьи.

Мысль о постройке церкви в Константинополе, по словам Обрескова, возникла у него под влиянием многочисленных обращений константинопольских христиан к русским дипломатическим представителям: «...тамошние жители так предместникам моим, как и мне беспрерывно докучали о исходатайствовании им сего богу угодного благодеяния: многожды же представляли готовность их и потребные на воздвижение храма издержки на себя перенять...»³

Эти факты подтверждаются сообщениями русских представителей из Константинополя за разные годы. Так, русский поверенный в делах Левашов писал Панину в октябре 1767 г.: «Как вам не безызвестно, что живущие в здешней земле под игом магометанским христиане не токмо вновь церквей строить не могут, ниже старых починять, почему и весьма немалую в том нужду имеют; чего ради бывшая в российском доме трехпрестольная церковь прибежищем была всем находящимся здесь единоверным с нами народам, как грекам, болгарам и славенам». Благодаря постройке русской церкви, писал Левашов, «окроме набожности, высочайший двор приобрести может в народах сих наибольшее к себе усердие и преданность, толь полезную для всегдашних его в здешних странах интересов»⁴.

¹ Сб. РИО, т. 1, стр. 10.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, лл. 7—8.

³ Там же, д. 1752, л. 71. См. приложение к настоящей работе — № 2, стр. 348.

⁴ Там же, д. 416, 1768 г., лл. 22—23.

Позднее, уже в ходе войны, Обресков получил, через посредство молдаванского господаря Гики, письмо константинопольских греков (подписанное Thyaniti) с просьбой поддержать ходатайство о разрешении построить церковь в Константинополе. «Во всем квартале Перы,—говорилось в письме,—у нас нет церкви». Многие вынуждены пользоваться римско-католической церковью. «Все другие европейские державы имеют 2 — 3 церкви в нашем квартале Перы для своих наций. Очень ли трудно построить таковую же для российского двора — для тех наций, которые после заключения мира будут там располагаться на жительство и вести торговлю с Левантом (ибо только под таким предлогом она может быть построена и пользоваться покровительством е. и. в. как церковь, принадлежащая этому двору)?» Константинопольские греки даже наметили для этой цели определенный участок земли; они готовы были собрать деньги на все необходимые расходы, лишь бы русское правительство выговорило для них соответствующее право у Оттоманской Порты¹.

Таким образом, на русскую дипломатию было оказано определенное давление со стороны подвластных Турции христиан, видевших своего защитника и покровителя в русском государстве. Русская дипломатия со своей стороны старалась использовать обращения христианских народов Турции в интересах внешней политики России.

Абдур-Резак, отвечая на предложение Обрескова о постройке церкви в Константинополе, заявил, что он не может взять на себя решение вопроса, который подлежит ведению константинопольского духовенства. Это — новый вопрос и его необходимо довести до сведения Порты.

Внося предложение о покровительстве христианской церкви со стороны русских представителей в Константинополе, Обресков был очень осторожен в выражениях, так как понимал, что «точное требование одного дозволения не можно утверждать на каком-либо праве, и предвидя, что оною Порту шокировать могло бы»².

Действительно, Абдур-Резак сейчас же заподозрил в предложении Обрескова желание обеспечить за Россией возможность вмешательства во внутренние дела Турции. Он не оспаривал, что другие державы имеют в Константинополе свою национальную церковь, «состоящую под их покровительством», однако, заявил он, они за нее «говорят под видом дружбы только, а не в силу каких-либо обязательных договоров»³.

Обресков не счел возможным настаивать на своем требовании и поспешил заявить: «Мы равным образом в трактате о сем

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1702, 1772 г., лл. 1—3.

² См. приложение № 2, стр. 348.

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 93.

умолчать можем, изъясните только в актах конгрессных, что о сем говорено и постановлено было от Порты принимать таковые министров наших представления и иметь к ним должное в рассуждении дружбы уважение»¹.

Императорский титул русских монархов признавался в Турции со времени Белградского договора. Однако после вступления на престол Екатерины II со стороны нескольких держав, в том числе и Турции, имели место попытки оспаривать этот титул. Так, в начале русско-турецкой войны султанское правительство в своей переписке с иностранными державами объявляло Екатерину II узурпатором императорского титула². Поэтому Обрескову представлялось крайне важным не только подтвердить императорский титул Екатерины II, но и поднять его в глазах турецкого населения. Обресков знал, что «в турецкой земле титулатура императора или императрицы столько же мало сведома, как у нас *падышах* — наименование, носящее³ султанами, то-есть самой тот же император». Обресков знал также, что французское правительство в целях поднятия своего авторитета в землях Османской империи добилось того, чтобы французский король именовался у турок падишахом. Порта удовлетворила желание французов в благодарность «за оказанные услуги при Белградском трактате»⁴.

Добиваясь, чтобы Россия не уступала иностранным державам во всем, что касалось престижа, Обресков и внес предложение о титуловании русской императрицы в Турции *на турецком языке*. В письме к Румянцеву он подчеркивал, что постановка этого вопроса принадлежала ему лично: «Титул падышаха, милостивый государь, я собственно от себя потребовал, а не по инструкции»⁵.

Отвечая на предложение Обрескова, Абдур-Резак заявил, что представит это новое требование своему правительству, но что заранее предвидит затруднения, ибо «Порта еще до сего времени римскому императору сего титула не дала»⁶. Другими словами, Абдур-Резак считал невозможным дать титул падышаха русскому монарху раньше австрийского.

На это Обресков возразил, что так или иначе «немецкий» император уже не может быть первым европейским падишахом: «Короля французского уже давно Порта императором наименовала, а по заключении Белградского трактата назвала его фран-

А. М. Обресков.

Портрет работы художника Ф. С. Рокотова. Масло. 1777 г.
(Государственная Третьяковская галерея).

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 93.

² Напшег. Указ. соч., т. VIII, стр. 320—321.

³ Следует читать: носимое.

⁴ См. приложение № 2, стр. 348.

⁵ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1726, л. 52 (письмо Обрескова Румянцеву от 29 декабря 1772 г.).

⁶ Там же, д. 1752, л. 78.

цузской падышах. Немецкой же император не имеет сего названия для того, что он его никогда не требовал, в чем конечно б ему Порты не отказала, яко в деле в самом существе ничего значущем»¹.

Тем не менее Абдур-Резак продолжал спорить с Обресковым по вопросу о титулатуре, причем аргументация его только усиливала решимость Обрескова добиваться для России тех же прав («той же знатности»), какими пользовались другие державы. Вместо Австрии Абдур-Резак теперь ссылался на Францию, которой могло не понравиться, если бы Турция стала применять в отношении России равную с ней титулатуру. «Франция, — говорил Абдур-Резак, — ... одна пользующаяся из всех европейских держав таковым от Порты титулом (падышах), оскорблена тем будет, и без сомнения версальской двор ничего не пожалел бы, когда бы предвидел, что может тому воспрепятствовать»².

Но Обресков напомнил, что Турция признает императорский титул русских государей и что «дело идет только о том, чтобы каждая держава давала оный титул на собственном своем языке»³.

На это Абдур-Резак заметил, что Франция получила титул падишаха не даром, а за помощь при заключении Белградского договора, и предложил этот титул России «в уравниение уступки Архипелагских островов»!⁴

После такого маневра турецкого посла Обресков счел продолжение дискуссии невозможным, и вопрос о титуле русских царей остался открытым.

Постановка вопроса об африканских вассалах Турции была вызвана тем обстоятельством, что именно в этих странах формировались отряды корсаров, грабивших купеческие суда в Средиземном, Адриатическом и Эгейском морях. Исходя из того, что Россия заинтересована не только в черноморской, но и в средиземноморской торговле, Обресков потребовал, чтобы Турция приняла на себя гарантию договоров о дружбе и торговле между Россией и африканскими «кантонами». При этом Обресков сослался на то, что «она сие сделала другим державам»⁵.

Действительно, в договорах о капитуляциях, заключенных Турцией с Францией, Англией и другими державами, имелись статьи, защищавшие купцов указанных стран от корсаров. Из этих статей ясно видно, что предотвращение грабежей со стороны корсаров было задачей сложной, постоянно требовавшей новых усилий со стороны султанского правительства. Все принимавшиеся меры оказывались недостаточно эффективными и не прекра-

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1752, л. 78.

² Там же, д. 1754, лл. 12—13.

³ Там же, л. 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 73. См. приложение № 2, стр. 350.

щали жалоб иностранных купцов. В английских капитуляциях говорилось от лица султана, что вопреки всем запрещенным «морская наша армия, бейлербеи и капитаны, ходящие по морю, также алжирцы, тунисцы и трипольцы, встречаясь с английским кораблем, идущим из одной гавани в другую, ищут случая его ограбить и под видом, нет ли в том корабле вещей, принадлежащих неприятелям Порты, приступают осматривать и обыскивать оный, чем самым отягощают его задержанием и отведением от настоящего его пути». В другой статье содержалось предписание, «чтоб корсары тунисские и алжирские, в противность моих капитуляций разграбившие именные и товары англичан..., возвращали оные товары и пожитки, также освобождали б людей, задержанных ими в неволе»¹. При этом объявлялось, что нарушители этих предписаний не будут допускаться в пределы Оттоманской империи.

Во французских капитуляциях отмечалось, что, несмотря на многократно обещанную французам помощь в отношении борьбы с корсарами, «оные корсары не только обижают французские корабли, на море им попадающиеся, но и делают нападки французским консулам и купцам в гаванях, где они пристають»².

Для предотвращения грабежей со стороны корсаров иностранные державы старались завязывать дружеские отношения с африканскими вассалами Турции — Алжиром, Тунисом, Триполи. Так, в голландских капитуляциях говорилось: «когда корабли алжирских корсаров придут в гавани, голландцам принадлежащие, то принимать их с честью и давать им порох, свинец, парусы и другие военные припасы. Когда же оные корсары встретятся где-либо с голландскими купцами, то они их голландцев невольниками делать и имения у них отнимать да не дерзают...»³. Аналогичная статья имела и во французских капитуляциях (ст. 4).

В свете всех этих постановлений совершенно ясно, почему Обресков поставил вопрос о содействии Турции «к приведению Трипольского, Тунисского и Алжирского кантонов сделать с Россиею трактаты дружбы и коммерции». Он использовал опыт средиземноморской торговли европейских держав, которого сама Россия еще не успела приобрести. Но Обресков не ограничился простым заимствованием того, что имелось в международной практике: он потребовал внесения в мирный (следовательно, двусторонний) договор обязательств Турции быть ручательницей

¹ «Капитуляции или трактаты между Оттоманскою Портою и Великобританиею», СПб., 1780, статьи 64 и 52.

² «Капитуляции или трактаты между Оттоманскою Портою и Французским двором, возобновленные и умноженные в 1740 г.», СПб., 1780, статья 81.

³ «Капитуляции или трактаты между Оттоманскою Портою и Голландскими Генеральными Штатами», СПб., 1770, статья 17.

«трактатов дружбы и коммерции», которые Россия заключит с ее африканскими вассалами. Такой акт должен был иметь более серьезные последствия, чем капитуляции, т. е. односторонние уступки султана западноевропейским державам.

Предложение о торговых договорах с африканскими вассалами Турции было сделано до того, как был разрешен вопрос о мореплавании в турецких водах; оно являлось своего рода пробным шаром со стороны Обрескова.

Выслушав сделанное предложение, Абдур-Резак заявил, что преждевременно говорить на эту тему, поскольку стороны еще не пришли к соглашению относительно границ мореплавания. «Вы требуете его на всех морях свободного, а я по сие время дозволил оное на одном только Черном море», — заявил он¹.

Дополнив правительственный проект мирного договора перечисленными новыми пунктами, Обресков в то же время медлил с предъявлением некоторых требований, предусмотренных правительственной инструкцией, в частности о возвращении русского флота, находящегося в Архипелаге, через Черное море. Обресков считал, что этой цели легче будет добиться после того, как «кораблеплавание и коммерция порядочно постаноятся». Но была и другая причина — более важная, — которая заставляла Обрескова медлить с предложением данной статьи. Известие о возвращении Турции островов Архипелага неизбежно должно было вызвать тревогу и волнения среди греческого населения островов. Поэтому Обресков решил как можно дольше сохранять в тайне от греков Архипелага перспективу восстановления владычества Порты. Он писал Панину, что не предъявляет требования о возврате флота через Дарданеллы «по опасности безвременного в здешних краях разглашения и приведения жителей в возмущение, что иногда может быть предосудительно для выгод зимующей армии»².

* * *

В конце декабря 1772 г. к Абдур-Резаку прибыли два курьера из Константинополя. С этих пор его поведение резко изменилось. Он неожиданно вернулся к обсуждению вопросов о крымских крепостях, об Азове, о мореплавании и взял назад все уступки, на которые шел раньше. В депеше Панину от 22 декабря Обресков сообщал, что пятнадцатая конференция «была несколько похолоднее предыдущих, а самая последняя, шестнадцатая, ... уже и совсем на прежние не походит». Такое изменение Обресков объяснял надеждами султана на «чаемую им сильную диверсию шведской короны, которую находящийся там министр оного двора

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, л. 1752, л. 77.

² Там же, л. 73.

с помощниками других дворов представляет скорою и сильною, а при том станется, что сему споспешествовало и еще *дошедшее дознание Порты случившегося на Дону*, или же спознание турецким послом о выводе из здешнего края многих полков, из чего он может быть заключает быть большой нужде в других местах»¹.

Эти предположения были вполне обоснованны. Но Обресков не знал еще одного обстоятельства, которое не могло не влиять на позицию Порты, усиливая непримиримость турецкого посла на конгрессе. После разгрома лучшей турецкой эскадры при Чесме у Турции еще оставались довольно значительные морские силы, разбросанные в разных местах — в Босфоре, в Мраморном море, в Адриатическом море и у берегов вассального Туниса. Мечтая о реванше, турки осенью 1772 г. стали сосредоточивать свои корабли в северной части Архипелага и с противоположной стороны — у берегов Египта, намереваясь напасть на русский флот одновременно с двух сторон. Они рассчитывали на то, что русское морское командование, полагаясь на заключенное перемирие, будет застигнуто врасплох и не сможет оказать сопротивления.

Вероломный план турок был разгадан русским командованием, которое двумя ударами — в Патрасском заливе и в порту Дамiette (Египет)—разрушило агрессивные планы противника. Это случилось уже в конце октября 1772 г. Но если Екатерина II узнала об этих октябрьских победах русского флота только в феврале 1773 г.², то есть полное основание полагать, что до Абдур-Резака это известие дошло тоже с более или менее значительным опозданием. Впрочем, воинственное настроение продолжало царить в столице Оттоманской империи и после этих новых ударов, нанесенных турецкому флоту.

Иностранцы представители в Турции старались усилить непримиримость Порты в переговорах с Россией. Еще в ноябре Обресков узнал, что Тугут и Цегелин поспешили довести до сведения Порты не только о последних уступках, на которые решило пойти русское правительство, но даже о таких, на которые оно идти не собиралось. По их сообщениям, Россия соглашалась «на давание Портою ханам инвентуры без всякого ограничения, також и возвращение Бендер без замены Очакова и Кинбурна. Последнее мне большого затруднения не делает, — писал Обресков, — сие я могу заменить Бессарабнею с городами ее, о которой они не упоминали. А первое — величайшее, и недоразумеваю, каким образом поправить возможно, потому что посол, конечно, *при требовании своем еще тверже настоят*

будет, а мне в сем его удовольствовать не что иное есть, как сделать татар вольными в одном только мнении, а не действительно, а к тому же и противуречит точно первому артикулу заключенного с ними трактата...»¹.

Если Пруссия желала, чтобы русско-турецкая война окончилась возможно скорее, но с наименьшими выгодами для России, то Австрия определенно старалась затянуть войну. Озабоченный исходом австрийских демаршей, прусский представитель Цегелин выдавал своего коллегу Тугута, сообщая Обрескову мотивы, по которым Австрия желала затяжки войны. «Иногда я подозреваю, — писал он Обрескову, — что его (Тугута) двор не будет возражать, если война продолжится, возможно, из собственных интересов; ибо Белград и Сербия — кусок, который бы хотелось получить»². Воспользоваться затруднениями Турции и отхватить у нее кусок славянских земель — эта цель, действительно, все сильнее занимала австрийскую правящую верхушку.

Доверительные письма Цегелина не мешали Обрескову, так же как и Румянцеву, видеть в них «и волчий рот и лисий хвост»³.

Несмотря на то, что по вопросу о крымских крепостях решено было ожидать правительственных распоряжений, Абдур-Резак во время шестнадцатой конференции неожиданно заявил: «Блистательная Порта не в таких крайностях находится, чтоб должна она была уступить России Еникале»⁴.

Турция желала получить обратно все потерянные территории и предлагала за них денежное вознаграждение⁵.

Обресков заявил, что «Россия землями не торгует», и предложил оставить вопрос об Еникале до получения ответов русского и турецкого правительств на посланные запросы⁶.

Вернувшись к вопросу об Азове, Абдур-Резак стал вспоминать, что после Прутского похода Азов «достался Порте». «Блистательная Порта вновь его построит, дабы он опять важным учинился».

Обресков на это отвечал, «что Россия в строении своих крепостей и без помощи Блистательной Порты обойтись может: а впротчем оной Азов уже и построен»⁷.

После шестнадцатой конференции Обресков заболел. «Шестая на десять конференция, — писал он Панину, — ...толь чув-

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1747, л. 5. Курсив мой.—Е. Д.

² Там же, д. 1754, л. 111.

³ Там же, д. 1766, л. 134 (письмо Румянцева Обрескову от 2 января 1773 г.).

⁴ Там же, д. 1754, л. 21.

⁵ Там же, лл. 18, 23.

⁶ Там же, л. 18.

⁷ Там же, л. 20.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1754, лл. 1—3. Курсив мой.—Е. Д.

² Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 94.

ствительно меня тронула, что я сильно было занемог, почему и в присроченную конференцию 24 числа ехать не мог, а насилу то мог сделать 27 числа»¹.

Впрочем, и в этот промежуток времени сношения между послами продолжались через советника русского посольства Пиния и секретаря турецкого посольства Васыфа. В этот период послы согласились о тех статьях, которые не вызывали особенных разногласий. По выздоровлении Обрескова статьи эти были постепенно подписаны и разменены. Первая из них касалась взаимной амнистии подданных; поднявших оружие против своего правительства. По предложению Обрескова решено было, чтобы статья эта была включена в договор под № 1 в качестве дополнения к обычным заявлениям сторон о прекращении вражды и о намерении поддерживать вечный мир. Именно этим дополнением новая статья отличалась от статьи 1 Белградского договора².

Вторая статья, подписанная на семнадцатой конференции, касалась Грузии. При ее обсуждении Обресков еще раз попытался отстаивать политическую самостоятельность грузин и передачу им крепостей Кутаиси, Шорапани и Багдади. «Некоторые из грузинцев, — говорил Обресков, — суть народы вольные, и тех двор мой подданными Оттоманской Порты признать не может»³. Обресков ссылаясь на заявления имеретин («ачик-башей») о том, «что никогда они Порте не принадлежали».

Повторяя свое прежнее заявление о турецких крепостях, Обресков говорил: «Бывалые в той стороне офицеры наши уверяют, что города Кутатись, Богданжик и Шегербань⁴ издревле принадлежали грузинцам, а отобраны у них незадолго пред войною командующими пашами»⁵.

Но Абдур-Резак теперь менее, чем когда бы то ни было, был расположен к уступкам. А так как для царского правительства вопрос о Грузии оставался второстепенным, то Обресков, желая сдвинуть переговоры с мертвой точки и закрепить хотя бы то, чего удалось добиться, отступил от требования передачи грузинам названных крепостей. В то же время, формулируя статью о Грузии, он постарался юридически обосновать претензию Грузии на эти крепости. В окончательном тексте статьи о Грузии говорилось:

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1754, л. 66.

² Ср. ст. 1 Белградского договора (ПСЗ, т. X, № 7900, стр. 899—900) со статьей, подписанной на Бухарестском конгрессе (приложение № 1, стр. 338).

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1754, л. 7.

⁴ Правильно: Кутаиси, Багдади, Шорапани.

⁵ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1754, л. 8.

«В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости: Богдачик¹, Кутатись и Шегербань, российским оружием завоеванные, будут Россиею признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так что ежели подлинно оные города издревле или с давнего времени были под владением Блистагельной Порты, то будут признаны ей принадлежащими»².

Но грузинские крепости с древних времен принадлежали самим грузинам, следовательно, формулировка Обрескова давала возможность *оспаривать* право Турции на грузинские крепости и земли.

Сам Обресков в своем письме Панину подчеркивал *условный* характер статьи о грузинских крепостях. Он писал, что оставил Турции три указанные крепости «кондиционально, — ежели оные ей в существе с давних времен принадлежали». В то же время он «выговорил остаться за ними разных им принадлежащих крепостей и укрепленных мест»³. Действительно, в статье о Грузии, подписанной Обресковым и Абдур-Резаком, Турция обязывалась оставить «все замки и укрепленные места» (кроме указанных трех) во владении «грузинцев и мингрельцев»⁴.

Несмотря на провозглашение в статье 1 общей амнистии всем восставшим, аналогичное постановление было повторено как обязательство Турции в отношении Грузии. В этой же статье объявлялось об упразднении бесчеловечной дани грузинскими детьми. Грузинское население не должно было подвергаться притеснениям со стороны турецких властей. Турция обязывалась также «не притеснять никоим образом веру, монастыри и церкви и не препятствовать поправлению старых, созиданию новых».

Обресков писал Панину по поводу статьи о Грузии: «Вера, монастыри и церкви равномерно ж безопасностью обнадежены, да и от лихоимства начальников несколько защищены»⁵.

Начальные слова статьи, относящейся к Западной Грузии, обнаруживали недостаточно ясное представление у споривших сторон относительно политического деления этой области и ее географии: ни одна из названных крепостей не находилась в Мингрелии. Багдади, Кутаиси и Шорапани всегда были в непосредственном владении Имеретии.

Третьей статьей, подписанной на семнадцатой конференции, была статья о Кабарде, предложенная Обресковым в самом начале Бухарестского конгресса. Абдур-Резак согласился признать за Россией Большую и Малую Кабарду. Однако он предло-

¹ Богдачик, так же как и Богданжик, — искажение названия Багдади (теперь г. Маяковский).

² См. приложение № 1, стр. 338—339. Курсив мой. — Е. Д.

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1754, л. 67.

⁴ См. приложение № 1, стр. 339.

⁵ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1754, л. 68.

жил не говорить об этой уступке прямо, а сослаться — в этом единственном случае — на договор России с татарами. Для Турции, говорил Абдур-Резак, очень трудно «выговорить: я их уступаю». Гораздо удобнее выразить это так: «Обе Кабарды имеют оставаться по силе учиненных между двором российским и татарами договоров»¹.

Этот довод Абдур-Резака был сбыкновенной дипломатической уловкой. Дело было отнюдь не в престиже Порты, который мог пострадать от формального признания сделанной уступки. И упоминание о «договорах» с татарами вовсе не означало непоследовательности турок. На самом деле Порты рассчитывала оспорить договор России с Крымским ханством от 1772 г. и подчинить себе кабардинцев. (Мы увидим, что она пыталась это сделать в 1776 — 1777 гг.). Поэтому ей было выгодно вместо ясной и точной формулировки о Кабарде отдать этот вопрос «на волю» самих татар.

Повидимому, Абдур-Резаку удалось сыграть на стремлении русской дипломатии подчеркнуть самостоятельность Крымского ханства: Обресков не возобновлял больше споров о Кабарде, согласившись на следующую расплывчатую редакцию данного пункта:

«Обе Кабарды, то-есть Большая и Малая, по соседству с татарами большую связь имеют с ханами крымскими, для чего принадлежность их императорскому Российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского с советом его и с старшинами татарскими»².

На восемнадцатой конференции (31 декабря 1772 г.) были подписаны обсужденные ранее статьи о выдаче преступников, о правах паломников и о положении русских представителей в Константинополе.

Статья о выдаче преступников претерпела некоторые изменения по сравнению с формулировкой, предложенной Обресковым на тринадцатой конференции. Взаимные обязательства сторон о выдаче преступников составили отдельную статью. По сравнению с первоначальным текстом эта статья была расширена и усилена. Так, в ее заключительной части объявлялось, что подданные обеих империй, «как христиане, так и магометане, учиня какое либо преступление или иное что, по какой бы то причине ни было, из одной империи прибегнут в другую, таковые, когда будут требованы, непосредственно должны быть возвращены»³. Таким образом, под эту статью попадали теперь не только преступники, но и все вообще эмигранты независимо от их вероисповедания.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1754, л. 9.

² См. приложение № 1, стр. 339.

³ Там же. Курсив мой. — Е. Д.

Вторая часть предложения Обрескова, относившаяся к служащим русского посольства, составила особую статью. На основании ее текста служащий русского посольства, совершивший преступление, мог быть принят в мусульманство лишь «по учинении ему достойного наказания». Кроме того, никто не мог быть принят в мусульманство в пьяном виде, «разве по прошествии его пьянства, и когда память его придет в естественное свое состояние»; «последнее его признание должно сделано быть в присутствии присланного от министра переводчика и нескольких беспристрастных мусульманов»¹.

На девятнадцатой конференции (3 января 1773 г.) Обресков заявил Абдур-Резаку: «При последней конференции сделали мы артикул в пользу российских в Константинополе министров; а теперь можем учинить равную услугу их переводчикам, постановляя, чтобы впредь не имели они отвечать за то, что по повелению принципалов своих принуждены говорить министерству Блистательной Порты»². Последовавший обмен мнениями так передается протоколом конференции:

«Реис-эфенди с удивлением спросил, естли до сего случались переводчикам какие-либо от министров оскорбления за их переводы?

Российской посол отвечал ему в том некоторыми примерами, случившимися во время его министерства в Константинополе.

Реис-эфенди спросил еще, естли какая другая держава пользуется уже подобными для переводчиков своих постановлениями?

Российской посол отвечал, что для английских переводчиков таковое постановление сделано.

Так и мы для российских учредить сие можем, сказал реис-эфенди»³.

Так родилась еще одна статья, не предусмотренная правительственной инструкцией и отражавшая стремление России оградить своих представителей от произвола турецких властей.

Говоря об английских переводчиках, Обресков имел в виду статью 46 английских капитуляций. Аналогичная статья была во французском договоре о капитуляциях. Но если в английских и французских капитуляциях положение переводчиков в известной мере зависело от правильности сделанного ими перевода и, следовательно, не было вполне обеспечено, то Обресков формулировал этот пункт таким образом, что он действительно охранял неприкосновенность переводчиков.

«Переводчики, служащие при российских министрах, в Константинополе находящиеся, какой бы нации они ни были, поелику суть люди, в государственных делах упражняющиеся,

¹ См. приложение № 1, стр. 339—340.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, л. 18.

³ Там же.

следственно и обеим империям служащие, должны быть уважаемы и трактуемы со всякою благосклонностию, в налагаемых же на них от начальников их делах не должны они быть ответчиками»¹.

Статья о правах паломников, подписанная также на восемнадцатой конференции², была простым переложением статьи 11 Белградского договора, приспособленным к языку конца XVIII в.

Принятые статьи мирного договора, подписанные русским и турецким послами в ожидании правительственных инструкций о крымских портах и черноморском мореплавании, Обресков называл «артикулами невеликой важности». Среди них, писал он Панину, «однако же есть один не столько маловажен, а именно последование министров е. и. в. второго класса во всех публичных фонциях непосредственно за цесарским в равном характере, а в небытность его за послом голландским»³.

Эта статья, выдвинутая Обресковым еще на тринадцатой конференции и не встретившая возражений со стороны Абдур-Резака, была подписана в том виде, как ее предложил Обресков.

На двадцатой конференции (7 января 1773 г.) Абдур-Резак, после долгих споров, согласился, наконец, подписать статью о праве России и Турции на военное использование своих земель⁴.

* * *

Круг вопросов, которые послы считали возможным обсудить в ожидании правительственных инструкций, в основном был исчерпан. Последующие конференции собирались «для одного вида только», послы говорили почти исключительно «о посторонних делах». Впрочем, Обресков сделал еще одну попытку договориться по крымскому вопросу. На двадцать второй конференции он сделал по собственной инициативе следующее заявление: «Я, не имея на то никакого повеления, беру на себя предложить именем двора моего Блистательной Порте воспринять обязательство совсем равного и подобного, как двор мой, в вольности татар ручательства»⁵. (Имелась в виду соответствующая запись в договоре России с Крымским ханством.)

В депеше Панину от 19 января 1773 г. Обресков просил его «не удивляться», что он сделал это предложение, «не имея никакого повеления о требовании от Порты признания ручательства высочайшего нашего двора в помянутой татарской вольности, а того менее подобное и ей Порте предоставить...». Он поступил так, чтобы «преломить ее (Порты) упорство, а в противном

случае заставить ее обнажиться перед целым светом, что она татар вольными признает не действительно, но только на словах». «Оным моим предложением,—писал Обресков,—можно сказать, я его посла обезоружил, так что через некоторое время он в изумлении оставался, а потом принял на доношение...»¹.

Обресков попытался — однако безуспешно — прийти к соглашению относительно территории между Южным Бугом и Днестром. Он предлагал оставить ее «барьерою между двумя империями». Этого достаточно, писал он Панину 5 января 1773 г., «чтоб отнять все способы Порте переманить татар в земли свои»².

Другим вопросом, который обсуждался в ожидании новых инструкций, были турецкие жалобы на действия русского флота в Средиземном море. К этому времени оба посольства, находившиеся в Бухаресте, получили подробные сведения об октябрьских победах русского флота при Патрасе и под Дамьеттой. Обресков знал об этих событиях непосредственно от Алексея Орлова. Поэтому, когда Абдур-Резак попытался обвинить русское морское командование в нарушении перемирия, Обресков с фактами в руках доказал, что нарушение имело место с турецкой стороны и что Орлов нанес серьезные поражения турецкому флоту *в ответ на агрессивные действия турецкого морского командования*. Абдур-Резак согласился с доводами Обрескова, и инцидент был исчерпан.

Протоколы дальнейших заседаний Бухарестского конгресса показывают, что, несмотря на неудачу, постигшую турецкий флот в 1772 г., Порты не изменила своей позиции в переговорах с Россией, оставаясь столь же непримиримой. Агрессивные планы турецких адмиралов возникли в связи с надеждами Порты на шведскую диверсию против России и расчетами на помощь иностранной дипломатии. Эти же обстоятельства определяли и действия турецких послов на мирном конгрессе. Характерно следующее заявление Обрескова, сделанное Абдур-Резаку в связи с обсуждением агрессивных действий турецкого флота: «неприятели мира начали иметь участие в резолюциях министерства вашего»³. На самом деле франко-австрийская, английская и прусская дипломатия не начала, а усилила свое воздействие на Порты в этот период.

Обресков по поведению Абдур-Резака и по сообщениям своих осведомителей из Константинополя все более убеждался, что «гордость» турок день ото дня растет, так как они надеются, что Россия скоро будет занята «в других краях»⁴ (т. е. в Швеции).

¹ См. приложение № 1, стр. 340.

² Там же.

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1754, л. 68.

⁴ Там же, д. 1764, лл. 22, 24 и 37. См. также приложение № 1, стр. 340 (артикул 9) настоящей работы.

⁵ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, л. 77.

¹ АВПР, Сношения с Турцией, д. 1762, лл. 64—66.

² Там же, л. 4.

³ Там же, л. 100.

⁴ Там же, л. 33.

Находясь под впечатлением этих известий и предвидя новую неудачу мирного конгресса, Обресков писал Панину, что моральное состояние его хуже, чем во время заключения в Семибашенном замке¹.

Между тем Петерсон добросовестно фиксировал все события в жизни русского посольства, в частности, христианские праздники и другие даты, которые использовались как поводы для сближения между русскими (в лице военной администрации, дипломатов) и румынами. 24 ноября, в день «тезоименитства» Екатерины II, в местной церкви служил архимандрит одного из монастырей Валахии, который произнес «презрядное слово» в честь России и императрицы. Провозглашение «многие лета» сопровождалось пушечной пальбой, разносившейся по всему Бухаресту. Вечером Обресков дал бал в посольстве. Однако появление на этом балу Абдур-Резака сделало невозможным присутствие бывших подданных Турции—румын. Петерсон отметил в своем журнале, что «волошские бояре в рассуждении турецкого посла на бале не были»². Во время празднования крещения 6 января 1773 г. «на реке против конгрессного дома была приготовлена Иордань». «По опущении креста» город снова огласился пушечной пальбой и ружейными залпами, привлекавшими внимание горожан³.

Наибольший интерес представляет следующее событие, описанное Петерсоном под датой 15 января:

«По утру в одиннадцать часов с дозволения его превосходительства приехали к нему в дом преосвященный митрополит волошский со многими духовными, и все здешнего княжества знатные бояре с собственным их к его превосходительству прошением»⁴.

Появление депутации было вызвано опасениями неудачи мирного конгресса со стороны населения Дунайских княжеств. Несмотря на старания Обрескова балами и концертами создать впечатление, что конгресс протекает успешно, до населения доходили глухие известия о подлинном положении дела. Турецкий посол и его свита сознательно вызывали состояние тревоги у местного населения.

В прощении волошского духовенства и знати говорилось, что многочисленные волошские семьи «за доказанную ими ревность и привязанность к священной Всероссийской империи грозимы суть конечным истреблением и нигде не чают защиты, как только в спасении их отечества». Далее выражалось опасение, что Валахия снова будет отдана Турции: «...всегда страшится человек обмануться или потерять то, что больше всего любит и желает». Напоминалось об обещаниях Екатерины II в ее манифестах ко

всем народам, «под игом противных находящимся...»¹. Прощение было подписано митрополитом волошским Григорием, епископом бузейским Козьмой, игуменами, архимандритом и 33 представителями знати.

Обресков понимал большое политическое значение случившегося. В интересах России было сохранить симпатии населения Дунайских княжеств, поддержать его надежды на русскую помощь и тем самым обеспечить содействие русским войскам. В письме к Панину от 19 января 1773 г. Обресков так описывал свой образ действий по отношению к волошской депутации:

«Я их разными доводами ободрить тщился, и на последок точным уверением, что всего им устрашающегося в существе еще нимало нет, так что о жребии их не токмо что-либо решено, но по сие время ниже одно слово говорено; и что какой бы дела оборот ни взяли, попечение мое о их безопасности толь сильно и толь точно, что они с целым покойным духом оставаться могут, не тревожась, не беспокоясь *нималейше вымышлениями* и пустословиями, разглашаемыми умышленно, чтоб их пугать и оскорблять, чем, кажется, на сей час их и успокоил и отпустил от себя довольными»².

Приближался срок окончания перемирия. Это тревожило Абдур-Резака, который уже 21 января на двадцать четвертой конференции стал зондировать почву о возможности продления перемирия. Он предложил, чтобы обе стороны написали главнокомандующим и предложили отсрочку военных действий. Обресков возразил, что не следует предлагать главнокомандующим какой бы то ни было срок—«прежде всего нужно знать намерения их». Обресков допускал «и то, что в одном месте бывает конгресс и производится негоциация, а в другом действуют армии»³. Эти напоминания о роли оружия произвели очень сильное впечатление на Абдур-Резака.

В письме Панину Обресков сообщал, что замечания такого рода не нравятся турецкому послу и что у Турции есть серьезные основания избегать возобновления военных действий⁴.

* * *

В конце января 1773 г. Обресков получил правительственный рескрипт от 10 января 1773 г.⁵ с ответом на его запрос о возможности предоставить туркам какой-нибудь пункт на Азовском побережье вблизи Еникале и ограничиться одним торговым

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, лл. 81—82.

² Там же, л. 68.

³ Там же, л. 96.

⁴ Там же, лл. 96, 87.

⁵ Там же, д. 1765, лл. 4—9.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, л. 114.

² Там же, д. 1747, л. 146 (Журнал Петерсона).

³ Там же, д. 1762, лл. 58—59.

⁴ Там же, л. 84.

мореплаванием на Черном море. В рескрипте давалась похвальная оценка новых предложений, внесенных Обресковым по собственной инициативе. «...Апробуя придуманные вами самими и реис-эфендию предложенные уже артикулы сверх инструкции, охотно признаем мы в оных плод персонального вашего усердия и локального знания дел наших с Портою».

Обрескову рекомендовалось «отпочевать Порту одними кубанскими крепостями», причем главная из них — Тамань — должна была остаться во владении крымских татар и ногаев. И «в самой уже крайности, — говорилось в рескрипте, — не возвращаем мы вам еще и на самом Таманском острове отдать в диспозицию и владение Порты в углу оною к Черному морю достаточное место к построению крепости и к снабжению ее нужными угодиями». При этом Обрескову разъяснялось, что по точному смыслу данной ему инструкции от него даже и не требовалось добиваться, чтобы Турция уступила татарам «находящиеся на Кубани турецкие города и крепости», которые от границ России «весьма удалены и находятся без всякого обитания, кроме временного туды выхода из гор тамошних диких народов»¹.

По вопросу о мореплавании Обрескову давался ясный и категорический ответ: «Мы в свободе мореплавания никакого исключения дозволить не можем».

По всему тону рескрипта было заметно, что в Петербурге уверены в успехе переговоров и в скорейшем заключении мира, хотя для этого не было достаточных оснований. Напротив, после того как Обресков послал в Петербург свой запрос, позиция Турции сильно изменилась к худшему. Румянцев, который при посредстве Н. И. Панина ознакомился с рескриптом от 10 января, писал Обрескову: «Там (то-есть в Петербурге.—Е. Д.) разумеют искреннюю склонность турков к нашим мирным предложениям и уже льстятся увидеть вскоре момент счастливого оных утверждения. Судите по сему, сколько вдали вещи в другом образе могут представляться, нежели как мы их ощущаем под глазами»². Обресков тоже находил, что в Петербурге смотрят на дело слишком оптимистично. Он с тревогой следил за распоряжениями Екатерины II о переводе части войск с Дунайского театра войны на финляндскую границу. Ему было ясно, что это окажет неблагоприятное влияние на ход переговоров. «Не надлежало бы уже, — писал он Румянцеву, — предводительствуемую вашим сиятельством армию уменьшать, дабы вы возмogli неприятеля по прежнему на миролюбивые мысли возвратить и склонить на уступку того, на что теперь с толикою претительностью взирает»³.

¹ В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 455.

² Там же, стр. 457.

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1765, лл. 4—6.

Двадцать шестая конференция состоялась 31 января 1773 г. По словам Абдур-Резака, к этому времени он не получил еще ответа на свой запрос о возможности уступок, посланный одновременно с запросом Обрескова своему двору. Несомненно, что Порта намеренно задерживала свое решение, чтобы продлить перемирие и вынудить Россию к наибольшим уступкам.

Обресков решил для ускорения дела сообщить турецкому представителю о некоторых уступках русского правительства. Он сказал, «что ежели для удостоверения безопасности Блистательной Порты не довольны те места, коими она еще на Кубани¹ владеет, то сверх оных может Блистательная Порта избрать равно на кубанском берегу, *выключая Таман*, другое какое место, поколику ей нравится, смежное с Еникале, и построить на оном крепость...». Впрочем, добавил он, «есть много в тех странах таковых мест, которые все неподалеку от Еникале, например Сунджук и Бату»².

Как видим, на двадцать шестой конференции Обресков еще не объявил последней уступки русского правительства. По этому поводу он писал Панину, что предоставит туркам «угол» на Таманском полуострове он может «единственно только в силу высочайших повелений, ибо [если] и теперь Таман служит способом содержания татар в колебленности, то что может быть тогда, когда турки по бок его будут иметь крепость и гарнизон»³.

Действительно, поступали сведения, что турки, воспользовавшись перевозом, который был оставлен татарам при Еникале для связи с жившими на Кубани ногаями, стали перебрасывать из Тамани в Крым отряды янычар⁴.

Дискуссия, развернувшаяся на двадцать шестой и двадцать седьмой конференциях (31 января и 4 февраля), показала, что султанское правительство решило ни в коем случае не уступать России Керчи и Еникале. «...Нет такой крепости, ниже такого места», говорил Абдур-Резак, которое бы могло равняться с Керчью и Еникале, а потому «необходимо нужно, чтобы сии оставались во владении Порты, для удостоверения собственной ее тишины и безопасности»⁵.

После этого Обресков крайне осторожно, как бы по собственной инициативе, объявил последнюю уступку. «Я хотя и не имею на то повеления от двора моего, — заявил он, — а последую только

¹ Кубань здесь и в ряде других случаев означает область, простирающуюся к северу и к югу от р. Кубани.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, л. 125. Курсив мой.—Е. Д. Сунджук (правильно: Суджук-кале) — турецкая крепость на месте современного Новороссииска, Бату — Батуми.

³ Там же, л. 122.

⁴ Там же, д. 1778, лл. 25—29 (Переписка Румянцева с генералом Прозоровским, командовавшим войсками в Крыму, за январь 1773 г.).

⁵ Там же, д. 1762, л. 127.

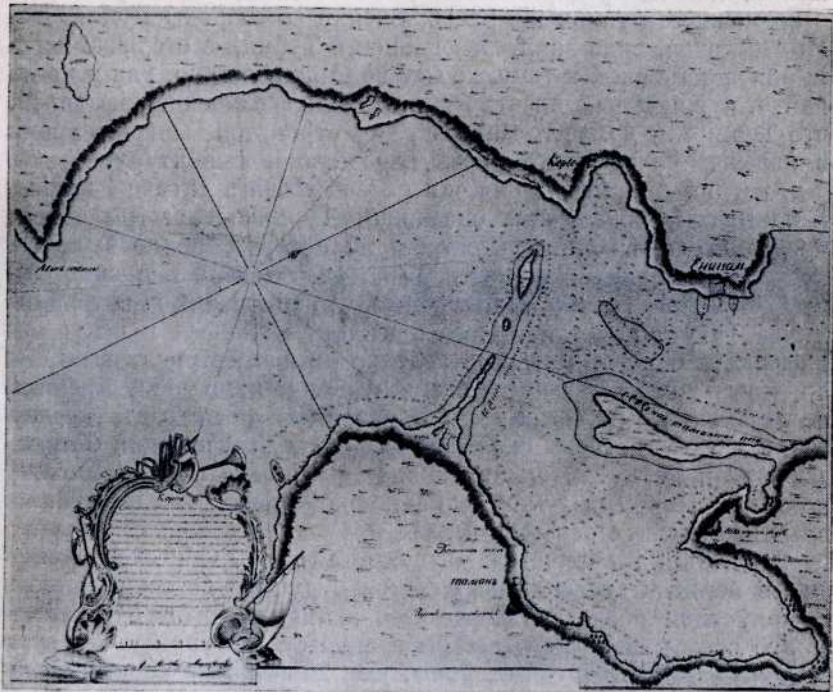
миролюбивым его намерениям, сам от себя предлагаю Блистательной Порте место для построения таковой крепости, лежащее между островом Таман и берегом крымским...». Тогда же Обресков напомнил Абдур-Резаку: «...Ваше превосходительство в тринадцатой конференции точно меня уверяли, что уступите России Еникале, когда сыщется для Порты в тамошней окружности место способное к построению крепости». Обресков хотел привести соответствующее место протокола, но Абдур-Резак остановил его словами: «Сие средство к обличению меня, если узнает двор мой, может причинить мне особенные предосуждения, и я безвинно пострадать могу, если будет употребляться сие писание»¹.

Итак, заявление Абдур-Резака, сделанное на тринадцатой конференции по поводу крымских крепостей, было аннулировано.

На двадцать седьмой конференции Обресков, по просьбе Абдур-Резака, представил ему в письменной форме последние предложения России — ее ультиматум. Они заключались в следующих требованиях к Порте: предоставить независимость татарам с передачей им всего Крымского полуострова, за исключением Керчи и Еникале, которые должны были остаться за Россией; признать Азов «со всем его уездом совершенно принадлежащим» России; передать России Кинбурн, разрушить Очаков. При этом Порта должна была признать барьером все пространство земли от Черного моря между реками Днепром, Бугом и Днестром (турецкой границей должен был стать Днестр, а границей России Буг до соединения его с Днепром). Далее говорилось о «свободном мореплавании всякого рода российских судов без малейшего притеснения по всем морям без изъятия, вмещающимся между областями или омывающим берега Блистательной Порты, со свободным проездом из Черного в Белое море и обратно так, как и в реку Дунай»; о свободной торговле русских купцов в турецких областях и водах «с теми же привилегиями и выгодами, кои дозволены другим европейским народам, наиболее с Блистательною Портою дружественным, как-то: французам, англичанам и прочим»². Далее перечислялись пункты, предложенные Обресковым на тринадцатой конференции по его личной инициативе, которые получили теперь санкцию русского правительства.

При условии принятия всех этих требований Обресков от имени России соглашался на предоставление Турции права построить крепость «на острове, лежащем между островом Таманом и крымским берегом против мыса, Акбурун называемого». Он соглашался, далее, возвратить «на некоторых кондициях»

все Архипелагские острова, «возвратить равным образом на некоторых же кондициях оба княжества, Валахское и Молдавское...» и все остальные завоевания. Русское правительство, наконец, соглашалось оставить «наисправедливейшее свое требование об удовлетворении за величайшие издержки, настоящею войною ему причиненные»¹.

Керченский пролив с крепостями Керчью, Еникале и Таманью.
Рукописная карта 1778 года (Государственный Исторический музей).

В этом ультиматуме Обресков все еще воздерживался от конкретизации условий, на которых Турции возвращались Молдавия и Валахия, а также острова Архипелага. Он сообщил их только 7 марта, перед окончанием конгресса.

Русский ультиматум Абдур-Резак послал в Константинополь. Последующие конференции (с двадцать восьмой по тридцать третью) созывались «только для единого вида» и состояли в частных разговорах. Тридцатая конференция была попросту отложена: по предложению Абдур-Резака послы отправились на

¹ В. А. Уляницкий. Указ. соч., приложения, стр. ССXLIII.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, л. 127.

² В. А. Уляницкий. Указ. соч., приложения, стр. ССXLII.

прогулку в саях в окрестности Бухареста, где посетили бумажную фабрику.

На тридцатой конференции, которая состоялась, наконец, 18 февраля, Абдур-Резак снова стал зондировать почву насчет продления перемирия. Он сообщил, что визирь отдал распоряжение всем командующим войсками «ничего без точного его приказа не предпринимать»¹, и, очевидно, ожидал услышать о возможности таких же распоряжений со стороны Румянцева. Но Обресков, видя заинтересованность Турции в отсрочке перемирия, промолчал, к тому же ему не было известно, как и когда найдет нужным действовать Румянцев. Он все больше убеждался, что Турция не думает о мире, а лишь стремится выиграть время в надежде на выгодную международную конъюнктуру.

Австрия старалась всячески способствовать затяжке войны. В частности, поддержка, оказанная Турции в ее требовании предвзительно осмотреть остров, на котором можно было бы построить турецкую крепость, была разоблачена в письме Обрескова к Панину. «Приметить смею, что апробация г. интернунциуса Тугута намерения Порты послать нарочных и искусных людей для осмотра представленного мною острова, а по сей причине и дальнейшее продолжение перемирия, по моему мнению, не весьма совместно, потому что Порта имеет так сказать тысячу таких людей, которые оной остров знают, да и ни один матрос, ездящий в Керчу и в Таман, не видеть и не знать его не может; но сие от Порты выдуманно единственно только для выиграния времени и новых перемирий...»²

В ожидании окончательного ответа Порты Обресков привел в порядок «нерешенные» статьи будущего договора, чтобы по получении «последней Порты резолюции и когда она будет ожиданию соответствующая, все бы здание без потери времени воздвигнуть»³. С другой стороны, уже 28 февраля Обресков «на всякой непредвиденной случай» уведомил Алексея Орлова о возможном прекращении перемирия⁴. На тридцать четвертой конференции (7 марта) Обресков огласил эти «нерешенные» статьи (названные так в отличие от «решенных» десяти статей, подписанных обеими сторонами). Эти статьи были неодинаковой важности, как об этом писал сам Обресков в своем донесении в Петербург: «Напоследок доставил я ему все достальные нерешенные артикулы, между коими первые семь, а напоследок только четыре, а именно 12, 14, 15 и 16, яко ультимат из ультиматов, а прочие — смягчения терпящие». Четыре важнейшие статьи, о ко-

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, л. 195.

² Там же, л. 210.

³ Там же, л. 192 (Обресков — Панину 23 февраля 1773 г.).

⁴ Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. Маркевича, д. 3817 (4078).

торых писал Обресков, касались «до вольности и независимости татарской, до Еникале с Керчью, до мореплавания (включая военное. — Е. Д.) и коммерции»¹.

Теперь, наконец, Обресков огласил и статью о Дунайских княжествах, содержащую условия, на которых Россия соглашалась возвратить эти княжества Турции.

Пребывание русского посольства в Фокшанах и Бухаресте, его общение с местным населением позволили Обрескову хорошо ознакомиться с жизнью Дунайских княжеств, с надеждами и чаяниями румын, молдаван и других народов. Это помогло ему выработать условия, облегчавшие положение Молдавии и Валахии под властью Османской империи.

Среди «кондичий» (которых было 11) особое значение имел пункт о предоставлении Молдавии и Валахии тех «выгод, коими пользовались они во время царствования достойной памяти султана Мегмета² Четвертого, любезного родителя его султана величества». Чтобы оценить значение этого пункта, необходимо иметь в виду следующее. В момент установления турецкого владычества над Молдавией и Валахией эти княжества выговорили себе полную автономию во внутреннем управлении. Турки не имели права не только вмешиваться во внутренние дела княжеств, но и поселяться на их территории. Зависимость княжеств от Турции выражалась только в утверждении султаном избранных княжествами господарей и в платеже ему определенной дани.

Постепенно автономные права Дунайских княжеств стали все чаще нарушаться со стороны Турции. Размеры дани росли, сроки ее взимания учащались. Турецкая администрация стала распоряжаться на территории Молдавии и Валахии по своему произволу. После Прутского похода Петра I, когда обнаружили сношения молдавского господаря Кантемира с Россией, Турция полностью ликвидировала выборность господарей и стала назначать их из греков-фанариотов. Представители этой паразитической прослойки, не связанные с национальной почвой княжеств, рассматривали свое пребывание на престоле господарей лишь как источник личного обогащения.

Рубеж XVII и XVIII вв. был той хронологической гранью, с которой начинался наиболее мрачный период в жизни Молдавии и Валахии. Возвращение времен Мехмеда IV (1648—1687) означало бы для Дунайских княжеств восстановление выборности господарей и регламентированной дани, устранение разнузданного произвола турецких пашей и губернаторов.

Вопрос о дани специально упоминался в условиях, предъявленных Обресковым. В пункте 8 говорилось, что Турция обязуется

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, л. 211.

² Более правильно: «Мехмед» или «Мухаммед».

получать дань от Молдавии и Валахии «тем же самым образом, как платит оную Рагузская республика, то-есть: всякие три года посредством присылаемых депутатов»¹.

Ссылка на Рагузскую республику, которая в «кондициях» Обрескова делалась дважды, показывала основное направление его мысли. Зависимость Рагузы (славянского Дубровника) от Оттоманской империи была крайне слабой. В изучаемое время Дубровник был известен как полунезависимое свободолюбивое государство. Современный географ Бишинг писал: «О вольности своей она (Рагузская республика.—Е. Д.) имеет чрезвычайное попечение, так что... ворота города Рагузы на несколько часов только днем стоят открыты»².

Вторая ссылка на Дубровник в «кондициях» Обрескова делалась для того, чтобы подчеркнуть автономию Молдавии и Валахии: «вместо капы-кегая³, т. е. стряпчего», господари этих княжеств получали право иметь при Порте «национального консула, как то позволено Рагузской республике»⁴.

Специальное условие касалось назначения господаря Молдавии. Русское правительство желало, чтобы господарем Молдавии сделался Григорий Гика, проявивший себя как сторонник русской ориентации. Еще перед началом войны, будучи переводчиком Порты, он завязал сношения с Обресковым и оказал содействие России во время войны. В числе условий, на которых Дунайские княжества передавались Турции, был пункт о восстановлении Григория Гики пожизненным господарем Молдавии⁵.

Кроме этих пунктов, в предложении Обрескова содержались следующие обязательства Порты в отношении Молдавии и Валахии:

1. Амнистировать всех восставших против турецкого гнета.
2. Не препятствовать «исповеданию христианского закона, совершенно свободного, так, как созиданию церквей новых и поправлению старых, как то прежде сего уже было».
3. Возвратить монастырям и частным лицам отнятые у них земли, «прежде сего им принадлежащие, и которые потом против всей справедливости были у них отняты...»
4. «Признавать и почитать духовенство с должным оному чину отличием».
5. Разрешить всем желающим переселиться в другие места и предоставить для этого годовой срок.

¹ См. приложение № 1, стр. 345.

² Бишинг. Османское государство в Европе и Республика Рагузская, СПб., 1770, стр. 213.

³ Капы-кегая — русифицированная форма турецкого термина капы-кяхья, означающего: агент вассального владетеля при Порте.

⁴ См. приложение № 1, стр. 345.

⁵ См. там же, стр. 346.

6. Не взыскивать с населения княжеств «за старые счета, какого бы существа они ни были».

7. «Не требовать от них никакой контрибуции или платежа за все военное время; а за многие их страдания и разорения, в течение сей войны ими претерпенные, и еще впредь на два года...»

Наконец, в качестве последнего условия фигурировал пункт, значение которого в истории международных отношений последующего периода не могло быть в полной мере оценено в то время. Порта согласна, — говорилось в пункте 11, — «чтоб по обстоятельствам обоих сих княжеств министры Российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные с сродственным к дружеским и почтительным державам уважением»¹. Этот пункт открывал возможность расширять и укреплять ту опору, которую имела Россия внутри Турецкой империи в лице ее христианских подданных.

Хотя Дунайские княжества возвращались под владычество Оттоманской империи, однако положение их в результате русско-турецкого договора должно было заметно улучшиться. Для русского правительства это было важно по политическим соображениям: сохранить доверие населения Дунайских княжеств значило обеспечить себе его поддержку на будущее время. Абдур-Резак вполне правильно выразил сущность русской политики, когда сказал по поводу предъявленных Обресковым условий: «Непослушной подданной помогает неприятелю и по требованию того же самого неприятеля имеет быть жалован от законного своего государя. Сие есть то же самое, что сказать им: *вы и в другой раз так поступите, и вместо наказания награждены будете*»².

Сославшись на то, что в предложенных Обресковым пунктах много нового, Абдур-Резак заявил, что ему необходимо снести с Портой. Обресков сказал, что подписание четырех важнейших статей («ультимата из ультиматов») было бы достаточным основанием для отсрочки военных действий. На это турецкий посол ответил решительным отказом. В то же время он определенно не хотел прекращения конгресса. По его предложению, 8 марта состоялась «приватная» конференция у Обрескова, на которой Абдур-Резак продолжал бесполезный спор, очевидно, «по неимению власти»³ подписать предложенные условия. 9 марта послы встретились в последний раз (на этот раз у Абдур-Резака), и тут турецкий посол сообщил о полученной им «решительной резолюции»

¹ См. приложение № 1, стр. 346.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, л. 234. Курсив мой.—Е. Д.

³ Там же, л. 111.

Порты. «А состояла она, — докладывал Обресков в Петербург, — в том, что за *все завоеванное* и Порте возвращаемое заплатит она, Порты, сорок тысяч мешков (12 млн. рублей), а за отстание (т. е. отказ России. — Е. Д.) от требования Еникале с Керчею и ограниченного кораблеплавания по Черному морю тридцать тысяч мешков (9 млн. рублей)»¹.

Дальнейшее пребывание послов в Бухаресте сделалось бесполезным, к тому же срок перемирия уже истек. Однако Абдур-Резак не хотел считать конгресс прекратившимся. По его предложению была подписана конвенция о продолжении переговоров путем переписки через посредство журжевского коменданта и рущукского паши². По поводу этого шага Абдур-Резака Обресков высказал вполне вероятное предположение, что Абдур-Резак действовал в данном случае по собственной инициативе, а не по предписанию султана: «...Станется, что сей миролюбивой и благо-разумной муж, видя колебление и нерешимость салтанскую и окружающих его, сбивающих с истинного пути, ищет предоставить время поодуматься и на полезнейшие мысли возвратиться»³.

11 марта Абдур-Резак уехал из Бухареста. Обресков задержался дольше, приняв участие в пасхальных торжествах, и 4 апреля двинулся в путь в карете, преподнесенной ему от лица населения Валахии. Местом своего пребывания он избрал Роман (на правом берегу Серета)⁴.

Таким образом, Бухарестский конгресс, продолжавшийся с 29 октября 1772 г. по 9 марта 1773 г., не привел к заключению мира; тем не менее он явился важным этапом в подготовке русско-турецкого мирного договора⁵. Русский посол А. М. Обресков предъявил Турции полный текст мирных предложений России. Представленный проект подвергся подробному обсуждению, которое привело к соглашению по десяти статьям будущего договора. В числе этих пунктов были такие важные постановления, как признание Большой и Малой Кабарды владением России, право обеих сторон на военное использование своей территории, закрепление за русским дипломатическим представителем в Турции старшинства и ранга, соответствующих международному престижу России, и т. д. Подписание этих статей облегчило и ускорило заключение мира в 1774 г.

Большое значение имели дополнительные предложения, внесенные Обресковым по собственной инициативе и не предусмо-

тренные правительственным проектом договора (факт, не отмеченный в исторической литературе). Большая часть этих условий имела в виду расширение прав подвластных Турции грузин, балканских славян, румын, молдаван, греков и других народов. Эти пункты родились под воздействием самих угнетенных народов Оттоманской империи, часто обращавшихся к русским дипломатам с просьбами защитить их от турецких насилий. С точки зрения русской внешней политики статьи, касавшиеся турецких подданных, имели подчиненное значение: способствуя усилению русского влияния на Балканском полуострове и на Кавказе, они облегчали разрешение черноморской проблемы. В то же время они могли быть использованы в дальнейшей политике царизма, что отчасти уже мог предвидеть такой опытный дипломат, как Обресков.

Основной вопрос — об открытии Черного моря для русского флота — не был разрешен во время переговоров в Бухаресте. Турция продолжала возражать против закрепления за Россией черноморских портов и против предоставления независимости крымским татарам. В ходе Бухарестского конгресса упорство Турции все более усиливалось в связи с надеждами на шведскую диверсию против России и на внутренние осложнения в стране.

Прекращение Бухарестского конгресса делало необходимыми дальнейшие наступательные действия России, которые могли бы закончиться для нее решающей военной победой.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1762, л. 215 (Обресков—Панину от 9 марта 1773 г.).

² Текст конвенции имеется в д. 1762 на л. 273—274.

³ Там же, л. 217 (Обресков—Панину от 13 марта 1773 г.).

⁴ Там же, лл. 202—206 (Журнал Петерсона).

⁵ Е. В. Тарле допускает неточность, когда пишет: «Мирные переговоры, начатые было в Бухаресте в марте 1773 г., оборвались, не приведя ни к какому результату...» См. Е. В. Т а р л е. Указ. соч., стр. 95.

Глава VIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА В КЮЧУК-КАЙНАРДЖЕ

Неудача Бухарестского конгресса делала неизбежной новую военную кампанию. Это было ясно и дипломатам и военным. Обресков видел в войне, в новых победах единственное средство к заключению мира. «Вся наша надежда на ваше сиятельство»¹, — писал он Румянцеву. «Я також, милостивый государь мой, понимаю, — указывал Обресков в письме к Панину, — что моя с Абдур-Резаком эфенди переписка места иметь не может, когда Порты не увидит себя к тому новыми несчастьями принужденною»².

Румянцев, сознавая необходимость возобновления войны, не мог закрывать глаза и на большие трудности новой военной кампании. Армия страдала крупным некомплектом, недостатком оружия и обмундирования. Хотя по настоянию Румянцева войска, взятые с Дунайского театра на случай шведской войны, решено было возвратить обратно, однако они уже не могли поспеть к моменту прекращения перемирия. Не могли во-время подойти и рекруты. Еще до окончания Бухарестского конгресса Румянцев писал Обрескову: «...ежели в марте открывать кампанию, то не только не будет здесь сил к предприятю какому-либо знаменитому, но едва их станет на защиту себя и удерживаемого края против стремлений неприятельских»³. Критикуя необоснованный оптимизм императрицы и братьев Орловых, Румянцев делал печальный вывод: «Все другие держатся правил, что, желая твердого мира, надобно быть готовым к войне, а у нас сему противное видим, ибо армия здешняя, вы сами видите, сколько не имеет для себя надобного»⁴.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1766, 1773 г., л. 128.

² Там же, л. 115. Действительно, переписка Обрескова с Абдур-Резаком сводилась к простому обмену любезностями. Каждая сторона ожидала уступок от другой стороны.

³ С. М. Соловьев. История России, кн. VI, т. 29, стр. 909.

⁴ Сборник «П. А. Румянцев», т. II, стр. 592.

Трудности новой кампании усугублялись тем, что Дунайские княжества, которые в течение войны снабжали армию Румянцева продовольствием, были сильно истощены поставками. Настроение жителей княжеств после Бухарестского конгресса также упало, и это было понятно. «В них трепет и убыние возросли от известий, которые с публичных газет на все языки переведены прошлого года о договорах, каковы происходили на последнем конгрессе о возвращении сих княжеств Порте». Сильнее стали действовать неприятельские «внушения... в виде жестоких угроз и в образе лыстящих обещаний...»¹

Известия о победах русского флота в Средиземном море, полученные в феврале 1773 г., способствовали возрождению идеи похода на Константинополь у Екатерины и братьев Орловых. 28 февраля Румянцев получил приказание перейти на правый берег Дуная и атаковать главную армию великого визиря. Румянцев поспешил заявить сначала от себя, а затем и от имени других генералов Первой армии (Салтыкова, Потемкина и Вейсмана) «о неудобствах в переходе армии за Дунай»². Однако это предупреждение не произвело никакого действия. С тяжелым сердцем, предвидя неизбежную неудачу, Румянцев должен был подчиниться приказу. Он писал о себе Обрескову, что живет вопреки русской пословице «хоть не рад, да готов, то-есть ко всему рад, хотя готовности и мешают все противоборства»³. Румянцеву оставалось делать все возможное для уменьшения количества жертв в русских войсках и для нанесения противнику максимального ущерба.

Румянцев с полным основанием рассчитывал, что русские войска встретят поддержку населения правого берега Дуная. Он составил воззвание, в котором жители призывались содействовать русской армии. Обресков, с которым Румянцев советовался относительно текста возвания, находил, что оно написано «самым простым языком, так что и чернь без всякого труда понимать может». Он считал, что помимо сделанных переводов на румынский («волошский») и греческий языки, его следует опубликовать также на болгарском и сербском⁴.

В апреле 1773 г. войска первой армии начали задуманное наступление. Ряд блестящих побед, одержанных над турками на правом берегу Дуная, умножил славу русского оружия. В особенности следует отметить действия Суворова, который в мае 1773 г. был переведен в дунайскую армию. Он дважды, 10 мая и 17 июня,

¹ Сборник «П. А. Румянцев», т. II, стр. 701.

² См. АГС, т. 1, ч. 1, стр. 241 и 243 (Чтение на Совете реляций Румянцева от 21 марта и 6 апреля 1773 г.).

³ С. М. Соловьев. История России, кн. VI, т. 29, стр. 909.

⁴ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1766, 1773 г., л. 108. Полный текст возвания см. на лл. 223—224.

форсировал Дунай и овладел Туртукаем. Около 700 чел. христиан — жителей Туртука — переселились на русский берег.

Эти успехи дали повод Григорию Орлову заявить на Совете, что Румянцев осуществляет «согласное с его (т. е. Орлова) мыслями». Он не сомневался, что великий визирь вскоре будет окружен, и можно будет, «отревожив самую столицу неприятеля, побудить его к скорому соглашению на желаемый нами мир»¹.

11 июня через Дунай переправился с главными силами сам Румянцев. Он имел, по его словам, «только под именем армии корпус небольшой в 13 000 пехоты на все действия с визирскими силами»². Русские войска стали лагерем у Силистрии. Вскоре это важное укрепление было взято, но этим дело и ограничилось. Гарнизон крепости составлял 30 000 войск и, кроме того, ожидал подкреплений. Видя, что турецкие войска, идущие от Шумлы, готовятся напасть на русскую армию с тыла и что нет никакой возможности удержаться на правом берегу Дуная, Румянцев не стал подвергать свои войска напрасным жертвам. На военном совете 24 июня было принято решение вернуться на левый берег Дуная.

«Дорога на Константинополь не так широка и не так-то легка, как иногда себе представляли»³, — писал Румянцеву Обресков, имея в виду императрицу и приближенных ей «оптимистов».

Только теперь правительство осознало допущенную ошибку и необходимость значительно увеличить дунайскую армию. Престиж Румянцева не упал, а напротив вырос: случилось то, что он заранее предвидел и о чем предупреждал правительство. И когда на повторные требования представить план кампании следующего года от Румянцева были получены уклончивые ответы (он не желал, чтобы ему связывали руки кабинетными планами), правительство решило предоставить полководцу свободу выбора и возложило «производство действий за Дунаем на его благоусмотрение»⁴.

Пятый год шла война, и трудовой народ нес на своих плечах все ее тяготы. Осенью 1773 г. был объявлен новый рекрутский набор, причем, если в предшествующие годы рекрутов брали по одному со 150 человек, то теперь решено было брать по одному со 100 человек. Утверждая решение Совета, Екатерина заметила, что этот набор будет с начала войны «по крайней мере... шестой»

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 247.

² С. М. Соловьев. История России, кн. VI, т. 29, стр. 913.

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1716, 1773 г., л. 118.

⁴ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 270. См. также соответствующий рескрипт Румянцеву от 17 января 1774 г. в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами», т. V, приложения, стр. 115.

и что всего было собрано до 300 000 рекрутов¹. На отдаленных театрах военных действий люди гибли не только в бою, но и от тяжелых климатических условий, вследствие трудных переходов, а также от чумы. Крестьяне, оставшиеся в тылу, подвергались двойной эксплуатации, так как помещики, невзирая на уход наиболее сильных и трудоспособных работников, отнюдь не желали поступаться своими доходами.

Неудача кампании 1773 г. отодвигала окончание войны в неопределенную даль. Она неизбежно должна была «возгордить турков и удалить тем желаемое заключение мира»².

«Войне конца не видно», — писал Обрескову Д. И. Фонвизин³. Эта мысль, распространившаяся в народе, делала еще тяжелее и без того беспросветную жизнь крепостного крестьянства. Не подлежит сомнению, что военная неудача способствовала накоплению в стране горючего материала, который осенью 1773 г., в исходе военной кампании, вспыхнул пожаром крестьянской войны.

Под знаменем Пугачева собрались все, кого угнетал самодержавно-крепостнический строй тогдашней России: крестьяне, казаки, рабочие уральских заводов, нерусские национальности, презрительно именовавшиеся «инородцами», — башкиры, татары, казахи и др. За всю предшествующую историю России крестьянская война 1773—1775 гг. по своей массовости не имела себе равной. Она отличалась большей организованностью, чем все предыдущие крестьянские восстания, и более ясным сознанием классовых целей движения со стороны восставших.

Антикрепостнический характер крестьянской войны нашел свое яркое выражение в указах Пугачева. Содержание этих призывов за короткий срок претерпело большую эволюцию. Если вначале в них преобладали частные и местные лозунги (например, наболевший на Яике вопрос о рыбной ловле, о пользовании соляными озерами или важный для башкир вопрос о свободе религии), то весной 1774 г. приобрел особенную силу обобщающий призыв к борьбе за «вольность» и землю.

Крестьянская война под предводительством Пугачева потрясла до основания дворянскую империю Екатерины II и заставила помещиков дрожать за свои классовые позиции.

Резкое обострение классовой борьбы внутри страны не могло не отразиться на внешней политике царского правительства, в частности, на русско-турецких мирных переговорах. В этом случае, как и во многих других, подтвердилась та истина, что государство, где власть принадлежит эксплуататорским классам,

¹ АГС, т. 1, ч. 2, стр. 23 и 27.

² Там же, ч. 1, стр. 252. Из протокола Совета от 15 июля.

³ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1761, 1773 г., л. 1.

готово пожертвовать внешнеполитическими интересами ради выполнения своей главной функции — подавления сопротивления трудящихся.

* * *

Основные события крестьянской войны 1773—1775 гг. отражались непосредственным образом на внешней политике русского правительства.

17 сентября 1773 г. Пугачев обратился к народу с первым указом¹, в котором объявлял себя императором всероссийским, и с небольшим отрядом казаков начал завоевание пограничных крепостей. Гарнизоны сами сдавались Пугачеву, а начальное ядро повстанческого войска стало быстро пополняться притекающими добровольцами. В начале октября 1773 г. Пугачев уже осадил Оренбург, главный военно-административный центр южного Приуралья. Сообщение о движении Пугачева к Оренбургу, прочитанное на Совете 15 октября 1773 г., произвело сильное впечатление на правительство Екатерины II. Было ясно, что движение растет и что на юго-востоке страны происходит «повсеместное колебание». Решено было увеличить число войск на Дону и послать подкрепления в Казань. Беглым донским и яицким казакам, спасавшимся от репрессий прежних лет, объявлено было «прощение»².

Осада Оренбурга затянулась на полгода. Но это не значит, что район восстания ограничивался окрестностями этого города. Народные массы поднимались на Урале, в Башкирии, на Волге и даже в Западной Сибири. Крестьяне Нижегородской, Пензенской, Московской губерний только ждали момента, чтобы примкнуть к движению.

В сражениях 9, 13 и 28 ноября Пугачев нанес поражение отрядам Кара, Чернышева и Заева, составившим вместе 3000 человек. Одновременно башкиры осадили Уфу.

Если вначале правительство думало, что восстание Пугачева «только искра» по сравнению с казацким восстанием 1772 г.³, то в ноябре оно убедилось, что местные войска — слишком ничтожная сила в борьбе против восставших. 28 ноября в район восстания был послан генерал Бибииков, которому вверялась вся полнота гражданской и военной власти. Это назначение в обстановке затянувшейся осады Оренбурга и Уфы свидетельствовало о том, что правительство полностью осознало опасность, грозившую дворянству.

¹ Указ Пугачева от 17 сентября 1773 г. Сборник «Пугачевщина», т. 1, М.—Л., 1926, стр. 25.
² АГС, т. 1, ч. 1, стр. 438—440 (Протокол Совета от 15 октября, 1773 г.).
³ Там же, стр. 439.

В связи с описанными событиями претерпел определенные изменения и проект мирного договора с Турцией.

О том, что именно *внутренняя обстановка* имела в рассматриваемый период определяющее влияние на внешнюю политику, свидетельствует то обстоятельство, что международное положение России в основном осталось без изменений. Опасность со стороны Швеции оказалась не столь значительной, как это представлялось в августе 1773 г. В письме на имя Обрескова от 28 сентября 1773 г. Д. И. Фонвизин, состоявший членом иностранной коллегии, так характеризовал позицию западноевропейских государств: «Швеция спокойною остается и лутчего не желает, как чтоб ее оставили в покое, желая и стараясь между тем пособратиться с силами. Дания в тесной с нами дружбе, или вернее сказать в наших повелениях, особливо по окончании голстинского дела...» (в 1773 г. состоялась передача Дании голстинских земель). «Англия пребывает в той же к нам диспозиции, как и перед вашим отсюда отъездом» (т. е. в апреле 1772 г.)¹.

Пруссия попрежнему добивалась расширения своих владений за счет Польши и посягала на Данциг: «Прусский король остается с нами в прежнем положении. Теперь мирим его с бедным Гданском, но не весьма удачно. Посланный от нас в Гданск гр<аф> Головкин плохой негоциатор. Жалко смотреть на Гданск, а не меньше и на графа Головкина»².

Позиция Австрии, как и раньше, была двойственной и неясной. «Венский двор,—писал Фонвизин,—в нерешительном с нами положении. Князь Дмитрий Михайлович (Голицын.—Е. Д.) пишет, что иногда князь Кауниц отзывается о наших интересах холодно, иногда погорячее. Словом, градуса надежды нашей на него положить невозможно. По польским делам мы с ним очень изрядно обращаемся: но по сему, кажется, нельзя заключить, какое участие примет он, наконец, в наших делах с турками»³.

Не изменилась и позиция Франции.

Еще в июле 1773 г., под впечатлением военной неудачи, Григорий Орлов поставил на Совете вопрос, не следует ли изыскать «другие кондиции, на кои Порта может согласиться»⁴. Однако дело не пошло дальше общих рассуждений, и не было принято никаких решений об изменении мирных условий. Заметим, что тот же Орлов возражал против предложения о передаче Керчи и Еникале татарам, считая, что отсутствие в Крыму русской ноги приведет к укреплению там турецкого влияния.

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1761, 1773 г., лл. 1—2.

² Там же, л. 2.

³ Там же.

⁴ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 253.

В ноябре 1773 г. картина резко изменилась. 11 ноября 1773 г. на заседании Совета была оглашена депеша Цегелина из Константинополя «о усматриваемой им из разговоров реис-эфендия возможности в уступке нам Кинбурна, если Еникале и Керчь нами оставлены будут». Члены Совета немедленно ухватились за эту возможность скорого заключения мира. В выступлениях указывалось, что Кинбурн, в силу своего местонахождения у входа в Днепровско-Бугский лиман, будет полезен «как для всегдашнего содержания на Черном море флотилии, так и для заведения в той стороне торговли не токмо с турками, но и с Польшею, по способности водяного с нею сообщения»¹. Однако, при всем стратегическом значении Кинбурна, возможность использования его в качестве порта была совершенно исключена. Впоследствии, когда разрабатывались практические мероприятия в целях развития черноморской торговли, Обресков следующим образом высказался о Кинбурне: «При Кильбурне нет не токмо пристани, но ниже остоя по причине великих мелей, далеко в море и в залив распространившихся». Устраивать в нем амбары и склады Обресков считал нецелесообразным². Что касается Керчи и Еникале, то первый из этих пунктов обладал удобной гаванью, а кроме того, владея Керчью и Еникале, можно было спокойно проводить суда из Азовского моря в Черное, используя в качестве порта вполне приспособленный для этого Таганрог³. С чисто военной точки зрения Кинбурнская крепость хотя и создавала противовес турецкому Очакову, однако не могла заменить Керчи и Еникале, этих ключей к Азовскому морю. От того, в чьих руках будут находиться эти крепости, в сильнейшей степени зависели отношения с Крымом. Трудно было надеяться, что после отказа России от Керчи и Еникале эти пункты будут находиться во владении татар: Турция сумела бы добиться от «единоверных» крымцев уступки этих крепостей. Предоставление же Керчи и Еникале Оттоманской империи начисто ликвидировало пресловутую татарскую «вольность», которой добивалась русская дипломатия, и сохраняло в Крыму очаг постоянной опасности для России.

Правительство сознательно шло на большие уступки в этом жизненно важном вопросе. Начиная с ноября, при обсуждении мирного проекта, все чаще раздавались такие суждения: «На совершенное татар от турков отделение потребно еще много

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 264.

² «Мнение тайного советника Обрескова о распоряжениях, могущих послужить к порядочному и полезному производству коммерции с Турецкою империею...» [1775 г.] В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 472.

³ Вскоре после заключения мира Таганрог сделался важнейшим портом на юге России и успешно соперничал с построенным в низовьях Днепра Херсоном.

времени и трудов». «Отнюдь не возможно утвердить вдруг независимость татар»¹.

Речь шла не просто об уступке тех или иных пунктов и замене их другими, а подвергалось сомнению основное условие, которое на протяжении всей войны фигурировало в мирных проектах России как *conditio sine qua non*. Это было непоследовательным с точки зрения принятой программы внешней политики, но такая уступка означала вполне последовательную защиту своих классовых позиций со стороны дворянства перед лицом разгорающейся крестьянской войны.

Как и в других случаях, проводником ярко выраженного классового курса в области внешней политики явился Н. И. Панин. Именно он поддерживал мысль о необходимости удовлетвориться Кинбурном. Если раньше, выступая против династических мотивов монарха, Панин объективно способствовал усилению русского государства и осуществлял прогрессивные цели, то теперь его деятельность была продиктована стремлением к скорейшему подавлению крестьянского восстания и приобретения отрицательное значение. В этом проявилась диалектика исторического процесса: дворянская «оппозиция» Екатерине в период крестьянской войны 1773—1775 гг. показала себя как самая надежная опора самодержавия. Хорошо известно, с какой жестокостью подавлял крестьянское восстание другой представитель оппозиционной группы — Петр Панин, назначенный главнокомандующим карательными войсками.

Группировка «Екатерина—братья Орловы» и на этот раз выступила с возражениями против панинского курса внешней политики. Выступивший 14 ноября в Совете Григорий Орлов заявил, что приобретение Кинбурна «не может не токмо заменить нашу уступку туркам, но ниже принести малую часть выгод». Кинбурн, прибавлял он, является крепостью «небольшой и в отдаленном месте лежащей и ни порта, ни рейды не имеющей». Допуская вместе с другими членами Совета, что крепостями Керчь и Еникале придется пожертвовать, Орлов выдвинул предложение о том, чтобы потребовать у турок, кроме Кинбурна, «Очаков и всю принадлежащую туркам между Днепра и Днестра землю и не допускать татар селиться в Бессарабии».

Относительно земли между Днепром и Днестром Орлов подробнее высказался на следующем заседании (18 ноября): «сколь скоро будем мы иметь помянутую землю, — сказал он, — то множество молдавцев и волохов выходить станут и скоро заселят всю оную, и ...сия земля, будучи тогда преградою между турками и татарами, пресечет всякое между ими сообщение сухим путем»².

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 265—266.

² Там же.

Когда Екатерина заметила, что «не чаятельно, чтоб турки согласились на отдачу Очакова», Григорий Орлов признался, что подходил к вопросу абстрактно, «не зная, в состоянии ли мы или нет продолжать войну». Он соглашался уже на «разорение Очакова» (с тем, чтобы на его месте построить впоследствии новую, лучшую крепость). Однако Екатерина решила поторговать и в итоге трехдневного обсуждения проекта «изволила повелеть, чтоб чрез прусского министра внушено было туркам, дабы они, вместо желаемого ими оставления нами татарам Еникале и Керчи, представили нам Очаков и Кинбурн»¹.

После того как императрица объявила свое решение, Панин 23 ноября представил ей докладную записку, в которой еще раз предложил ограничиться Кинбурном и не требовать Очакова. Он указывал, что именно в силу внутренней связи с вопросом о Крыме приобретение Керчи и Еникале встречает «трудности непреоборимые». Он полагал, что Порта станет сговорчивее, если убедится, что русские лишают себя всякого способа утвердить свое влияние в Крыму. «Татара, получая в свои руки и в свою власть все нынешние крепости на Крымском полуострове и на Таманском острове, сделались бы чрез то самое совсем особливим и отделенным народом»². По мнению Панина, именно это следовало воочию показать Порте.

Идя по линии сокращения требований Орлова, Панин вместо территории между Днепром и Днестром продолжал отстаивать «всю пустую землю по ту сторону Днепра до реки Буга»³. Этот проект не получил тогда утверждения Совета. Однако в начале марта 1774 г. он был принят Советом и императрицей в качестве основы дальнейших мирных переговоров.

Отсрочка решения о последних уступках станет вполне понятной, если мы вспомним, что в ноябре 1773 г. крестьянская война еще не достигла своего полного развития. Осада Оренбурга затянулась, и основные силы восставших были прикованы к этому пункту. Значительная часть правящей верхушки во главе с Екатериной еще надеялась на быстрый разгром восстания.

Н. И. Панин не разделял оптимизма императрицы и Орловых. Он считал, что борьба с Пугачевым ведется недостаточно энергично и что дворянству необходимо установить более осязательный контроль над властью монарха. Именно в это время Н. И. Панин разрабатывает проект внутреннего политического преобразования. Он характеризует Россию как «государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света и которое мужик, одним человеческим видом от скота

*отличающийся и никем не предводимый, может привести так сказать в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели...»*¹.

Чтобы статья действительно могущественной и прочной, Россия должна была, по мнению Панина, превратиться в конституционную монархию с законодательными полномочиями Сената и выборными органами местного самоуправления, причем право участия во всех этих учреждениях должно было принадлежать исключительно дворянству. Конституционно-аристократические замыслы Н. И. Панина противостояли позиции Екатерины и братьев Орловых, не допускавших ни малейшего ограничения самодержавной власти императрицы.

Таким образом, две группировки, проявлявшие себя в области внешней политики, имели различные взгляды и на вопросы политики внутренней. Однако обе исходили из одинаковых принципиальных предпосылок и с большей или меньшей последовательностью отстаивали интересы господствующего помещичьего класса.

В обстановке крестьянской войны внутривластная функция государства — подавление классового противника — выдвигалась царизмом на первый план сравнительно с другой функцией — борьбой против внешнего врага. Эта позиция правительств Екатерины ярко проявилась во время обсуждения очередного вопроса о дальнейших военных действиях против Турции.

28 ноября 1773 г. Румянцев представил императрице план предстоящей кампании: предполагалось перейти Дунай, блокировать частью войск турецкие крепости, а остальные силы двинуть вглубь Болгарии на Шумлу, в которой сосредоточивались главные силы турок и была ставка визиря. Разгромив здесь армию противника, Румянцев рассчитывал, не давая визирю возможности скрыться за Балканскими горами, заставить его немедленно подписать мир.

Для облегчения военных действий Румянцев считал важным достигнуть следующих целей:

1) создать у противника впечатление, будто бы Дунайская армия собирается действовать только оборонительно;

2) отвлечь внимание неприятеля действиями на других направлениях, в частности, осадить Очаков и активизировать русский флот в Архипелаге.

Где и когда переходить Дунай, на какие крепости нападать, Румянцев не указывал, прося предоставить ему право

¹ «Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о непременных государственных законах». См. приложения к книге Е. С. Шумигорского «Император Павел I», СПб., 1907, стр. 11. Курсив мой. — Е. Д.

¹ АГС, т. 1, ч. 1, стр. 266—267.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 256, 1773 г., л. 5.

³ Там же.

самостоятельно решить эти вопросы в зависимости от обстоятельств.

Екатерина рескриптом от 17 января 1774 г.¹ одобрила план Румянцева, в частности, его намерение воспользоваться «как разделением неприятельского внимания, так и маскированием прямого нашего намерения».

Румянцеву сообщалось, что «в Архипелаг отправлена уже новая эскадра в четырех линейных кораблях и в двух фрегатах», которая усилит тамшний флот и заставит турок обратить значительную часть войск на защиту Малой Азии. Азовская флотилия также будет усилена и отвлечет на себя турецкие силы в Черном море. Что касается осады Очакова, требовавшей значительных людских сил, то тут дело обстояло иначе.

«...Желали бы мы, — говорилось в рескрипте, — действия Второй нашей армии распространить в будущую кампанию далее препорученной ей стражи Крымского полуострова и всего пространства кубанской степи, где теперь в собрании находится такое множество диких и легкомысленных орд татарских: но в настоящем оных положении² не усматриваем к тому способности, особливо же при открывшемся от некоторого времени внутреннем и вам известном уже неустойстве в Оренбургской губернии»³.

Вопрос об осаде Очакова был поставлен на Совете еще 9 января 1774 г. Тогда же Совет решил, что это предприятие не может быть осуществлено раньше будущей осени «как за употреблением ныне войск к Оренбургу, так и что ничего еще нет к тому готового; что по укрощении мятежников те войска прямо во Вторую армию обращены... быть могут»⁴.

Итак, правительство дворян, оглядываясь на Оренбург, не проявляло решимости подкрепить свои требования к Турции военной силой. Естественно, что оно должно было неизбежно снижать эти требования.

* * *

Крестьянская война ширилась. Пока главная армия Пугачева была прикована к Оренбургу, образовалось множество новых очагов восстания, имевших собственных руководителей. В декабре 1773 г. восстание полыхало в Оренбургской, Пермской и Симбирской губерниях; оно охватило всю Башкирию и подавляющую часть уральских заводов.

Все новые правительственные войска направлялись в район восстания. 15 марта Бибииков просил прислать ему в помощь

¹ См. приложение к кн. А. Петрова «Война России с Турцией...», т. V, стр. 116.

² Речь шла о турецких промках, направленных на ослабление русского влияния среди ногаев.

³ А. Петров. Указ. соч., стр. 116—117. Курсив мой. — Е. Д.

⁴ АГС, т. I, ч. I, стр. 271. Курсив мой. — Е. Д.

опытного генерала. Правительство собиралось послать Суворова, однако против этого назначения решительно возражал Румянцева: Суворов нужен был на Дунае; кроме того, откомандирование Суворова из действующей армии в самом начале военной кампании произвело бы невыгодное впечатление на противника, тем более что в Турции и без того уже распространялись известия о внутренних волнениях в России¹.

Весной 1774 г. восстание поднялось на новую, более высокую ступень. Снятие осады с Оренбурга не ослабило, а напротив, усилило войска Пугачева — везде, где они появлялись, на борьбу поднимались новые массы крестьян. В мае 1774 г. Пугачев предпринял поход на Урал и овладел рядом крепостей Верхне-Яицкой линии, в том числе Магнитной. Движение распространялось к западу и северу, т. е. по направлению к центру страны.

Не только до Кючук-Кайнарджийского мира, но и некоторое время после его заключения продолжался неослабевающий подъем крестьянской войны. При осаде Казани, начавшейся 28 июня 1774 г., армия Пугачева насчитывала в своих рядах 20 000 человек.

Параллельно с распространением восстания на новые районы росло и политическое сознание восставших. В знаменитом указе от 31 июля 1774 г. прежние узко местные требования окончательно отступили перед общей задачей уничтожения крепостничества. Пугачев объявил, что он жалует крестьян землей «без покупки и без оброку», уничтожает рекрутчину, подушные и иные подати, освобождаст народ от всех отягощений, «прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев-судей». Манифест кончался призывом к еще более решительной борьбе против угнетателей: «кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, — говорилось в указе, — оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами»².

Под влиянием панического страха перед восстанием, которое, казалось, перекинется на Москву и Петербург, дворянское правительство решило как можно скорее заключить мир, хотя бы ценой больших уступок Оттоманской Порте.

Весной 1774 г. царское правительство еще раз пересмотрело условия мира. 10 марта Панин поставил на заседании Совета вопрос о необходимости выработать «последние возможные с нашей стороны кондиции». Напомнив бухарестский мирный проект, он предложил внести в него изменения, которые выдвигались им еще в ноябре 1773 г., а именно «...удовольствоваться получением

¹ По русским сведениям, французы и шведы распространяли в Турции слухи о «возмущении в Оренбургской губернии». АГС, т. I, ч. I, стр. 276.

² Сборник «Пугачевщина», т. I, стр. 40—41.

вместо Еникале и Керчи Кинбурнской крепости, с тем чтоб и Порты оставила татарам все крепости в Крыму, на Тамане и на Кубани, также и одним плаванием торговых судов, которые в случае нужды в военные превращены быть могут»¹.

Екатерина, которая в январе 1773 г. так категорически требовала свободного плаванья военных кораблей по Черному морю и проливам, угрожая туркам, если они откажутся, применить еще раз силу оружия, теперь присоединилась к Панину, и Совет, «рассуждая по тому, был во всем согласен». Признавая «по настоящим обстоятельствам нужду в скором мире», Совет высказался за вступление в мирные переговоры «до открытия кампании». При этом Совет установил «степени, по которым вступить в мирную негоциацию», а именно: сначала требовать, чтобы турки уступили Очаков и Кинбурн с их землями до Днепра; в случае неудачи — согласиться на «разорение» Очакова. Наконец, «когда ни то, ни другое не предуспеет и негоциация найдется между двух альтернативов, продолжения войны и настояния сих кондиций, в таком крайнем случае» решено было удовлетвориться одним Кинбурном².

К этому моменту в Турции произошли события, которые укрепили надежду русского правительства на быстрое прекращение войны. В январе 1774 г. умер султан Мустафа III. На престол вступил его престарелый брат Абдул-Хамид I, который провел всю свою жизнь во дворце и был совершенно неспособен заниматься государственными делами. Он передал все дела великому визирю Мухсину-заде, снабдив его также и полномочием на заключение мира. Мухсин-заде, основываясь на трезвой оценке сил Турции, стремился скорее прекратить войну. Им руководило также желание поскорее вернуться в Константинополь, чтобы предотвратить серальские интриги, всегда сопровождавшие смену султана. В одном из рескриптов на имя Румянцева (от 6 апреля 1774 г.) это обстоятельство было специально отмечено правительством: «...известная сего министра склонность к прекращению войны долженствует ныне усугубляться сущемою для него надобностию самоличного в Царьграде присутствия, где черные евнухи тщатся по своим видам держать султана взаперти и совершенном от дел удалении»³.

По примеру Порты, уполномочившей главнокомандующего своей армии на заключение мира, правительство Екатерины II облекло такими же полномочиями Румянцева. Соответствующий рескрипт был послан ему 14 февраля 1774 г.

Екатерина не входила здесь в рассмотрение мирного проекта по существу и ограничивалась ссылкой на «последние нами

¹ АГС, т. I, ч. I, стр. 273—274. Курсив мой. — Е. Д.

² Там же.

³ А. Петров. Указ. соч., т. V, приложения, стр. 131.

тайному советнику Обрескову во время Бухарестского конгресса данные повеления, так и персональные его вам изъяснения»¹.

Обресков очень болезненно переживал лишение его полномочий на заключение мира. Охваченный тяжелыми сомнениями, он поделился ими с Паниным, но тот заверил Обрескова, что заслуги последнего признаются и ценятся, как и прежде. Но так как стало известно, что великий визирь снабжен полномочием на ведение мирных переговоров, то и русское правительство для ускорения дела решило назначить своим уполномоченным командующего войсками. Румянцев, писал Панин, «человек, персона которого в рассуждении турок составляет теперь репрезентацию всей нашей империи»².

Обресков получил письмо и от Румянцева, который просил его прибыть к нему в ставку, чтобы принять личное участие в заключении мира. «Язык и сердце мое не знают против вас двоякости, и я чужой труд, тем меньше особы, которую привык я почитать, нимало не удобен обращать единственно в славу себе собственную»³, — писал Румянцев 21 марта 1774 г.

Сосредоточение в руках Румянцева функций полководца и дипломата очень облегчало ведение мирных переговоров. В нужный момент он мог напомнить туркам о крупных военных силах, которые находятся в его распоряжении и будут пущены в ход в случае несговорчивости Порты. Благодаря усилиям Обрескова, проявленным на Бухарестском конгрессе, Румянцев имел готовый проект мирного договора, обсужденный и частично согласованный между обеими сторонами. Оставалось разрешить более важные спорные вопросы.

Предположения о том, что великий визирь будет стараться ускорить заключение мира, полностью оправдались. В марте 1774 г. Мухсин-заде первый обратился к Румянцеву с письмом, в котором высказывался за прекращение кровопролитной войны «утверждением спасительного мира»⁴. Это означало возобновление мирных переговоров, прерванных в Бухаресте.

Румянцев, еще не зная о новом постановлении Совета, сообщил визирю, что он ожидает ответа Порты «на те последние предложения, которые на Бухарестском конгрессе... послом е. и. в. были сказаны к прекращению войны и для миру вечного...»⁵

¹ А. Петров. Указ. соч., т. V, приложения, стр. 120.

² АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1780, 1774 г., лл 1—4.

³ Чтения ОИДР, М., 1865, кн. II, отд. II, стр. 300.

⁴ А. Петров. Указ. соч., т. V, стр. 9.

⁵ Там же, приложения, стр. 129. В таком же смысле писал Абдур-Резаку Обрескову в своем письме от 19 марта 1774 г. АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1779, 1774 г., лл. 7—8.

В новом письме визиря повторялись прежние требования Порты.

1) Крымский хан должен был получать «дозволение и дипломы султанские», а крымские судьи — «законное дозволение от казы-аскеро́в, пребывающих в Константинополе».

2) Русскому правительству предлагалось «отрещись и отступить от требования Еникале и Керчи».

3) На Черном море разрешалось торговать «простым купеческим судам без пушек и оружия», а на Средиземном — «тем же самым образом, ...которым издревле торгуют суда и прочих дружественных держав» (т. е. с установленным количеством пушек). Проход судов через проливы, очевидно, исключался.

4) Все крепости в Крыму должны были остаться «во владении татар». При этом подчеркивалось, что «во внутрь помянутых крепостей не имеет быть ниже один человек из российских войск»; в то же время ни словом не упоминалось о турецких войсках¹.

О том, что в подлинные планы Турции входило сохранение за собой крымских крепостей, свидетельствовали не только возражения Мухсина-заде против «равности»², т. е. равных прав России и Турции по отношению к мусульманскому Крыму, но и прямые заявления визиря; так, в одном из его писем говорилось, что «крепость Еникале для безопасности границ и подданных высокой империи (т. е. Турции.—Е. Д.) есть необходимо нужна»³.

В своих ответах Румянцев вначале отстаивал прежние русские требования, подчеркивая преимущественное положение русской армии. Однако в конце апреля 1774 г. ему пришлось изменить линию поведения. 12 апреля он получил от Панина уведомление о готовящемся новом рескрипте, а вскоре и самый рескрипт Екатерины II от 10 апреля, который содержал «последние кондиции», выработанные Советом по предложению Панина⁴.

Румянцеву рекомендовалось начать переговоры «с пункта, где Бухарестский конгресс остановился, утвердя наперед все те статьи, кои на оном от взаимных послов или действительно уже подписаны, или по крайней мере в существе своем одержаны были объявленным согласием реис-эфендия». (Следовал перечень этих статей.)

Далее объявлялось, что «вся трудность замирения стала только на двух пунктах, то есть на уступке России на Крымском полу-

¹ А. Петров. Указ. соч., приложения, стр. 147—148.

² Там же, приложения, стр. 165.

³ Там же, приложения, стр. 180.

⁴ Там же, т. V, приложения, стр. 130—138. Тот же документ дается у С. М. Соловьева с пропусками и в измененных выражениях. См. С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 978.

острове Керчи и Еникале с их уездами, да на беспредельной свободе всякого кораблеплавания по Черному морю.

Познав довольно, что турецкая претительность в сих обоих пунктах непреодолима, — говорилось далее, — ...решились уже мы, для возвращения отечеству драгоценного покоя, снизить... на ограничение кораблеплавания по Черному морю в одно торговое, так и на оставление татарам Керчи и Еникале, если Порта согласится, признав единожды гражданскую и политическую их вольность и независимость, оставить им равномерно без всякого изъятия в полную власть и владение все крепости в Крыму, в Тамани и на Кубани со всею землею от реки Буга по реку Днестр, которая бы могла служить живою границею; если она в то же время признает для империи нашей качество постановленного уже с татарами ручательства ее в пользу их гражданской и политической вольности и независимости, с принятием на себя, буде похочет, равного обязательства, и если напоследок уступит она нам, в замену всех наших толь великих и важных уступок, город Очаков да замок Кинбурнский с их окружностями и степью по Буг реку». Впрочем, ручательством татарской независимости можно было пожертвовать тем более, пояснил рескрипт, что «право наше в сем случае будет tacitement¹ утверждено самым мирным трактатом, когда оной, а не другое какое постановление существо татарской вольности и их политического бытия определить имеет... Сверх того останется еще пред нами во всей силе собственное обязательство татар...»

Наконец, в случае нужды Румянцев должен был требовать разрушения Очаковской крепости, а в случае крайней необходимости оставить туркам Очаков, а за Россией закрепить один Кинбурн «с надлежащим к нему округом всей, как выше сказано, степи, по Буг реку».

«Что до кораблеплавания по Черному морю касается, — продолжал рескрипт, — тут, снисходя на турецкое требование, позволяем мы наименовать в трактате одно торговое на обе стороны с равными для купеческих судов ограничениями в пункте вооружения их, например, до четырех или шести пушек, как для обыкновенной салютации, так и для сигналов в море, если б двум или трем судам вместе плыть или же дорогою встретиться случилось».

Как видим, в данном вопросе правительство не предусматривало никаких этапов в отступлении: оно заранее шло на «ограничение кораблеплавания по Черному морю в одно торговое», не пытаясь отстоять хотя бы строительство военного флота в черноморских верфях и его курсирование в пределах Черного моря для защиты приморских владений.

¹ tacitement — молчаливо.

В расчете на то, что эти уступки помогут избежать новой военной кампании, русское правительство рекомендовало Румянцеву договориться с великим визирем о сближении мест их пребывания. А чтобы на переписку с визирем «не столь много тратилось времени», Румянцев должен был использовать Обрескова «со всею у него находящеюся канцеляриею». Наконец (что было важно для ускорения дела мира), Румянцеву давалось право подписать с визирем прелиминарии, а затем, «не описываясь сюда, уполномочить от себя в каком-либо месте особливых комиссаров, и велеть им без дальних отлагательств составить самой трактат по точной силе прелиминарных артикулов...» Таких широких полномочий никогда не имел Обресков; они объяснялись настойчивым желанием правительства как можно скорее выйти из состояния войны и перебросить войска для подавления пугачевского восстания.

Теперь для Румянцева начинался самый ответственный период его дипломатической миссии: ему предстояло заключить мирный договор с Турцией. Румянцев поддерживал постоянный контакт с Обресковым, называя его «строителем сего дела»¹. В марте, получив полномочие на заключение мира, Румянцев советовался с Обресковым о том, как объяснить визирю это назначение. Надо было избежать толков, «что к сему принуждают нас внутренние беспокойствия, о которых он уже довольно знает»². Румянцев решил сослаться на полномочие, данное ему после разрыва Фокшанских переговоров, которое сохраняло свою силу. Желая знать мнение Обрескова, Румянцев писал ему: «Нужен мне есть совет ваш, как мужа, испытанием и искусством одаренного в сих делах, как друга моего...»³ 23 апреля, в связи с получением новых правительственных распоряжений о смягчении мирных требований, Румянцев имел личную встречу с Обресковым, во время которой они совместно «учредили» ответ великому визирю⁴.

Руководясь правительственным рескриптом от 10 апреля 1774 г., Румянцев послал великому визирю пространную ноту⁵, в которой сообщал о своей готовности пойти на уступки. Свои предложения он представил в виде четырех статей, разрешавших основные спорные вопросы.

В соответствии с рескриптом Румянцев начал с первой «степени» уступок, т. е. не предъявил сразу тех «последних кондиций», на которые решено было согласиться только в крайнем случае.

¹ Чтения ОИДР, М., 1865, кн. II, отд. II, стр. 301.

² Там же, стр. 299.

³ Там же.

⁴ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1779, лл. 5—6 (Письмо Обрескова Панину от 13 мая 1774 г.).

⁵ А. Петров. Указ. соч., т. V, приложения, стр. 168—176.

Соглашаясь оставить Керчь и Еникале «в полное собственное владение татар», Румянцев требовал взамен «город Очаков с замками Кинбурном и Гаджибеем». В рескрипте ничего не говорилось о Гаджибее (деревня и небольшая крепость на месте будущей Одессы), но дипломат-полководец, конечно, понимал, что оставление в руках турок этого пункта в значительной мере обесценило бы стратегическое значение приобретения Очакова. Благодаря своему выгодному приморскому положению Гаджибей мог быть превращен турками в военный порт, что позволило бы им господствовать над северо-западной частью Крымского ханства и, в случае войны с Россией, пользоваться привычным черноморским путем для переброски войск в область между Бугом и Днестром. Повидимому, Румянцев руководствовался также желанием как можно более возвысить цену за уступку Керчи и Еникале в надежде, что Порта в конце концов согласится на передачу России этих крепостей.

Выдвигая требование о предоставлении Крымскому ханству независимости, Румянцев сообщил визирю о согласии русского правительства на передачу татарам территории между Бугом и Днестром. Он опустил ту часть Бухарестского проекта, в которой говорилось о султанской инвеституре крымским ханам и о назначении Портой крымских судей, сведя содержание данного пункта к самой общей и краткой формулировке, гласившей, что татары, «в рассуждении его султанского величества, яко верховного калифа магометанского закона, имеют сообразоваться правилам законов, им предписанных».

Принимая во внимание возражение Порты против гарантии татарской независимости со стороны России, Румянцев подчеркнул обоюдный характер этого права:

«Что касается до ручательства в пользу татар гражданской и политической вольности, то как вещь сия представляема была обоим державам взаимным образом, следственно, при соглашении вышеписанных пунктов, согласено быть может и об оной к взаимному удовольствию».

Предложение «О мореплавании и коммерции» было изложено Румянцевым следующим образом:

«В успокоение Порты Российский двор не будет иметь на Черном море военных кораблей и других, в войнах употребляемых судов, а только купеческие, по обрядам всех европейских держав, которые суда купеческие имеют плавать по Черному морю, реке Дунаю, в каналах, и входить во все порты, включительно и Константинопольский, и коммерция повсюду и на всех водах имеет учреждена быть по примеру других европейских держав».

В заключительной части своей ноты Румянцев напоминал о том, что русские войска находятся в более выгодной «локальной позиции» и советовал визирю вообразить себе «след-

ствия, долженствующие произойти от движения из оной вперед...»

Несмотря на это предупреждение, великий визирь в уступках Румянцева усмотрел слабость России. В своем ответе он писал, что «настоящее время не похоже на время Бухарестского конгресса», и объявлял, что татары «отказались от трактата» с Россией, видя усиление Оттоманской империи. Он категорически возражал против передачи татарам Керчи и Еникале, требуя уступки их Турции¹. Однако Румянцев не торопился переходить к следующим «степеням» уступок, указанным в рескрипте от 10 апреля. Ведя мирные переговоры, он в то же время готовился к возобновлению войны.

К началу мая 1774 г. отдельные части русских войск уже перешли Дунай: корпус генерал-полковника Каменского стоял у Карасу, корпус Суворова — у Гирсова. За Дунаем было много укреплений, которые упорно защищались турками.

В противоположность мнению, господствовавшему в Петербурге, что нужно как можно скорее овладеть Варной и Силистрией, Румянцев не хотел вести крепостную войну. Он знал, что противник, по численности своих гарнизонов и по характеру возведенных укреплений, может не только выдержать длительную осаду, но и оказать серьезное сопротивление русским войскам. Поэтому, направляя военные отряды к турецким крепостям, он ставил своей задачей не овладение этими крепостями, а их разобщение друг от друга, последующее окружение и полную изоляцию от остальной системы обороны противника. Выманить турецкие гарнизоны из занимаемых ими крепостей и разбить их в открытом поле — такова была цель, к которой стремились Суворов, Каменский и другие подчиненные Румянцеву командиры².

Рассчитывая на успех военных действий и близкое заключение мира, Румянцев 15 мая писал Обрескову: «Для сего я прошу вас, вселюбезный мой друг, сколько можно поспешить сюда ко мне вашим приездом, взяв с собою всех чинов нужных вашей канцелярии; ибо нужно нам, пройдя общим рассуждением предложения с их стороны, учинить чем скорее отповедь верховному визирю, основываясь на последних предписаниях, которые от двора я имею»³. Однако в условиях начавшейся военной кампании следовать за Румянцевым было очень трудно. Румянцева и Обрескова вскоре разделило течение Дуная.

2 июня Каменский занял Базарджик, важный стратегический пункт, откуда турки вели наблюдение за всеми движениями рус-

ских войск на нижнем Дунае. В то же время Румянцев с главной армией переправился через Дунай у Гуробал и двинулся по направлению к Шумле.

Визирь выслал к Базарджику навстречу Каменскому до 40 000 войска под командованием знакомого нам Абдур-Резака, переименованного в полномочия дипломата на функции военачальника. Корпус Суворова, который соединился при Юшенли с войсками Каменского, шел в авангарде по направлению к Козлудже. На узкой лесной дороге он столкнулся с турецким авангардом. После двухчасового упорного боя русский авангард очистил лес от турок. Части Суворова вышли на поляну перед Козлуджей. Здесь на высотах были расположены главные силы турок. Хотя русский корпус насчитывал всего восемь тысяч человек, тем не менее Суворов начал наступление. Вслед за обстрелом турецкого лагеря из полевых орудий пехота и конница решительно атаковали высоты, занятые противником. Турки обратились в бегство.

В этой знаменитой битве при Козлудже (9 июня 1774 г.) турки понесли огромные потери. В Шумле при визире осталось едва 1000 человек войска. Румянцев понимал, что нужно скорее наступать на Шумлу, чтобы не дать визирю возможности собрать разбитые части своей армии. 17 июня русские войска были в 5 верстах от Шумлы, а отдельные части действовали уже за Балканами.

20 июня визирь прислал Румянцеву письмо с предложением перемирия, прося в то же время «прислать верную и знатную особу, дабы договариваться с оной о мире»¹.

В своем ответе Румянцев писал, что не имеет от визиря еще ничего такого, что показало бы его готовность пойти на уступки. А раз так, писал он, «то и предоставляю я по сей причине вашему сиятельству прислать теперь в мой стан особу с вашей стороны, снабденного полномочием, с которым бы я не имел сомнения объясниться и составить уже прелиминарные пункты примирения»².

На дальнейшие просьбы визиря о перемирии и о созыве мирного конгресса Румянцев отвечал еще более категорично: «О конгрессе, а еще менее о перемирии, я не могу и не хочу слышать. Ваше сиятельство знаете нашу последнюю волю: если хотите мириться, то пришлите полномочных, чтобы заключить, а не трактовать главнейшие артикулы, о коих уже столь много толковано и было объяснено. И доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия никак не престанут»³.

После этого Мухсин-заде отправил в главную квартиру русской армии двух уполномоченных. Первым из них был назначен

¹ А. Петров. Указ. соч., т. V, приложения, стр. 178—181.

² См. Ю. Р. Клокман. Указ. соч., гл. VII.

³ Чтения ОИДР, кн. II, отд. II, М., 1865, стр. 308.

¹ А. Петров. Указ. соч., т. V, приложения, стр. 185.

² Там же, стр. 186.

³ Там же, стр. 189.

видный турецкий дипломат и публицист, нишанджи¹ Ресми-Ахмед эфенди, вторым—реис-эфенди Ибрагим-Мюниб.

Румянцев, получив известие об отправке турецких уполномоченных, не остановил продвижения войск, а перешел в деревню Кючук-Кайнарджа, показывая тем, что идет под Шумлу на соединение с корпусом Каменского².

* * *

4 июля турецкие уполномоченные прибыли в деревню Бюйюк-Кайнарджа, отстоявшую в 3—4 верстах от деревни Кючук-Кайнарджа. Румянцев послал к ним для приветствий и поздравлений полковника Петерсона, возложив на него прежнюю функцию пристава.

Было решено, чтобы турецкие министры со всей их свитой расположились на жительство в деревне Бюйюк-Кайнарджа, которая была удобна «как по близости ее, так и по довольствию в ней прочих надобностей»³.

5 июля Петерсон явился в деревню Бюйюк-Кайнарджа. Он легко заметил нетерпение турок, желавших как можно быстрее начать переговоры: турецкие уполномоченные объявили ему, «сколь ревностно [они] желают свидания с его сиятельством [Румянцевым], ...чтоб предложить ему причины их приезде и приступить к скорейшему исполнению наложенной на их должности».

Свита турецких министров состояла из 200 человек. Выполняя желание Румянцева, они выбрали из нее небольшое число «знаменитейших услужников» и немедленно стали готовиться к отъезду.

Из-за разлития вод на левом берегу Дуная Обресков не успел прибыть в ставку Румянцева к нужному сроку (он приехал только 12 июля). Поэтому Румянцев назначил для ведения переговоров генерал-поручика Н. В. Репнина — талантливого дипломата и военачальника, который с 1771 г. командовал всеми войсками, расположенными в Валахии, и проявил большое мужество в дунайских боях 1773 г. Впрочем, Румянцев, хорошо осведомленный о состоянии дела примирения, во все вникал сам и имел полное основание написать Екатерине после заключения

¹ Хранитель султанского вензеля — один из высших придворных чинов Турции.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 272 (Реляция Румянцева Екатерине II от 17 июля 1774 г. о заключении мира с Турцией).

³ «Журнал, веденный с прибытия гг. уполномоченных министров верховным визирем Ахмета-Ресми, кегая-бей нишанджи-эфендия, и Ибрагима-Муниба, реис-эфендия, на конгресс в деревню Бюю-Кайнарджи до отъезда их полковником и кавалером Петерсоном». Чтения ОИДР, кн. II, отд. II, М., 1865 (в дальнейшем обозначается: Журнал Петерсона), стр. 314.

мира: «Я, быв тут во все время неотлучен и смотря глазами на дела полномочных, вседневно преподавал им способы и пути ближайшие к окончанию»¹.

5 июля турки прибыли в русский лагерь при деревне Кючук-Кайнарджа, где находился Румянцев. Подъехав на 200 шагов к ставке главнокомандующего, турецкие уполномоченные выстроили свой конвой и, выйдя из карет, «умывались по своему обыкновению и переменили платье». Они были встречены и проведены в ставку, а их свита — в особый «павильон». В тот же день турецкие уполномоченные «вошли в переговоры, мира касающиеся, которые продолжались от 11 часов утра до 2 полудни»².

Румянцев заявил турецким министрам, что не намерен откладывать принятого движения на Шумлу и согласен вести переговоры лишь при условии, чтобы мирный договор был подписан не позже как через пять дней, т. е. 10 июля. Румянцев не случайно избрал именно это число: 10 июля исполнялась годовщина Прутского мира, который все еще был памятен, несмотря на Белградский мир, и который Румянцев готовился окончательно перечеркнуть содержанием нового договора.

Турецкие уполномоченные вынуждены были согласиться на предъявленный ультиматум.

Переговоры продолжались 6 июля, причем первые полтора часа (с 11 час. до 12 ч. 30 м.) уполномоченные говорили с Румянцевым, а затем «введены были в приуготовленную конференц-залу в особливом павильоне, где они еще два часа проводили в переговорах» с Репниным³.

Уже к вечеру 6 июля Румянцеву удалось договориться с турецкими послами по всем основным вопросам. В ночь на 7 июля к великому визирю был послан курьер с депешами о достигнутых результатах. Румянцев, с похвалой отзываясь о турецких уполномоченных, писал в своей депеше: «По делам мирным представляя лицо ваше, имели они разговор со мною, и, по объяснениям, согласились уже они со мною в главных пунктах, имеющих составить мирный трактат». Далее следовали прелиминарные пункты подготовляемого договора: татарская независимость утверждалась в том виде, как это формулировал Румянцев в соответствующем разделе своих предложений. Россия получала Керчь, Еникале и Кинбурн вместе с участком между Бугом и Днепром. Все остальные крепости «в Крыму, на Кубане и на острове Тамане и прочие земли», бывшие во владении Крымского ханства, оставлялись татарам. О торговле по Черному и Средиземному морям и по Дунаю говорилось пока в общей форме, что она

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 273.

² Журнал Петерсона, стр. 315 — 316.

³ Там же, стр. 316.

«взаимным образом обеим империям дозволена». Турция должна была уплатить России 4¹/₂ млн. рублей контрибуции.

«После сего оставляет Россия Порте город Очаков с древним его уездом, возвратит Бессарабию, Молдавию и Валахию со всеми городами и крепостями, все острова на Архипелаге, выговоря для жителей островских и помянутых провинций свободное отправление веры, облегчение в податях и сохранение при них привилегиях».

«Впрочем десять артикулов, подписанных взаимными послани на Бухарестском конгрессе, утверждаются слово до слова, и другие, сообщенные на оном же конгрессе, в числе 28 артикулов, против коих нет причины прекословить».

В том же письме была приписка, которая должна была ускорить подписание договора великим визирем: «Как только от вашего сиятельства я получу надлежащее постановление на мирные артикулы, вашими полномочными постановленные, то в ту же минуту и корпусу генерал-поручика Каменского и в других частях прикажу удержать оружие и отойти из настоящего положения»¹.

Между тем переговоры продолжались. Теперь они происходили в конференц-зале² и вел их Репнин, но время от времени он выходил в кабинет к Румянцеву — один или с турецким переводчиком. Переговоры длились по шести часов и долее с перерывами для отдыха. В эти промежутки турецкие министры «исправляли свою молитву в конференц-зале»³.

7 июля переговоры велись «об оставшихся еще пунктах», в частности, о черноморском судоходстве. К исходу конференции, когда переговоры приблизились к своему завершению, Румянцев дал обед турецким послам. Чтобы устроить стол «в турецком вкусе», по его распоряжению еще накануне в лагерь был привезен повар турецких министров «для изготовления им яств». О поведении турецких уполномоченных за обедом Петерсон замечает: «Смирение, воздержанность и умеренность показывали ясно, сколь велико их почтение к особе фельдмаршала и удовольствие к отдаваемой им почести». Само по себе появле-

¹ А. Петров. Указ. соч., т. V, приложения, стр. 191—192.

² Конференц-зал, по описанию Петерсона, находился «в особливом павильоне, разбитом поперек лагеря, на левой стороне ставки его сиятельства, имея за собой шагах в 20-ти гаубтвахту». Посредине конференц-зала стоял стол, покрытый красным сукном. За столом центральное место занимал Репнин, по обеим сторонам от него сидели турецкие уполномоченные, а далее — русские военные и штатские чины, в частности, С. Р. Воронцов, ставший впоследствии выдающимся дипломатом (Журнал Петерсона, стр. 317). Это описание показывает ошибочность версии, будто бы Кючук-Кайнарджийский договор был подписан «в палатке Румянцева, на барабаче» (цит. из «Введения» Н. Коробкова к сборнику документов «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 7).

³ Журнал Петерсона, стр. 313, 317.

ние знатных турецких особ в лагере европейской державы было фактом невиданным «с начала Оттоманской империи» и рассматривалось Петерсоном как «очевидное и неоспоримое доказательство уничтожения их гордости»¹.

После обеда Румянцев прошел с турецкими министрами в конференц-зал, где беседовал с ними еще некоторое время.

8 и 9 июля переговоры длились так же долго, причем вначале турецких уполномоченных принимал Румянцев, после чего оставлял в зале «одних негосиаторов» с их секретарями и прочими доверенными лицами. Турецкий переводчик, грек Ман, оставался в конференц-зале до позднего вечера, подготавливая материалы к следующему дню.

Наступил решительный день 10 июля. В этот день из Шумлы вернулся курьер от великого визиря и привез от него депеши Румянцеву и турецким послам.

Великий визирь в своем ответе Румянцеву пробовал возражать против передачи татарам крепостей на Таманском полуострове и на Кубани. «Татары, — писал он, — не только ни в какое время не мешались в вышеупомянутые крепости, но и оные обороняемы были армиею высокой империи, а потому не можно их оставить татарам»².

Однако требование это не было категоричным, и можно было полагать, что великий визирь предоставил турецким послам свободу действий. У турок не оставалось надежды на удачный исход войны. Отборные турецкие войска были разбиты при Козлудже, а рассчитывать на подход подкреплений было трудно, так как русские отряды уже сражались за Балканами. Лучшие турецкие крепости — Силистрия, Русук и Шумла — были блокированы русскими войсками. Сообщение между крепостями и внутренними частями страны было прервано. С часу на час визирь должен был ожидать штурма Шумлы.

Русская армия даже в условиях начавшихся переговоров не переставала напоминать осажденному в Шумле визирю об опасности его положения. 5 июля один из отрядов уничтожил запас из 1000 четвертей хлеба, хранившийся в деревне Самче, близ Шумлы; 6 июля был сожжен хлеб на корню в районе крепости, которым осажденные кормили своих лошадей³.

Утром 10 июля, приняв турецких уполномоченных, Румянцев оставил их читать депеши великого визиря, а сам удалился в свой кабинет. Через некоторое время турки, «посылав неоднократно к его сиятельству своего драгомана, ходили потом и сами в его ставку особенно, только не долгое время»⁴. Очевидно,

¹ Журнал Петерсона, стр. 327.

² А. Петров. Указ. соч., т. V, приложения, стр. 194—195.

³ А. Петров. Указ. соч., т. V, стр. 61.

⁴ Журнал Петерсона, стр. 321.

короткое свидание с Румянцевым убедило турецких послов в твердой позиции русского полководца. Последние переговоры, длившиеся «от полудня до 7 часов вечера», закончились подписанием мирного договора на условиях, предложенных Румянцевым.

Договор подписали с русской стороны Н. В. Репнин, а с турецкой — Ресми-Ахмед и Ибрагим-Мюниб. Статья 28 мирного договора предусматривала, что фельдмаршал Румянцев и великий визирь должны утвердить все статьи мирного договора «так властно, как бы оные сделаны были в личном их обоих присутствии». Затем, посредством турецких уполномоченных, подписанные экземпляры предстояло разменять (не позднее чем через пять дней с момента их подписания). Поэтому Ресми-Ахмед и Ибрагим-Мюниб должны были остаться на некоторое время в русском лагере, чтобы обеспечить получение от великого визиря подписанных им экземпляров договора (на турецком и итальянском языках), вручить их Румянцеву и после этого принять от Румянцева подписанные им экземпляры (на русском и итальянском языках).

Вечером 10 июля к великому визирю были отправлены курьеры. Тогда же сын русского полководца граф М. П. Румянцев вместе с майором Гагариным отправился в Петербург с известием о заключении мира¹.

11 июля 1774 г. Румянцев послал императрице рапорт «из лагеря в Болгарии при Кючук-Кайнардже», в котором писал: «От самого войны начала предводя оружие, мне вверенное против неприятеля, имел щастие *силою* *оного* одержать и мир ныне». Румянцев подробно останавливался на мирных условиях и на обстоятельствах заключения мира. «От меня взяты были к одержанию того кратчайшие способы, сходствуя к положению оружия»², — писал он.

В другой реляции (от 17 июля) Румянцев еще ярче выразил свою мысль: подписание мира совершилось, писал он, «без всяких обрядов министеральных, а единственно скорою ухваткою военною, соответствуя положению оружия с одной стороны превозмогающего, а с другой до крайности утесненного»³.

14 июля курьер, ездивший в Шумлу к визирю, вернулся с ратификацией договора и с известием, что Каменский отступает с войсками от Шумлы.

Румянцев назначил размен мирных договоров на следующий день. Утром 15 июля турецкие уполномоченные прибыли в русский лагерь «в отличных, по своим обычаям, нарядах». Их про-

¹ Журнал Петерсона, стр. 321.

² Чтения ОИДР. М., 1865, кн. II, отд. II, стр. 308—309. Курсив мой — Е. Д.

³ Сборник «П. А. Румянцев», т. II, стр. 766.

вели в ставку Румянцева под барабанный бой и пушечную салютацию. В ставке находились Румянцев, Обресков (прибывший 12 июля), Репнин и другие высокопоставленные лица. После взаимных приветствий турецкие уполномоченные перешли в конференц-зал и ждали там, пока экземпляры договора не были подписаны Румянцевым. Не теряя времени, они разослали во все концы известие «о заключении мира и о запрещении продолжать неприятельские действия».

«В 4-м часу после обеда пошли послы вторично в ставку его сиятельства, где ему поднесли ратификацию верховного визиря на турецком языке, а он, их поздравив, вручил им свою» (на русском). Румянцев передал им текст мирного договора на русском и итальянском языках, а они ему — на турецком и итальянском. «В то самое время выстрелено было главною артиллериею 101 раз из пушек»¹.

Итак, подписание Кючук-Кайнарджийского договора совершилось. И если статья 27-я мирного договора предусматривала еще один акт — именно отправленные обеими сторонами чрезвычайных послов «с подтверждающими заключенный мирный трактат императорскими ратификациями»², то это отнюдь не означало отсрочки дела мира. Во все концы рассылались курьеры с приказами о прекращении военных действий. В статье 28-й Кючук-Кайнарджийского договора было прямое указание по этому поводу:

«По подписании сих артикулов вечного мира вышеименованными генерал-порутчиком князем Репниным и Блистательной Порты нишанджи Ресми-Ахмед-эфендием и Ибраим-Мюниб реис-эфендием, должны престать военные действия в главных армиях и во всех отделенных частях войск взаимных на сухом пути и на водах, с получения о сем от главнокомандующих взаимными армиями повелений»³.

Румянцев заключил мир на значительно более благоприятных условиях, чем ожидали в Петербурге⁴. Требование о передаче России Очакова и Гаджибея, заявленное Румянцевым во время переговоров с визирем, побудило Турцию согласиться на оставление в руках России Керчи и Еникале из опасений худшего исхода переговоров.

Сознавая неполное разрешение черноморской проблемы и возможность новых войн с Оттоманской империей, Румянцев

¹ Журнал Петерсона, стр. 324.

² ПСЗ, т. XIX, № 14164, стр. 966, приложение № 3, стр. 358.

³ Там же.

⁴ В рескрипте от 12 августа 1774 г., оценивая заслуги Румянцева, Екатерина писала: «Вам одолжена Россия за мир славный и выгодный, какового, по известному упорству Порты Оттоманской, конечно, никто не ожидал, да и ожидать не мог с рассудительною вероятностию». С. М. Соловьев. История России, кн. VI, т. 29, стр. 981.

Articoli

della Perpetua Pace tra l'Imperio di Tutte le Russie e
La Porta Ottomanna conclusa nel campo appresso la Villa
Cuciuc Cainarggi a quattro bore della Città di Silistria.

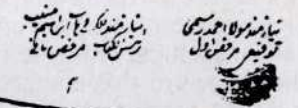
In Nome d'Iddio Onnipotente.

D'ambè le Belligeranti Parti del Imperio di Tutte le Russie e della Porta Ottomanna i Sovrani ed Autocratori, avendo la vicende vole brama ed inclinazione per la terminazione della presente tra gli vicendevoli Imperj continuata Guerra e per il ristabilimento della Pace col mezzo di vienipotenziati da ambè le parti confidenti persone, effettivamente hanno commessi vienipotenziati per l'accordo stabilimento conchiusionè e sottoscrizione del Trattato di Pace fra gli vicendevoli Aleiximi Imperj Sua Maestà Imperiale di Tutte le Russie, il Conte Pietro di Rumianzof, Generale Feld Marsciallo Comandante il Suo Exercito, della Piccola Russia Governatore Generale, Presidente del Collegio della Piccola Russia e degli Ordini di Santo Apostolo Andrea, di San Giorgio di Sant Alessandro Newki e di Sant Anna Cavaliere e Sua Sultanea Maestà il Supremo Vizir della Fulgida

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 10 июля 1774 года.

Первый лист. Подлинник.
(Архив внешней политики России).

Sottoscrizioni e sigilli loro, quelle del
Feld Marsciallo in lingua Russa ed
Italiana e quelle del Supremo Vizir
in lingua Turca ed Italiana, come
anche i vienipotenti a essi dati dai So-
vrani loro faranno anche dalle sopramen-
tate persone mandate al Feld Marsciallo
dalla Parte della Fulgida Porta vicende-
volmente scambiati in cinque giorni
dopo la sottoscrizione di questo e anche
più presto se quello se può comettendo
a loro ricevere quelle del Feld Marsciallo
Conte Rumianzof subito che quelle simili
ricevuti del Supremo presenteranno.
Nel campo appresso la Villa Cuciuc Cainarggi
agli 10 di Luglio, l'anno 1774.

Nicolaus Brune deprim

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 10 июля 1774 года.

Последний лист с сургучной печатью. Подлинник.
(Архив внешней политики России).

поставил и с успехом разрешил задачу обеспечения условий для построения военного черноморского флота. В этом случае Румянцев применил своеобразный дипломатический прием — умолчание. В Кючук-Кайнарджийском договоре ни слова не говорилось о праве России строить и держать военный флот на Черном море. Следовательно, в нем не было на этот счет и запрета или ограничения в отличие от Белградского договора¹. С другой стороны, распространение на черноморское судоходство России всех тех прав, которыми пользовались в Средиземном море Англия и Франция, означало косвенное признание прав России на строительство и плавание военного флота в рамках Черного моря. Англии и Франции разрешалось, в силу данных им капитуляций, пользоваться, наряду с торговыми, также и военными судами (в капитуляциях упоминаются, в частности, галеры). Румянцев следующим образом разъяснял молчаливое соглашение по вопросу о неограниченном строительстве русского флота на Черном море: «... присвоив капитуляцию коммерции англичан и французов по всей их точности нашему кораблеплаванию и торговле на всех водах без изъятия, доставлена тем нам свобода в сооружении кораблей, каковы те нации употребляют в Белом и других морях, что самое служит нашему кораблеплаванию и на Черном море, как равно и молчание в трактате о сооружении флота на сем море дает право неограниченное к построению нам оногo»².

Турецкое правительство ясно отдавало себе отчет в большом значении для России полученного права. Военное поражение сделало его уступчивым, однако не настолько, чтобы включить в договор сделанную уступку прямо и открыто. Косвенный характер признания данного права за Россией оставлял место для возражений и помех в отношении его реализации, что было важно не столько для самой Порты, сколько для стоявших за ее спиной западноевропейских держав.

Характерно, что молчаливое соглашение по вопросу о строительстве флота немедленно приковало к себе внимание иностранных дипломатов. Австрийский представитель в Константинополе Тугут, сообщая своему правительству о новых перспективах, открывающихся перед Россией в результате выгодного мира, останавливался особенно подробно на вопросе о черноморском мореплавании. Тугут высказывал убеждение, что, обладая Керченским портом и «перворазрядным Таганрогским портом»,

¹ Напомним, что в статье 3-й Белградского договора говорилось: «чтоб Российская держава ни на Азовском море, ни на Черном море никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла». ПСЗ, т. X, № 7900, стр. 902.

² Реляция П. А. Румянцева Екатерине II от 17 июля 1774 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011.

Россия не замедлит построить флот в этих пунктах. Местность эта, по его сведениям, изобиловала всеми природными ресурсами, необходимыми для построения судов. «... Россия может, — писал Тугут, — в весьма непродолжительном времени и без значительных денежных затрат построить в Керчи флот из 12 — 15 больших кораблей; суда меньшей вместимости соорудятся ею в других приобретенных пунктах. Следовательно, России представляется полная возможность создать все необходимое для транспортирования значительных отрядов войск». Напуганный русскими победами, Тугут, допуская явное преувеличение, писал, что по окончании русскими работ в верфях и доках «можно с часу на час ждать взятия ими Константинополя»¹.

Итак, Румянцев не ограничился ролью простого исполнителя правительственных предписаний. Он проявил большую инициативу, решительность и твердость. В результате он добился значительного улучшения мирных условий по сравнению с последним правительственным проектом.

Однако, отмечая дипломатическое искусство, проявленное Румянцевым, необходимо признать, что выгодные условия мира были прежде всего следствием изменившейся военной обстановки. Русские победы поставили Турцию почти в безвыходное положение. Успех Румянцева-дипломата оказался возможным потому, что Румянцев был одновременно и полководцем.

Кючук-Кайнарджийский договор отражал экономическое и военное превосходство России над султанской Турцией. В то же время он нес на себе печать той сложной международной и внутренней обстановки, в которой происходила русско-турецкая война 1768 — 1774 гг. Враждебная позиция западноевропейских держав, с одной стороны, и стремление господствующего класса России как можно скорее окончить войну, чтобы двинуть армию на подавление крестьянского восстания — с другой, — все это обусловило значительное сокращение русских требований к Порте: царское правительство согласилось на сохранение духовной зависимости татар от турецкого султана, на возвращение Турции Дунайских княжеств и т. д. Тем не менее заключенный мир был крупной победой России, одержанной как над военным противником — Турцией, так и над западноевропейской дипломатией.

¹ Донесение Тугута от 23 августа 1774 г. Цит. по книге: Д. Бухаров. Россия и Турция, Амстердам, 1876, стр. 23—24.

Глава IX
СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Для анализа Кючук-Кайнарджийского договора¹ и оценки его статей необходимо рассматривать их в развитии, сопоставляя окончательный текст с предшествующими вариантами.

В отношении общей структуры Кючук-Кайнарджийский договор заключает в себе:

1. Вступление (о состоявшемся заключении мира и о лицах, его подписавших).
2. Статьи договора — числом 28.
3. Секретное приложение из двух статей.

В расположении статей мирного договора отсутствует какая бы то ни было система, если не считать помещения в начале документа важнейшего для России постановления о Крымском ханстве, а в конце — условий о порядке перехода на мирные отношения. Поскольку все пункты были всесторонне обсуждены во время Бухарестского конгресса, нет основания полагать, что посредством беспорядочного нагромождения статей одна из сторон рассчитывала обмануть другую. Поэтому если изложение важных вопросов попеременно с второстепенными заключало в себе что-нибудь преднамеренное, то скорее всего это могло быть связано с желанием Турции ослабить впечатление от понесенных ею потерь. Россия не имела оснований против этого возражать, поскольку мирный договор и без того привлек к себе слишком пристальное внимание западноевропейской дипломатии.

Примером явно искусственного разобщения отдельных сторон одного и того же вопроса является помещение под номерами 7 и 14 постановлений о православной церкви и о «защите

христианского закона». Как уже отмечалось, Порты с трудом согласилась на эти постановления, обсуждавшиеся одновременно.

Содержание Кючук-Кайнарджийского договора можно свести к следующим основным проблемам:

1. Отделение Крымского ханства от Османской империи.
2. Восстановление суверенных прав России на принадлежащие ей земли и ее территориальные приращения.
3. Торговля и мореплавание.
4. Охрана и расширение прав подвластных Турции народов.
5. Вопросы престижа Российской империи (титулование русских царей, старшинство и ранг русского дипломатического представителя в Константинополе).
6. Возмещение военных убытков России.
7. Взаимная выдача преступников.
8. Положение служащих русского посольства в Константинополе.
9. Возвращение военнопленных и пленников.
10. Права христианских паломников.
11. Ликвидация прежних договоров.
12. Восстановление мирных отношений (вывод войск, ратификация договора, обмен торжественными посольствами).

На первом месте (после вводных статей о вечной дружбе и т. д.) в договоре было зафиксировано отделение от Турции Крымского ханства, включавшего в себя Крымский полуостров (без Керчи и Еникале), причерноморские степи между реками Бердой, Конскими Водами и Днестром, степь между Бугом и Днестром (без Очакова), а также земли на Кубани и Таманский полуостров¹. Статья начиналась следующими словами:

«Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под

¹ Довольно широко распространен неправильный взгляд, будто бы в 1774 г. Россия продвинула свою границу со стороны Кавказа до реки Кубани; именно так представлена русская граница 1774 г. в известном «Учебном атласе по русской истории» Н. Н. Торнау (Издание 12, СПб., 1914. Таблица IX, № 27). На страницах популярного издания В. Потто «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях» говорится, что по Кючук-Кайнарджийскому миру «Порта признала Кубань границей Российской империи...» (Том 1, вып. 1, СПб., 1885, стр. 69). В советской литературе ту же ошибку повторяет Ю. Р. Клокман, который пишет: «Согласно договору (1774 г. — Е. Д.) русско-турецкая граница на юго-западе устанавливалась по реке Бугу, а на востоке — по течению реки Кубани». (Указ. соч., стр. 164). В действительности земли между реками Еей и Кубанью до 1783 г. входили в состав Крымского ханства.

¹ См. приложение № 3, стр. 351—362.

самодержавною властью собственного их хана Чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного...».

Этот перечень народов Крымского ханства, неточно объединенных общим названием «татарские народы», в действительности подразумевал два народа: *татар*, населявших Крымский полуостров, и *ногаев*, делившихся на различные родоплеменные группы и кочевавших в причерноморских степях и на Кубани.

Итак, все татары и ногаи объявлялись не только «вольными», но и «совершенно независимыми». Употребление обоих терминов представлялось необходимым русским дипломатам ввиду специфического значения слова «вольный» у мусульманских народов ¹.

Право султана назначать и сменять крымских ханов отменялось: «ни Российской двор, ни Оттоманская Порты не имеют вступаться как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела...» Однако за этим следовала оговорка, которая оставляла место для попыток Порты восстановить свое господство над татарами: «в духовных же обрядах» все перечисленные народы «как единоверные с мусульманами, в рассуждении его султанского величества, яко верховного калифа магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным...» (ст. 3).

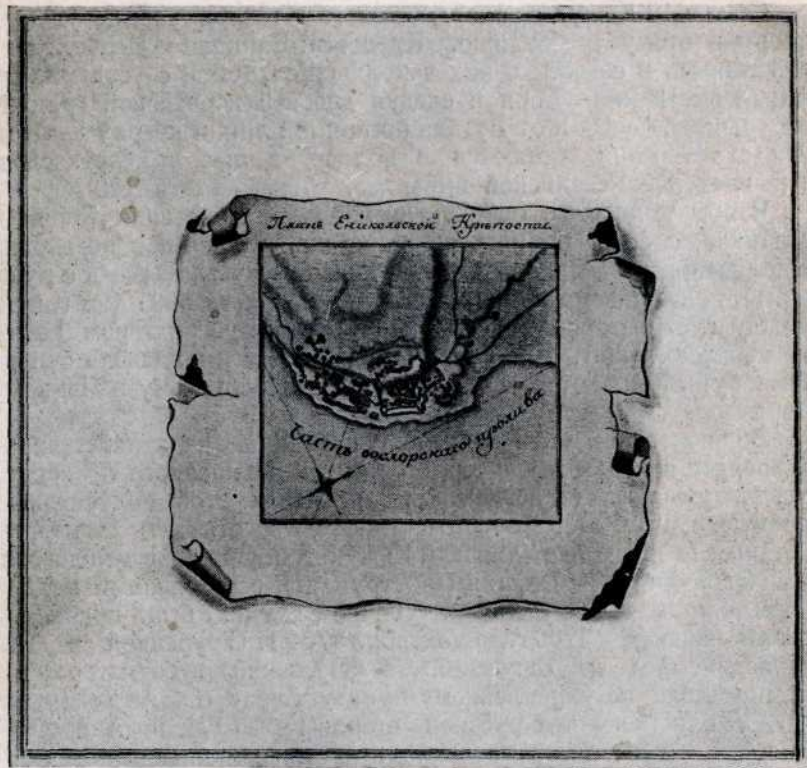
Таким образом, религиозная зависимость татар от турецкого султана сохранялась, что было отступлением от первоначальных проектов мирного договора, составленных в России. Еще на Бухарестском конгрессе Обресков от имени русского правительства дал согласие на эту уступку. В предложенном им проекте говорилось также об обязанности татар молиться по пятницам за «священную особу» турецкого султана и о том, чтобы татарские судьи «требовали законное мураселе» (т. е. утверждение. — Е. Д.) от мусульманских законодателей.

Эти последние моменты не вошли в Кючук-Кайнарджийский договор, что являлось с точки зрения России его улучшением. Тем не менее пункт о религиозной зависимости татар от турецкого султана был серьезной уступкой, значение которой было тем более важным, что она способствовала распространению вредной легенды о зависимости мусульман «всего мира» от турецкого

¹ «Вольным» считался каждый мусульманин, хотя он в то же время признавался зависимым от султана. Поэтому Панин, инструктируя Румянцева весной 1774 г., подчеркивал необходимость «неразлучно везде соединять оба слова — вольности и независимости». С. М. Соловьев. История России, кн. VI, т. 29, стр. 979.

халифа (в Кючук-Кайнарджийском договоре эта легенда получила официальное признание) ¹.

Впрочем, опасность, проистекшая для России из духовных привилегий султана, была несколько уменьшена благодаря

Крепость Еникале.

Рукописный план 90-х годов XVIII века.
(Центральный Государственный военно-исторический архив).

территориальным приобретениям, имевшим крупное политическое и стратегическое значение. На первом плане здесь стояло присоединение Керчи, Еникале и Кинбурна, позволявших России держать Крым под своим контролем. Первые две крепости были уступлены России по Крымскому договору 1772 года. Конечно,

¹ Подробности об этой легенде см. в статье В. А. Гордлевского «В каком смысле турецкий султан — халиф? (Справка)». Русские ведомости, 1914, № 248.

при полном отделении Крыма от Турции достаточно было бы договориться об этом с одними татарами. Но в условиях сохранения религиозной зависимости Крымского ханства от Порты для России было важно получить признание и утверждение этого решения турецким правительством.

Статья 19 Кючук-Кайнарджийского договора вполне удовлетворяла этому требованию. «Крепости: Еникале и Керчь... с их пристанями и со всем в них находящимся, тож и с уездами, начиная от Черного моря и следуя древней керченской границе до урочища Бугак и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря, остаются в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи».

Чтобы полностью оценить значение приобретения Керчи и Еникале, следует принять во внимание, что и Азов переходил в полное и нераздельное владение России «с уездом его и с рубежами, показанными в инструментах, учиненных в 1700-м году... между губернатором Толстым и ачугским губернатором Гассаном пашою...» (ст. 20). Таким образом, Россия владела теперь теми пунктами, которые были ключами к Азовскому и Черному морям.

В связи с тем, что Россия получила право на хозяйственное и военное использование территории так называемого Азовского уезда, уместно остановиться на размерах этой области. Но прежде, чем об этом говорить, необходимо отметить некоторые неточности в тексте статьи 20-й Кючук-Кайнарджийского договора. Пограничная конвенция («инструмент», составленный в двух экземплярах — на русском и турецком языках) была подписана и разменена не в 1700 г., а в октябре 1704 г. С турецкой стороны ее подписывал не «ачугский», а «ачуевский» губернатор, названный так по укрепленному пункту Ачуев (на Азовском море). Уполномоченным русской стороны был Иван Андреевич Толстой — «губернатор азовский и наместник звенигородский». Русский подлинник этой конвенции был отослан в Турцию. В наших архивах хранятся турецкий подлинник и копия русского оригинала.

Конвенция 1704 г. была заключена в целях уточнения Константинопольского договора 1700 г., который содержал довольно неопределенное постановление по данному вопросу: «...Азовскому городу... дается от Кубанской стороны уезд, считая расстояние его от Азова к Кубани даже до кончания десяти часов ездой конскою...»¹ Эта неопределенность вызвала споры во время подготовки «инструментов» 1704 г. (русские всадники за десять часов успели переехать реку Ею и стать в 5530 саженях от реки, в то время как турецкие — остановились, не доехав

до Еи 1350 сажен). В конце концов стороны согласились провести границу в 1660 саженях южнее р. Еи. В этом месте на дороге, шедшей от Азова в направлении р. Кубани, были поставлены пограничные знаки. В границе Азовского уезда, на основании конвенции, вошло также «Ейское устье с обоими берегами и от устья земли столько ж мерою (так в тексте. — Е. Д.) к Азову»¹. В то же время конвенция оставляла неопределенной восточную границу «уезда»: все внимание договаривавшихся сторон было сосредоточено на морском берегу. Позднейшие соглашения не внесли полной ясности в этот вопрос, если не считать указания конвенции от 20 октября 1741 г. относительно того, что «речки Кайсуга, Кагальник, Чубур и Ея имеют остаться пусты и между обоими (так!) империями барьером...»² На пограничных картах, изготовленных до войны 1768 — 1774 гг., восточная граница Азовского уезда изображалась обычно условной дугой, соединявшей среднее течение Еи (в том месте, где были пограничные знаки) с курганом близ левого рукава Дона.

Очевидно, только после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, в процессе освоения новых территорий, были окончательно уточнены границы той области, которая была закреплена за Россией вместе с Азовом. Мы встречаем их в описаниях новых административных единиц, созданных в Приазовье вскоре после заключения мира, а также на картах, изготовленных в период 1775—1782 гг. Так, например, в описании городов Азовской губернии, относящемся к 1782 г., в качестве границы Таганрогского уезда со стороны прикубанских владений Крымского ханства, фигурируют реки Ея, Егорлык и Маныч³.

В другом документе того времени, специально посвященном описанию границ Азовской губернии 1775—1783 гг., указывается следующая граница: «С вершины речки Большого Егорлыка и от земель Астраханской губернии прямою чертою на вершину реки Эи (следует читать Еи. — Е. Д.), и чрез оную вперед 1660 сажен, потом по над оною в таком же расстоянии, оставляя всю ту реку Эю в Азовской губернии, до двух курганов, по конверсии (конвенции) 704 году явствуют, до Азовского моря...» Здесь же указывается, что за русской границей

¹ ЦГАДА, ф. Турецкие дела, № 89, лл. 3—5. — Копия с инструмента с Российской стороны. 1704 г., октябрь. Обстоятельства заключения данного «инструмента» изложены в реляции И. А. Толстого — там же, лл. 7—9.

² ПСЗ, т. XI, № 8464.

³ Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, год 1-й, 1904, стр. 83. Дата документа установлена А. Скальковским — см. «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края», ч. 1, Одесса, 1836, стр. 256.

¹ ПСЗ, т. IV, № 1804, стр. 69, статья 7.

расположены владения «кубанских татар» (т. е. Крымского ханства. — Е. Д.) «по конвенции 1704 году»¹.

Указанные границы нашли свое наглядное воплощение в картах того времени. «Генеральная карта Российской империи» от 1776 г., составленная Трескотом и Шмитом, показывает в русских пределах все течение р. Еи. От верховий Еи граница России продолжается в юго-восточном направлении до верховий р. Егорлыка (названного почему-то «Тучгусле»), а затем следует вниз по Егорлыку и подходит к р. Манычу². Еще более подробна «Генеральная карта Азовской губернии» от 1782 г., составленная И. Исленьевым. Мы видим на ней Таганрогский уезд, образованный из приазовских владений России. Этот уезд включает в себя все течение рек Еи и Егорлыка и примыкает к землям Войска Донского³.

Итак, по соседству с кубанскими владениями крымского хана Россия имела теперь обширную область, простиравшуюся между реками Доном и Еей. Свою границу, проходившую по р. Ее, она имела право укреплять, так же как и любой пункт на своей территории.

К западу от Крымского полуострова, в силу 18 статьи договора, Россия получила Кинбурн. Этот пункт имел стратегическое значение не только потому, что дополнял с запада группу приморских крепостей, позволявших держать татар под неослабным контролем, но и в силу своего соседства с Очаковом, который оставался теперь единственной турецкой крепостью на территории Крымского ханства.

Кинбурн перешел к России «с довольным округом по левому берегу Днепра⁴ и с углом, который составляют степи, лежащие между рек Буга и Днепра».

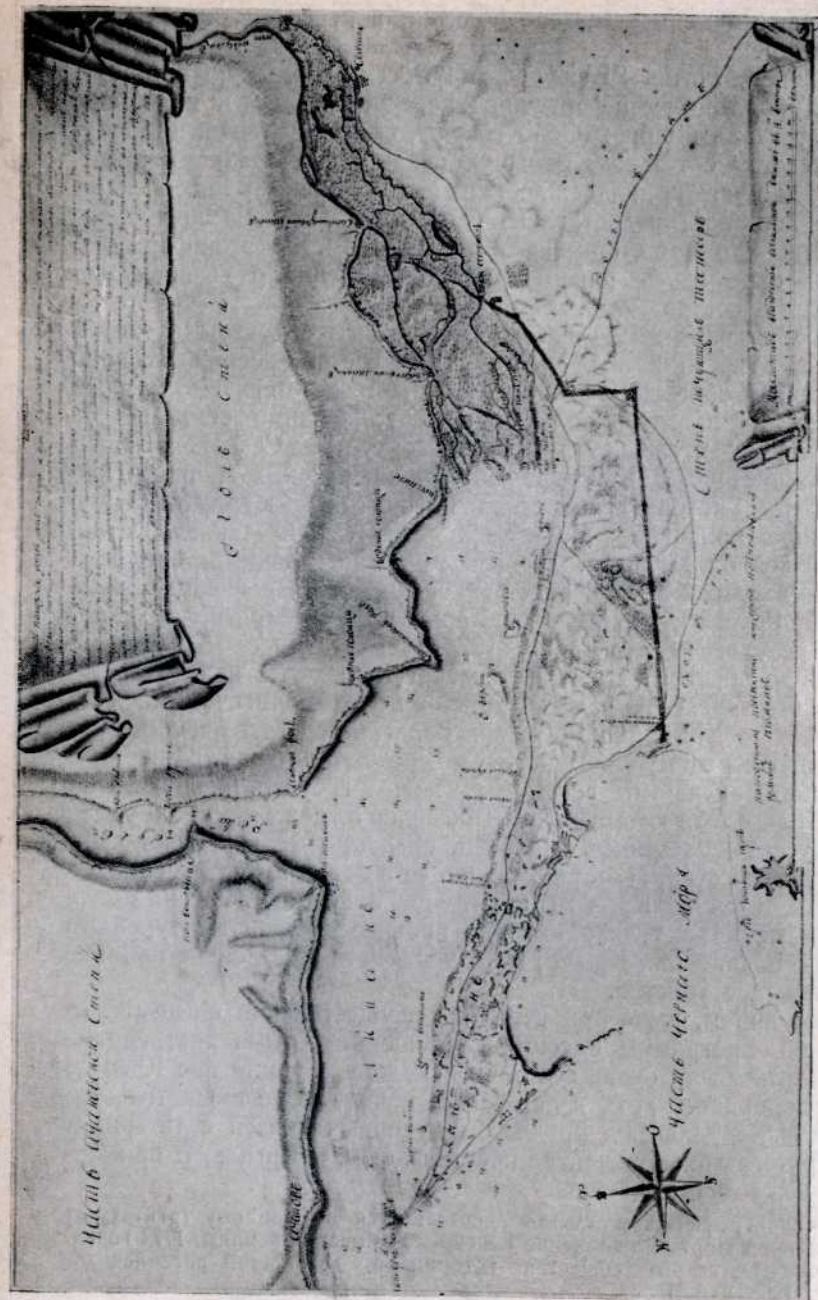
Так, попутно с разрешением основной задачи — установления более прочной границы — была приобретена значительная территория плодородной земли на юге России, которая была слабо заселена и в будущем могла стать объектом хозяйственного освоения. Следует отметить, что уже в 1775 г. было составлено хозяйственное описание «угла» земли, отошедшего к России; здесь говорилось, что «земля на сем округе, выключая около рек песчаные косы...», влажна «и вся к плодородию способна». Немногочисленные жители сеют «озимую рожь и пшеницу, яровые, ячмень, гречу и просо весьма хорошо; и почти рожь и

¹ Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, год 1-й, 1904, стр. 70.

² ЦГАДА, ф. Картографический. Карты генеральные Российского государства, № 26, 1776.

³ Там же. Карты Екатеринославской губернии, № 1, 1782.

⁴ Подразумевается берег Днепровско-Бугского лимана.

Кинбурнская коса и берег Днепровско-Бугского лимана с границей округа, отошедшего к России в силу статьи 18 Кючук-Кайнарджийского договора.
Рукописная карта XVIII в. (Государственный Исторический музей).

пшеница, и ячмень вдесятеро родится, а просо в тридцать раз выходит»¹.

Наконец, статья 21 передавала России Большую и Малую Кабарду—в той самой формулировке, которая была принята еще в Бухаресте, а именно: «Обе Кабарды, то-есть Большая и Малая, по соседству с татарами большую связь имеют с ханами крымскими, для чего принадлежность их императорскому Российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского с советом его и с старшинами татарскими». За этой формулировкой скрывалось ранее принятое решение о возвращении Кабарды в состав России².

Кабардинские земли не были заманчивым объектом в хозяйственном отношении и возвращение их в состав России было важно главным образом по политическим и стратегическим соображениям. Благодаря обладанию кабардинскими землями затруднялась деятельность турецкой агентуры на Северном Кавказе, что способствовало упрочению южнорусских границ. Подтверждение исторических прав России на Кабарду означало косвенное признание принадлежности к ней также Осетии, зависевшей от Кабарды. Владая северокавказскими землями, Россия входила в непосредственное соприкосновение с дружественной Грузией, тяготение которой к России еще более усилилось в результате войны 1768—1774 гг.

Таким образом, если религиозное господство над татарами могло быть использовано Турцией в целях политического воздействия на Крым, то и Россия располагала средствами для противодействия этому влиянию. Этими средствами были, во-первых, крымские крепости, во-вторых, новые государственные границы, благодаря которым Крым оказался с трех сторон окруженным русскими землями. Наконец, следует учесть возраставшее могущество России, которое ставило ее в более выгодное положение относительно Крыма сравнительно с Турцией. Россия имела возможность не только активно противодействовать турецким планам подчинения Крыма, но и усиливать собственное влияние на Крымское ханство.

Как видим, даже при неполном осуществлении внешнеполитической программы России в отношении Крыма достигнутые результаты были очень велики. Господство Турции над Крымом было подорвано, хотя и оставалась почва для ее вмешательства в крымские дела под предлогом духовных связей с татарами.

Стратегическое значение постановлений о Крыме и о примор-

¹ «Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям, 1774 года». «Записки Одесского общества истории и древностей российских», т. VII, 1868, стр. 185.

² См. стр. 204—205 настоящей работы.

ских крепостях было очень велико. Крымский полуостров уже не мог открыто использоваться Турцией в качестве плацдарма для наступательных действий против России. Крымские татары перестали быть военным отрядом Порты. В том же направлении действовало право России на военное использование своей территории, официально признанное по Кючук-Кайнарджийскому договору. В статье 4 договора говорилось: «С естественным всякой державы правом сходствует делать в собственных землях своих таковые распоряжения, каковые за благопристойные оными найдутся; вследствие чего предоставляется взаимно обеим империям полная и беспредельная вольность строить вновь в областях и границах своих в таковых местах, каковые найдутся удобными, всякого рода крепости, города, жилища, здани и селении, равно как починять или поновлять старые крепости, города, жилища и прочее».

Это значило, что Россия может свободно и явно укреплять свою южную границу, не навлекая на себя этими действиями враждебных выступлений со стороны Турции.

Положение на юге России существенно изменилось. Граница стала более надежной как со стороны Крыма, так и Кавказа.

Прекращение татарских набегов и упрочение южнорусской границы создавали благоприятные условия для освоения Северного Причерноморья. Поскольку Крым не представлял больше серьезной опасности для России, южные просторы стали притягательными для помещичьего класса. Не случайно через год после заключения Кючук-Кайнарджийского договора была ликвидирована Запорожская Сечь и земли с редким казачьим населением были розданы русскому и украинскому дворянству, запорожской старшине и т. д. С другой стороны, получение Керчи, Еникале и Кинбурна — этих ключей к Черному морю—открывало новые перспективы перед русской внешней торговлей.

Все эти моменты — политические, стратегические и экономические, — связанные с крымской проблемой, имели большое значение для развития производительных сил России и для укрепления ее международных позиций.

* * *

Мореплаванию и торговле были посвящены две статьи Кючук-Кайнарджийского договора: 11-я и 12-я. В этом вопросе русское правительство также добилось меньшего, чем оно требовало в своем первоначальном проекте. Как известно, Екатерина II до марта 1774 г. настаивала на праве военного мореплавания по Черному морю и проливам, а также категорически возражала против каких бы то ни было ограничений в отношении размера и формы торговых судов.

Статья 11 Кючук-Кайнарджийского договора гласила: «Для выгодностей и пользы обеих империй имеет быть вольное и беспрепятственное плавание *купеческим* кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих, и Блистательная Порта позволяет *таковым точно купеческим российским кораблям, каковы другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют*, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, так, как и приставать ко всем гаваням и пристаням на берегах морей, и в проездах, или каналах, оные моря соединяющих, находящимся»¹.

Итак, только торговые суда России получили право проходить через проливы. Подобно судам других держав они могли иметь на борту установленное количество пушек. Ссылка на права других иностранных держав ограничивала также размеры и водоизмещение русских торговых судов. Впоследствии эта глухая ссылка была уточнена в русско-турецком торговом договоре 1783 г. «Форма российских купеческих кораблей, — говорилось в статье 30-й этого договора, — должна быть точно такая же, как... французских, английских и других народов купеческих кораблей, от меньшего до самого большего размера: а в рассуждении груза, которой они поднимать имеют, положено быть оному от самого меньшего до самого большего груза, то-есть от 1000 до 16000 киллов, или 8000 кантарей, составляющих на российской вес 26 400 пуд.»²

В Средиземном море военные корабли России могли плавать вполне свободно до самого Константинополя и приставать к турецким берегам; хотя об этом праве не было специального упоминания, но оно вытекало из дальнейшей содержания статьи 11-й, распространившей на Россию все права и привилегии, какими пользовались во владениях Турции народы, «в наибольшей дружбе с нею пребывающие...» Поскольку военные суда европейских стран могли плавать по Средиземному морю и доходить до Константинополя, то, в соответствии с провозглашенным принципом равноправия, и русские военные суда могли также плавать по Средиземному морю (без права проходить через Дарданеллы).

Таким образом, военно-дипломатическая победа России оказалась недостаточной, чтобы обеспечить неограниченное плавание русских судов из Черного моря в Средиземное и обратно. Несмотря на то, что у России были теперь выходы в Черное море, она не могла проводить через проливы не только военные корабли, но и большие торговые суда, а должна была придерживаться определенной «формы» и не превосходить установленной нормы водоизмещения судов.

¹ Курсив мой. — Е. Д.

² ПСЗ, т. XXI, № 15757, стр. 948.

В силу чрезвычайно сложной международной обстановки реализация требования о неограниченном мореплавании в проливах не могла быть осуществлена в то время и осталась одной из очередных задач русской внешней политики.

России не запрещалось строить в своих причерноморских владениях любые суда, в том числе и военные; однако сфера действия последних была весьма ограничена, поскольку единственный выход из Черного моря — проливы — оставался для них закрытым. Тем не менее возможность строительства военного флота имела большое значение с точки зрения защиты с моря приобретенных пунктов — Керчи, Еникале и Кинбурна.

В проекте мирных предложений, содержавшихся в инструкции А. Орлову от 22 марта 1771 г., говорилось о необходимости добиваться «совершенного в правах и привилегиях равенства» для русской торговли с торговлей наиболее благоприятствуемых иностранных держав, в первую очередь Англии и Франции. Кючук-Кайнарджийский договор реализовал это предложение, распространив на русское купечество все те преимущества, которыми пользовались англичане и французы: «И капитуляции сих двух наций и прочих, яко бы слово до слова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов российских...» (ст. 11).

Казалось бы, такая формулировка освобождала от необходимости точно определить торговые права и преимущества России, тем не менее важнейшие из них перечислялись в договоре. Прежде всего, это было право платить одинаковые пошлины с англичанами и французами, свобода торговли и передвижения для купцов и обеспечение их безопасности. Наконец, что было очень важно, Турция разрешала «иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут надобными, назначить за благо рассудит» (ст. 11).

Россия со своей стороны распространяла на турецких купцов право наибольшего благоприятствования. Обе державы взаимно обещали оказывать помощь судам в несчастных случаях.

Статья 12-я дословно воспроизводила статью 25 бухарестского проекта, предложенную по инициативе Обрескова и не вполне оцененную тогда императрицей: речь шла о заключении торговых договоров с африканскими вассалами Турции (Триполи, Тунис и Алжир), где преимущественно вербовались морские разбойники. Турецкое правительство обязывалось содействовать России при заключении таких договоров и выступать в качестве их гаранта.

Хотя средиземноморская торговля России была еще очень слабо развита, Обресков знал, что в этом направлении пойдет развитие русских торговых сношений, и старался обеспечить благоприятные условия для этой торговли.

Чтобы выяснить конкретные выгоды, вытекавшие из распространения на Россию всех прав и привилегий иностранных держав, необходимо рассмотреть капитуляции европейских государств, которые «яко бы слово до слова» вносились в Кючук-Кайнарджийский договор.

В основу анализа лучше всего положить договор о капитуляциях, заключенный между Турцией и Францией в 1740 г.: он отличался наибольшей полнотой, включая в себя (кроме несущественных деталей) все, что было в капитуляциях других держав¹.

Важнейшим разделом французского договора о капитуляциях были постановления о пошлинах. Статья 37-я устанавливала для французских купцов 3-процентную пошлину как с привозимых в Турцию, так и с вывозимых оттуда товаров.

Статьи 10-я и 55-я, дополненные после Белградского мира, содержали султанское повеление, чтобы, по уплате французами таможенной пошлины и «подати благополучного пути», которая взималась с кораблей на содержание гавани, «ни под каким видом не требовано было с них сбора, мезетерия называемого, от которого единственно освобождены они совершенно».

Освобождение от «мезетерии» ставило французов в более выгодное положение перед купцами других стран, которые должны были уплачивать эту дополнительную пошлину. Кючук-Кайнарджийский мир доставил это преимущество и России. Подчеркивая важность данного пункта, Обресков писал в 1775 г.: «В Турецкой области пошлина со всех привозимых и вывозимых товаров по три со ста; да прибавочная, называемая *мезетерия*, по полтора со ста, от которой однако французская нация освобождена за оказанные услуги послом Марки Вильневом при Белградском трактате. Я нарочно в трактат внес, что французской коммерческой с Портою трактат якобы слово от слова внесен был; то-есть полное право и нашу коммерцию от сей прибавленной полуторной пошлины навсегда освободить»².

Ликвидируя последствия Белградского договора, Россия, как видим, обращала себе на пользу все то, что Франция в свое время получила от Турции при заключении этого договора.

Другие статьи французских капитуляций, относящиеся к урегулированию вопроса о пошлинах, запрещали повторное взимание пошлин с одних и тех же товаров (ст. 9, 39, 58), ограждали купцов от неправильной оценки их товаров в целях повышения суммы сборов (ст. 39 и 57), устанавливали беспошлинный

¹ См. «Капитуляции или трактаты, заключенные между Оттоманскою Портою и Франциею, возобновленные и умноженные в 1740 году». СПб. 1780.

² В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 479—480.

вывоз и вывоз золотых и серебряных монет (ст. 64) и т. д. Ряд статей предоставлял купцам свободу передвижения (ст. 20 и 62) и право свободно продавать и покупать любые товары, за исключением запрещенных (ст. 2, 21, 56, 57 и 59). Статья 5-я провозглашала право свободной торговли Франции в качестве нейтральной страны с противниками Турции.

Во многих статьях предусматривалось урегулирование судоходства (ст. 27 и 73), а также помощь судам в случае кораблекрушения и несчастья (ст. 19, 74 и 77). Статья 77-я упраздняла сохранившееся в Турции от средневековья жестокое береговое право, в силу которого береговой владделец присваивал себе все выбрасываемое на берег моря, в том числе и людей, которые обращались в рабов.

Большое место в договоре о капитуляциях занимала охрана личности и имущественных прав французских подданных. Турецкие власти не должны были превращать в рабов французских купцов, «находящихся на неприятельском судне для промыслу» (ст. 4). Запрещено было обращать в рабство французов, служащих на жалованье у турецкого судовладельца в случае ареста последнего (ст. 5). Все рабы, являвшиеся французскими подданными, подлежали освобождению (ст. 24), в том числе захваченные корсарами (ст. 11).

Французские подданные освобождались от личного налога «харадж» и всяких произвольных сборов (ст. 13, 24, 25, 63 и 67).

Много статей было посвящено вопросу об юрисдикции французских подданных (ст. 15, 23, 26, 41, 42, 48, 52, 65, 69, 71 и 72). С одной стороны, эти статьи ограждали французов от произвола и обеспечивали правильное судопроизводство (присутствие переводчика, устранение ложных свидетелей, окончательный характер приговоров). С другой стороны, французские капитуляции в ряде статей утверждали принцип экстерриториальности французских подданных, который, наряду с низкими пошлинами, освобождением французов от налогов и т. д., ставил Турцию в неравноправное положение (напомним, что турецкие купцы, торговавшие с другими странами, должны были платить у себя на родине более высокие пошлины, чем иностранцы).

Моменты экстерриториальности имелись в следующих французских капитуляциях. В силу статьи 15-й виновные в уголовных преступлениях, случившихся между французами, изымались из компетенции турецкого суда. Статья 42-я затрудняла для Турции производство дознания и следствия, когда преступление совершалось на территории, населенной французскими подданными: «Если случится смертоубийство в тех местах, где французы находятся, и против их никакого доказательства не будет, то их допросом утруждать и налогом денежного штрафа, дгереме

называемого, отягощать не должно». Право экстерриториальности распространялось и на жилище французского подданного: статья 70-я запрещала турецким властям входить туда даже в случаях крайней необходимости без уведомления французского посла или консула и без сопровождения «поверенных от них». Если консул жил далеко, а дело не терпело отлагательства, то это правило создавало большие неудобства для турецких властей.

Ряд статей специально касался прав и привилегий французских посольств и консульств в Турции. Так, например, 15 человек из числа служителей посольства (состоявших в турецком подданстве) освобождались от всяких налогов (ст. 47); консул мог составлять охрану консульства из янычар по собственному выбору (ст. 50).

В случае возбуждения гражданского иска против французских консулов запрещалось «под караул их брать и к домам их печати прикладывать» (ст. 16).

Кроме того, французские капитуляции, как и английские предоставляли право несоюзным с Турцией христианским народам пользоваться флагом Франции и Англии, а также производить торговлю на тех же основаниях, что и подданные этих держав. Предоставление флага другому народу приносило консульству известные доходы, и между дипломатическими представителями Франции и Англии одно время даже шла борьба за включение того или иного народа в свои капитуляции¹. Французские капитуляции 1740 г. снимали с Франции всякие ограничения в этом отношении, разрешая всем народам, которые не имели своего представителя в Турции, пользоваться французским флагом.

Для России этот пункт представлял особый интерес ввиду ее связей со славянами, греками и другими дружественными народами.

Таковы были в общих чертах права и привилегии, которые по Кючук-Кайнарджийскому договору получила и Россия. Если иностранные державы отвоевали у Турции эти капитуляции постепенно, путем длительных усилий и различных сделок (потому-то капитуляции состоят из разновременных частей, расширяющих первоначальные права иностранной державы), то Россия, идя по проторенному пути, сразу приобретала все то, чем пользовались Англия, Франция и другие европейские страны.

Добываясь полного равноправия с европейскими державами, царское правительство вместе с тем становилось участником неравноправных отношений к Турции, получивших название капитуляционного режима.

¹ См. изложение истории этой борьбы в статьях 33-й и 34-й английских капитуляций и в статьях 32-й и 38-й французских капитуляций.

Капитуляции, полученные по договору 1774 г., оказались очень выгодными для русского дворянства и купечества. Когда в 1783 г. между Россией и Турцией был заключен торговый договор, его содержание в основном повторило те самые пункты, которые были приобретены по Кючук-Кайнарджийскому договору в форме ссылки на иностранные капитуляции. Сорок семь статей «Торгового трактата» 1783 г. почти дословно воспроизвели статьи французских капитуляций с простой заменой слова «французский» словом «русский»¹. Остальные статьи были несколько изменены, а отчасти развиты (например, ст. XXI об утверждении нового тарифа в Турции, ст. XXXI о беспошлинном провозе товаров через проливы, ст. LXXV о защите интересов купцов в случае разрыва мирных отношений и др.). Следует отметить, что со стороны России в торговом договоре давались взаимные обязательства по отношению к Турции, чего не было в договорах других государств.

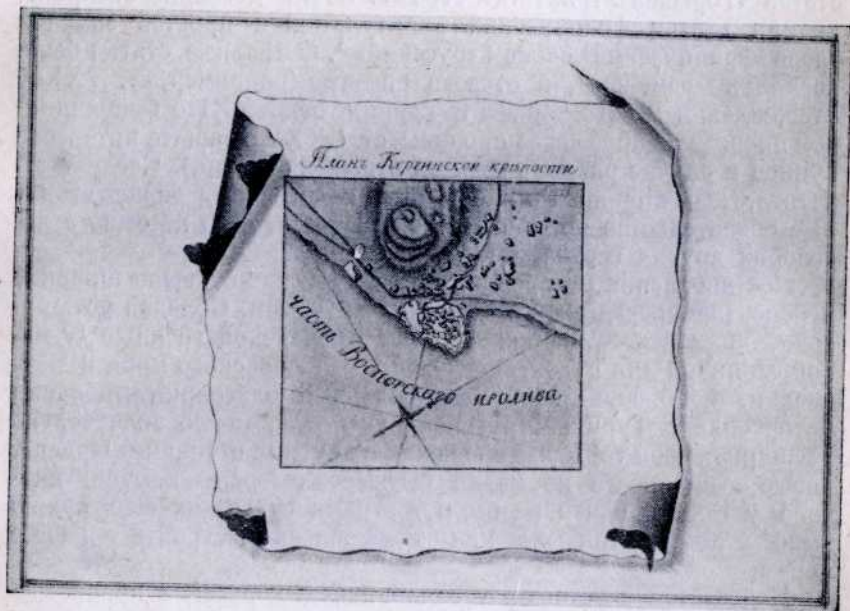
Постановления о мореплавании и торговле открыли широкие перспективы перед внешней торговлей России. Обладая устьями важнейших рек — Днепра и Дона, Керченской гаванью (удобной стоянкой для судов, следующих из Азовского моря в Черное) и, наконец, правами наибольшего благоприятствования в торговле с Турцией, русское купечество могло значительно расширить свои торговые сношения с другими странами. Правда, новые возможности не могли быть реализованы быстро: вначале у России почти не было торговых судов, их еще нужно было строить, так же как требовалось построить удобные порты.

Недостаток собственных судов побудил русское правительство добиваться открытия Черного моря для торгового флота других государств. Еще на Бухарестском конгрессе Обресков выдвинул идею свободы морей для торговых сношений всех стран. Теперь это требование все чаще начинало звучать в проектах различных экономистов в качестве проблемы практической политики. Так, например, в одном документе конца 70-х годов XVIII в. говорилось о необходимости разрешить «всем нациям, кто только за благо рассудит, на кораблях своих привозить ...свои товары» к черноморским портам России «и брать

¹ Вот перечень этих статей, обозначенных римскими цифрами (соответствующие статьи французских капитуляций даны в скобках): III (63), V (77), VI (20), VIII (22), IX (23), X (24), XI (28), XIV (74), XV (78), XVI (79), XVIII (73), XXII (9), XXIII (10), XXIV (59), XXVI (64), XXVII (3), XXVIII (55), XXXVII (75), XXXIX (5), XLI (6), XLII (7), XLIII (4), XLVI (2), XLVII (62), XLIX (18), L (13), LIII (49), LIV (50), LV (40), LVI (51), LVII (16), LVIII (52), LIX (48), LX (81), LXII (54), LXIII (26), LXIV (41), LXV (66), LXVI (69), LXVII (70), LXVIII (71), LXIX (53), LXX (60), LXXI (67), LXXII (15), LXXIII (42), LXXIV (65).

напротиву того российские, какие кто пожелает...» Автор считал, что русскому правительству следовало добиваться от Порты соответствующих прав для иностранных судов¹.

Однако еще до того, как эти права были даны, иностранное купечество устремилось в новый порт Херсон, где начало основывать торговые конторы, стараясь использовать значительно

Крепость Керчь.

Рукописный план 90-х годов XVIII века.
(Центральный Государственный военно-исторический архив).

расширившиеся возможности торговли с Россией и другими странами. Один из представителей французской буржуазии — марсельский негодант Антуан, который в числе первых основал коммерческую контору в Херсоне, в следующих словах высказался по поводу открытия Черного моря для русской торговли:

«Восстановление этой древней навигации является замечательным событием современной истории: оно произвело целую революцию в области торговли. Очень редко случается, чтобы

¹ «Примечание о российском торге от портов Херсонского и Таганрогского» (без автора). Отдел древних рукописей и актов Института истории АН СССР (Ленинград), ф. Воронцовых, картон № 3, д. 65, лл. 2 — 3.

мирный договор хоть немного компенсировал тот вред, который приносит война; между тем выгодные условия, на которых Екатерина II закончила войну, проведенную ею столь славно против турок, несут в себе ростки такого прогресса, что добро превзойдет зло. Несомненно, что Кайнарджийский мир, подобно Полтавской победе, повлечет за собой благоденствие народов России и принесет пользу многим другим народам»¹.

Хотя в заключительных словах Антуана звучит прямая идеализация политики Екатерины II, тем не менее приведенные слова представляют интерес с точки зрения позиции определенной группы французского купечества, заинтересованного в торговле с Россией.

* * *

Вопрос о связях России с подвластными Турции народами уходил своими корнями в далекое прошлое. Однако, как мы видели, этот вопрос не нашел отражения в русской внешнеполитической программе, разработанной накануне турецкой войны, так как играл подчиненную роль по отношению к черноморской проблеме.

Пункты, касающиеся славян, грузин, румын и других народов, родились во время войны и были подсказаны тактическими соображениями — стремлением русского правительства обеспечить себе поддержку в тылу Османской империи. Возвращения к этим народам, обещавшие облегчить их участь, создавали благоприятные условия для пребывания русских войск в завоеванных землях. Чтобы сохранить за собой и на будущее время поддержку угнетенных христиан, русское правительство должно было выполнить свои обещания.

Мысль о присоединении к России Дунайских княжеств или о предоставлении им независимости была оставлена еще до открытия мирных переговоров в Фокшанах. Царское правительство уступило в этом вопросе во имя разрешения более настоятельных с его точки зрения задач внешней политики. В инструкции русским послам, отправлявшимся на Фокшанский конгресс, содержались следующие предложения, направленные на улучшение положения турецких христиан:

1. Возвращение Дунайских княжеств Турции, но на определенных условиях, а именно: с восстановлением тех «прав и обычаев», которые сохранялись в Молдавии и Валахии в момент их вступления под власть Турции.

2. Оставление грузинам крепостей, которые были захвачены у них турками, а во время войны 1768 — 1774 гг. были обратно

¹ [Antoine]. Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer Noire, Париж, 1805, стр. 3.

отвоеваны русскими и грузинскими войсками; отмена дани христианскими детьми, а также податей.

3. Амнистия в отношении всех христиан, поднявшихся во время войны против турецкого гнета.

Кроме того, в самой общей форме говорилось о «большей надежности и свободе обеих религий».

Во время Бухарестского конгресса Обресков прибавил к этим проектируемым статьям ряд других, а именно:

1) чтобы при размене военнопленных получили свободу не только русские подданные, но и сражавшиеся на стороне России подданные Оттоманской империи;

2) чтобы Россия могла построить в Константинополе, по примеру других держав, кроме домашней посольской церкви, публичную церковь православного вероисповедания и могла оказывать ей покровительство;

3) чтобы русские представители в Константинополе могли делать представления в пользу этой церкви.

Из всех этих предложений на Бухарестском конгрессе были приняты и подписаны в качестве пунктов будущего договора только три: о взаимной амнистии собственных подданных, совершивших преступления против одной из воюющих сторон; об освобождении всех христианских пленников (независимо от их подданства), воевавших на стороне противника; об упразднении в Грузии бесчеловечной дани людьми (по вопросу о грузинских крепостях русское правительство пошло на уступки).

С этих пор и до самого заключения Кючук-Кайнарджийского договора вопрос о правах угнетенных народов Турции оставался в прежнем положении. Царское правительство им больше не занималось, считая его сравнительно мало важным: камнем преткновения были крымская проблема и вопрос о черноморском мореплавании.

Кючук-Кайнарджийский договор подтвердил статьи, согласованные на Бухарестском конгрессе, и включил также те дополнения, которые внес Обресков. В итоге, положению турецких христиан, защите их прав и интересов были посвящены семь статей мирного договора (1, 7, 14, 16, 17, 23 и 25).

В статье 1-й (в ее второй части) объявлялась всеобщая амнистия «всем тем подданным без всякого отличия, каким бы то образом ни было, которые сделали какое-либо против одной или другой стороны преступление, освобождая на галерах или в темницах находящихся, позволяя возвратиться как изгнанным, так и ссылочным, и обещая после мира возвратить им все чести и имущества, коими они прежде пользовались, не делая и не допуская протчих делать им какие-либо ненаказуемые ругательства, убытки или обиды, под каким бы претекстом то ни было, но чтобы каждой из них мог жить под охранением и покровительством

законов и обычаев земли их равным образом с своими соотчичами».

Подобным же образом начиналась статья 17 о возвращении Турции островов Архипелага. Турция обязана была «наблюдать свято в рассуждении жителей оных островов кондиции, в первом артикуле постановленные, касательно общей амнистии и совершенного забвения всякого рода преступлений, учиненных или подозреваемых быть оными учиненные в предосуждение интересам Блистательной Порты» (ст. 17).

Условие об амнистии фигурировало также в статьях о Молдавии и Валахии (ст. 16) и о Западной Грузии (ст. 23) — в связи с возвращением Турции этих земель. Это ясно показывало, что статья об амнистии, несмотря на принцип взаимности, формулированный в ст. 1 договора, была предназначена для Турции и имела в виду интересы подвластных Турции народов.

Статья о размене военнопленных (ст. 25), принятая в редакции Обрескова, также была направлена на защиту народов, пострадавших против турецкого ига, от возможных репрессий. Турция обязывалась освободить не только русских военнопленных, но и «всех прочих в неволю попавшихся христиан, то-есть: поляков, молдавцев, волохов, пелопонесцев, островских жителей и грузинцов, всех без малейшего изъятия...»

Далее статьи договора определяли более точно права отдельных народов. Население Грузии освобождалось от дани христианскими детьми и от других податей, могло свободно строить церкви и исповедовать православие; турецкие паши не должны были допускать произвола в отношении грузинского народа. Три главные имеретинские крепости (Кутанси, Багдади и Шорапани) возвращались Турции. Остальные «замки и укрепленные места, бывшие у грузинцов и мингрельцов во владении», должны были остаться «под собственною их стражею и правлением» (ст. 23). Таким образом, русское правительство уступило по вопросу о грузинских крепостях; оно оставило в руках турок важнейшие грузинские крепости, но оставило, по выражению Обрескова, «кондиционально»: Турция получала их в том случае, «ежели подлинно оные города издревле, или с давнего времени, были под владением Блистательной Порты». А так как фактически это были исконно грузинские земли и крепости, то тем самым права Турции на земли Западной Грузии всегда могли быть подвергнуты пересмотру. Статья о Грузии способствовала укреплению дружественных отношений между русскими и грузинскими народами.

Специальная статья договора была посвящена греческим подданным Турции (ст. 17). Возвращение Порте островов Архипелага было обусловлено, так же как и передача ей Дунайских княжеств, определенными обязательствами с ее стороны. Помимо

амнистии восставшим и обещания не притеснять «христианской закон...», так, как и церкви оного», Порты должна была:

- 1) отказаться от взыскания с греков податей за тот срок, в течение которого они находились в зависимости от России,
- 2) на два года вперед освободить их от всяких податей,
- 3) семьям, «пожелающим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их имением» (на это давался год времени).

Статья о Молдавии и Валахии (ст. 16), предложенная Обресковым перед закрытием Бухарестского конгресса, вошла в мирный договор с незначительными изменениями. Так, по настоянию Турции, из этой статьи было устранено сравнение будущего положения Дунайских княжеств с Рагузской республикой.

В окончательном тексте договора не нашло своего отражения также требование России о предоставлении Григорию Гике пожизненного господства в Молдавии. Впрочем, русское правительство и после заключения мира продолжало добиваться реализации этого последнего предложения. Вскоре после заключения мира Румянцев напомнил визирю о желании России, чтобы Гика был «восстановлен в звании господаря Молдавии на всю его жизнь с торжественным обещанием ни под каким претекстом не свергать его, и ниже каким образом оскорблять или притеснять его, но довольствоваться единственно податью, имеющею быть княжеству сему определенной»¹.

Великий визирь отвечал на это: «... я беру на себя употребить все способы к восстановлению молдавским князем Георгия Скарлату, сына Александра, и во уважение вашего желания покажу к нему всякую милость, которая бы в состоянии [была] претворить его от всякого беспокойства и сомнения»².

Гика, действительно, был восстановлен в звании господаря Молдавии, причем Порты официально заверила русское правительство, что он «не будет сменен, пока не учинит какого-либо важного преступления»³.

За исключением отмеченных изменений, статья о Молдавии и Валахии вошла в Кючук-Кайнарджийский договор в том виде, как ее предложил Обресков на Бухарестском конгрессе. Молдавия и Валахия возвращались Турции под условием, чтобы эти княжества получили права и привилегии, которыми они пользовались при Мехмеде IV: чтобы они были освобождены от многочисленных обременительных сборов и уплачивали только денежную подать раз в два года «посредством присылаемых

депутатов»; чтобы население княжеств могло беспрепятственно исповедовать христианскую религию и строить церкви; чтобы монастырям и частным лицам были возвращены конфискованные у них имения в окрестностях Браилова, Хотина, Бендер и других городов (важных в стратегическом отношении). Подобно грекам Архипелага, жители Молдавии и Валахии имели право оставить отечество и переселиться в другие места, на что давался годовой срок. Порты не должна была взыскивать с населения никакой денежной суммы за военное время.

Господари Молдавии и Валахии получили право «иметь при Блистательной Порте поверенного в делах из христиан греческого закона, которые будут бдеть о делах, до помянутых княжеств касающихся, и будут Блистательною Портою благосклонно трактованы и в малости их почитаемы однакож людьми, народным правом пользующимися, то-есть никакому насилью не подверженными» (ст. 16, п. 9).

Наконец, в статье о Молдавии и Валахии был пункт (10), в силу которого Порты соглашалась, чтобы русские представители в Константинополе «могли говорить в пользу сих двух княжеств», и обещала принимать эти заявления «с сродственным к дружеским и почтительным державам уважением».

Чтобы вполне уяснить себе положительное значение постановлений, касавшихся Молдавии и Валахии, необходимо иметь в виду последующие действия Оттоманской Порты. 15 декабря 1774 г. по настоянию русского правительства турецкий султан издал два хатти-шерифа для Молдавии и Валахии, в которых провозглашались изменения в положении Дунайских княжеств, связанные с подписанием Кючук-Кайнарджийского договора¹. Договор 1774 г. нашел в этих документах свое подтверждение и конкретизацию.

Дунайские княжества, объявлялось от лица султана, снова будут пользоваться «всеми выгодами и имтиязь (т. е. привилегиями), коими пользовались во время е. и. в. славной памяти моего прадеда султана Мегмета».

Постоянной смене господарей и произвольным налогам султан обещал положить конец. «От некоторого времени, — говорилось в хатти-шерифах, — частые, противу обыкновения, низвержения и произведения князей сих двух провинций, также наложение податей и утеснения, воспричинствовали опустошение и разорение оных земель...»

О порядке вступления господарей в управление княжествами (т. е. будет ли их власть выборной или назначаемой) умалчивалось. Но Порты обязывалась не сменять господарей, «пока не учинят какого либо явного преступления, которое бы было

¹ А. Петров. Указ. соч., том V, стр. 71.

² Там же, приложения, стр. 198.

³ Чтения ОИДР, М., 1866, кн. I, отд. II, стр. 45.

¹ Чтения ОИДР, М., 1886, кн. I, отд. II, стр. 51 — 61.

публично доказанное и видное». В конце каждого хатти-шерифа об этом говорилось еще раз словами, обращенными к господам:

«Ты же, князь, и наследники твои, ... пока не учинишь какого-нибудь явного преступления, по которому бы следовало твое низвержение, долженствуешь пребывать в безопасности от смены и низвержения тебя».

Конечно, Порта могла измыслить «преступления» господаря и потребовать его смены, однако сделать это было теперь значительно труднее, чем раньше.

Господари имели право жаловать чины и выносить судебные решения, в том числе в спорах между подданными княжества и мусульманами. Специально оговаривались права молдавского господаря на нераздельное пользование таможенными сборами пристани Галац.

Восстанавливалось правило, запрещавшее туркам селиться на территории Дунайских княжеств. Турецким властям запрещалось, «следуя в места их правления и возвращаясь из оных, уклоняться с прямой своей дороги, въезжать в Валахию и там брать без заплаты и даром провизию и почтовых лошадей и другими требованиями притеснять бедных подданных...» То же относилось к курьерам и различным комиссарам. Если раньше «некоторые из обывателей пограничных уездов, близ Дуная... без дозволения выходили в Валахию, производили там споры между собою, убивали друг друга, потом ложные чинили претензии, требуя заплаты за кровь...» и т. д., то теперь такие явления должны были прекратиться. Султан восстанавливал силу «фирманов¹, прежде сего данных, чтоб, исключая известных купцов, по счету, со всякой границы никто другой не входил в Валахию, да и самые купцы были бы снабжены паспортом от своих начальников, который паспорт предъявляя волоскому князю или его агенту, получали бы и от них дозволительные пашпорты, и не могли бы в землях, куда ездят, присваивать жилища и дома, и притеснять земледелие подданных, и не взымали бы селям-акчесь»².

По вопросу о взимании податей в хатти-шерифах воспроизводились постановления Кючук-Кайнарджийского договора: Порта не должна была взыскивать с населения княжеств «за старые счета», освобождала их на два года вперед (со дня подписания Кючук-Кайнарджийского договора) «от джизие³ и от прочих податей». В дальнейшем население должно было уплачи-

¹ Правильно: фирманов.

² Селям-акчесь — «приветственные деньги» — сбор в пользу турецкого купца.

³ Джизие (правильнее: джизье) — личный налог с немусульман в Оттоманской империи.

вать только «джизие»; упразднились «все те малые и большие подати», которые взымались перед войной.

Повторяя постановления Кючук-Кайнарджийского договора о том, что подати в казну турецкого султана должна посылаться каждые два года, хатти-шерифы вносили некоторые уточнения в это правило. Так, население княжеств освобождалось от обязательной поставки установленного числа овец, а также хлеба и других продуктов для пропитания жителей Константинополя. Подать должна была уплачиваться в денежной форме, но о размерах ее ничего не говорилось.

Специальные пункты были направлены против злоупотреблений сборщиков податей.

Пункты об амнистии, о возвращении земель монастырям, частным лицам и т. д. тоже были перенесены из договора в хатти-шерифы.

Таким образом, Кючук-Кайнарджийский договор значительно облегчил положение народов, населявших Кавказ и Балканский полуостров, что не могло не усиливать их симпатий по отношению к России.

Две статьи о православной церкви, внесенные в мирный договор по инициативе Обрескова, должны были действовать в том же направлении, облегчая религиозный гнет, которому подвергались в Турции немусульмане. Статья 14-я давала России право построить публичную церковь в Константинополе, «которая всегда под протекциею оной империи министров остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет». Статья 7-я обязывала Турцию обеспечить «твердую защиту христианскому закону и церквам оного» и одновременно предоставляла право России делать представления в пользу константинопольской церкви и ее служителей.

Общие формулировки этих статей (так же как и статьи 16-й о покровительстве России Дунайским княжествам) давали простор для распространительных толкований, и Россия могла использовать их содержание, чтобы предъявить новые требования Порте в интересах подвластных ей народов.

Если статьи 16 и 17 давали право переселяться в Россию только жителям Дунайских княжеств и Архипелага, причем срок переселения был ограничен одним годом, то в отношении лиц, поступивших на русскую службу, было принято специальное более широкое постановление. Турецкий подданный, проживавший в любом пункте возвращаемых Турции территорий, имел право либо отойти вместе с русскими войсками, либо выехать в Россию позднее — в течение неограниченного срока.

«Жители всякого рода и звания всех земель, возвращаемых Блистательной Порте, — гласила статья 24, — вступившие в службу императорскую российскую и кои токмо пожелают сверх

данного им годового срока в артикулах мирных договоров 16 и 17, могут с своим семейством и с своим имением купно с российских войсками отойти и переселиться, что им Блистательная Порта по силе установлений в вышеименованных артикулах и тогда и во весь годовой срок обязывается никоим образом не возбранять». Это постановление обеспечивало и на будущее время безбоязненное поступление подвластных Турции христиан на русскую службу — военную, интендантскую и т. д.

Все эти статьи, в значительной части подсказанные русской дипломатии самими угнетенными народами Турции, способствовали постепенному улучшению их положения, росту национального самосознания, усилению освободительной борьбы.

* * *

Вопросы, связанные с престижем России, которые были выдвинуты Обресковым во время Бухарестского конгресса, нашли свое полное разрешение в Кючук-Кайнарджийском договоре. Статья 13-я обязывала Турцию применять в отношении русских монархов императорский титул на турецком языке (падишах). Статья 5-я, подписанная еще в Бухаресте, закрепляла за русским представителем в Турции, который мог быть теперь посланником, т. е. министром II ранга, постоянное место после австрийского посланника; если же австрийский представитель имел I или III ранг (т. е. был послом или резидентом), то русский посланник должен был занять среди всех посланников первое место и следовать непосредственно за голландским послом, «а в небытность его за венецианским».

Вопрос о возмещении военных убытков мог интересовать русское правительство с двух точек зрения: 1) сторона, уплачивающая военные убытки, тем самым признавала себя виновником войны; 2) возмещение военных убытков приносило известные материальные выгоды.

Эволюция русского предложения об уплате Турцией военных убытков ясно показывает, что русское правительство придавало главное значение морально-политической стороне вопроса. Что же касается материальных выгод, то Россия всегда готова была пожертвовать ими, чтобы добиться согласия Турции на другие, более важные пункты договора.

В инструкции А. Орлову от 22 марта 1771 г. говорилось, что военные убытки России «простираются, кроме потери людей, по самому верному исчислению до 25 миллионов рублей»¹. Решено было не требовать, чтобы Порта уплатила эту сумму, если она согласится на временный «секвестр» Дунайских княжеств либо на предоставление им независимости.

¹ Сб. РИО, т. 97, стр. 252.

Через год, в связи с тем, что по настоянию Австрии Россия согласилась возвратить Дунайские княжества туркам, Орлову и Обрескову предлагалось потребовать «некоторой суммы в намерении оную всю или часть ее обратить в пользу и подкрепление пункта о татарах...»¹ К этому времени военные убытки исчислялись уже не в 25, а в 30 миллионов рублей².

Во время Бухарестского конгресса Обресков назвал сумму военных убытков уже в 40 миллионов рублей и при этом дал ясно понять турецким послам, что Россия рассматривает право на возмещение военных убытков как разменную монету: если Турция согласится на другие требования, то Россия откажется от части или всей суммы военной контрибуции. Однако турки упорно отказывались признать свою страну виновником войны.

В основном тексте Кючук-Кайнарджийского договора о возмещении военных убытков не было ни слова, но в нем была секретная статья, которая требовала, «чтобы Блистательная Порта Оттоманская Российской империи за убытки военные в три года времени и в три срока заплатила 15 тысяч мешков, которые учинят 7 миллионов пятьсот тысяч пиастров, а на российскую монету сделают сумму 4 миллиона пятьсот тысяч рублей»³. Уплата должна была производиться русскому представителю в Константинополе 1 января 1775, 1776 и 1777 гг.

Мы видим, что сумма, назначенная к уплате, не шла ни в какое сравнение с действительными военными убытками России, которые еще больше выросли за период от Бухарестского конгресса до заключения мира. Значение статьи о военных убытках заключалось главным образом в морально-политическом моменте, хотя он и был несколько ослаблен секретным характером обязательства Турции.

Статья о выдаче преступников, подписанная во время Бухарестского конгресса, вошла без всяких изменений в Кючук-Кайнарджийский договор под № 2. В ней были одинаково заинтересованы как та, так и другая сторона. Выдаче подлежали лица, которые, совершив «какое-либо тяжкое преступление, преслушание или измену», попытались бы искать убежища на территории одной или другой стороны (после заключения мира и его ратификации). Исключение делалось, как и в Белградском договоре, для лиц, принявших в России христианство, а в Турции — мусульманство. Однако в том случае, если бы одна из договаривающихся сторон потребовала выдачи какого-нибудь определенного эмигранта, то другая сторона обязана была возвратить его на родину независимо от его вероисповедания и

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1671, 1772 г., л. 6.

² Там же, л. 14.

³ Приложение № 3, стр. 359—360.

от обстоятельств переселения. «...Естьли некоторые из подданных обеих империй как христиане, так и магометане, учиня какое-либо преступление, или иное что, по какой-бы то причине ни было, из одной империи прибегнут в другую, таковые, когда будут требованы, непосредственно должны быть возвращены»¹. Новое, отличавшее этот пункт от статьи 8 Белградского договора, заключалось в расширении контингента лиц, подлежащих выдаче в качестве социально опасных элементов. Повидимому, обострение классовых противоречий в период с 1739 по 1774 г. побудило обе стороны изменить редакцию этой статьи.

В интересах русского посольства в Константинополе были приняты статьи 6-я и 9-я, согласованные еще в Бухаресте. Служащий русского посольства, совершивший преступление и пожелавший перейти в мусульманскую религию, мог быть принят только по отбытии наказания и возмещении убытков. О своем желании перейти в мусульманство он должен был заявить в присутствии не только турок, но и переводчика русского посольства (ст. 6). Статья 9-я ограждала русских переводчиков от произвола турецких властей: они не должны были нести наказание, если содержание сделанного ими перевода не нравилось Порте.

Постановление о размене военнопленных, обычное для мирных договоров, вошло и в Кючук-Кайнарджийский договор в виде статьи 25-й. В интересах подвластных Турции народов Обресков сделал существенное дополнение к тому, что имелось по вопросу о «полоняниках», в Белградском договоре, и, таким образом, значение статьи 25-й вышло за рамки вопроса о возвращении военнопленных и пленников².

Кючук-Кайнарджийский договор, по примеру Белградского, освобождал всех военнопленных и пленников без выкупа. В пояснение этого пункта напомним, что до Белградского договора действовало постановление Константинопольского договора 1700 г., в силу которого при освобождении пленных, находящихся в частном владении, должен был уплачиваться выкуп³.

Статья о правах русских паломников вошла в Кючук-Кайнарджийский договор в том виде, как она была подписана в Бухаресте: «Как духовным, так и светским Российской империи подданным да позволится свободно посещать святой град Иерусалим и другие места, посещения достойные, и от подобных странствующих и путешественников да не будет требован ни в Иерусалиме, ни в других местах, ниже на пути от кого бы то ни было никакой харач, подать, дань или другие какие налоги, но сверх того

¹ Курсив мой. — Е. Д.

² С этой точки зрения статья 25-я уже была рассмотрена выше.

³ См. 9-ю статью Константинопольского договора 1700 г. ПСЗ, т. IV, № 1804, стр. 70 — 71.

да будут они снабжаемы надлежащими паспортами и указами, которые прочих дружеских держав подданным даются. Во время же пребывания их в Оттоманской империи да не будет учинено им ни малейшей обиды, ниже оскорбления, но да будут они со всею строгостию законов защищаемы» (ст. 8).

Статья 22-я, провозглашавшая ликвидацию всех прежних договоров и конвенций, «включительно Белградский с последующими за ним конвенциями», носила отнюдь не формальный характер. Поскольку в Белградском договоре был ряд запретов и ограничений, касавшихся России, то отрицательный акт отмены этого договора давал России ряд положительных прав, в частности, очень важное право неограниченного строительства русского черноморского флота. С другой стороны, уничтожение прежних трактатов и конвенций потребовало повторного включения в договор ряда прежних постановлений. Это отнесется, в частности, к статье 20-й, определявшей границы «Азовского уезда». В статье 3-й о Крымском ханстве косвенным образом подтверждалась граница России по рекам Берде и Конским Водам, установленная в результате Белградского мира.

* * *

Особую группу составляли постановления, связанные с переходом обеих сторон на мирные отношения. Они содержали много нового по сравнению с бухарестским проектом и были детально разработаны Румянцевым при заключении мира.

Эти постановления касались:

- а) прекращения военных действий на суше и на море,
- б) порядка вывода русских войск из возвращаемых Турции земель и порядка передачи России Кинбурна,
- в) ратификации договора и размена торжественных посольств,
- г) предотвращения пограничных конфликтов.

Статья о размене торжественных посольств готовилась уже во время Бухарестского конгресса¹. Теперь она была подписана с пояснением, что посольства будут отправлены «с подтверждающими заключенный мирный договор ратификациями» (ст. 27). Тем самым подчеркивалось, что ратификация договора как Россией, так и Турцией должна была предшествовать торжественному акту размены посольств.

В мирном договоре был указан срок, в течение которого русский флот должен был оставить Средиземное море. В пункте 5-м статьи 19-й об островах Архипелага говорилось, что отплытие русского флота должно было состояться «в 3 месяца, считая со дня размены настоящего трактата»². Статья об островах

¹ См. бухарестский проект договора. Приложение № 1, стр. 349.

² Там же, стр. 346.

Архипелага была принята Румянцевым в формулировке бухарестского проекта. Очевидно, он сделал это по тактическим соображениям: статья эта была обсуждена в Константинополе и не требовала дополнительных запросов к великому визирю со стороны турецких послов. В то же время Румянцев включил в договор другую статью, в которой говорилось, что острова Архипелага будут возвращены во владение Турции, «как только скоро домашние распоряжки и учреждения того российского императорского флота позволят, понеже здесь тому *точного времени определить не можно*»¹ (ст. 24).

Действительно, быстрота возвращения русского флота на родину зависела от многих причин: от состояния кораблей, от продолжительности их ремонта и т. д., словом, от степени подготовленности русского флота к предстоящему длительному путешествию из Средиземного в Балтийское море. Русское правительство имело к тому же скрытую цель: добиться от Турции разрешения на проход хотя бы нескольких кораблей через Дарданеллы в Черное море. И для этого также требовалось время, чтобы провести соответствующую дипломатическую работу.

Чтобы преодолеть несогласованность 17-й и 24-й статей, а также в связи с изложенными соображениями, в договор была внесена секретная статья, которая гласила:

«Хотя в 17-м артикуле в подписанном сего числа мирном трактате назначено, чтобы через три месяца времени флот императорской российской испражнил Архипелагские острова: но как в 24-м артикуле того же трактата изъяснено, что невозможно в таком отдалении точно назначить оного времени, согласились мы держаться того последнего артикула. Вследствие чего здесь и повторяем, чтобы тот российской императорской флот сколь возможно скорее Архипелагу испражнил, *не определяя тому точного времени*, а для скорейшего оному исполнению Блистательная Оттоманская Порта снабдит его всем нужным ему для пути, поколику ей то будет возможно»².

Статья 28-я обязывала Румянцева и великого визиря тотчас по подписании мира разослать курьеров «в Архипелаг, во флот, стоящий в Черном море против Крыма, и в другие места, где военные действия настоят», с приказами о прекращении военных действий. Если до получения этих распоряжений, гласила ст. 10-я, «произойдут где-либо каковы действия военные, оные некоторая сторона не примет себе за оскорбление, так, как и самые в том успехи и приобретения уничтожаются, и оными ни одна сторона пользоваться не должна».

Очень подробно был разработан вопрос о порядке вывода

русских войск из занятых ими областей Оттоманской империи, что составило содержание ст. 24-й. В течение первого месяца со дня подписания договора русские войска должны были перейти на левый берег Дуная (в последнюю очередь очищалась крепость Гирсово). В следующие два месяца русские войска выступали из Валахии и Бессарабии и передавали туркам Журжу, Браилов, Измаил, Килию, Аккерман. Еще два месяца давалось русским войскам на полное очищение Молдавии и переход русских войск на левый берег Днестра. Таким образом, оставление русской армией всех земель на Дунае и Днестре должно было закончиться *через пять месяцев* после подписания «пунктов вечного примирения и покоя между двух контрактующих империй».

После того, как «все российские войска перейдут на левую сторону Днестра», Турция должна была получить крепости Хотин и Бендеры, «с *тою однакож кондицією*, что естли тогда уже отданы будут Российской империи в полное, вечное и непрекословное владение замок Кинбурн с его положенным округом и с степью между Днепра и Буга...»¹

Несобходимо иметь в виду, что статья 26-я обязывала Турцию передать Кинбурн во владение России не позднее, чем через *четыре месяца* после подписания договора. Таким образом, статья 24-я, обусловливавшая передачу туркам Хотина и Бендер передачей русской стороне Кинбурна, позволяла России оказать на Турцию давление в случае, если бы последняя не пожелала выполнять договор.

Пока занятые земли не возвращались Турции, в них сохранялось русское управление (ст. 24). Только после официального уведомления русским командованием турецкой администрации об оставлении данной области турки могли «власть свою внести и коснуться отдаваемых земель».

В возвращаемых Турции крепостях русские обязаны были оставить только турецкую артиллерию; запасы, хранившиеся в магазинах, они могли полностью вывезти с собою.

Наконец, в договор вошла еще одна статья (15-я), направленная на закрепление мирных отношений. В случае пограничных конфликтов мирные отношения не должны были нарушаться. Конфликты подлежали рассмотрению «пограничных губернаторов и комендантов, или посредством нарочно назначенных для сего комиссаров» (аналогичные статьи имелись и в прежних договорах между Россией и Турцией).

Все эти пункты о восстановлении мирных отношений имели в виду закрепление результатов тяжелой, изнурительной войны. Однако им самим предстояло сделаться предметом продолжительной борьбы, так как Порта уклонялась от выполнения этих обязательств.

¹ Курсив мой. — Е. Д.

¹ Курсив мой. — Е. Д.

² Приложение № 3, стр. 359. Курсив мой. — Е. Д.

Глава X

РАТИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА И КОНВЕНЦИЯ 1779 г.

Русское правительство было заинтересовано в скорейшей ратификации Кючук-Кайнарджийского договора, который обещал государству большие выгоды. С другой стороны, этого требовала внутренняя обстановка, в которой находилась дворянская империя Екатерины II: крестьянская война была в полном разгаре; одновременно с известием о подписании Кючук-Кайнарджийского договора в Петербург пришло сообщение, что Пугачев осаждает Казань.

Екатерина II ратифицировала мирный договор уже 11 августа 1774 г.¹

Добиваясь реализации договора, русское правительство было последовательным и со своей стороны немедленно приступило к его выполнению. В рескрипте на имя А. Орлова, который всегда готов был воспользоваться каким-нибудь предлогом, чтобы показать туркам русскую силу, разъяснялось, что отныне «система политического поведения» России в отношении Турции должна быть иной. «Важность приобретенных миром для России многих и разных выгод взыскивает уже все наше попечение о сохранении сего здания в неприкосновенной целости», а поэтому необходимо показывать Турции «всю возможную умеренность и искреннее желание вяще и вяще утверждать возобновленной ныне вечной мир...» В соответствии с договором Турция обязана была оказывать помощь русскому флоту при подготовке его к отплытию на родину. Но Орлов должен был пользоваться этой помощью «без всякого однако ж излишества».

В рескрипте подчеркивалось, что для России важно, чтобы как можно скорее были «произведены в дело самые первые по-

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1783, 1774 г., л. 37 (Копия ратификационной грамоты, подписанной Екатериной, Н. Паниным и А. Голицыным).

становления мира, толико ее (т. е. Турцию. — *Е. Д.*) интересоваться должествующие в получении под власть свою множества отнятых земель и подданных»¹.

Русские войска стали быстро покидать занятые ими турецкие области. Русский флот начал готовиться к оставлению турецких вод. Одновременно происходило очищение от русских войск Крымского полуострова. В Совете решено было проявлять в отношении нового независимого государства полную лояльность: «... надобно стараться оставить ныне татар при собственных их распоряжениях и таким поведением приучить Порту к оставлению их и с ее стороны в полной их вольности и независимости»².

«Приучить Порту» смотреть на Крым как на самостоятельное государство — такая идея еще долго жила в головах русских дипломатов, несмотря на то, что тотчас же по заключении мира произошли события, поставившие эту идею под сомнение.

В июле 1774 г. в Крым высадился с войском турецкий сераскер Али-бей. Усматривая в этом факте восстановление турецкой власти над Крымом, хан Сахиб-Гирей поспешил выдать ему русского резидента Веселицкого³. В связи с этим агрессивным актом было послано предписание Румянцеву, который стоял во главе русских войск на юге и осуществлял все мероприятия, связанные с переходом к мирным отношениям, «чтоб он не уступал ни шагу земли, пока турки Крым не очистят», а в случае необходимости «уделил от себя в ту сторону (т. е. в Крым. — *Е. Д.*) потребное их [войск] число», поскольку трудно вернуть уже ушедшие⁴.

Посылка турецких войск в Крым явилась со стороны Турции одним из проявлений политики, направленной к ревизии Кючук-Кайнарджийского договора. Характерно, что содержание этого договора скрывалось от турецкого населения и не было официально доведено до сведения иностранных держав, если не считать «отзыва прусскому посланнику»⁵. Турецкий уполномоченный по подписанию мирного договора Ресми-Ахмед в течение года находился в опале, проживая вне Константинополя⁶. Вероятно, подобной же участи (если не худшей) подвергся бы

¹ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 257, 1774 г., лл. 1—3.

² АГС, т. I, ч. 1, стр. 286. Протокол от 7 августа 1774 г.

³ «Записки Одесского общества, истории и древностей российских», т. VIII. Одесса, 1872, стр. 188. (Рапорт С. Деметьева В. М. Долгорукову от 3 августа 1774 г.).

⁴ АГС, т. I, ч. 1, стр. 289—290.

⁵ Чтения ОИДР, 1866, кн. I, отд. II, стр. 5. (Сообщение Петерсона из Константинополя от 2 октября 1774 г.).

⁶ Zinkeisen. Указ. соч., т. VI, стр. 5. Данные об угасающей карьере Ресми-Ахмеда имеются также в бумагах Н. В. Репнина — см. Сб. РИО, т. VI, стр. 348.

великий визирь Мухсин-заде, но он во-время умер — через несколько дней после подписания мира. Шейх-уль-ислам, издавший фетву о необходимости подписания Кючук-Кайнарджийского мира, не удержался на своем посту.

Можно установить, какие общественные группы в Турции противодействовали выполнению Кючук-Кайнарджийского договора. Некоторые данные по этому поводу имеются в сообщениях Петерсона, посланного в Константинополь, чтобы ускорить ратификацию договора. В своих донесениях Румянцеву он отмечал, что условия мирного договора, «а более установление крымских дел, чрезвычайно тронули здешнее духовенство»¹. Речь шла о высших представителях мусульманской церкви, которые и во время мирных переговоров решительно выступали против отделения Крыма от Турции. Назначение судей в Крыму приносило им значительные материальные выгоды; черноморское судоходство было также преимущественно в их руках.

Таким образом, вопросы, связанные с Крымом, черноморскими портами и черноморским судоходством, наталкивались на сопротивление могущественной касты, влияние которой в описываемое время чрезвычайно усилилось. Во главе движения, направленного на ревизию мирного договора, стоял новый шейх-уль-ислам, который, по словам Петерсона, «возбудил еще больше прежнего между собратиею своею противу постановлений мирных негодование»².

Группа статей, связанных с Молдавией и Валахией, а именно обязательства Порты восстановить там прежний порядок назначения господарей, взимания податей и т. д., встречали сопротивление другого, тоже чрезвычайно влиятельного слоя константинопольского населения — греческих фанариотов. Петерсон сообщал, что все затруднения «происходят от греков, ... имеющих интерес, чтобы господа молдавские и волошские попрежнему от Порты жалованы были». В то же время он указывал, что влияние греческих фанариотов заметно растет «при настоящем слабом и почти все из новых людей составленном правлении...»³.

Как видим, Кючук-Кайнарджийский договор подвергся обстрелу со стороны самых реакционных и хищнических групп господствующего класса Османской империи. Народным массам не было никакого дела до обогащения духовных феодалов или греческих фанариотов. Они устали от войны и были рады, что она наконец окончилась. И вот, чтобы воздействовать на народ и подготовить его к новой борьбе с Россией, были распущены слухи, что в мирном договоре «положено ничего не платить за

¹ Чтения ОИДР, 1866, кн. I, отд. II, стр. 2.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 6—8.

письмо канцелярским служителям, которые кроме сего обыкновенного вознаграждения, другого и дохода не имеют»¹. С тою же целью — восстановить против России темную, фанатически настроенную массу, по указанию городских властей Константинополя была разрушена греческая церковь; «кажется, — писал Петерсон, — будто нарочно для того, чтобы я за нее вступился по силе мирного трактата». Догадавшись об этом, Петерсон «рассудил умолчать о сем»².

На что рассчитывала Турция, добиваясь пересмотра Кючук-Кайнарджийского договора? Как и во многих других случаях, она надеялась на дипломатическое вмешательство западноевропейских держав, которые с неудовольствием смотрели на усиление России. Петерсон доносил Румянцеву, что самая мысль о пересмотре договора была подсказана Турции иностранными дипломатами. Французский посол, писал он, «приметил Порте, что может она без видимого нарушения трактата откладывать ратификацию оного, искать главным образом перемены некоторых артикулов, пока войски наши совсем не выступят, а тогда уже и силою все можно будет одержать...»³.

Представитель Франции в подкрепление своих доводов указывал на «внутренние в России замешательства» и напоминал, что предыдущие требования России были гораздо меньше того, что она получила по Кючук-Кайнарджийскому договору. Он уверял, что русское правительство легко согласится пожертвовать тем, что получило «сверх собственных желаний»⁴. Кроме того, учитывалась болезнь Румянцева, которая, по мнению турок и их советчиков, должна была неминуемо внести дезорганизацию в русские войска и побудить к уступчивости русское правительство.

Новый визирь Иззет-Мегмет паша не успел еще с остатками турецкой армии дойти до Константинополя, как Порта обратилась через Цегелина к прусскому королю с просьбой ходатайствовать перед русским правительством об изменении условий Кючук-Кайнарджийского мира. По поводу этого обращения Порты к Фридриху II Панин несколько позднее писал Румянцеву: «...Порта сама обнажилась, что она изыскивает перемены и смягчения трактата»⁵.

Кроме Пруссии Турция обратила свои взоры и на нового вероятного союзника — Англию. Прося английское правительство о содействии в смягчении условий мирного договора,

¹ Чтения ОИДР, 1866, кн. I, отд. II, стр. 15.

² Там же, стр. 18.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Там же.

⁵ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1969, 1774 г., л. 8.

турецкий диван предложил Англии снижение до 1,5 процента пошлин с ввозимых товаров¹.

Изменения, которых добивалась Турция, сводились к следующему:

1. Русскому правительству предлагалось отказаться от Керчи и Еникале.

2. Русские суда не должны были плавать по Черному морю.

3. Против крымской независимости Порты выступала острожно и, не отвергая ее прямо, требовала, чтобы в Крыму не чеканилось самостоятельной монеты и чтобы договор обязал татар читать молитвы за турецкого султана.

4. Освобождение Дунайских княжеств на два года от платежа податей объявлялось незаконным вмешательством во внутренние дела Оттоманской империи.

5. Россия должна была отказаться от получения денежной контрибуции.

Через некоторое время к этому присоединились еще два требования:

1) чтобы татары уступили Турции Тамань,

2) чтобы Россия не настаивала на пожизненной власти господаря Молдавии².

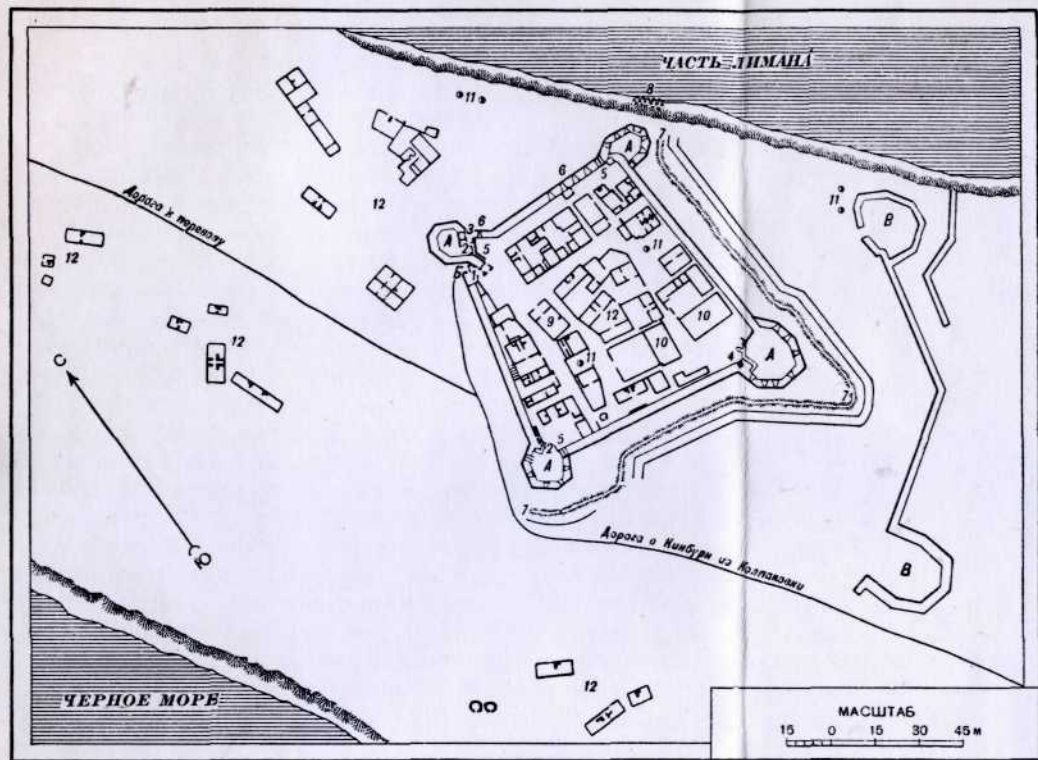
Фридрих II охотно взял на себя посредничество между Портой и русским двором. Когда турецкая нота совершала последний отрезок своего пути Константинополь — Берлин — Петербург, прусский король снабдил ее сопроводительным письмом на имя своего посла Сольмса, в котором наименовал ему (конечно, для использования этого аргумента в переговорах с императрицей) о событиях в Крыму, последовавших за подписанием мирного договора: о высадке турецкого десанта и о выдаче русского резидента сераскеру Али-бею. При этом Сольмс должен был подчеркивать сложность и трудность крымской проблемы.

Екатерина II категорически отвергла предложение вести какие бы то ни было переговоры об изменении мирного договора. Ее отказ Фридрих II должен был довести до сведения Турции от собственного лица, чтобы турки не могли и подумать, будто бы русское правительство могло дать официальный ответ на такого рода ноту. Такой же категорический отказ получил великий визирь от Румянцева, к которому обратился с письмом, содержащим пожелания о пересмотре договора³.

¹ Zinkeisen. Указ. соч., т. VI, стр. 86 и 96. См. также АГС, т. 1, ч. 1, стр. 291.

² Zinkeisen. Указ. соч., стр. 86 и сл. См. также Чтения ОИДР, 1866, кн. I, отд. II, стр. 6—7.

³ Чтения ОИДР, 1866, кн. I, отд. II, стр. 42. Ср. С. М. Соловьев, История России, кн. VI, т. 28, стр. 984.

Крепость Кинбурн.

Чертеж, выполненный на основании рукописного плана 1775 г.

(Центральный Государственный архив древних актов).

«План с профилями (профили не печатаются.—Е. Д.) принятому в российское владение от Порты Оттоманской 1775-го году февраля 3-го дня замку Кинбурну с показанием всего в нем и снаружи строения.

Объяснение плана (опущены пояснения, относящиеся к цветным обозначениям.—Е. Д.). А — Четыре батареи, соединенные каменными стенами с шпирдами, сочиняют замок, которой состоит в твердости. Б — Ворота. В — Перед замком две каменные батареи со рвом начаты были строить, но без отделки оставлены; соединены стеною, как уповательно кругом всего замка обвести намерялись. 1 — Калитка для проходу пеших. 2 — Под батареями пороховые погреба. 3 — При воротах небольшая кладовая. 4 — На батарее караульная будка с каминном. 5 — Для всхода на батареи лестницы, а пушки не иначе как канатами поднимать и на батарее ставить принуждено, а по излишней высоте и к действию неспособны. 6 — Пять амбразур сквозь стену для постановления пушек на крепостном горизонте земли. 7 — Небольшой со рвом вал, весь [в] ветхости, стенки которого с глиною складены, то и к положенному на время ретранжаменту камень употреблять годен. 8 — Сван в три ряда набитые по берегу для сбережения ото льда стен. 9 — Мечеть каменная, покрыта черепицею, но без башни, как обыкновенно у них бывают. 10 — Анбары каменные, покрыты черепицею... 11 — Колодцы, кои все засорены и потому о доброте воды, доколе не вычищены, узнать не можно, а в прочищении несколько отменнее воду получают не совсем пресную, а наипаче в погоду с моря чувствительно солью отзывается, а лутчую далее как в четыре версты от города получают. 12 — Стрельные партикулярные, как в городе, так в форштате, все ветхое, стены из глины сушеной и необожженных широких кирпичей, низки и к прочному жительству неспособны, да и во всем оном с нуждою две роты поместить было можно.

Тщательно следя за изменениями внутренней и внешней обстановки и международного положения Турции, русское правительство неуклонно добивалось поставленной цели: ратификации Кючук-Кайнарджийского договора.

Два обстоятельства облегчали выполнение поставленной задачи: захват Австрией Буковины и конфликт между Турцией и Персией, грозивший перейти в войну.

Вскоре после подписания Кючук-Кайнарджийского договора австрийские войска неожиданно захватили северную область Молдавии — Буковину с городами Черновцы и Сучава. Этот акт, совершенный во время мира и при наличии дружественных отношений Австрии и Турции, настолько изумил русское правительство, что вначале оно даже заподозрило в нем враждебную демонстрацию против России, согласованную с Турцией. Но очень скоро в Петербурге поняли, что захват Буковины является лишь очередным поворотом изменчивой политики Австрии — «ложных правил» Кауница, по выражению русских дипломатов¹. Австрия попросту решила воспользоваться затруднительным положением Османской Порты, зная, что последняя не может в данный момент объявить ей войны.

Несмотря на свое отрицательное отношение к расширению Австрийской империи за счет Дунайских княжеств, русское правительство решило не вмешиваться в возникший конфликт. «Относительно к нашим делам, — говорилось в рескрипте императрицы Румянцеву, — сие обстоятельство больше пользы, нежели вреда принести может побуждением Порты в вящей податливости...»² Панин в письмах к Румянцеву также выражал надежду, что Турция не захочет «иметь вдруг двойные хлопоты с двумя толь сильными соседями»³ и поспешит развязать себе руки с Россией для действий против Австрии. Петерсону было предписано внушать Турции «без компрометирования себя и нас (т. е. русского правительства) перед венским двором», что Россия отнюдь не намерена «женить»⁴ Порту в ее мероприятиях»⁵.

Екатерина II была убеждена, что турки не допустят оставления Буковины в руках Австрии. В письме Н. В. Репнину она высказывалась об этом весьма оптимистично: «А збывает часто по моему желанию, вот и цесарцы ссорятся с турками; готова об заклад биться, что первые биты будут, а я, руки упираючи

¹ Н. Дубровин. Присоединение Крыма к России, СПб., 1885, т. 1, стр. 4.

² Там же.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Мешать, оказывать противодействие.

⁵ АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1969, 1774 г., л. 5 (Депеша от 14 ноября 1774 г.).

в бока, как ферт сидеть буду и на них погляжу, а во устах везде у меня будут слова добрые, официя»¹.

Чтобы максимально сосредоточить внимание Турции на австрийской опасности, Румянцев возобновил вывод войск из Дунайских княжеств. В то же время он категорически отказался в какой-либо мере содействовать венскому двору, и когда австрийский генерал Барко стал зондировать почву, не согласится ли Румянцев передать Хотин ему под тем предлогом, что Кючук-Кайнарджийский договор еще не ратифицирован, — Румянцев ответил решительным отказом.

В Турции захват австрийцами Буковины произвел некоторое замешательство среди противников ратификации мирного договора. Переговоры Петерсона об уплате в срок первой части контрибуции стали идти гораздо успешнее.

Другим обстоятельством, способствовавшим ускорению ратификации Кючук-Кайнарджийского договора, были события на турецко-персидской границе. Подобно многим другим провинциям Османской империи, граничивший с Персией Багдад был только номинальным владением Турции; фактически его наместники давно перестали подчиняться центральному правительству и посылать в Константинополь какие бы то ни было подати. Тем не менее Турции приходилось отвечать за действия своего вассала. Омар паша, правивший Багдадом, ограбил персидский караван и присвоил себе имущество персов, умерших в Багдаде от чумы. Керим-хан — один из многих деспотов, властвовавших в то время в Персии, — потребовал возмещения ущерба, нанесенного персидским подданным, в сумме 40 миллионов пиастров, а также смещения Омара паши. В случае невыполнения этих требований он угрожал Турции прогнать силой турецкого вассала. Порте было чрезвычайно трудно устранить Омара пашу, но еще труднее было уплатить требуемые деньги. Конфликт между двумя восточными государствами все более обострялся. Забегая вперед, отметим, что летом 1775 г. Керим-хан вторгся на территорию Османской империи — в Басру.

Русская дипломатия внимательно следила за разворачивавшимися событиями. Тревога Турции за свою персидскую границу была к стати для России. «Сие обстоятельство, разделяя внимание турецкого правительства на толь дальнюю сторону, где оно еще по слухам обнажено всякой защиты, не может, повидимому, не способствовать совершению наших дел»², — говорилось в одном из правительственных рескриптов.

Помимо внешнеполитических осложнений, Турция испытывала также большие внутренние затруднения, которые не по-

зволяли ей думать о возобновлении войны против России. Государственная казна была истощена, между тем во время войны сепаратизм отдельных провинций усилился и из них не поступало никаких платежей. Временно перестали платить подати Молдавия и Валахия, несмотря на все старания Турции уклониться от выполнения данного пункта Кючук-Кайнарджийского договора. Не платили податей и греки Архипелага. Турецкая армия была в жалком состоянии, еще хуже было положение флота. Обширный план восстановления военно-морских сил Турции, который попытался осуществить адмирал Гасан-паша, был обречен на неудачу из-за недостатка денег. Вместе с твердой позицией России все указанные обстоятельства приводили Турцию к выводу, что ратификация Кючук-Кайнарджийского договора неизбежна и что необходимо пойти на нее, чтобы разредить атмосферу, а главное — получить точку опоры против Австрии и Персии. Помощь со стороны иностранных держав не приходила, и если Турция все еще продолжала рассчитывать на союзников, то во всяком случае ей нужно было выиграть время.

21 октября 1774 г. Петерсон получил наконец от реис-эфенди «форму ратификации» договора турецким султаном, которая после незначительных исправлений могла считаться приемлемой¹. Эту «перемену в образе поступков Порты» Петерсон объяснял решительным ответом Румянцева на просьбу великого визиря о смягчении мирного договора: твердость русского главнокомандующего разрушила представление, будто бы «можно угрожением новой войны получить что-нибудь от России»².

В те же дни Петерсон получил копию приказа о передаче Кинбурна русскому командованию, а также заверение в скором выводе турецких войск из Крыма и об уплате к 1 января первой части турецкой контрибуции. Порта назначила Абдул-Керима чрезвычайным послом, который должен был отвезти турецкую ратификационную грамоту в Петербург.

Именно в этот период были обнародованы акты для Молдавии и Валахии, рассмотренные нами в предыдущей главе. Петерсон (хотя он не являлся аккредитованным представителем русского правительства) действовал соответственно статье 16-й Кючук-Кайнарджийского договора, в силу которой русские дипломатические представители в Турции могли «говорить в пользу» Дунайских княжеств. В Константинополе находились в то время делегации обоих княжеств, выдвинувшие перед Портой ряд требований, направленных к ослаблению турецкого гнета. Петерсон употребил все свое старание, чтобы максимальная часть предъявленных требований была принята турецким

¹ Перевод султанской ратификации имеется в АВПР, ф. Сношения с Турцией, д. 1783, 1774 г., лл. 39—42.

² Чтения ОИДР, 1866, кн. I, отд. II, стр. 28.

¹ Сб. РИО, т. 5, стр. 159.

² Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 10.

правительством¹. Результатом его усилий явились султанские хати-шерифы для Молдавии и Валахии от декабря 1774 г.

Несмотря на то, что уже в ноябре 1774 г. были взаимно рассмотрены и изучены ратификационные документы, официальное утверждение договора турецким султаном затянулось и состоялось лишь 13 января 1775 г. К этому времени в Константинополе был получен ответ Екатерины II по поводу турецких возражений против договора, переданный через Фридриха II. Этот ответ не оставлял больше никаких сомнений в решимости русского правительства отстаивать до конца принятые условия. «Ни малейшая перемена в тексте трактата Порте от нас дозволена быть не может», — постоянно повторяла Екатерина II в рескриптах Румянцеву². Петерсону были даны указания, чтобы он, помимо прочих методов воздействия, обратил часть контрибуции «на скорейшее получение турецкой ратификации»³. Отметим, что для получения самой контрибуции потребовалось, чтобы два влиятельных фаворита султана получили по 6% с каждого взноса последней⁴.

С целью ускорить дело русское правительство еще летом 1774 г. дало согласие, чтобы ратификация состоялась в Константинополе. Официально это характеризовалось как акт дружелюбия и желание соблюсти равенство: мир был подписан в ставке русского генерал-фельдмаршала, однако «мы сего обстоятельства себе в преимущество ставить и оным величаться не хотим к унижению достоинства Порты Оттоманской»⁵. Исходя из этого решения, Петерсон и великий визирь Дервиш Мухамед паша произвели обмен ратификационных грамот в Константинополе 13 января 1775 г.

Вслед за ратификацией договора, 2 февраля 1775 г., состоялась, наконец, передача России турецкой крепости Кинбурн, которая тотчас же стала приводиться в порядок.

19 марта 1775 г. был опубликован «Манифест» Екатерины II о заключении Кючук-Кайнарджийского договора⁶. В нем подчеркивались пункты, которые в дальнейших сношениях с Турцией выдвигались на первый план как основные идеологические мотивы дипломатической борьбы: об облегчении участи турецких христиан, о принятии покровительства над православной церковью в Турции и т. д. Далее отмечалось значение русско-турецкого договора для безопасности русских границ, а также для развития торговли по Черному и Средиземному морям.

¹ Чтения ОИДР, 1866, кн. I, отд. II, стр. 45.

² Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 1.

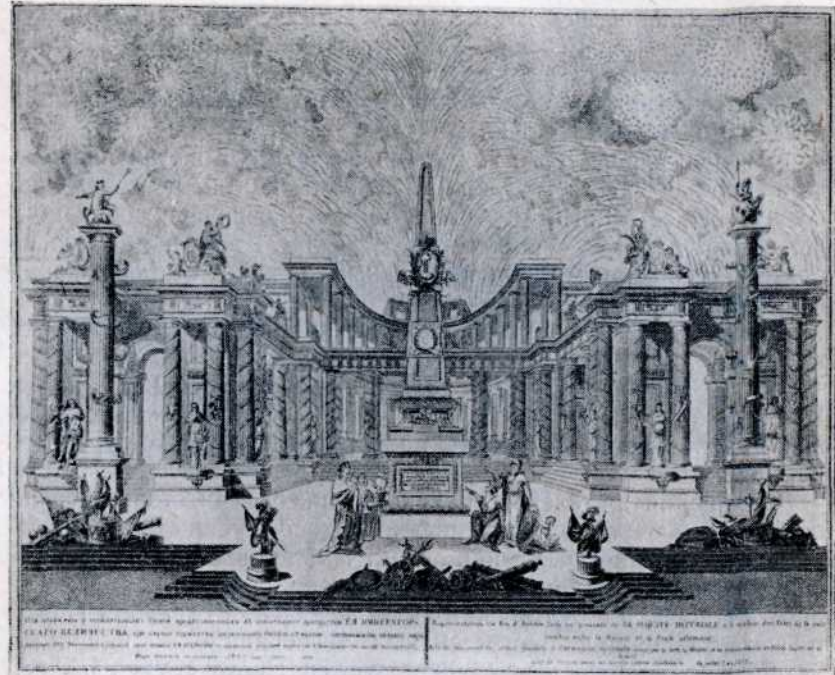
³ Там же, стр. 10.

⁴ С. М. Соловьев. История России..., кн. VI. Приложения, стр. 1086.

⁵ Сб. РИО, т. 5, стр. 156.

⁶ «Манифест о заключении мира с Оттоманскою Портою». ПСЗ, т. XX, № 14274.

Только летом 1775 г. русское правительство сочло возможным устроить празднование в связи с заключением Кючук-Кайнарджийского мира. Для дворянской империи отсрочка празднования диктовалась не только затянувшейся ратификацией договора: до подавления восстания Пугачева господствующий класс

Фейерверк в Москве на Ходынкском поле в июле 1775 г. в честь Кючук-Кайнарджийского мира.

Гравюра по рисунку автора проекта — архитектора М. Ф. Казакова (Государственный Исторический музей).

царской России не хотел и думать о каких бы то ни было торжествах. Теперь же, когда внутренний враг был разгромлен, заключение мира было отпраздновано с большой торжественностью¹.

* * *

После ратификации Кючук-Кайнарджийского договора оставалось совершить обряд, предусмотренный статьей 27 этого документа, а именно обменяться торжественными посольствами.

¹ См. описание этих торжеств в письмах Екатерины. Сб. РИО, т. 27, стр. 30, 45, 48 — 49.

Чрезвычайным и полномочным послом России был назначен Н. В. Репнин.

Миссия Репнина не исчерпывалась аудиенциями у великого визиря и у султана — главное, он должен был добиваться, чтобы ратификация договора не осталась на бумаге. Турецкие войска все еще находились в Крыму; положение Молдавии и Валахии далеко еще не выяснилось; русские пленные не все были возвращены России — значительное количество русских людей оставалось в рабстве у частных лиц. Кроме того, Репнин должен был изучить возможности развития внешней торговли России по Черному морю.

В конце апреля 1775 г. Репнин выехал в Константинополь. При проезде через Молдавию и Валахию он встречал повсюду торжественный и теплый прием. Господари обоих княжеств окружали его почетом и комфортом. Въезд в каждую из столиц совершался под колокольный звон, в сопровождении почетного эскорта.

Репнина посещало молдавское и валахское духовенство. Представители дворянства и купечества обоих княжеств обращались к нему с жалобами на невыполнение Турцией Кючук-Кайнарджийского договора. Они выдвигали также новые требования, вытекавшие, по мнению просителей, из русско-турецкого договора.

Обращения жителей Дунайских княжеств свидетельствовали о том, что Кючук-Кайнарджийский договор усилил национальное самосознание населения. Так, в «Мемориале» молдавских бояр, поданном в августе 1775 г., говорилось о необходимости внести поправки в султанский хатти-шериф от 15 декабря 1774 г. и выдвигался ряд прогрессивных требований — например, установление точного размера платежей Порте с уменьшением их вдвое против существующих (при этом делалась ссылка на времена Мехмеда IV), право избрания господарей вместо назначения их Портой и пр. В прошении особенно указывалось на обязанность Турции защищать Молдавию от нападений со стороны Австрии, так как, указывалось в «Мемориале», именно за это Молдавия платит Порте деньги¹.

Репнин согласился поддержать интересы Дунайских княжеств перед Портой. Только одну претензию молдавской знати он счел несвоевременной ввиду австрийской опасности: вывод турецких войск из Хотина и передачу этой крепости Молдавии. Очевидно, он полагал, что население Молдавии не может самостоятельно защитить себя от Австрии; с точки зрения России было выгоднее, чтобы борьба за молдавские земли велась непосредственно Турцией, так как это ослабляло ее противодействие Кючук-Кайнарджийскому договору.

¹ Сб. РИО, т. 6, стр. 329.

Турецкий посол Абдул-Керим тоже ехал через Валахию и Молдавию, но отношение к нему было совершенно иное. Он прибыл в Молдавию раньше, чем Репнин, и повел себя так, как обычно вели себя знатные турки в землях подвластных народов. Петерсон сообщил Репнину из Константинополя, что Порта торопит русского посла с его прибытием в Хотин: «причину тому, — писал он, — суть беспрестанные жалобы молдавских агентов на турецкого посла, который, ожидая приезда вашего сиятельства на границу, живет в Молдавии и великие там делает обывателям обиды и хищения». По словам Петерсона, турки желали «избавиться от хлопот, причиняемых им жалобами агентов молдавских»¹.

2 июля 1775 г. у Хотина посредине Днестра, на специально построенном судне, состоялась «размена» послов: сопровождавший Репнина генерал-аншеф Воейков «вручил посла (т. е. Репнина), взяв его правою рукою», хотинскому наместнику Мехмед-паше, который со своей стороны «вручил посла турецкого» Воейкову². В эту минуту раздался залп из 20 пушек с каждой стороны и троекратная пальба из ружей.

Русское правительство ожидало от миссии Репнина окончательного закрепления результатов Кючук-Кайнарджийского мира, Турция же ставила себе противоположную задачу: вынужденная ратифицировать договор, она ожидала благоприятной обстановки, чтобы возобновить дипломатическую борьбу. Было решено использовать приезд Репнина, чтобы добиваться через него уступок от русского правительства.

В России не знали, что уже в конце апреля 1775 г. между Турцией и Австрией был подписан договор, по которому Турция уступала Австрии оккупированные ею земли. Когда позднее реис-эфенди Исмаил-бей подвергся нападкам со стороны своих противников за эту серьезную уступку Австрии, он отвечал, что это было необходимо для борьбы против Кючук-Кайнарджийского договора: чтобы не уступать в вопросе о татарах, нужно держаться мира с Австрией. «В случае войны с Австрией, — говорил Исмаил-бей, — нам пришлось бы выполнить буквально все пункты мирного договора или нам пришлось бы бороться сразу с двумя врагами»³. Таким образом, вместо того чтобы урегулировать отношения с Россией и обратить все силы на защиту своих земель (чего так хотели в России), Порта поступила наоборот и поспешила примириться с Австрией, которая, по словам Исмаил-бея, «вместе с Францией постоянно побуждает нас не уступать России в пункте о татарах»⁴.

¹ Сб. РИО, т. 5, стр. 180 — 181.

² «Российское посольство в Константинополь 1776 года», СПб., 1777, стр. 5.

³ Zinkeisen. Указ. соч., т. VI, стр. 131.

⁴ Там же.

С этого момента все внимание Турции сосредоточилось на Крыме. Еще в 1773 г. на Тамани высадился претендент на ханское достоинство — Девлет-Гирей. После вывода русских войск из Крыма он перебрался на Крымский полуостров и, добываясь поддержки Порты, выражал готовность ликвидировать независимость Крыма¹.

В начале 1775 г. Девлет-Гирей объявил себя ханом, получил от султана богатые подарки и с помощью турецких войск захватил власть в Крыму. Сахиб-Гирей в апреле 1775 г. покинул Крым². Порта несколько медлила с официальным утверждением Девлет-Гирея, скрывая свое участие в его действиях.

Сахиб-Гирей не являлся такой кандидатурой, которая отвечала бы интересам России. Его считали слабохарактерным, безличным и действовавшим в зависимости от сложившейся конъюнктуры. Инцидент с Веселицким еще больше ухудшил его взаимоотношения с Россией. Более желательным кандидатом считали его брата — Шагин-Гирея, который мечтал о действительной и полной независимости Крыма от Оттоманской империи. Было известно, что Шагин-Гирей отнесся с крайним неудовольствием к сохранению над Крымом духовной власти турецкого султана³. Еще осенью 1774 г. Шагин-Гирей обратился к русскому правительству с просьбой помочь ему деньгами и войском, чтобы он мог сделаться крымским ханом. Эту цель было нетрудно осуществить ввиду популярности Шагин-Гирея среди ногаев.

Сначала Совет сочувственно отнесся к такому плану. «Калга (брат хана.—Е. Д.), будучи нам обязан возведением своим на ханство, — говорили участники заседания, присутствовавшие на Совете, — останется совсем преданным к нашей стороне и... таким образом нечувствительно отвыкнут татары от турков»⁴.

Однако в конце концов возобладало другое мнение, а именно, что, ставя своей целью реализацию Кючук-Кайнарджийского договора, Россия сама не должна нарушать его условий, а следовательно, не должна вмешиваться в татарские дела. В соответствии с этим решением в декабре 1775 г. Щербинину, представлявшему Россию в Крыму, был послан рескрипт «о неисполнении ныне плана калги-султана...»⁵

Таким образом, вмешавшись в татарские дела, Порта оказалась единственным нарушителем заключенного договора. Ожидая от Девлет-Гирея полной покорности, она признала его ханом и поставила вопрос об установлении наследственной ханской власти.

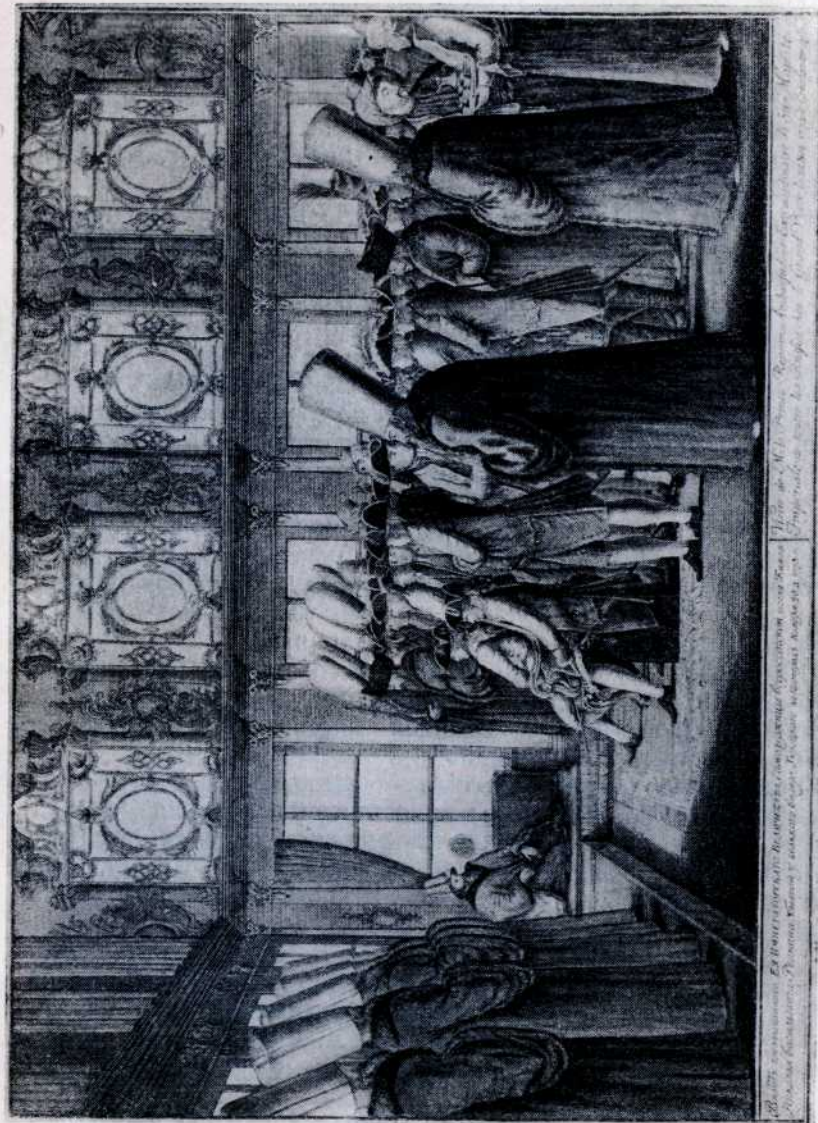
¹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 3 и 30.

² В. Д. Смирнов. Крымское ханство... в XVIII столетии, стр. 154.

³ С. М. Соловьев. История России, кн. VI, т. 28, стр. 927.

⁴ АГС, т. I, ч. I, стр. 293.

⁵ Там же, стр. 298.

Прием чрезвычайного и полномочного посла России Н. В. Репнина великим визирем 28 ноября 1775 г. Гравюра XVIII в. (Государственный Исторический музей).

В свое время вопрос этот ставился и в России. В принципе русское правительство сочувственно относилось к наследственному преемству власти крымских ханов, считая его известной гарантией татарской независимости. Именно так представлялось дело Репнину, который писал Панину 8 сентября 1775 г.: «Мне кажется, что сие бы учреждение наследства в ханском достоинстве было полезно для нас, понеже сии бы последние уже государи и на всю свою жизнь сим достоинством пользующиеся, привыкли бы сами себя подлинными государями почитать и наконец от Порты не зависеть»¹.

Однако в данный момент, когда речь шла о Девлет-Гирее, намеревавшемся сделаться вассалом Турции, русское правительство решило воздержаться от поддержки турецкого предложения. Этот отказ мотивировался ссылкой на принцип невмешательства в дела Крыма. Репнину было послано предписание, чтобы он требовал от Порты вывода ее войск из Крыма, а также удаления из Константинополя татарской делегации².

Репнин, с одной стороны, старался по возможности смягчить напряженность отношений между двумя странами, а с другой — решительно пресекал попытки Порты добиться пересмотра Кючук-Кайнарджийского договора.

Убедившись в непоколебимой позиции Репнина, турецкое правительство перестало оттягивать обусловленные мирным договором аудиенции чрезвычайному послу: 28 ноября он был принят великим визирем, а 1 декабря торжественно вручил султану Абдул-Гамиду I письмо Екатерины II.

12 февраля 1776 г. в Константинополь прибыл русский посланник Стахив, и Репнин уступил ему место для продолжения трудной и ответственной миссии — восстановления мирных отношений с Турцией.

Турция все дальше отходила от выполнения Кючук-Кайнарджийского договора. Она приостановила платежи контрибуции, возобновила назначение крымских судей и таможенных чиновников. Готовясь к военным действиям в Крыму, она посылала таманскому военачальнику деньги и артиллерийские орудия.

Поступали сведения и о действиях Девлет-Гирея: он готовил лодки для предполагаемых десантов в Еникале и Керчь с таманской стороны³. Отказавшись признать договор, заключенный между Россией и Крымским ханством в 1772 г., он объявил кабардинцев своими подданными и лицемерно сослал-

¹ Сб. РИО, т. 6, стр. 354.

² Там же, стр. 336 — 337, 353, 355.

³ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 55 и 74; АГС, т. 1, ч. I, стр. 326.

ся при этом на Кючук-Кайнарджийский договор¹. Летом 1776 г. в Пегербург поступило сообщение коменданта Еникале о прибытии в Крым переодетых французских офицеров для осмотра и укрепления крымских крепостей².

Одновременно с военной подготовкой в Турции велась соответствующая идеологическая пропаганда. Шведский дипломат Мураджа д'Оссон услужливо разрабатывал для турок теорию «османского халифата», причем из «духовного» господства султана над мусульманами «всего мира» выводилось более реальное — политическое господство. Русским дипломатам приходилось бороться и против этой теории. Когда турки ссылались на то, что не только Крымское ханство, но и все мусульманские страны, в том числе Индия, признают духовную власть турецкого султана-халифа, Н. И. Панин резонно возражал: «Когда турки сами ссылаются на пример Могола, признающего калифство в особе султана, то б мы весьма не прочь были, чтоб с ханами крымскими не более духовного сопряжения заведено было, как сколько может настоять у Порты с Моголом индейским»³.

Наконец, Порта вполне раскрыла свои карты. Угрожая разрывом, она потребовала от русского правительства «отступить от независимости татар, возвратить Кинбурн и оставить ей во владение Таман»⁴.

В ответ на враждебные действия Порты русское правительство 23 ноября 1776 г. ввело свои войска в Перекоп. В то же время оно решило оказать поддержку Шагин-Гирею.

* * *

Несомненно, что в случае нового вооруженного столкновения с Турцией преимущество было бы на стороне России: после Кючук-Кайнарджийского мира ее позиции стали еще более сильными, чем прежде. Владея Керчью, Еникале и Кинбурном, русское правительство могло в любое время направить оттуда свои войска в центр Крымского полуострова. Было нетрудно также подтянуть войска с Украины на линию Перекопа. У Турции был небольшой гарнизон в Тамани и более значительный в Очакове; для подвоза вооруженных сил по морю ей требовалось значительное время. Кроме того, в результате переселения части ногаев на Кубань во время войны 1768 — 1774 гг., заметно ослабела военная мощь татарского войска.

¹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год, ч. II, СПб., 1869, стр. 41.

² Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 73.

³ Там же, стр. 10.

⁴ АГС, т. I, ч. I, стр. 324.

Однако в русские планы не входило возобновление военных действий. Слишком долго пришлось добиваться заключения мира и его ратификации, слишком сильно потрясла господствующий класс крестьянская война, чтобы правительство решилось рисковать уже достигнутыми результатами. Оно избрало другой путь — мирного урегулирования конфликта. Движение войск на Перекоп и сопровождавшая его концентрация русских войск на границах Крымского ханства и на Дунае носили характер только военной демонстрации. Во время последовавших действий в Крыму, потребовавших от русского командования большого такта и дипломатического искусства, очень важную роль сыграл Суворов. Ему принадлежала основная заслуга в мирном решении крымской проблемы.

В связи с вводом войск в Перекоп русское правительство 22 ноября предъявило Турции декларацию. Здесь излагались все нарушения Кючук-Кайнарджийского договора со стороны Турции: Порта позволила себе, говорилось в декларации, «не только вмешиваться прямым образом и под разными предлогами в суверенное правление крымских татар, смешать их ханов, назначать судей и таможенных сборщиков, посылать войска в эту страну и распространить свою власть на ногайские орды, утвердить в качестве крымского хана Девлет-Гирея с подчинением ему кабардинцев, которые никогда не принадлежали ни Порте, ни Крыму, — она позволила себе также требовать в заявлениях султана и великого визиря, сделанных послу князю Репнину, чтобы свобода и независимость татарских народов в их политическом и гражданском состоянии была совершенно упразднена и чтобы под власть султана были возвращены места, уступленные России: Керчь, Еникале и Кинбури»¹.

Аналогичные декларации за подписями Прозоровского и Румянцева были посланы в Крым². Во всех этих актах занятие Перекопа объявлялось временной и вынужденной мерой. От имени русского правительства заявлялось, что русские войска будут выведены из Крыма, как только Порта пришлет своих депутатов к Румянцеву для урегулирования конфликта.

Одновременно с движением русских войск от Перекопа вглубь Крымского полуострова другие отряды двигались с востока, сопровождая русского ставленника на ханский престол, Шагин-Гирея. Последний уже был признан ханом со стороны ногаев. С Кубани он двигался непосредственно в Крым. Турецкий гарнизон в Тамани был без труда им снят, а далее, на Крымском полуострове он нашел надежное убежище в рус-

¹ Этот документ, отсутствующий в русских документальных сборниках, был обнаружен Цинкейзенем в Берлинском секретном архиве. См. Zinkeisen. Указ. соч., т. VI, стр. 908—910.

² Чтения ОИДР, 1866, кн. I, отд. II, стр. 99—101.

ской крепости Еникале. Суворов быстро привел татар в повиновение Шагин-Гирею. Впоследствии от так писал об этом в своей автобиографии: «...Около Карасу-Базара собравшиеся противные Шагин-Гирей-хану партии я рассеял одними движениями (демонстрациями. — Е. Д.), и, по прибытии его из Тамана, объявлял его в сем достоинстве»¹.

28 марта крымский диван вынес решение об отстранении Девлет-Гирея от власти и о признании ханом Шагин-Гирея. После этого татарское правительство официально обратилось к России с просьбой об оставлении в Крыму русских войск. В Константинополь была послана депутация с извещением об избрании нового хана.

Штаб русских войск расположился в Бахчисарае, где находилось и правительство Шагин-Гирея. Русские войска заняли побережье от Евпатории до Балаклавы, а также степную часть Крыма. Суворовский лагерь находился в районе города Ак-Мечеть (на месте современного Симферополя).

Турецкие войска оставались в Кафе, не решаясь выступить против Суворова. Вскоре они отплыли обратно в Константинополь. В апреле 1777 г. Девлет-Гирей покинул Крым и тоже отправился в Константинополь.

25 августа 1777 г. Екатерина II послала Шагин-Гирею официальное поздравление в связи с его вступлением на ханский престол². После этого наступила полоса затишья.

Теперь, когда больше не возникало опасности, что хан снова поставит Крым в зависимость от Порты, и, напротив, были основания ожидать более тесного сближения Крымского ханства с Россией, русское правительство выдвинуло вопрос об установлении наследственной власти крымского хана³.

В Петербурге решили предоставить Шагин-Гирею полную самостоятельность во внутренних делах. 3 июня 1777 г. Румянец писал Прозоровскому: «Ее величество, зная лично в настоящем хане достоинства и лучшее сведение, которое имеет он ко управлению того края, позволяет ему с полною свободою там владычествовать; а по сему заключению весьма себя отдалять вам надобно, чтоб вмешиваться в дела хана и ханства, как для нас побочные...»⁴

Шагин-Гирей, сделавшись ханом, поставил своей целью укрепление военных сил Крымского ханства. Оценив огромное превосходство русской военной техники перед турецкой и татарской, Шагин-Гирей обратился к русскому правительству

¹ Чтения ОИДР, 1848, кн. IX, отд. II, стр. 551.

² «Записки Одесского общества истории и древностей российских», т. VII, Одесса, 1868, стр. 209.

³ Чтения ОИДР, 1875, кн. IV, отд. II, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 5.

с просьбой прислать ему мастеров для отливки пушек и лафетов, разрешить купить в Туле ружья, сабли, пистолеты и пики¹. С другой стороны, он предпринял военную реформу: создание регулярной армии.

Но военная реформа проводилась поспешно, она не была подготовлена ни в финансовом, ни в других отношениях. Новое механически переносилось в крымскую действительность без учета местных особенностей. Даже при благоприятной обстановке военной реформа, предпринятая Шагин-Гиреем, вызвала бы значительную оппозицию. В условиях же острой борьбы между Россией и Турцией за влияние на Крым дело осложнилось еще более. Всякое уязвимое место в политике Шагин-Гирея немедленно использовалось Турцией для разжигания внутренней борьбы в Крымском ханстве с целью подрыва власти русского ставленника.

В погоне за материальными средствами для проведения реформы Шагин-Гирей чрезвычайно усилил налоговое бремя. Широкое распространение получила откупная система. Один современник по поводу этого писал: «... Не волен у него в деревне ни один мужик убить скотину, кроме откупщика; также на откуп отданы ножи, хлеб и прочее все..., покупая, например, четверть хлеба по рублю, продает через откупщиков по полтора рубли...»²

Используя недовольство народных масс, турецкие агенты пустили слухи, что Шагин-Гирей продан русским, что он крестился — в доказательство приводились факты, что он «на кровати спит, на стуле садится и молитв должных по закону не делает». Мусульманское духовенство Турции призывало татар выступить против «отпавшего от магометанского правоверия злодея и мятежника»³.

2 октября 1777 г. против Шагин-Гирея вспыхнуло восстание, о котором Румянцев писал Потемкину 9 октября: «Восстал бунт в Крыму по поводу будто вводимого ханом регулярства, но причина сия случайная, а прямая работа турецкая»⁴. По мере выяснения дела Румянцев все больше убеждался, «что, без сомнения, турки и весьма искусно сработали татарской бунт, и к времени не упустили их (татар. — Е. Д.) подкрепить...»⁵

В момент крымского восстания Турция присоединила к своей территории земли, принадлежавшие раньше Крымскому ханству: был создан новый пашалык в Бессарабии с включением в него Каушан, Балты, Дубоссар и прочих земель до реки Буга. Ханские правители были изгнаны из этих земель.

Тревожные сведения поступали также из Дунайских княжеств. 9 октября 1777 г. пришло известие об убийстве молдавского господаря Григория Гики. Примерно в то же время был смещен господарь Валахии, вместо которого был назначен ставленник Турции Каллимахи. В направлении Дуная непрерывным потоком двигались турецкие войска. Очевидцы сообщали, что «жители молдавские и волошские бегут во все стороны, спасая себя от грозящего им истребления»¹.

В начале декабря 1777 г., пользуясь волнениями в Крыму, Турция назначила на крымский престол нового хана — Селим-Гирея, брата свергнутого Девлет-Гирея. Селим-Гирей прибыл в Крым на турецком корабле и высадился в Кафе. Но Шагин-Гирею удалось взять штурмом этот город, после чего Селим-Гирей бежал в Балаклаву. Вскоре турецкие корабли появились у берегов Крыма, имея на борту янычарские войска.

Русское правительство спешно привело в боевую готовность войска, находившиеся на юге. 14 ноября 1777 г. Румянцев назначил Суворова командующим кубанским корпусом, а несколько позже, 23 марта 1778 г., был отдан приказ о его назначении командующим всеми войсками в Крыму и на Кубани.

Несмотря на военные приготовления, решение русского правительства по возможности избежать вооруженного столкновения с Турцией оставалось в силе. Румянцев при каждом удобном случае подчеркивал готовность России поддерживать с Турцией мирные отношения. Так, 5 апреля 1778 г. в письме к великому визирю он заявлял: «Я не хочу и того от вашего сиятельства скрыть, что давно уже даны от меня повеления командующим в Крыму и на Кубани генералам о выведении из сей области татарской российских войск, коль скоро только Блистательная Порта согласится на выполнение своих обязательств, мирным трактатом утвержденных, и удалит от Крыма свои морские, там неотступно пребывающие, а от границ — сухопутные военные силы...»²

Суворову, который привык говорить с противником языком оружия, пришлось на этот раз выступить в роли дипломата. Он блестяще справился с поставленной задачей. Без единого выстрела он воспрепятствовал турецкому десанту высадиться на берегах Крыма. Войска Суворова маневрировали по берегу соответственно лавированию турецких кораблей³. Турки, убедившись, что русские их не боятся, и в надежде найти предлог для высадки десанта, решили вступить с Суворовым в переговоры.

¹ Чтение ОИДР, 1875, кн. IV, отд. II, стр. 15.

² Н. Дубровин. Указ. соч., т. II, стр. 387.

³ П. Надинский. Суворов в Крыму, Симферополь, 1950, стр. 43 — 44.

¹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 755.

² Там же, стр. 847.

³ Там же, т. II, стр. 22, 33.

⁴ Чтения ОИДР, 1875, кн. IV, отд. II, стр. 12.

⁵ Там же, стр. 21. См. также стр. 60.

Но из этого ничего не вышло. Когда турки попросили Суворова разрешить им хотя бы набрать питьевой воды на побережье, им было «с полною ласковостью отказано» (выражение Суворова)¹ под тем предлогом, что чума перекинется с турецких кораблей на русский берег.

Положение, которое создалось на юге России на рубеже 1777 и 1778 гг., Румянцев назвал «кризом» (т. е. кризисом.—*Е. Д.*) в отношениях России и Турции. В любой момент могла разразиться война. Порта рассчитывает, писал он, «на одно наше со стороны татар изнурение, а с своей—успокоение и выигрывание времени к своим приуготовлениям»².

В создавшейся обстановке Румянцев пришел к выводу, что сохранить независимость Крыма невозможно: если Крымское ханство будет считаться независимым, «война будет бесконечная, натурально и бесполезная». Поэтому он просил императрицу «ускорить решительным о Крыме определением, а между тем помышлять о всех потребных на случай войны приуготовлениях»³.

Приведенные высказывания характеризуют Румянцева как реального и дальновидного политика, который уже в конце 70-х годов отчетливо осознал всю утопичность независимости Крымского ханства. В дальнейшем русское правительство стало готовиться к включению Крыма в состав России. Одной из важнейших мер в этом направлении явилось переселение из Крыма христианских жителей полуострова. 9 марта 1778 г. Екатерина подписала рескрипт, который предлагал Румянцеву и Потемкину произвести переселение всех христиан, проживающих в Крыму, на территорию южнорусских губерний.

Поскольку именно христиане (греки и армяне) составляли основную трудовую часть населения Крыма, переселение их в Россию означало экономическое ослабление ханства и ставило Крым в прямую зависимость от России. Непосредственное осуществление этой задачи было поручено Суворову, который, в итоге проведенных мероприятий, вывел из Крыма на 17 сентября 1778 г. более 30 тысяч человек.

Это событие произвело сильное впечатление в Константинополе. Турция начала склоняться к компромиссу и вступила в переговоры с Россией о подписании конвенции, которая бы положила конец крымским неурядицам. С русской стороны переговоры повел посланник в Константинополе Стахивев, с турецкой — знакомый нам по Бухарестскому конгрессу Абдур-Резак.

Международная обстановка 1778 — 1779 гг. способствовала мирному урегулированию русско-турецкого конфликта. Обострение противоречий между Англией и Францией в связи с войной американских колоний за свою независимость, с одной стороны, и война между Австрией и Пруссией из-за баварского наследства — с другой, таковы были основные причины, в силу которых главнейшие европейские державы не смогли вмешаться в русско-турецкие отношения и воспрепятствовать России в осуществлении поставленных ею целей¹.

Еще в октябре 1774 г. начались вооруженные столкновения между колонистами и английскими властями, а с весны 1775 г. Англия уже вела войну против восставших колоний — войну грабительскую и несправедливую. Американские волонтеры, воодушевленные идеей независимости, нанесли серьезные поражения английской регулярной армии. 4 июля 1776 г. (н. с.) тринадцать американских штатов приняли Декларацию независимости, провозглашавшую их отделение от Англии и создание самостоятельного государства. Правительство французского короля Людовика XVI, которое раньше помогало колонистам тайно, вступило в союз с США и весной 1778 г. начало открытую войну против Англии. Целью Франции было ослабить своего конкурента и, если удастся, вернуть себе Канаду. Вслед за Францией в войну против Англии вступила и другая сильная морская держава — Испания, связанная с Францией оборонительным и наступательным союзом.

Английское правительство обратилось за помощью к Екатерине II, прося ее предоставить для действий в Канаде 20 000 солдат и выражая желание заключить с Россией союзный договор. Оно соглашалось оказать содействие России во взаимоотношениях с Турцией.

Екатерина отказалась заключить с Англией союз, который теперь мог быть выгоден одной Англии. При таких условиях последней оставалось только одно: стараться не допустить сближения России и Франции. Вот почему, несмотря на усилившуюся враждебность в отношении России и на желание помешать России закрепить свое положение на Черном и Средиземном морях, Англия ослабила свою антирусскую деятельность в Турции.

Позиция Франции в отношении России сильно изменилась после Кючук-Кайнарджийского мира. Убедившись, что Россия представляет собой большую силу, французское правительство всячески старалось улучшить взаимоотношения с ней. Оно даже пошло навстречу требованиям собственной буржуазии, касаю-

¹ При характеристике международной обстановки конца 1770-х годов XVIII в., и в особенности баварского конфликта, я основываюсь на выводах работы Г. А. Нерсесова: «Политика России на Тешенском конгрессе 1778 — 1779 гг.» Кандидатская диссертация. Горький, 1950.

¹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. II, стр. 706.

² Чтения ОИДР, 1875, кн. IV, отд. II, стр. 34.

³ Там же, стр. 17, 34.

щимся развития торговли с Россией. Видя, что Австрия и Пруссия поглощены взаимной распрей, Франция опасалась, что новая русско-турецкая война приведет к полному разгрому Османской империи. Отсюда — стремление Франции содействовать мирному разрешению русско-турецкого конфликта.

Были и другие причины, побуждавшие Францию искать известного сближения с Россией. Союз между Австрией и Францией, заключенный в 1756 г., в рассматриваемый период фактически перестал действовать. Участие Австрии в польском разделе и захват ею Буковины шли вразрез с политическим курсом Франции в отношении Польши и Турции. Австрия претендовала теперь на «баварское наследство» — обширные земли в юго-западной Германии. Это значило, что на границах Франции готовилось восстановление сильной империи Габсбургов, что вовсе не соответствовало желаниям версальского двора.

В январе 1778 г. стало известно, что французский поверенный в делах в Константинополе Леба посоветовал Порте разрешить крымский инцидент мирным путем¹.

С другой стороны, возникновение так называемого баварского конфликта было использовано Россией для воздействия на позицию Австрии и Пруссии.

После смерти баварского курфюрста Максимилиана-Иосифа в 1778 г. началась борьба претендентов на баварский престол, за спиной которых стояли иностранные державы. Австрия давно стремилась к захвату Баварии, расположенной на ее границе. После потери Силезии присоединение этой территории представлялось Габсбургам единственным средством восстановления прежнего величия империи. Но планы Австрии встретили решительное сопротивление со стороны Пруссии, которая тоже стремилась «округлить» свои владения и занять господствующее положение в Германии. Развернувшиеся военные действия очень скоро обнаружили равновесие сил воюющих сторон. Исход конфликта мог определиться только в зависимости от позиции других держав, в особенности России. Австрия добивалась от русского правительства благожелательного нейтралитета. Пруссия рассчитывала на русскую военную помощь, поскольку между ней и Россией существовал союзный договор, продленный 20 марта 1777 г. на новый срок.

Русское правительство использовало благоприятную международную обстановку, добиваясь от Австрии и Пруссии содействия в турецком вопросе. В сношениях с Пруссией, например, русские дипломаты не уставали повторять, что обстановка на юге России не позволяет ей оказать в данный момент военную помощь Фридриху II.

¹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. II, стр. 60.

Расчет русских дипломатов оказался верен. Австрия и Пруссия вынуждены были ослабить свое противодействие реализации Кючук-Кайнарджийского договора. Австрийский поверенный в делах в Турции в январе 1778 г. вручил турецкому правительству ноту, в которой давался совет урегулировать конфликт с Россией мирным путем¹.

Русское правительство спешило добиться от Турции подтверждения Кючук-Кайнарджийского договора ранее ликвидации баварского конфликта. 10 марта 1779 г. в г. Тешене (Тешин) открылись заседания конгресса, которому предстояло, при участии России и Франции, разрешить спор о «баварском наследстве».

Раньше, чем конгресс вынес свои постановления, России удалось довести до конца дипломатическую борьбу с Турцией. 10 марта 1779 г. в султанском дворце Айналы-Кавак было подписано соглашение между спорящими сторонами.

* * *

Айналы-Кавакская, или «изъяснительная», конвенция² объявлялась частью Кючук-Кайнарджийского договора: «Сия конвенция, служа к дополнению и изъяснению мирного при Кайнарджие заключенного трактата, имеет почитаема быть частью оного и сохранять вечно силу и обязательство свое для обеих империй» (ст. IX). Чтобы придать конвенции еще большую силу, стороны условились, что после ее подписания Стахивым и Абдур-Резаком она будет ратифицирована монархами обоих государств.

Принятие конвенции мотивировалось (в ее вводной части) тем обстоятельством, что со времени заключения Кючук-Кайнарджийского договора «произошли по некоторым статьям оного, а особливо по *новости преобразования крымских и всех прочих татар в область вольную... разные недоразумения и распри...*»³ Далее говорилось, что Кючук-Кайнарджийский договор как бы «от слова до слова полным содержанием» внесен в конвенцию, за исключением некоторых изменений.

Таким образом, Турция отказывалась от дальнейших нарушений Кючук-Кайнарджийского договора и подтверждала взятые на себя обязательства. С другой стороны, Россия соглашалась сделать Турции частичные уступки.

Основная и главная уступка со стороны России касалась вопроса о татарах. Если в Кючук-Кайнарджийском договоре

¹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. II, стр. 75.

² См. ПСЗ, т. XX, № 14851; приложение № 4, стр. 361 — 365 наст. работы.

³ Курсив мой.—Е. Д.

говорилось в самой общей форме о духовной зависимости татар от турецкого султана, то в силу Айналы-Кавакской конвенции татары сязаны были после избрания хана посылать в Константинополь «депутатов с магзарами¹ в приличных терминах, по установленной ныне единожды навсегда примерной форме, с торжественным признанием в особе султанской верховного калифейства магометанской веры». В своих «магзарах» татары должны были просить султанского благословения как хану, «так и всей нации татарской». В ответ на это обращение султан должен был давать татарам «без малейшего затруднения и отговорки благословительную грамоту». Грамота должна была составляться по определенному образцу и султан не должен был менять в ней «ни единого слова» (ст. I, п. 3).

Совершенно ясно, что, несмотря на сделанные оговорки, Турция расширила возможность своего влияния на политическую жизнь Крымского ханства. С другой стороны, — что было очень важно, — она признала ханом Шагин-Гирея и обязалась послать ему благословительную грамоту по установленной форме.

Другой существенной уступкой России было согласие на передачу Турции земли между Днестром и Бугом, которая принадлежала татарам. Для соблюдения внешнего декорума (татары считались «независимыми») в конвенции объявлялось, что Порта «с ханом и правительством крымским условится об уступке ей оных земель, присвоенных им (татарам. — Е. Д.) третьим артикулом мирного трактата», Россия же окажет содействие «к приведению хана и правительства на такую добровольную уступку» (ст. V, п. 1). К этому пункту было сделано дополнение, что Турция отделит часть полученной земли «для составления Очаковского уезда», а остальную землю оставит «под своим владением впусе без всяких населений и заведений, какого бы существа оные ни были, выключая деревни и селения, кои ныне там находятся и которых именную роспись... Блистательная Порта выдаст Российскому императорскому двору (ст. V, п. 2). Эта оговорка диктовалась стратегическими интересами России, которая стремилась лишить Турцию возможности использовать приобретенную землю в качестве военного плацдарма.

В той же V статье был пункт 3-й, касавшийся запорожских казаков. Турция обещала перевести запорожских казаков, которые бежали в Турцию, на правый берег Дуная «и поселить внутри турецких областей столь далеко, сколь возможно будет от Черного моря» (ст. V, п. 4). Значение этой статьи определялось уже не стратегическими, а социальными соображениями. Русское правительство понимало, что поселение запорожцев на пограничной с Россией территории Турции создало бы

притягательный центр для беглых крестьян и для всех недовольных элементов крепостнической России.

Статья VII Айналы-Кавакской конвенции касалась Молдавии и Валахии. В ней были повторены и подтверждены все пункты Кючук-Кайнарджийского договора о Дунайских княжествах с конкретизацией некоторых моментов. Так, был уточнен вопрос о возвращении монастырям и частным лицам земель, конфискованных Портой. Кроме того, Турция обязалась «возобновить и хранить свято силу данных сим обоим княжествам для народного успокоения и безопасности от ныне царствующего султана первых хатти-шерифов» (ст. VII, п. 4). Тем самым султанские хатти-шерифы 1774 г. приобретали подтверждающую силу.

В отношении греков Мореи, земли которых также подлежали возврату в силу Кючук-Кайнарджийского договора, в конвенции говорилось, что некоторые из них «после конфискации причислены были к мечетям, вакуфам и другим духовным фундациям». Вместо этих земель, которые уже не могли быть возвращены, владельцы должны были получить денежную или иную компенсацию (ст. VIII).

Эти уточнения статей Кючук-Кайнарджийского договора, касавшихся прав подвластных Турции народов, свидетельствовали о том, что их реализация уже стала фактом.

Наконец, статья VI о торговле и судоходстве подтверждала статью XI Кючук-Кайнарджийского договора. В то же время она конкретизировала вопрос о тоннаже торговых судов, плавающих по Черному морю, и объявляла о согласии обеих сторон заключить особую конвенцию о торговле «на основании и сходственно с существительным содержанием французских и аглинских капитуляций, свойственно существу российской торговли» (ст. VI). Такая конвенция была подписана в 1783 г.

Заключение Айналы-Кавакской конвенции не означало прекращения борьбы за Крым. Больше того — борьба не кончилась даже с включением Крыма в состав России, ликвидировавшим пресловутую «независимость» крымских татар. Объявление Турцией новой войны России в 1787 г. было вызвано более всего стремлением восстановить прежнее владычество над Крымом. Но в истории Кючук-Кайнарджийского мира Айналы-Кавакская конвенция была последним, завершающим этапом: ценой отдельных уступок Россия добилась подтверждения основных статей Кючук-Кайнарджийского договора.

¹ Магзар (по—турецки: mahzar) — всенародное прошение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Программа русской внешней политики в отношении Турции и Крыма, разработанная в период 1760—1770 гг., была в основном реализована. Черное море и проливы были открыты для русского торгового судоходства. На русское купечество были распространены все права и привилегии, которыми пользовались в Турции представители наиболее благоприятствуемых держав. Перед русской внешней торговлей раскрылись новые, широкие перспективы. Для того чтобы производить торговлю со странами средиземноморского бассейна, русским купцам не нужно было совершать длительного путешествия вокруг всей Европы или вверять свои грузы малоопытным турецким шкиперам: они могли теперь плавать по Черному морю на судах своей страны. Важнейшие реки Дон и Днепр становились каналами для сплава сельскохозяйственных и промышленных товаров.

Однако военные корабли России не получили права проходить через Босфор и Дарданеллы; поэтому проблема черноморских проливов не могла считаться разрешенной.

По Кючук-Кайнарджийскому договору в состав России была включена территория между Бугом и Днепром, а также крепости Керчь, Еникале и Кинбурн. Были подтверждены древние права России на территорию Кабарды, вступившей в русское подданство еще в середине XVI века. Азов и приазовские земли, завоеванные еще при Петре I, были окончательно закреплены за Россией.

Крымское ханство отделялось от Османской империи и провозглашалось независимым. Правда, в мирном договоре признавалась духовная зависимость крымских татар от турецкого султана-халифа, что давало возможность туркам вмешиваться во внутренние дела Крыма. Тем не менее южнорусские границы стали значительно более прочными. Это обстоятельство оказало

могучее влияние на хозяйственную жизнь южных степей, которые стали доступны для заселения и обработки.

Договор 1774 г. способствовал росту международного веса и значения России. В подтверждение можно указать на Тешенский мир 13 мая (н. с.) 1779 г., заключенный под диктовку русской дипломатии и закрепивший влияние России в Германской империи. Другим свидетельством возросшего авторитета Российского государства явилась декларация о «вооруженном нейтралитете» от 28 февраля (н. с.) 1780 г. Россия выступила против гегемонии Англии на морях и выдвинула новые международные принципы в целях охраны прав морского нейтралитета.

В 1783 г. русское правительство, воспользовавшись благоприятной внешнеполитической обстановкой, сослалось на факты явного нарушения Турцией Кючук-Кайнарджийского договора (сбывание населения Тамани турецкими подданными и др.) и заявило, что возвращает себе права победителя в прошедшую войну и включает территорию Крыма в состав России. Это было событием большой исторической важности¹. Только теперь Россия могла использовать до конца все те преимущества, которые были получены ею в результате победоносной войны 1768—1774 гг. Крымский полуостров — в прошлом плацдарм Турции для нападения на Россию — теперь превращался в важную стратегическую позицию Российского государства. Включение Крыма в состав России имело большое значение не только для русского народа, но и народа украинского, в течение столетий подвергавшегося нападениям со стороны Османской Порты и татарского ханства. Уже в 1783 г. на месте татарской деревни Ахтиар начал строиться военный порт Севастополь, ставший главной базой Черноморского флота. Теперь, когда южная граница страны проходила по морю и защищалась военным флотом, освоение земель Причерноморья русским и украинским народами пошло более быстрыми темпами. Южные степи вскоре сделались органической частью страны. Здесь развернулась большая строительная и культурная работа. На территории Украины выросли новые города — Херсон, Екатеринослав, Николаев, Одесса и другие. К середине XIX в. Одесса заняла первое место по вывозу хлеба среди портов Европы. В общий поток развития был вовлечен и Крым. Отошли в прошлое рабовладение и работорговля. Кочевники стали переходить к оседлому быту, осваивая новые формы хозяйственной деятельности. Именно эти явления имел в виду

¹ Прогрессивное значение включения Крыма в состав России было подчеркнуто на состоявшейся летом 1952 г. в Симферополе сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР. См. «Правду» от 4 июня 1952 г.

Ф. Энгельс, когда писал, что «господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»¹

Оценивая исторические последствия Кючук-Кайнарджийского мира для России, необходимо рассматривать их с двух точек зрения. Несомненно, что после 1774 г. в Российской империи произошло распространение феодализма вширь, на новые земли. Это в известной мере укрепляло феодальный строй, и, следовательно, замедляло капиталистические процессы. «Само собою разумеется, что *такое* замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем»². Эти слова В. И. Ленина, сказанные по поводу заселения и хозяйственного освоения окраин России в более поздний период, могут быть применены и к последней трети XVIII в., когда уже наметилось несоответствие феодальных производственных отношений развивающимся производительным силам. Расширение производства помещичьего хлеба и других продуктов для вывоза на внешние рынки должно было повлечь за собой усиление помещичьего гнета, т. е. развитие феодализма вглубь. С другой стороны, — и в этом диалектика исторического процесса — рост внешней торговли, разлагая натуральное хозяйство и способствуя применению наемного труда (особенно в сельском хозяйстве юга), не мог не содействовать более быстрому развитию капиталистических отношений, что было прогрессом в условиях феодально-крепостнической системы. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»³, — писал В. И. Ленин.

Многочисленные статьи мирного договора о подвластных Турции народах создавали точку опоры для более успешного разрешения ближневосточного вопроса в интересах России. Но здесь необходимо иметь в виду и другую сторону: объективно эти статьи помогали угнетенным народам Турции бороться за свое освобождение, способствовали росту их национального самосознания. Под давлением русской дипломатии Порты неоднократно (например, в 1774, 1802 гг.) издавала хатти-шерифы, облегчавшие положение молдаван, румын, славян, населявших Дунайские княжества. Россия постоянно требовала от Порты не только выполнения постановлений Кючук-Кайнарджийского договора, но и расширения прав народов, стонавших под игом турецких ассимиляторов. Можно указать на Бухарестский до-

говор 1812 г., Аккерманскую конвенцию 1826 г., Адрианопольский трактат 1829 г. и др. Все эти акты, наряду с Кючук-Кайнарджийским договором, постепенно готовили отрыв от системы Турецкой империи грузин, молдаван, сербов, румын и других народов.

Этим не исчерпывалось крупное международное значение Кючук-Кайнарджийского договора. Последовавшее за его заключением развитие черноморской торговли способствовало расширению экономических связей между Восточной и Западной Европой, а также между Европой и странами Ближнего Востока. Таким образом, прогрессивное значение Кючук-Кайнарджийского мира выходит далеко за рамки истории народов СССР.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

³ Там же, стр. 158.

**ПРОЕКТ МИРНОГО ДОГОВОРА,
ПРЕДЛОЖЕННЫЙ РУССКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
ВО ВРЕМЯ БУХАРЕСТСКОГО КОНГРЕССА¹**

(29 октября 1772 г.—9 марта 1773 г.)

1. Статьи, согласованные и подписанные Обресковым и Абдур-Резаком во время Бухарестского конгресса (№№ 1—10) и вошедшие полностью в Кючук-Кайнарджийский договор.

Артикул 1². Отныне и навсегда да пресекаются и уничтожаются всякие неприятельские действия и вражда, между обоими странами происшедшие, и предаются вечному забвению всякие неприятельские действия и противности, оружием или другим подобием с одной или другой стороны предвосприятые, учиненные и произведенные; и никоим образом отсюда оным да не учинится; но вопреки, вместо того, да содержится вечный постоянный и ненарушимый мир на сухом пути и на море. Равномерно же да сохранится искреннее согласие, ненарушимая, вечная дружба и наилучнейшее исполнение и содержание сих артикулов и соединение постановленных между обоими сими высоко контрактующими странами, ее императорским величеством³ и его салтанским величеством и их наследниками и потомками. Также и между империями, владениями, землями и подданными и обывателями обеих сторон; и так, что впредь с обеих сторон един противу другого да не воздвигнет ни тайным, ни явным образом какого либо неприятельского действия или противности, а вследствие возобновляемой толь искренней дружбы дозволяют обе стороны взаимную амнистию и общее прощение всем тем подданным без всякого отличия, каким бы то образом ни было, которые сделали какое либо против одной или другой стороны преступление, освобождая на галерах или в темницах находящихся, позволяя возвратиться как изгнанным, так и ссылочным и обещая после мира возвратить оным все чести и имения, коими они прежде пользовались, не делая и не допуская прочих делать им какие либо ненаказуемые ругательства, убытки или обиды под каким бы претекстом то ни было; но чтоб каждый из них мог жить под охранением и покровительством законов и обычаев земли их равным образом с своими соотчичами.

Арт. 24. В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости: Богдидик, Кутатис и Шегербань, российским оружием завоеванные, будут Россиею признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так что ежели подлинно оные города издревле или с давнего

времени были под владением Блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими; а по размене настоящего трактата, во условленное время, российские войски выйдут из помянутых провинций Грузии и Мингрелии. Блистательная же Порта с своей стороны обязывается, в сходственность с содержанием первого артикула, дозволить совершенную амнистию всем тем, которые в том краю в течение настоящей войны каким ни есть образом ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать данн отроками и отроковицами и всякаго рода других податей. Обязывается не почитать между ими никого за своих подданных, кроме тех, которые издревле ей принадлежали. Все замки и укрепленные места, бывшие у грузинцев и мингрельцев во владении, оставить паки под собственною их стражею и правлением, так, как и не притеснять никоим образом веру, монастыри и церкви и не препятствовать поправлению старых, созидаению новых; и да не будут притесняемы какими либо требованиями от губернатора чидирского и от прочих начальников и офицеров, к лишению их имений. Но как помянутые народы находятся подданными Блистательной Порты, то Российская империя не имеет совсем впредь в оные вмешиваться, ниже притеснять их.

Арт. 3¹. Обе Кабарды, то-есть Большая и Малая, по соседству с татарами большую связь имеют с ханами крымскими, для чего принадлежность их императорскому Российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымскаго с советом его и с старшинами татарскими.

Арт. 4.² Если по заключении сего трактата и по размене ратификаций некоторые из подданных обеих империй, учиня какое либо тяжкое преступление, преслушание, или измену, захотят укрыться или прибегнут к одной из двух сторон, таковые ни под каким претекстом не должны быть приняты, ниже охранены; но непосредственно должны быть возвращены, или по крайней мере выгнаны из области той державы, в коей они укрылись; дабы от подобных зловердников не могла причиниться или родиться какая либо остуда или излишние между двумя империями споры; исключая только тех, кои в Российской империи приняли христианской закон, а в Оттоманской империи приняли закон магометанской. Равным образом, естли некоторые из подданных обеих империй, как христиане, так и магометане, учиня какое либо преступление или иное что, по какой бы то причине ни было, из одной империи прибегнут в другую, таковые, когда будут требованы, непосредственно должны быть возвращены.

Арт. 5³. Естли кто нибудь из находящихся в действительной службе министра Российской империи, во время его при Блистательной Порте пребывания, учиня какую-либо покражу, важное преступление или непристойное и наказание заслуживающее дело, для избежания помянутого наказания захочет сделаться турком, таковой хотя и не должен быть отвергнут; однако, по учинении ему достойного наказания, должно в целости возвратить покраденные вещи, сходственно с объявлением министра, а потом уже принять его в закон магометанской. Таковые же, которые захотят сделаться магометанами в пьянстве, не должны быть в магометанской закон приняты, разве по прошествии его пьянства, и когда память его придет в естественное свое состояние; но и тогда

¹ Соответствует статье 21-й Кючук-Кайнарджийского договора.

² Следующие четыре статьи (4, 5, 6, 7) были подписаны Обресковым и Абдур-Резаком 31 декабря 1772 г. на 18-й конференции Бухарестского конгресса. Статья 4-я соответствует статье 2-й Кючук-Кайнарджийского договора.

³ Соответствует статье 6-й Кючук-Кайнарджийского договора, в которой опущены слова «а потом уже принять его в закон магометанской».

¹ Публикуется впервые.

² Эта статья (так же как статьи 2 и 3) была подписана 27 декабря 1772 г. во время 17-й конференции Бухарестского конгресса и впоследствии вошла под тем же номером в Кючук-Кайнарджийский договор.

³ В Кючук-Кайнарджийском договоре: «ее всепресветлейшим императорским величеством».

⁴ Соответствует статье 23-й Кючук-Кайнарджийского договора.

последнее его признание должно сделано быть в присутствии присланного от министра переводчика и нескольких беспристрастных мусульманов.

Арт. 6¹. Как духовным, так и светским Российской империи подданным да позволено свободно посещать святой град Ерусалим и другие места, посещения достойные; и от подобных странствующих и путешественников да не будет требован ни в Ерусалиме, ни в других местах, ниже на пути, от кого бы то ни было, никакой гарач, подать, дань или другие какие налоги; но сверх того да будут они снабжаемы надлежащими пашпортами и указами, которые прочих дружеских держав подданным даются. Во время же пребывания их в Оттоманской империи, да не будет учинено им ни малейшей обиды, ниже оскорбления; но да будут они со всею строгостию законов защищаемы.

Арт. 7². По заключении сего блаженного мира и по возобновлении соседственной искренней дружбы, Российской императорской двор будет всегда при Блистательной Порте иметь второго ранга министра, то есть: посланника или полномочного министра, Блистательная же Порта употребит в рассуждении его характера все то внимание и уважение, которые наблюдаются к министрам отличнейших держав. И во всех публичных функциях помянутой министр должен следовать беспосредственно за цесарским министром, если он в равном с ним характере; когда же будет другого, то есть большего или меньшего, тогда непосредственно должен он следовать за голландским послом, а в небытность оного за венецианским.

Арт. 8³. Переводчики, служащие при российских министрах, в Константинополе находящихся, какой бы нации они ни были, поелику суть люди, в государственных делах упражняющиеся, следственно и обоим империям служащие, должны быть уважаемы и трактуемы со всякою благосклонностию, в налагаемых же на них от начальников их делах не должны они быть ответчиками.

Арт. 9⁴. С естественным всякой державы правом сходствует делать в собственных землях своих таковые распоряжения, каковые за благопристойные оными найдутся. Вследствие чего предоставляется взаимно обоим империям полная и беспредельная вольность строить вновь в областях и границах своих, в таковых местах, каковые найдутся удобными, всякого рода крепости, города, жилища, зданию и селению; равно как починять или поновлять старые крепости, города, жилища и прочее.

Арт. 10⁵. Все военнопленные и невольники мужеского или женского рода, каково бы достоинства или степени ни нашлись в обеих империях, исключая тех, кои из магометаня в империи Российской добровольно приняли закон христианской, а христиане в Оттоманской империи добровольно приняли закон магометанской, по размене ратификаций сего трактата, беспосредственно и без всякого претекста взаимно должны быть освобождены, возвращены и препоручены без всякого выкупа или платежа; так, как и все прочие в неволю попавшиеся христиане, то

¹ Соответствует статье 8-й Кючук-Кайнарджийского договора.

² Соответствует статье 5-й Кючук-Кайнарджийского договора.

³ Статьи: 8, 9, 10 были подписаны 4 января 1772 г. (между 19-й и 20-й конференциями Бухарестского конгресса). Статья 8-я соответствует статье 9-й Кючук-Кайнарджийского договора (с незначительным редакционным изменением).

⁴ Соответствует статье 4-й Кючук-Кайнарджийского договора.

⁵ Соответствует статье 25-й Кючук-Кайнарджийского договора, в которой в конце добавлено: «что самое чинить обещает взаимно и Российская империя против Оттоманской империи и ее подданных».

есть поляки, молдавы, волохи, пелопонесцы, островские жители и грузинцы, все без малейшего изъятия, равномерно ж без выкупа или платежа должны быть освобождены. Равным же образом должны быть возвращены и препоручены те российские подданные, которые, по какому либо случаю по заключении сего блаженного мира попали бы в неволю и нашлись в Оттоманской империи.

II. Статьи, предложенные Обресковым на Бухарестском конгрессе, но не подписанные турецкой стороной (№№ 11—27). Впоследствии с разными изменениями вошли в Кючук-Кайнарджийский договор¹.

Арт. 11². Город Азов с уездом его и с рубежами, показанными в инструментах, учиненных в 1700 году, то есть в 1113, между губернатором Толстым и ачугским губернатором Гассаном пашою, вечно Российской империи принадлежать имеет.

Арт. 12³. Все татарские народы: крымские, буджакские, кубанские, едисанцы, жамбойлуки и едичкули, от обеих высочайших империй признаются вольными и совершенно не зависимыми от всякой посторонней власти; но пребывающими под самодержавною властью собственного их хана чингисханской крови, обществом их избранного и возведенного, которой да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчету никакой посторонней державе; и для того ни Российской двор, ни Оттоманская империя не должны и не могут вмешиваться или вступаться⁴ как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела под каким бы претекстом то ни было, ни директно, ни индиректно; ниже возмущать тишину их и порядок, которой они сами для вящей их выгоды и спокойствия между собою восстановить за благо рассудили; но признавать и почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском их состоянии, по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих и ни от кого, кроме единого бога, не зависящих; исключая, когда по смерти нынешнего хана или когда татарские народы с общего согласия захотят его свергнуть и вместо его избрать и возвестить другого хана, равномерно чингисханского поколения (ибо никакое другое, кроме сего, сим достоинством пользоваться не может), по выборе и возведении нового хана, как все татарское общество, так и новоизбранной хан, имеют о сем вступлении письменно известить ее императорскому величеству всероссийской, ярко соседственной приятельнице и вечной в настоящей их вольности и независимости ручательнице; а его султанову величеству, яко слугителю двух священных мест, понтифу мусульманов, императору и главе всех князей оттоманского поколения. По сем обещании помянутые два славные монархи без отлагательства и без прециния, или без малейшего затруднения, да удостоят новоизбранного и возведенного хана императорскими своими поздравительными грамотами, как то употребляется в подобных обстоятельствах со всеми вольными и независимыми державами. Но как татарская нация исповедует закон магометанской, которого заповеди будто гласят, что два начальника не могут быть вместе, не истребя один другого, то Российской императорской двор соглашается, чтоб татары

¹ Места, претерпевшие изменения, отмечены курсивом (Е. Д.).

² Соответствует статье 20-й Кючук-Кайнарджийского договора.

³ Начало соответствует статье 3-й Кючук-Кайнарджийского договора. Отмеченные курсивом слова отсутствуют в Кючук-Кайнарджийском договоре.

⁴ В Кючук-Кайнарджийском договоре выражено иначе: «не имеют вступаться».

з священной особе его султана величества, яко калифа, начальника всех князей мусульманских и двух священных мест защитника, признавали всю духовную власть, а Блистательная Порта признает помянутой двор вечным ручателем настоящей татар вольности и независимости. Российской же двор вследствие помянутой духовной власти и независимости, в силу заповедей магометанского закона его султану величеству приписываемой, не противится тому, чтоб татара по пятницам и праздничным дням молили бога о священной его особе, яко главе всех мусульманских князей, калифа и двух священных мест защитника. А как и правосудие основано на заповедях магометанского закона, то Российской императорской двор равномерно ж нимало не сопротивляется требованию природных татарских судей от кадилескера Блистательной Порты законного мураселе, или дозволения. Блистательная же Порта обязывается, чтоб помянутые мураселе даваны были всегда без отлагательства, без малейшего затруднения и без всякого платежа. Сверх же сего татара ничем иным не обязаны, кроме: 1) Пристойного от стороны хана и всего татарского общества обоим империям обещения о выборе и возведении хана. 2) Признания Российской императорского двора вечным настоящей их вольности и независимости ручателем. 3) Вышней духовной власти его салтанова величества яко калифа, начальника всех князей мусульманских и двух священных мест защитника. 4) Молений по пятницам и праздничным дням за священную его особу, яко за начальника всех князей мусульманских, калифа и двух священных мест защитника и 5) чтоб национальные судии требовали законное мураселе от мусульманских законодателей. Исключая же все оное, должны они остаться вольными и независимыми. А обе империи наоточнейше и торжественно обещаются не оскорблять их и не беспокоить в их владениях ни директно, ни индиректно, каким бы то образом ни было; ниже терпеть, а тем более позволять, чтобы кто-нибудь, от оных зависящей, нарушил или возмутил их спокойствие.

Арт. 13¹. Обе контрактующие империи торжественно и навсегда отказываются от всякого права присвоения или господствования над помянутыми татарскими народами сходственно с объяснением, в 12-м артикуле учиненном: уступают с общего согласия помянутым татарским народам, управляемым самодержавным, ни от кого не зависящим и с общего согласия избранным чингисского поколения ханом, Крымской полуостров со всеми крепостями, городами, пристанями (выключая Яникале и Керчу с их пристанями и уездами, которые Российская империя за собою учреждает), слободами, солеными озерами и селениями и со всем тем, что она земля в себе содержит; так же, как все пространство земли, на Кубане между Черным и Азовским морями и российской границею находящееся; так, как они прежде настоящей войны владели; включительно остров Таман со всеми оного крепостями, городами, пристанями, слободами, деревнями, селениями и всем прочим, что в себе она земля содержит; равно как и пространство земли, окруженное реками Бердою, заливом Конские воды, Днепром и Черным морем со всем тем, что оное же пространство земли в себе содержит.

Арт. 14². Блистательная Порта уступает Российской империи Яникале и Керчу с их пристанями и уездами, начиная от Черного моря и следуя древней керченской границе до урочища, Бугак называемого; а от Бугака по прямой линии к Северу даже до Азовского моря. Россий-

¹ Составляет часть статьи 3-й Кючук-Кайнарджийского договора в несколько измененной редакции.

² Начало статьи 14-й составляет содержание статьи 19-й Кючук-Кайнарджийского договора. Отмеченные курсивом слова в Кючук-Кайнарджийском договоре отсутствуют.

ская же империя соглашается, чтоб Блистательная Порта построила крепость на острове, находящемся между островом Таманом и Крымским берегом против мыса, Акбурун называемого.

Арт. 15³. В силу естественного и вообще всех наций права, мореплавание для всякого рода судов, принадлежащих двум контрактующим империям, имеет быть вольное и беспрепятственное во всех морях, их земли окружающих; и Блистательная Порта позволяет всякого рода российским судам⁴ свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное; так, как и приставать ко всем гаваням и пристаням, на берегах морей и в проездах или каналах, оные моря соединяющих, находящихся. В нещастиях же, с ними случиться могущих, имеет она подавать им все те вспоможения, которые всем прочим дружественным народам в подобных случаях подаются; а нужные вещи будут им доставляемы за обыкновенную цену.

Арт. 16³. Коммерция, будучи истинный плод мира и полезный для всех государств и для подданных их, служит и к приращению дружбы и доброго согласия, чего ради Российская империя позволяет подданным Блистательной Порты в областях своих коммерцию как на море, так и на сухом пути, с теми же преимуществами и выгодами, каковыми пользуются прочие народы, в наибольшей дружбе с нею находящиеся, с платежом обыкновенных пошлин. Равномерно ж и Блистательная Порта позволяет в областях своих подданным Российской империи иметь коммерцию как на сухом пути, так и на морях, сходственно с объясненным в 15-м артикуле, так, как и в реке Дунае, на судах всякого рода с теми же преимуществами и выгодами, каковыми во владениях ее пользуются прочие народы, в наибольшей дружбе с нею находящиеся: как то французы и англичане; и капитуляции сих двух наций и прочих, яко бы слово до слова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов российских, кои, плата с ними равные пошлины, могут привозить и отвозить все те товары, которые помянутым нациям позволены, и приставать ко всем пристаням и гаваням как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и константинопольские.

Арт. 17⁴. Обе империи, позволяя взаимным подданным в областях своих коммерцию тем образом, как в помянутом 16-м артикуле объяснено, позволяют тут же купцам пребывать в областях своих столько времени, сколько интересы их востребуют, и обещают им ту же безопасность и свободу, каковыми прочие дружеских держав подданные пользуются. А дабы во всем наблюдаем был доброй порядок, равным образом Блистательная Порта позволяет иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут надобными, назначить за благо рассудит, которые будут почитаемы и уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав консулами. Дозволяет им также иметь при себе переводчиков, называемых баратлы, то есть патентованных, снабдя оных императорскими патентами, и кото-

¹ Нижеследующее в измененном виде вошло в статью 11-ю Кючук-Кайнарджийского договора, составив часть этой статьи.

² В Кючук-Кайнарджийском договоре вместо этого говорится: «таким точно купеческим российским кораблям, каковы другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют», т. е. военные суда исключаются.

³ Нижеследующее вошло в качестве составной части в статью 11-ю Кючук-Кайнарджийского договора с несущественными редакционными изменениями.

⁴ Нижеследующее вошло в качестве составной части в статью 11-ю Кючук-Кайнарджийского договора, за исключением отмеченных курсивом мест.

рые равным] образом будут пользоваться теми же преимуществами, коими пользуются находящиеся в службе помянутых французской и английской и других наций.

Арт. 18. Российская империя возвращает образом, изъясненным в сепаратном артикуле, Блистательной Порте всю Бессарабию с городами Акерманом, Килиею, Измаилом и прочими с слободами, деревнями и всем тем, что она провинция в себе содержит. Равномерно возвращает ей крепость Бендеры¹. А Блистательная Порта уступает Российской империи замок Кильбурн с пристойным уездом и округом²; так, как и пространство земли, между границами Российской империи и реками Бугом и Днестром находящееся; *раззорит совершенно Очаков; землю же оного, так, как и все пространство земли, от Черного моря между реками Днестром, Бугом и Днестром даже до грании Польши простирающееся, признает между двумя империями барьерою; так что границу Российской империи будет река Буг; а границу Блистательной Порты река Днестр по самое оной в Черное море втечение. В помянутой барьере подданные обеих империй могут однако ж природными земными произраращениями пользоваться, то-есть: иметь свои паствы, сенокосы, звериную и рыбную ловлю как в реках, так и в море, оной берег омывающем. А рыболовы на берегах могут иметь свои шалаши и оставаться в них столько времени, сколько промысел их оного требует. Но ни одной, ни другой стороны подданные не могут в пространстве оной барьерной земли воздвигать какое либо строение или делать непременно для себя жилище³.*

Арт. 19⁴. Российская империя возвращает Блистательной Порте все Архипелагские острова, под ея зависимость находящиеся; а Блистательная Порта с стороны своей обещает: 1. Наблюдать свято, в рассуждении жителей оных островов, кондиции, в первом артикуле постановленной, касательно общей амнистии и совершенного забвения всякого рода преступлений, учиненных или подозреваемых быть оными учиненные в предосуждение интересам Блистательной Порты. 2. Что христианский закон не будет подвержен ни малейшему притеснению так, как и церкви оного; ниже будет препятствовано к перестроиванию или поправлению оных; люди же, в них служащие, равным образом не имеют быть оскорбляемы, ниже притесняемы. 3. Что не будет от них требован платеж никакой подати, ежегодно ими платимой, со времени, как они находятся под зависимость Российской империи, по причине великого их претерпения в продолжение настоящей войны, впредь на два года, считая со времени возвращения оных островов ей Блистательной Порте. 4. Фамилиям, желающим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободной выезд со всем их имением; а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел их, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размены настоящего трактата и 5. В случае, когда российской флот при самом его отъезде, что имеет учинено быть в три месяца, считая со дня размены настоящего трактата, будет иметь в чем нужду,

¹ Первые 5 строк этого пункта составили начало статьи 16-й Кючук-Кайнарджийского договора.

² Уступка Турцией Кинбурна и территории между Бугом и Днестром в Кючук-Кайнарджийском договоре выделена в особую статью — 18-ю.

³ По Кючук-Кайнарджийскому договору «крепость Очаков с ее старым уездом... попрежнему за Блистательною Портою остается» (ст. 3). Территория между реками Днестром, Бугом и Днестром в силу той же статьи не делалась «барьерою» а передавалась татарам.

⁴ Соответствует статье 17-й Кючук-Кайнарджийского договора.

Блистательная Порта обещает снабдить его всем тем, чем ей возможно будет.

Арт. 20¹. Российская империя равномерно возвращает Блистательной Порте оба княжества, Волоское и Молдавское, со всеми крепостями, городами, слободами, деревнями и всем тем, что в оных находится; а Блистательная Порта приемлет оные на следующих кондициях, с торжественным обещанием свято наблюдать оные: 1. Наблюдать в рассуждении всех жителей сих княжеств, какого бы достоинства, степени, состояния, звания и рода они ни были, без малейшего исключения, полную амнистию и вечное забвение, постановленные в первом сего трактата артикуле, против всех тех, кои действительно преступили или подозреваемы в намерении вредствовать интересам Блистательной Порты, восстановя оных в прежние их достоинства, чины и владении и возвратя им имении, коими они прежде настоящей войны пользовались. 2. Не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию христианского закона, совершенно свободному, так, как созидающую церквей новых и поправлению старых, как то прежде сего уже было. 3. Возвратить монастырям и прочим партикулярным людям земли и владении, прежде сего им принадлежавшие, и которые потом против всей справедливости были у них отняты около Браилова, Хотина, Бендер и проч., и ныне раями называемые. 4. Признавать и почитать духовенство с должным оному чину отличием. 5. Фамилиям, желающим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободной выезд со всем их имением, *о которых при размене сего трактата будет сочинена точная запись²*, а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел их, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размены настоящего трактата. 6. Не требовать, или не взыскивать никакой денежной или другой суммы за старые счета, какого бы существа они ни были. 7. Не требовать от них никакой контрибуции или платежа за все военное время; а за многие их страдания и разорении, в течение сей войны ими претерпенные, и еще впредь на два года, считая со дня размены сего трактата. 8. По истечении помянутого времени обещает наблюдать всякое человеколюбие и великодушие в положении на них подати, состоящей в деньгах, и получать оную *тем же самым образом, как платит оную Рагузская республика, то-есть: всякие три года³* посредством присылаемых депутатов; при таком их наложенной на них подати точном платеже никто из пашей, из губернаторов, или какая бы то ни была особа не имеют притеснять их или требовать от них какого либо платежа или других налогов под каким бы именованьем или претекстом то ни было; но дозволить им пользоваться теми выгодами, коими пользовались они во время царствования достойной памяти султана Мегмета Четвертого, любезного родителя его султана величества. 9. Позволяет князьям сих двух княжеств каждому с своей стороны иметь при Блистательной Порте *вместо капы-кегала, то есть стряпчего, национального консула, как то позволено Рагузской республике, которые консулы⁴* будут бдеть о делах, до помянутых княжеств касающихся, и будут Блистательную Портою благосклонно трактованы и в малости их почитаемы

¹ Соответствует статье 16-й Кючук-Кайнарджийского договора с рядом изменений, указанных в последующих примечаниях.

² Отмеченные курсивом слова отсутствуют в Кючук-Кайнарджийском договоре.

³ Вместо этого в Кючук-Кайнарджийском договоре сказано: «и получать оную (подать) посредством приемлемых депутатов всякие два года».

⁴ Вместо отмеченных курсивом слов в Кючук-Кайнарджийском договоре сказано: «иметь при Блистательной Порте поверенного в делах из христиан греческого закона».

однако ж людьми, народным правом пользующимися, то есть никакому насилью не подверженным. 10. *Господаря Григория Александра Гику Дескарлата, за оказанные им Блистательной Порте, по примеру предков его, многие и знаменитые заслуги, за многие его во время настоящей войны претерпении и за потеряние почти всего того, что он имел, в награждение восстанавливает она его господарем княжества Молдавского на всю его жизнь, с торжественным обещанием ни под каким претекстом не свергать его и ниже каким образом оскорблять или притеснять его, но довольствоваться единственно податью, имеющею быть княжеству сему определенной, сходственно с объяснением, в 8-м параграфе учиненным*¹. 11. Соглашается также, чтоб по обстоятельствам обоих сих княжеств министры Российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные с сходственным к дружеским и почтительным державам уважением.

Арт. 21². По тому образу, каковым будут определены границы двух контрактующих империй и которой объяснен в 18-м артикуле, то есть отведенные великим пространством барьерной земли, хотя и есть причина полагать, что взаимные подданные не будут иметь более случая к важным между собою распрям и раздорам; со всем тем, на всякой нечаянной случай, для избежания всего того, что бы могло произвесть некоторую остуду или причинить оскорбление: обе империи соглашаются в том, что всякие подобные случаи должны быть рассматриваемы пограничными губернаторами и комендантами или посредством нарочно назначенных для сего комиссаров, которые, по пристойном рассмотрении, кому надлежит имеют отдать настоящую справедливость без малейшей времени отсрочки, с точным договором, что подобные происшествии никогда не могут служить претекстом к самому малейшему раздражению дружбы и доброго согласия, настоящим трактатом восстановленных.

Арт. 22³. Блистательная Порта обещает употребить священный титул императрицы всероссийской во всех актах и публичных грамотах, так, как и во всех протчих случаях на собственном ее языке, то есть: *Темамен Руссиелерин Падышах*.

Арт. 23⁴. Российскому высочайшему двору, по примеру других держав, позволяется, кроме домашней в доме министра церкви, воздвигнуть в части Галаты, в улице Бей-Оглу называемой, публичную грекороссийского исповедания церковь, которая всегда под протекциею оной империи министров остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет.

Арт. 24⁵. Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного, равным образом дозволяет министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как помянутой церкви, так и служащих оной разным представлениям и обещает принимать оные во уважение, яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно дружественной державы.

Арт. 25⁶. Когда Российской императорской двор похочет сделать коммерческие трактаты с африканскими, то есть Трипольским, Туниским

и Алжирским кантонами, Блистательная Порта обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство помянутого двора намерения и быть в рассуждении вышеперечисленных кантонов ручательницею в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют.

Арт. 26¹. Обе империи согласились вовсе уничтожить и предать вечному забвению все прежде бывшие между ими трактаты и конвенции, включительно Белградский с последующими за ним конвенциями, и никогда никакой претензии на оных не основывать, исключая только в 1700 году между губернатором Толстым и ачугским губернатором Гассаном пашою касательно границ Азовского уезда и учреждения кубанской границы учиненную конвенцию, которая останется непременною так, как она была и прежде.

Арт. 27². Но дабы тем более между обеих империй настоящей мир и истинная дружба заключены и утверждены были, торжественно от обеих сторон будут отправлены чрезвычайные послы в то время, которое с общего обоих дворов согласия назначено будет. Оба послы равным образом встретятся на границах и будут приняты и почтены теми же обрядами и тем же образом, каковые употребляются при взаимных посольствах между наиболее почтительными европейскими с Оттоманскою Портою державами. В знак же дружества, взаимно с оными послами имеют быть посланы подарки, с достоинством их императорских величеств сходственные.

Архив внешней политики России, ф. Сношения с Турцией. IX. Affaires séparées. Congrès de Boukarest. Dépêches. Réception. (1772—73 années)

Д. 1754, лл. 76—77 об. (статьи 1—3),

Д. 1762, лл. 11—12 (статьи 4—7),

Д. 1762, лл. 19—19 об. (статьи 8—10),

Д. 1762, лл. 240—252 (статьи 11—27).

¹ Соответствует статье 22-й Кючук-Кайнарджийского договора.

² Соответствует статье 27-й Кючук-Кайнарджийского договора со следующим дополнением после слов «чрезвычайные послы»: с «подтверждающими заключенный мирный трактат императорскими ратификациями».

¹ Пункт 10-й не вошел в Кючук-Кайнарджийский договор.

² Соответствует статье 15-й Кючук-Кайнарджийского договора, за исключением слов, отмеченных курсивом.

³ Соответствует статье 13-й Кючук-Кайнарджийского договора с редакционным изменением: вместо «на турецком языке» говорится «на собственном ее языке».

⁴ Соответствует статье 14-й Кючук-Кайнарджийского договора.

⁵ Соответствует статье 7-й Кючук-Кайнарджийского договора с незначительным редакционным изменением.

⁶ Дословно [соответствует статье 12-й Кючук-Кайнарджийского договора.

ОТРЫВОК ИЗ РЕЛЯЦИИ А. М. ОБРЕСКОВА
ОТ 15 ДЕКАБРЯ 1772 ГОДА О ВНЕСЕНИИ ИМ
В ПРОЕКТ МИРНОГО ДОГОВОРА НОВЫХ ПУНКТОВ¹

Здесь за долг мой почитаю вашему сиятельству пообъяснить последние четыре параграфа 16-го артикула.

1-ой. Признавая выс. императорского величества двора достоинство интересовавшимся в доставлении в Константинополе живущим христианам единоверным, да и собственным его подданным, тамо для торга живущим, храма божия, в котором они необходимую нужду имеют; ибо во всем околдке Перы ни единой церкви не находится, а в капелу министерскую, по притчине почти непрерывно продолжающегося поветрия, не всегда входить дозволяется; чего ради тамошние жители так предместникам моим, как и мне непрерывно докучали о исходатайствовании им сего богу угодною благоденствия: многжды же представляли готовность их и потребные на воздвижение храма издержки на себя перенять; а как признал я настоящие обстоятельства к тому способными, также и знаю, что другие министры, сверх своих капелей публичные церкви имеют, то и я принял вольность оное требование сделать.

2-ой. Некоторое ее императорского величества министров, в Константинополе быть имеющих, христианам и церквам покровительством предложил я в умеренных терминах, воображая себе, что точное требование оного дозволения не можно утверждать на каком-либо праве, и предвидя, что оное Порту шокировать могло бы.

3-й. Зная многим искусством, что в турецкой земле титулатура императора или императрицы столько же мало сведома, как у нас *падышах* — наименование, носящее² султанами, то-есть самой тот же император; зная тако ж, что Порты французских королей с давних лет императорами величала, однако же версальской двор, чувствуя, что сие наименование не имеет в себе в турецком народе, в турецких областях равной консидарации, имеющей к падышаху, — за оказанные услуги при Белградском трактате доставил себе оное падышаха наименование; я, по всеподданнейшему моему усердию к ее имп. величеству и желая доставить ту же знатность в турецких областях освященному ее высочайшему достоинству, принял смелость оного наименования потребовать, да и ласкаю себя надеждою в том предупеть.

4-ой. Имея некоторую надежду одержать кораблеплавание так по Черному, как и по другим морям вольное и зная, что без договоров с африканскими кантонами не могут купеческие корабли по Средиземному, Адриатическому морям и при конце Архипелага с безопасностию плавать, в запас на каждой случай за долг мой признал и сие учредить, а для лутчей способности Порту интересовать, ведая, что она сие сделала другим державам...

Архив внешней политики России,
ф. Сношения с Турцией, д. 1752, 1772 г., лл. 71—73.

¹ Публикуется впервые.

² т. е. носимое.

КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКИЙ ДОГОВОР
10(21) июля 1774 г.

ПУНКТЫ ВЕЧНОГО ПРИМИРЕНИЯ И ПОКОЯ
МЕЖДУ ИМПЕРИЯМИ ВСЕРОССИЙСКОЮ
И ПОРТОЮ ОТТОМАНСКОЮ,
ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ЛАГЕРЕ ПРИ ДЕРЕВНЕ КЮЧУК-КАЙНАРДЖЕ
В ЧЕТЫРЕХ ЧАСАХ ОТ ГОРОДА СИЛИСТРИИ ¹

Во имя господа всемогущего.

Обеих воюющих сторон империи Всероссийской и Порты Оттоманской государи и самодержцы, имея взаимное желание и склонность к прекращению настоящей между обоюдными государствами их продолжающейся войны и к восстановлению мира чрез уполномочиваемых с обеих сторон поверенных особ, действительно определили и уполномочили к соглашению, постановлению, заключению и подписанию мирного трактата между обоюдными высокими империями: ее величество императрица всероссийская графа Петра Румянцова, генерала фельдмаршала, предводящего армию, малороссийского генерала губернатора, Коллегии Малороссийской президента и орденов св. апостола Андрея, св. Александра Невского и св. Анны кавалера; а его султаново величество верховного Блистательной Порты везира, Муссун-заде Мегмет-пашу. Посему оба главнокомандующие армиями, генерал-фельдмаршал граф Петр Румянцов и верховный везир Муссун-заде Мегмет-паша, следуя предположениям их высоких дворов, употребили о том свои попечения, и от верховного везира со стороны Блистательной Порты присланные 5 числа июля 1774 года в стан генерала фельдмаршала уполномоченные, нишанджи Ресми Ахмед эфендий и Ибраим Мюниб реис-эфендий, с избранным и уполномоченным от упомянутого генерала фельдмаршала князем Николаем Репниным, генералом-поручиком орденов св. Георгия Большого Креста, Александра Невского, польского Белого орла и голстинского св. Анны кавалером, в присутствии его самого, генерала фельдмаршала графа Румянцова, согласили, постановили, заключили, подписали и печатями утвердили для вечного мира между империей Всероссийскою и Портою Оттоманскою нижеследующие артикулы:

¹ Печатается по современной копии, отличающейся от текста, помещенного в Полном собрании законов (т. XIX, № 14164) и др. изданиях:

а) заголовком, который соответствует подлиннику,
б) наличием секретных статей и ратификационных актов П. А. Румянцева,
в) перечнем званий и наград при именах Румянцева и Репнина,
г) орфографией (сохранены некоторые особенности орфографии XVIII в., устаревшие в ПСЗ).

Артикул первый.

Отныне и завсегда да пресекаются и уничтожаются всякие неприятельские действия и вражда, между обоими странами происшедшие, и предаются вечному забвению всякие неприятельские действия и противности, оружием или другим подобием с одной или другой стороны предвосприятые, учиненные и произведенные, и никоим образом отнездя оным да не учинится, но вопреки, вместо того, да содержится вечной, постоянной и ненарушимой мир на сухом пути и на море. Равномерно ж да сохранится искреннее согласие, ненарушимая вечная дружба и наиприлежнейшее исполнение и содержание сих артикулов и соединение постановленных между обменом сими высококонтрактующими странами, ее всепресветлейшим императорским величеством и его султанским величеством и их наследниками и потомками, также и между империями, владениями, землями и подданными, и обывателями обеих сторон; и так, что впредь с обеих сторон един против другого да не воздвигнет ни тайным, ни явным образом какого либо неприятельского действия или противности; а вследствие возобновляемой толь искренней дружбы дозволяют обе стороны взаимную амнистию и общее прощение всем тем подданным без всякого отличия, каким бы то образом то ни было, которые сделали какое либо против одной или другой стороны преступление, освобождая на галерах или в темницах находящихся, позволяя возвратиться как изгнанным, так и ссылочным, и обещая после мира возвратить оным все чести и имения, коими они прежде пользовались, не делая и не допуская протчих делать им какие либо ненаказуемые ругательства, убытки или обиды, под каким бы претекстом то ни было, но чтобы каждой из них мог жить под охранением и покровительством законов и обычаев земли их равным образом с своими соотчичами.

Артикул второй.

Естьли по заключении сего трактата и по размене ратификаций некоторые из подданных обеих империй, учиня какое либо тяжкое преступление, преслушание, или измену, захотят укрыться или прибегнут к одной из двух сторон, таковые ни под каким протекстом не должны быть приняты, ниже охранены, но непосредственно должны быть возвращены или по крайней мере выгнаны из области той державы, в коей они укрылись, дабы от подобных зловердников не могла причиниться или родиться какая либо ограда, или излишние между двумя империями споры, исключая только тех, кои в Российской империи приняли христианской закон, а в Оттоманской империи приняли закон магометанской. Равным образом, естьли некоторые из подданных обеих империй как христиане, так и магометане, учиня какое-либо преступление, или иное что, по какой бы то причине ни было, из одной империи прибегнут в другую, таковые, когда будут требованы, непосредственно должны быть возвращены.

Артикул третий.

Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбулуйки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавною властью собственного их хана Чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, которой да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчету ни в чем никакой посторонней державе; и для того ни Российской двор, ни Оттоманская Порте не имеют вступаться как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но признавать

и почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии, по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого бога, не зависящих. В духовных же обрядах, как единоверные с мусульманами, в рассуждении его султанского величества, яко верховного калифа магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным, без малейшего предосуждения однакож утверждаемой для них политической и гражданской вольности. Российской империя оставит сей татарской нации, кроме крепостей Керчи и Еникауля с их уездами и пристанями, которые Российская империя за собою удерживает, все города, крепости, селения, земли и пристани в Крыму и на Кубане, оружием ее приобретенные; землю, лежащую между реками Бердою, Конскими водами и Днепром, также всю землю до польской границы, лежащую между реками Бугом и Днестром, исключая крепость Очаков с ее старым уездом, которая по-прежнему за Блистательною Портою остается, и обещается по постановлении мирного трактата и по размене оного все свои войски вывести из их владений. А Блистательная Порта взаимно обязывается равномерно отречься от всякого права, какое бы оное быть ни могло, на крепости, города, жилища и на все прочее в Крыму, на Кубане и на острове Тамане лежащее, в них гарнизонов и военных людей своих никаких не иметь, уступя оные области таким образом, как Российской двор уступает, татарам в полное самодержавное и независимое их владение и правление; також наиторжественнейшим образом Блистательная Порта обязывается и обещает и впредь в помянутые города, крепости, земли и жилища гарнизонов своих и всяких, какого бы звания ни были, своих людей военных в оные не вводить и там не содержать, ниже во внутри области сейменов или других военных людей, какого бы звания ни были, иметь, а оставить всех татар в той же полной вольности и независимости, в каковых Российская империя их оставляет.

Артикул четвертый.

С естественным всякой державы правом сходствует делать в собственных землях своих таковые распоряжения, каковые за благопристойные оными найдутся; вследствие чего предоставляется взаимно обмен империям полная и беспредельная вольность строить вновь в областях и границах своих в таковых местах, каковые найдутся удобными, всякого рода крепости, города, жилища, здания и селения, равно как починять или поновлять старые крепости, города, жилища и прочее.

Артикул пятый.

По заключении сего блаженного мира и по возобновлении соседственной искренней дружбы, Российской императорской двор будет всегда при Блистательной Порте иметь второго ранга министра, то есть посланника или полномочного министра, Блистательная же Порта употребит в рассуждении его характера все то внимание и уважение, которые наблюдаются к министрам отличнейших держав, и во всех публичных функциях помянутой министр должен следовать непосредственно за цесарским министром, естьли он в равном с ним характере; когда же другого, то есть: большего или меньшего, тогда непосредственно должен он следовать за голландским послом, а в небытность оного за венецианским.

Артикул шестой.

Естьли ктонибудь из находящихся в действительной службе министра Российской империи, во время его при Блистательной Порте пребывания, учиня какую либо покражу, важное преступление или непристойное и

наказание заслуживающее дело, для избежания помянутого наказания захочет сделаться турком, таковой хотя и не должен быть отвергнут, однако, по учинении ему достойного наказания, должно в целости возвратить покраденные вещи, сходственно с объявлением министра. Таковые же, которые захотят сделаться магометанами в пьянстве, не должны быть в магометанской закон приняты, разве по прощении его пьянства, и когда память его придет в естественное свое состояние; но и тогда последнее его признание должно сделано быть в присутствии присланного от министра переводчика и нескольких беспристрастных мусульманов.

А р т и к у л с е д ь м ы й.

Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного; равным образом позволяет министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в 14-м артикуле церкви, так и служащих оной разные представления, и обещает принимать оные во уважение, яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно-дружественной державы.

А р т и к у л в о с ь м ы й.

Как духовным, так и светским Российской империи подданным да позволятся свободно посещать святой град Иерусалим и другие места; посещения достойные, и от подобных странствующих и путешественников да не будет требован ни в Иерусалиме, ни в других местах, ниже на пути от кого бы то ни было никакой харач, подать, дань, или другие какие налоги, но сверх того да будут они снабжаемы надлежащими паспортами и указами, которые прочих дружеских держав подданным даются. Во время же пребывания их в Оттоманской империи да не будет учинено им ни малейшей обиды, ниже оскорбления, но да будут они со всею строгостию законов защищаемы.

А р т и к у л д е в я т ы й.

Переводчики, служащие при российских министрах, в Константинополе находящихся, какой бы нации они ни были, поелику суть люди, в государственных делах упражняющиеся, следовательно и обем империям служащие, должны быть уважаемы и трактуемы со всякою благосклонностью: в налагаемых же на них от начальников их делах не должны они терпеть.

А р т и к у л д е с я т ы й.

Естьли между подписания сих мирных пунктов и получения о том от главнокомандующих взаимными армиями повеления произойдут где либо каковы действия военные, оные никоторая сторона не примет себе за оскорбление, так, как и самые в том успехи и приобретения уничтожаются, и оными ни одна сторона пользоваться не должна.

А р т и к у л п е р в ы й н а д е с я т ь.

Для выгодностей и пользы обеих империй имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих, и Блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковы другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, так, как и приставать ко всем гаваням и пристаням на берегах морей, и в проездах, или каналах, оные моря соединяющих, находящимся.

Позволяет также Блистательная Порта в областях своих подданным Российской империи иметь коммерцию как на сухом пути, так и на водах кораблеплаванием и в реке Дунае, сходственно вышеизображенному в сем артикуле, с такими ж преимуществами и выгодами, каковыми в владениях ее пользуются прочие народы, в наибольшей дружбе с нею пребывающие, и коим преимущественно в коммерции Блистательная Порта благоприятствует, как то: французы и англичане, и капитуляции сих двух наций и прочих, яко бы слово до слова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов российских, кои плыва с ними равные пошлины, могут привозить и отвозить всякие товары и приставать ко всем пристаням и гаваням как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и константинопольские.

Позволяя выш описанным образом взаимным подданным коммерцию и кораблеплавание на всех водах без изъятия, позволяют тут же обе империи купцам пребывать в областях своих столько времени, сколько интересы их востребуют, и обещают им ту же безопасность и свободу, каковыми прочие дружеских дворов подданные пользуются. А дабы во всем наблюдаем был доброй порядок, равным образом Блистательная Порта позволяет иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут надобными, назначить за благо рассудит, которые будут почитаемы и уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав консулами. Дозволяет им также иметь при себе переводчиков, называемых баратлы, то-есть: патентованных, снабдя оных императорскими патентами, и которые равным образом будут пользоваться теми же преимуществами, коими пользуются находящиеся в службе помянутых французской и аглинской и других наций.

Российская империя позволяет также подданным Блистательной Порты в областях своих коммерцию как на море, так и на сухом пути с теми же преимуществами и выгодами, каковыми пользуются народы, в наибольшей дружбе с нею находящиеся, с платежом обыкновенных пошлин. В несчастиях же, могущих случиться судам, имеют обе империи взаимно подавать им все те вспоможения, которые всем прочим дружественным народам в подобных случаях подаются, а нужные вещи будут им доставляемы за обыкновенную цену.

А р т и к у л в т о р ы й н а д е с я т ь.

Когда Российской императорской двор похочет сделать коммерческие трактаты с африканскими, то-есть: Трипольским, Туниским и Алжирским кантонами, Блистательная Порта обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство помянутого двора намерения и быть в рассуждении вышереченных кантонов ручательницею в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют.

А р т и к у л т р е т ы й н а д е с я т ь.

Блистательная Порта обещает употреблять священной титул императрицы всероссийской во всех актах и публичных грамотах, так, как и во всех прочих случаях, на турецком языке, то-есть: Темамен Русселерин Падышаг.

А р т и к у л ч е т в е р т ы й н а д е с я т ь.

Российскому высочайшему двору, по примеру других держав, позволяется, кроме домашней в доме министра церкви, воздвигнуть в части Галата в улице, Бей-оглу называемой, публичную грекороссийского испове-

дана церковь, которая всегда под протекциею оной империи министров остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет.

Артикул пятый на десять.

Таковым образом, как определяются границы двух контрактующих империй, хотя и есть причина полагать, что взаимные подданные не будут иметь более случая к важным между собою распрям и раздорам; со всем тем, на всякой нечаянной случай, для избежания всего того, что бы могло произвести некоторую остуду или причинить оскорбление, обе империи соглашаются в том, что всякие подобные случаи должны быть рассматриваемы пограничными губернаторами и комендантами, или посредством нарочно назначенных для сего комиссаров, которые по пристойном рассмотрении, кому надлежит имеют отдать настоящую справедливость без малейшей времени отсрочки, с точным договором, что подобные происшествия никогда не могут служить претекстом к самонадеянному раздражению дружбы и доброго согласия, настоящим трактатом восстановленных.

Артикул шестой на десять.

Российская империя возвращает Блистательной Порте всю Бессарабию с городами Аккерманом, Килиею, Измаилом и прочими, с слободами, деревнями и всем тем, что она провинция в себе содержит; равномерно возвращает ей и крепость Бендеры. Возвращает также Российская империя Блистательной Порте оба княжества, Волоское и Молдавское, со всеми крепостями, городами, слободами, деревнями и всем тем, что в оных находится; а Блистательная Порта примет оные на следующих кондициях, с торжественным обещанием свято наблюдать оные: 1. Наблюдать в рассуждении всех жителей сих княжеств, какого бы достоинства, степени, состояния, звания и рода они ни были, без малейшего исключения, полную амнистию и вечное забвение, постановленные в первом сего трактата артикуле, против всех тех, кои действительно преступили, или подозреваемы в намерении вредствовать интересам Блистательной Порты, восстанавливая оных в прежние их достоинства, чины и владения, и возвратя им имени, конми они прежде настоящей войны пользовались. 2. Не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию христианского закона, совершенно свободного, так, как созидаанию церквей новых и поправлению старых, как то прежде сего уже было. 3. Возвратить монастырям и прочим партикулярным людям земли и владения, прежде сего им принадлежавшие, и которые потом против всей справедливости были у них отняты около Браилова, Хотина, Бендер и прочих, и ныне раями называемые. 4. Признавать и почитать духовенство за должным оному чину отличием. 5. Фамилиям, пожелавшим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободной выезд со всем их именем; а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размены настоящего трактата. 6. Не требовать или не взыскивать никакой денежной или другой суммы за старые счета, какого бы существа они ни были. 7. Не требовать от них никакой контрибуции или платежа за все военное время, а за многие их страдания и разорения, в течении сей войны ими претерпенные, и еще впредь на два года, считая со дня размены сего трактата. 8. По истечении помянутого времени обещает наблюдать всякое человеколюбие и великодушие в положении на них подати, состоящей в деньгах, и получать оную посредством присылаемых депутатов всякие два года. При таковом их наложенной на них подати точном платеже никто из пашей, из губернаторов, или какая бы то

ни была особа, не имеют притеснять их или требовать от них какого либо платежа или других налогов под каким бы именованием, или претекстом то ни было, но дозволить им пользоваться теми же самыми выгодами, конми пользовались они во время царствования достойной памяти салтана Мегмета Четвертого, любезного родителя его салтанова величества. 9. Позволяет князьям сих двух княжеств каждому с своей стороны иметь при Блистательной Порте поверенного в делах из христиан греческого закона, которые будут бдеть о делах, до помянутых княжеств касающихся, и будут Блистательной Портою благосклонно трактованы и в малости их почитаемы одинаком людьми, народным правом пользующимися, то есть никакому насилу не подверженными. 10. Соглашается также, чтоб по обстоятельствам обоих сих княжеств министры Российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные с сродственным к дружеским и почтительным державам уважением.

Артикул седьмой на десять.

Российская империя возвращает Блистательной Порте все Архипелагские острова, под ее зависимою находящиеся; а Блистательная Порта с стороны своей обещает: 1. Наблюдать свято в рассуждении жителей оных островов кондиции, в первом артикуле постановленные, касательно общей амнистии и совершенного забвения всякого рода преступлений, учиненных или подозреваемых быть оными учиненные в предосуждение интересам Блистательной Порты. 2. Что христианской закон не будет подвержен ни малейшему притеснению, так, как и церкви оного, ниже будет препятствовано к перестроиванию или поправлению оных; люди же, в них служащие, равным образом не имеют быть оскорбляемы ниже притесняемы. 3. Что не будет от них требован платеж никакой подати, ежегодно ими платимой, со времени, как они находятся под зависимою Российской империи, по причине великого их претерпения в продолжении настоящей войны, впредь на два года, считая со времени возвращения оных островов ей Блистательной Порте. 4. Фамилиям, пожелавшим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их именем; а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел их, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размены настоящего трактата, и 5. В случае когда российской флот при самом его отъезде, что имеет учинено быть в три месяца, считая со дня размены настоящего трактата, будет иметь в чем нужду, Блистательная Порта обещает снабдить его всем тем, чем ей возможно будет.

Артикул восьмой на десять.

Замок Кинбурн, лежащий на устье реки Днепра, с довольным округом по левому берегу Днепра и с углом, который составляют степи, лежащие между рек Буга и Днепра, остается в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи.

Артикул девятый на десять.

Крепости: Еникале и Керчь, лежащие в полуострове Крымском, с их пристанями и со всем в них находящимся, тож и с уездами, начиная от Черного моря и следуя древней керченской границе до урочища Бугак и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря, остаются в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи.

Артикул двадцатый.

Город Азов с уездом его и с рубежами, показанными в инструментах, учиненных в 1700-м году, то есть: в 1113-м, между губернатором Толстым и ачугским губернатором Гассаном пашою, вечно Российской империи принадлежать имѣет.

Артикул двадцать первой.

Обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с татарами большую связь имеют с ханами крымскими, для чего принадлежность их императорскому Российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского с советом его и с старшинами татарскими.

Артикул двадцать второй.

Обе империи согласились вовсе уничтожить и предать вечному забвению все прежде бывшие между ими трактаты и конвенции, включительно Белградской с последующими за ним конвенциями, и никогда никакой претензии на оных не основывать, исключая только в 1700-м году между губернатором Толстым и ачугским губернатором Гассаном пашою касательно границ Азовского уезда и учреждения кубанской границы учиненную конвенцию, которая останется неременной, так, как она была и прежде.

Артикул двадцать третий.

В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости: Богдачик, Кутатис и Шегербан, российским оружием завоеванные, будут Россиею признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так что ежели подлинно оные города издревле, или с давнего времени, были под владением Блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими; а по размене настоящего трактата во условленное время российские войски выйдут из помянутых провинций Грузии и Мингрелии. Блистательная же Порта с своей стороны обязывается, в сходственность с содержанием первого артикула, дозволить совершенную амнистию всем тем, которые в том крае в течение настоящей войны каким ни есть образом ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами и всякого рода других податей; обязывается не почитать между ими никого за своих подданных кроме тех, которые издревле ей принадлежали. Все замки и укрепленные места, бывшие у грузинцов и мингрельцов во владении, оставить наки под собственную их стражею и правлением, так, как и не притеснять никоим образом веру, монастыри и церкви и не препятствовать поправлению старых, созиданию новых, и да не будут притесняемы какими либо требованиями от губернатора чильдирского и от прочих начальников и офицеров к лишению их имений. Но как помянутые народы находятся подданными Блистательной Порты, то Российская империя не имеет совсем впредь в оные вмешиваться, ниже притеснять их.

Артикул двадцать четвертый.

По подписании и утверждении сих артикулов тотчас все находящиеся войски российские на правой стороне Дуная в Болгарии в обратной путь выступят, и чрез месяц от подписания перейдут на левой берег Дуная; когда же все чрез Дунай переправятся, тогда отдадут турецким войскам замок Гирсов, выступя и из оного места по переходе всех российских войсок на левой берег Дуная. Потом испражняться станут в одно время Валахия и Бессарабия, на которое полагается два месяца времени; а по высту-

плении всех войсок из оных провинций, оставятся турецким войскам с одной стороны крепости Журжа и потом Браилов, а с другой город Измаил, крепости Килия, а потом Аккерман, выведя оттоль российские императорские войски вслед за прежними. Всего ж времени на испражнение вышепомянутых провинций полагается три месяца.

Наконец, из Молдавии российские императорские войски выступят потом чрез два месяца и перейдут на левую сторону Днестра; и тако испражнение всех вышепомянутых земель учинится чрез пять месяцев с вышеписанного подписания вечного примирения и покоя между двух контрактующих империй. А когда все войски российские перейдут на левую сторону Днестра, тогда оставятся войскам турецким крепости Хотин и Бендеры, с тою однакож кондициею, что естли тогда уже отданы будут Российской империи в полное, вечное и непрекословное владение замок Кинбурн с его положенным округом и с степью между Днепра и Буга, как гласит 18-й артикул пунктов вечного примирения и покоя между двумя империями. Что ж касается до Архипелагских островов, то оные российским императорским флотом и войсками оставлены будут по прежнему в неоспоримое владение Оттоманской Порте, как только скоро домашние распорядки и учреждении того российского императорского флота позволят, понеже здесь тому точного времени определить не можно. А Блистательная Порта Оттоманская, для скорейшего того флота оттоль отбытия, всем нужным для него, как уже дружественная держава, обязуется, чем ей возможно будет, снабдить оной.

Доколе российские императорские войски пребудут в отдаваемых Блистательной Порте провинциях, правление и порядок в оных имеют остаться так власно, как в настоящее время суть оные под обладанием их, и Порта на то время и до срока выхода всех войсок вступать в оные не имеет. Российские войски в сих землях, до последнего дня своего выступления, получать будут всякие потребные себе вещи и снабдения питательными и протчими припасами. Равным образом как и ныне то им доставляется.

Не прежде войскам Блистательной Порты вступить в отдаваемые крепости и не прежде оной власть свою вносить и коснуться отдаваемых земель, как об оставлении каждой из оных российскими войсками командир оных уже уведомит определенную к тому начальствующую особу со стороны Порты Оттоманской.

Магазины свои питательные и военные в крепостях, городах и где оные ни есть, российские войски испражнять могут как хотят, а оставят только в крепостях, отдаваемых Блистательной Порте, одну турецкую артиллерию, сколько ныне оной находится в них. Жители всякого рода и звания всех земель, возвращаемых Блистательной Порте, вступившие в службу императорскую российскую и кои токмо пожелают сверх данного им годового срока в артикулах мирных договоров 16 и 17, могут с своим семейством и с своим имением купно с российскими войсками отойти и переселяться, что им Блистательная Порта по силе установленных в вышеименованных артикулах и тогда и во весь годовой срок обязывается никоим образом не возбранять.

Артикул двадцать пятый.

Все военнопленные и невольники мужского или женского рода, какого бы достоинства или степени ни нашлись в обеих империях, исключая тех, кои из магометанян в империи Российской добровольно приняли закон христианской, а христиане, кои в Оттоманской империи добровольно ж закон магометанской, по размене ратификации сего трактата, непосредственно и без всякого претекста взаимно должны быть освобождены, возвращены и препоручены без всякого выкупу или платежа, так,

как и все прочие в неволю попавшиеся христиане, то есть: поляки, молдавцы, волохи, пелопонесцы, островские жители и грузинцы, все без малейшего изъятия, равномерно ж без выкупа или платежа должны быть освобождены. Равным же образом должны быть возвращены и препоручены все те российские подданные, которые по какому либо случаю, по заключении сего блаженного мира, попались бы в неволю и нашлись в Оттоманской империи; что самое чинить обещает взаимно и Российская империя против Оттоманской Порты и ее подданных.

Артикул двадцать шестой.

По получении отсель известия о подписании сих пунктов, командующему российской армиею в Крыму и губернатору очаковскому тотчас обслаться между собою и в два месяца от подписания сего выслать взаимных доверенных людей для отдачи и принятия замка Кинбурна с степью, как определено в предыдущем 18 артикуле, что и исполнить тем доверенным конечно в два месяца времени от своего съезда, дабы в четыре месяца от подписания сего трактата конечно то точно исполнено и кончено было, а если можно и скорее. О исполнении ж тот час дать знать их сиятельствам господам генерал-фельдмаршалу и верховному везиру.

Артикул двадцать седьмой.

Но дабы тем навяще между обеих империй настоящий мир и истинная дружба заключены и утверждены были, торжественно от обеих сторон будут отправлены чрезвычайные послы с подтверждающими заключенный мирный трактат императорскими ратификациями, в то время, которое с общего обеих дворов согласия назначено будет. Оба послы равным образом встретятся на границах и будут приняты и почтены теми же обрядами и тем же образом, каковые употребляются при взаимных посольствах между наиболее почтительными европейскими с Оттоманскою Портою державами. В знак же дружества взаимно и оными послами имеют быть посланы подарки, с достоинством их императорских величеств сходственные.

Артикул двадцать восьмой.

По подписании сих артикулов вечного мира вышеименованными генерал-порутчиком князем Репниным и Блистательной Порты нишанджи Ресми Ахмед эфендием и Ибраим Мюниб реис-эфендием, должны престать военные действия в главных армиях и во всех отделенных частях войск взаимных на сухом пути и на водах, с получения о сем от главнокомандующих взаимными армиями повелений. И для того, от упомянутых генерал-фельдмаршала и верховного везира имеют быть тотчас посланы курьеры: в Архипелаг, во флот, стоящий в Черном море против Крыма, и в другие места, где военные действия настоят, с той и другой стороны, чтобы по силе заключенного мира прекратились везде неприязнь и всякие действия оружия, а курьеров сих снабдить повелениями от генерала фельдмаршала и от верховного везира так, чтобы российской курьер, буде придет скорее к начальнику своей стороны, мог чрез него турецкому доставить повеление верховного везира; а когда курьер верховного везира прежде поспеет, то турецкой начальник доставил бы повеление фельдмаршалское начальнику российскому.

А как договоры и постановление сего заключенного мира от государей взаимных империй возложены на главных командиров их армий, то есть фельдмаршала графа Петра Румянцева и верховного Блистательной Порты везира Муссун-заде Мегмет-пашу; то им фельдмаршалу и верховному везиру все вышеписанные артикулы вечного мира, как они в сем акте изražены, так власно, как бы оные сделаны были в личном их обоих при-

сутствии, утвердить, в силу полномочия, каждому из них от своего государя данного, своими подписями и печатями, и все в оных поставленное, обещанное твердо и непоколебимо содержать и точно исполнять, и ничего в противность тому не чинить и не допускать, чтобы от кого-либо учинилось. И ими подписанные и печатями их утвержденные экземпляры, сему равногласные, верховного везира на турецком и италийском языках, а от генерала-фельдмаршала на российском и на италийском языках, равно и полномочия от государей им данные, чрез сих же вышеименованных особ, кои от стороны Блистательной Порты к генералу фельдмаршалу присланы, разменять взаимно, от подписания сего в пять дней непременно, а ежели можно и скорее, предопределяя им оные от генерала фельдмаршала графа Румянцева тогда принять, сколь скоро от верховного везира таковые ж предъявят полученными.

В лагере при деревне Кючук-Кайнардже июля 10 дня 1774 года.

Подлинной подписан тако: князь Николай Репнин.

Внизу под сими артикулами утверждение оных от генерала фельдмаршала написано следующим выражением:

Сии вечного мира вышеписанные пункты в двадцати осми артикулах между пресветлейшею империею Всероссийскою и Блистательною Портою Оттоманскою подписанные руками и укрепленные печатями полномочных обеих высоких сторон при деревне Кючук-Кайнардже, с российской генерал-порутчиком князем Репниным, а с оттоманской нишанджи Ресми Ахмед эфендием и Ибраим Мюниб реис-эфендием, я, данную мне полною мочию е. и. в. всепресветлейшей, державнейшей, великой и всемогущественнейшей моей государыни, принимаю, признаваю, и во верность своеручною подписью и приложением герба моею печати утверждаю. В лагере при деревне Кючук-Кайнардже июля пятого на десять числа тысяча семьсот семьдесят четвертого года.

Оригинал подписан тако: генерал-фельдмаршал граф Румянов.

(м. п.)

Сепаратной артикул.

Хотя в 17 артикуле в подписанном сего числа мирном трактате назначено, чтобы чрез три месяца времени флот императорской российской испражнил Архипелагские острова: но как в 24-м артикуле того же трактата изъяснено, что невозможно в таком отдалении точно назначить оного времени, согласились мы держаться того последнего артикула. Вследствие чего здесь и повторяем, чтобы тот российской императорской флот сколь возможно скорее Архипелагу испражнил, не определяя тому точного времени, а для скорейшего оному исполнению Блистательная Оттоманская Порта снабдит его всем нужным ему для пути, поколику ей то будет возможно. Сей же сепаратной артикул получит свою ратификацию вместе со всем трактатом, и даем мы ему ту же силу и твердость, как бы он слово от слова в ныне подписанной трактат внесен был. В верность чего мы его своеручно подписали и утвердили приложением наших печатей при деревне Кючук-Кайнардже июля 10 дня 1774 года.

Сей сепаратной артикул, постановленный при заключении вечного мира между пресветлейшею империею Всероссийскою и Блистательною Портою Оттоманскою, подписанный и т. д.¹

Сепаратной артикул.

Сим сепаратным артикулом постановляется и учреждается, чтобы Блистательная Порта Оттоманская Российской империи за убытки военные в три года времени и в три срока заплатила пятнадцать тысяч мешков,

¹ Повторяется ратификация Румянцева, дословно совпадающая с предыдущей.

которые учинят семь миллионов пятьсот тысяч пиастров, а на российскую монету сделают сумму четыре миллиона пятьсот тысяч рублей. Первый срок сему полагается первого января 1775 года, второй первого января 1776 года, а третьей первого января 1777 года. В каждый же сей срок по 5000 мешков плачено будет от Блистательной Порты Оттоманской российскому министру, аккредитованному при ней Блистательной Порте; естли бы Российская империя пожелала в сем еще каких других верностей, то Порты Оттоманская в том ее удовольствует, в чем свято обязуется. Сей же сепаратной артикул получит свою ратификацию вместе со всем сего числа подписанным трактатом, и даем мы ему ту ж силу и твердость, как бы он слово от слова внесен был в помянутой трактат. В верность чего мы оной своеручно подписали и утвердили приложением наших печатей. В лагере при деревне Кючук-Кайнардже июля 10-го дня 1774 года¹.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 133, лл. 8-33. Копия.

АЙНАЛЫ-КАВАКСКАЯ КОНВЕНЦИЯ
10(21) марта 1779 г.

Во имя господа всемогущего.

От заключения при урочище Кайнардже в 10 день июля месяца 1774, а эжиры 1188 года, вечного мира трактата между империей Всероссийской и Блистательной Портой Оттоманской произошли по некоторым статьям оного, а особливо по новости преобразования крымских и всех прочих татар в область вольную, независимую и никому, кроме единого бога, неподсудную, разные недоразумения и распри, кои доходили до края лишать взаимных подданных пользоваться плодами мира, то есть добрым согласием и безопасностью. Для пресечения и отвращения таких оскорбительных неудобств, от коих могла бы воспоследовать ссора и явные неприятельства между обеими империями, согласились оные взаимно и дружески способом уполномоченных министров начать в Константинополе новую негоциацию с чистосердечным намерением изъясниться между собою и истолковать все нарушения без повреждения, а тем менее нарушения, вышереченного Кайнарджийского трактата. К чему ее императорское величество, всепресветлейшая самодержица всероссийская, изволила с своей стороны избрать и уполномочить высоко и благоурожденного Александра Стахиева, своего статского советника, чрезвычайного Блистательной Порте резидующего и кавалера королевско-польского ордена святого Станислава; а Блистательная Порты своего бывшего реис-эфендия и дефтер-эминия, а нынешнего нишанджия, высокопочтенного Абдул-Резак-эфендия Багир, кои взаимные министры, по предъявлении друг другу своих в исправной форме найденных полных мочей и по размене их на обе стороны, согласились между собою, постановили, заключили, подписали и печатями утвердили новую изъяснительную конвенцию, следующего содержания:

Арт. I. Заключенный при Кайнардже вечного мира трактат подтверждается во всей его силе и во всех его артикулах без изъятия по словесному каждому разумению, подобно, как бы оный здесь от слова до слова полным содержанием внесен был, исключая только те части и артикулы его, кои в последующих сей конвенции артикулах именно и точно оговорены или объяснены; вследствие чего мир, дружба, согласие и доброе соседство между обеими империями имеют пребыть вечно без всякого прикосновения и повреждения, обязываясь свято и торжественно обе империи одна другой смотреть и блюсти того и за своими подданными, дабы от них чего предосудительного сему священному условию случиться не могло.

Арт. II. В объяснение и дополнение третьего артикула в Кайнарджийском вечного мира трактате Всероссийская империя по своей с Блистательной Портою дружбе и в угодность ей соглашается, чтоб ханы татарские, по избрании и возведении их на ханство, целым обществом народа своего как от себя, так и от подвластной им области присылали к ней

¹ За этим также следует особая ратификация Румянцева, дословно совпадающая с предыдущей.

депутатов с магзарами в приличных терминах, по установленной ныне единожды навсегда примерной форме, с торжественным признанием в особе султанской верховной калифейства магометанской веры, а потому и с прошением духовного его благословения как хану, так и всей нации татарской чрез присылку к ним таких благословительных грамот, каковые свойственны быть могут для области вольной и независимой, а притом единоверной с турками. Равным образом обещает Российский императорский двор из такого же побуждения дружбы и снисхождения к Блистательной Порте Оттоманской не прекословить и не противиться всему тому, что необходимо нужно или свойственно быть может их единоверно, а Блистательная Порта с своей стороны обязуется и обещает торжественно:

1. Отнюдь никак и ни в чем под предлогом духовной связи и инфлюенции не касаться гражданской и политической власти татарских ханов в принадлежащем им качестве светского никакой на свете державе не подсудного государя.

2. Давать с стороны султана, яко верховного калифа магометанской религии, на лицо всякого татарским обществом при случае законной вакансии добровольно избранного и возведенного хана, без малейшего затруднения и отговорок благословительную грамоту.

3. Не отменять в оных благословительных грамотах ни единого слова, которая ныне на образец последующих поставлена.

4. Блистательная Порта, отрекшись уже в Кайнарджийском мирном трактате от всех своих мирских прав на все орды, роды и племена татарские в сей конвенции вновь обязуется оных никогда и ни под каким предлогом не возобновлять, но признавать татар вольною и независимую нацию по третьему артикулу того трактата, который сверх новых сей новой статьи положений долженствует почитаться здесь от слова до слова повторенным; и наконец

5. Обе высокие империи взаимно обязуются не принимать никаких мер без предварительного и полюбовного между собою соглашения в случае какого незапного и в сей конвенции не предусмотренного приключения относительно татар.

Арт. III. Сколь скоро достигнет совершенства своего постановлением формального акта описанное в предыдущем втором артикуле соглашение между Блистательной Портой Оттоманской с одной стороны, а правительством татарским с другой, о форме известительных их магзаров к ней и благословительных им напротив того грамот от султана при всяком выборе нового хана; а притом еще о тех духовных обрядах, кои нация татарская впредь по закону магометанскому у себя хранить и наблюдать долженствует относительно духовной с Портою связи по калифству; то, по учинении татарам от обеих империй единогласных торжественных деклараций, кои нижеподписавшимися в настоящем инструменте полномочными обеих империй особо соглашены, подписаны и пачатыми их утверждены для точного на будущие времена самим татарам определения образа и существа вольности и независимости их, обещает Российский императорский двор вывести непосредственно все свои войска из Крыма и Тамана в три месяца, а из Кубани, по причине отдаленности, в три месяца и 25 дней, не позже, и скорее, ежели возможно, от дня подписания сей конвенции, и не вводить их туда вновь ни под каким видом; равно как и Блистательная Порта ей то же самое с своей стороны не меньше обязательным образом обещает.

Арт. IV. Сколь скоро получит Блистательная Порта от крымского правительства подлинное известие о действительном переходе российских войск за Орскую линию¹, и сколь скоро опять представятся ей с стороны Шагин-Гирей-хана и подвластной ему области новые депутаты и новые

магзары по условленной форме, тогда его величество султан, вследствие предварительного своего на письме Российскому императорскому двору данного обещания, изволит признать ханом Шагин-Гирейя и снабдить его по условленной же форме благословительными грамотами, чем все татарское толь заботливое дело к удовольствию обеих империй счастливо кончено будет.

1) Арт. V. В доказательство того, что Всероссийский императорский двор не хочет отягощать Блистательную Порта заботливыми обстоятельствами, соглашается оный с своей стороны отречься от учиненной татарам уступки на земли между Днестром, Бугом, польскою границею и Черным морем лежащие, кои она Очаковскою областью называет, однако же на следующих условиях:

1. Что Блистательная Порта с своей стороны с ханом и правительством крымским согласится и условится об уступке ей оных земель, присвоенных им третьим артикулом мирного трактата, а Российский императорский двор обещает употребить с доброю верою и рачением все свои пособия к приведению хана и правительства на такую добровольную уступку, ласкаясь надеждою в том успеха, только бы Порта учинила им с своей стороны первое предложение, дабы инако татарская независимость не получила вида нарушения при самом своем установлении.

2. Блистательная Порта для покоя трех тем землям пограничных держав обязуется и обещает, отделя из оных земель достаточную часть для составления Очаковского уезда, в прямой линии к ближним турецким областям, оставить остальную часть оных под своим владением впусте без всяких населений и заведений, какого бы существа оные ни были, выключая деревни и селения, кои ныне там находятся и которых именую роспись, с означением числа и рода их жителей, Блистательная Порта выдаст Российскому императорскому двору, с обещанием не дозволять никаких новых там заведений, ниже допускать безместных бродяг там иметь свое прибежище; на соблюдение оных деревень и селений в нынешнем их состоянии российский посланник соглашается только в уповании апробации своего всевысочайшего двора; и наконец

3. Для избежания всяких новых замешательств между обими империями Блистательная Порта обещает в удовлетворение второго артикула мирного трактата выдать Российскому императорскому двору перебежавших в ее области запорожских казаков, ежели они похотят воспользоваться амнистиею, жалуюемою им из единого беспримерного великодушия и человеколюбия ее императорского величества, всепресветлейшей и всемилосерднейшей самодержицы всероссийской; а в противном случае Оттоманское правительство обязуется оных запорожских казаков по сю сторону¹ Дуная перевести и поселить внутри турецких областей столь далеко, сколь возможно будет от Черного моря.

Арт. VI. Для отвращения на будущее время всяких недоразумений и распрей по пункту кораблеплавания сим изъясняется, что Блистательная Порта Оттоманская позволяет свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, таким точно торговым российским судам, каковой меры, формы и величины употребляют в Константинополе и в других оттоманских гаванях и пристанях другие народы, а особливо французы и англичане, как нации вяще ею фаворизуемые и самым мирным трактатом в пользу российской торговли и навигации в пример поставленные. По верному осведомлению французские и английские купеческие корабли и суда, по Белому морю до Константинополя плавающие, носят груза до 16 000 киллов, или до 8000 кантарей, что на российский вес делает 26 400 пудов, и так для установления единожды навсегда известной формы и величины российских кораблям, определяется правилом вышеозна-

¹ Ор., или Орская крепость — Перекоп.

¹ т. е. на правую сторону Дуная.

ченный пример от меньшей до самой большой пропорции, а именно: от 1000 до реченных 16 000 киллов, или 8000 кантарей, которую меру и величину Всероссийский императорский двор, из доброй воли, и в доказательство прямого своего дружелюбия к Порте принимает и обещает именно указать своим подданным купцам за оную впредь не переходить на своих в турецкие порты посылаемых судах, на кои число пушек и корабельных служителей имеет быть такое, какое вышереченные две нации, французская и аглинская, употребляют. А употребление корабельных служителей из турецких подданных на оных судах не иначе, как в случае нужды и с ведома Блистательной Порты дозволяется, что все и она с своей стороны пред Всероссийским императорским двором взаимно наблюдать обещает, так, как и исполнять свято и ненарушимо все другие свои обязательства, описанные в первом на десять артикуле Кайнарджийского трактата, а особливо не взыскивать с российских подданных никакой излишней пошлины, пред двумя, поминаемыми французскою и аглинскою нациями. Для отвращения же всякого недоразумения по торговым обращениям между обеими империями согласенность с обеих сторон далее, изъясняясь, постановить особенную конвенцию на основании и сходственно с существительным содержанием французских и аглинских капитуляций свойственно существу российской торговли.

Арт. VII. Как 16 артикул мирного трактата о княжествах Молдавском и Волошском относится на прошедшее время, то и востребовало настоящее некоторых в оном отмен; почему и согласенность ныне вновь с стороны Блистательной Порты: 1. Не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию христианского закона совершенно свободно, так, как созданию церкви новых и поправлению старых, по точному разумению вышереченного 16 артикула. 2. Возвратить монастырям и частным людям земли и владения, прежде сего им принадлежавшие, около Браилова, Хотина, Бендер и прочих мест, а ныне раями называемые, полагая такому возвращению срок с постановления Белградского трактата, от рождества Христова в 1739, а эжиры в 1152 году, снисходя между тем, по ходатайству Российского императорского двора, на оставление в неприкосновенном владении в обеих княжествах лежащими именами предков своих тех жителей, кои по доказательствам, во время его правления испытанным, восстановлены были в оное. 3. Признавать и почитать духовенство с должным оному чину отличием. 4. Наблюдать всякое человеколюбие и великодушие в положении на них подати, состоящей в деньгах, и получать оную посредством присылаемых всякие два года природных тамошних депутатов. При таком их наложенной подати точном платеже никто из пашей, из губернаторов, или какая бы то ни была особа, не имеет притеснять их, или требовать от них какого-либо платежа или других налогов, под каким именованьем или претекстом то ни было; и притом возобновить и хранить свято силу данных сим обеим княжествам для народного успокоения и безопасности от ныне царствующего султана первых хатти-шерифов, по возвращении их в подданство его величества. 5. Иметь каждому княжеству в Константинополе своего поверенного в делах из христиан греческого закона, которые будут Блистательной Портой благосклонно принимаемы и почитаемы народным правом пользующимися, то есть: никакому насилью и поруганию не подверженными; а с стороны империи Всероссийской. 6. Выговоренное трактатом заступление при Блистательной Порте чрез министра ее употреблять единственно относительно сохранения святости выше описанных в сем самом артикуле кондиций.

Арт. VIII. Вместо возвращения морейским жителям по мирному трактату прежних их имен и земель, кои после конфискации причислены были к мечетям, вакуфам и другим духовным фундациям, обещает Блистательная Порта учинить им справедливое удовлетворение другими землями или теми выгодами, их потере соразмерными. Российский импера-

торский двор, полагаясь на слово и обет ее, охотно на то с своей стороны соглашается.

Арт. IX. Сия конвенция, служа к дополнению и изъяснению мирного при Кайнардже заключенного трактата, имеет почитаема быть частью оного и сохранять вечно силу и обязательство свое для обеих империй; для чего взаимные полномочные условились еще о утверждении ее торжественными ратификациями за собственноручным подписанием, как ее императорского величества, всепресветлейшей и державнейшей самодержицы всероссийской, так и его величества султана турецкого, которые ратификации, состоящие в подобных таковым же прежним инструментам, имеют здесь в Константинополе разменены быть как можно скорее, а по крайней мере в четыре месяца от дня заключения сей конвенции, которую изготова на обе стороны в двух равногласных экземплярах вышеименованные полномочные министры, для надлежащей достоверности, собственноручно подписали и обыкновенными их печатями укрепили в Константинополе.

Полное собрание законов Российской империи, том XX, № 14851.

СПИСОК КАРТ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Русско-турецкая граница по рекам Берде и Конским Водам с укреплениями 1770-х годов. Чертеж, выполненный по рукописной карте XVIII в. (Центральный Государственный военно-исторический архив)	34
Запорожский казак. Из рукописной книги А. И. Ригельмана «История Малороссии» 1778 г., Литография (Государственный Исторический музей)	37
Донской казак. Из рукописной книги А. И. Ригельмана «История или повествование о донских казаках» 1778 г., Литография (Государственный Исторический музей)	39
Ногаи. Гравюра XVIII в. (Государственный Исторический музей)	43
Н. И. Панин. Гравюра с портрета работы художника Д. Г. Левицкого (Государственный Исторический музей)	85
П. А. Румянцев. Портрет работы художника С. Тончи. Масло на дереве (Государственный Исторический музей)	104
Бухарест — место русско-турецких переговоров 1772 — 1773 гг. Гравюра на стали 40-х годов XVIII в. (Государственный Исторический музей)	191
Территория, отошедшая к России по договору с Крымским ханством от 1772 г. и закрепленная за нею Кючук-Кайнарджийским договором. Чертеж, выполненный на основании рукописной карты 1772 г. (Центральный Государственный архив древних актов)	207
А. М. Обресков. Портрет работы художника Ф. С. Рокотова. Масло. 1777 г. (Государственная Третьяковская галерея)	224
Керченский пролив с крепостями Керчью, Еникале и Таманью. Рукописная карта 1778 г. (Государственный Исторический музей)	241
Ставка П. А. Румянцева при деревне Кючук-Кайнарджа, где был подписан мирный договор между Россией и Турцией. Рисунок XVIII в. (Центральный Государственный военно-исторический архив)	268
Кючук-Кайнарджийский мирный договор 10 июля 1774 года. Первый лист. Подлинник. (Архив внешней политики России)	274
Кючук-Кайнарджийский мирный договор 10 июля 1774 года. Последний лист с сургучной печатью. Подлинник (Архив внешней политики России)	275

Крепость Еникале. Рукописный план 90-х годов XVIII в. (Центральный Государственный военно-исторический архив) 281	
Кинбурнская коса и берег Днепровско-Бугского лимана с границей округа, отошедшего к России в силу статьи 18 Кючук-Кайнарджийского договора. Рукописная карта XVIII в. (Государственный Исторический музей)	285
Крепость Керчь. Рукописный план 90-х годов XVIII века. (Центральный Государственный военно-исторический архив) 294	
Крепость Кинбурн. Чертеж, выполненный на основании рукописного плана 1775 г. (Центральный Государственный архив древних актов)	312
Фейерверк в Москве на Ходынском поле в июле 1775 г. в честь Кючук-Кайнарджийского мира. Гравюра по рисунку автора проекта — архитектора М. Ф. Казакова (Государственный Исторический музей)	317
Прием чрезвычайного и полномочного посла России Н. В. Репнина великим визирем 28 ноября 1775 г. Гравюра XVIII в. (Государственный Исторический музей)	321
Карта территориальных изменений по Кючук-Кайнарджийскому миру	в конце книги

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР—Архив внешней политики России
АГС—Архив Государственного Совета, т. I, СПб., 1869
ПСЗ—Полное собрание законов Российской империи (первое)
Сб. РИО—Сборник Русского исторического общества
Труды ВЭО—Труды Вольного экономического общества
ЦГАДА—Центральный Государственный архив древних актов
ЦГВИА—Центральный Государственный военно-исторический архив
ЦГИАЛ—Центральный Государственный исторический архив г. Ленинграда
Чтения ОИДР—Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Черноморская проблема в 60-е годы XVIII века	29
Глава II. Международное положение России накануне русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг.	69
Глава III. Начало войны и первый русский проект мирного договора	90
Глава IV. Военные кампании 1770 — 1771 гг. и дальнейшая разработка мирных предложений	115
Глава V. Мирные переговоры в Фокшанах	149
Глава VI. Мирные переговоры в Бухаресте. Первый этап	183
Глава VII. Мирные переговоры в Бухаресте. Второй этап	217
Глава VIII. Заключение мира в Кючук-Кайнардже	248
Глава IX. Содержание договора и его значение	278
Глава X. Ратификация договора и конвенция 1779 г.	308
Заключение	334
Приложения:	
№ 1. Проект мирного договора, предложенный русским правительством во время Бухарестского конгресса	338
№ 2. Отрывок из реляции А. М. Обрескова от 15 декабря 1772 г. о внесении им в проект мирного договора новых пунктов	348
№ 3. Кючук-Кайнарджийский договор 10(21) июля 1774 г.	349
№ 4. Айналы-Кавакская конвенция 10(21) марта 1779 г.	361
Список карт и иллюстраций	366
Список сокращений	367

Утверждено к печати Институтом истории Академии Наук СССР

Редактор издательства *Г. А. Нерсесов*. Технический редактор *Н. П. Аузан*
Переплет художника *Л. С. Эрмана*

РИСО АН СССР № 21—45Р. Т-01436. Издат. № 270. Тип. зак. № 1075.
Подп. к печ. 17/II 1955 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 11,5.
Печ. л. 23+6 вклеек. Уч.-издат. 25,3.+6 вкл. (0,8 уч.-издат. л.) Тираж 7000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 17 руб. 60 коп.

Набрано в 1-й типографии Трансжелдориздата МПС, Москва, Б. Переяславская, 46.
Отпечатано во 2-й типографии Изд. АН СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10.

Карта территориальных изменений по Кючук-Кайнарджийскому миру.

Условные обозначения: 1 — Государственная граница России, 2 — Крепости, уступленные России, 3 — Территории Причерноморья, закрепленные за Россией: а) область между Ю. Бугом и Днепром с Кинбурским округом; б) округ Керчи и Еникале. 4 — „Барьерные земли“ Приазовья и Северного Кавказа, признанные суверенной собственностью России: а) территория между реками Бердой и Миусом и Таганрог; б) Азов с прилегающей к нему территорией; в) Кабарда, принадлежавшая России до Белградского договора 1739 г. 5 — Осетинские земли, зависевшие от кабардинских феодалов и в силу этого признанные владением России. 6 — Крымское ханство, объявленное независимым. 7 — Места мирных переговоров 1772 — 1774 гг. 8 — Укрепленные пункты.